
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2013

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владислав ЖУКОВСКИЙ. У неэффективного правительства неэффективное государство	3
Артём ЛЕОНОВ. Не пора ли предъявить счета?	13
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	84
Владимир СМЫК. Сколько университетов оставит России Всемирный банк?	164
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	169

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Чёрное перо серой вороны. Роман. Продолжение	21
Игорь БОЙКОВ. От Ленинабада до Ленинграда. Рассказ	126

ПОЭЗИЯ

Константин РАССАДИН. Не в пустыне живу... Стихи	75
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. В объятьях с рекой. Стихи	81

Александр СОРОКИН. Привкус детства. Стихи	193
Татьяна ГРИБАНОВА. Над голубыми тополями. Стихи	199

РУССКИЙ ВОПРОС

Елена РОДЧЕНКОВА. Права на смерть не имеет	203
Сергей КАРАМЫШЕВ. Либералам снятся тоталитарные сны	208
Евгений ЧЕРНЫШЁВ. Что такое Европа и почему она чужда нам	212

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Надежда ВАСИЛЬЕВА. Плач Синайских гор. Рассказ ...	216
Евгений ЗУБОВ. Новые сны. Стихи	245
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Во славу Божию. Рассказ	246

ДОСЬЕ «МГ»

Николай МАЛИШЕВСКИЙ. Тайна 11 сентября	251
Михаил ФАЛЬКОВ. Взаимовыгодное сотрудничество	258

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Нина БОЙКО. Обделённые и обиженные	265
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Раздвоение	281
---	-----

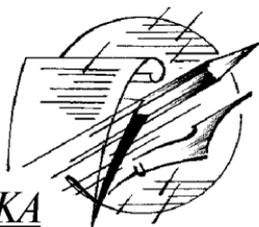
КРУГ ЧТЕНИЯ

Поднявшийся над сумраком	286
---------------------------------------	-----

У НЕЭФФЕКТИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

В конце прошлого года председатель правительства России Дмитрий Медведев сделал очередное знаковое заявление, в котором, по сути дела, открыто признался в приверженности властей курсу на дальнейшую распродажу отечественной экономики и наиболее лакомых активов государственности. «Крайне важно для нашей страны продолжать курс на приватизацию», — сказал он, добавив, что продавать государственность власти будут вовсе не для поступлений средств в федеральный бюджет. По словам Д.Медведева, «приватизация — это некий индикатор», и России крайне важно послать международному сообществу **правильный сигнал**. «Мы не хотим видеть экономику под контролем государства», — пояснил Д.Медведев вектор дальнейшего развития страны.

Насколько можно судить, глава правительства озвучил вслух мысли и планы именно той части российской властной вертикали, которая по-прежнему искренне верит в то, что государство призвано служить интересам глобального бизнеса, а не своему собственному населению. А любая

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

попытка созидательного государственного вмешательства в экономику и, шире, в общественную жизнь в целом с целью исправления рыночных дисбалансов и создания стимулов для повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей и наукоёмкой промышленности, определяющей место страны в системе международного разделения труда, рассматривается «либеральными сектантами» как проявление «экономического сатанизма».

Судя по всему, российские либералы, готовы запустить проект «Приватизация 3.0». Напомним, что первые два проекта (ваучерная приватизация и кредитно-залоговые аукционы) носили откровенно криминальный и незаконный характер, реализовывались с масштабным нарушением действующего законодательства, а также вопреки интересам самого государства и 85—90% населения страны.

В этом плане крайне знаковым и важным для обсуждения стало заявление Дмитрия Медведева, сделанное им 16 октября 2012 года на заседании Консультативного совета по иностранным инвестициям (КСИИ). Прежде всего, нужно отметить, что КСИИ является рупором идей и весьма действенным инструментом продвижения интересов глобального управляющего класса, представленного крупнейшими транснациональными корпорациями, информационно-технологическими монополиями, международными банками и политическим истеблишментом экономически развитых стран. Любое заявление в рамках КСИИ следует рассматривать как своеобразный сигнал или обещание правящих властей в адрес глобального бизнеса.

При этом отличие между раздачей предвыборных обещаний рядовым гражданам России и обещаниями в адрес руководства крупнейших транснациональных корпораций и международных банков носит качественный характер. Если созидательные предвыборные обещания и благие намерения правящих властей (начиная от «модернизации» и «инноваций» и заканчивая «реиндустриализацией») в адрес населения страны можно смело воспринимать в качестве ничего не стоящих эвфемизмов, то обещания в адрес транснационального капитала придётся выполнять.

Возврат к риторике Чубайса и Гайдара

По сути дела, глава правительства в лучших традициях перестрочено-приватизационного угара первой половины 1990-х годов открыто признал, что никакого экономического смысла продвигаемая либеральным кланом правитель-

ства приватизация стратегически значимых предприятий в себе не несёт. Она в принципе не нацелена на увеличение бюджетных доходов государства и не связана с решением задачи повышения стабильности системы государственных финансов.

Премьер-министр настолько ясно и недвусмысленно об этом сказал, что имеет смысл привести его высказывание целиком: «В наших планах продажа акций ряда предприятий — крупных, значимых; часть из них уже за последние несколько месяцев была продана. Приватизация должна работать на повышение эффективности соответствующих компаний. Вчера на встрече с форумом «Давос—Россия» (часть присутствующих на нём были) я говорил о значении приватизации. Ещё раз хотел бы это акцентировать: смысл приватизации не в пополнении бюджета, или, во всяком случае, не самая главная задача — пополнение бюджета. Смысл в ценностях и векторе развития российской экономики».

Аналогичные по сути заявления себе позволяли инициаторы первых двух волн антинародной приватизации. Спустя несколько лет после реализации программы по беспрецедентной незаконной передаче государственного имущества в руки олигархов Чубайс, Гайдар, Ясин и прочие либералы открыто заявляли, что приватизация носила идеологический характер. И была нацелена на создание крупного частно-олигархического капитала, способного поддержать режим Ельцина в его борьбе с коммунистами и патриотическими силами.

Если в первой половине 1990-х годов в самый разгар масштабной и незаконной передачи стратегически значимых предприятий в руки приближенной к компрадорской власти узкой группы лиц раздавались голоса про необходимость пополнения бюджета, то уже в конце 1997 года «прорабы перестройки» и «либеральные фундаменталисты» открыто заявляли, что приватизация носила неэкономический характер.

Открыто это признал в самом начале 2000-х годов главный идеолог грабительской «приватизации» Анатолий Чубайс, который после прихода к власти Путина в интервью под камеру заявил, что незаконная приватизация крупнейших промышленных и инфраструктурных предприятий, большая часть которых являлась монополистом на мировом или российской рынке товаров (чаще всего сырья: нефти, чёрных и цветных металлов, драгоценных металлов и камней, леса и т.д.), не имела под собой экономического основания. Он был вынужден признать, что передача наиболее высоко rentабельных и лакомых кусков государственной соб-

ственности в руки узкой группы приближенных к власти олигархов не была нацелена на пополнение бюджета. Её цель была в спешном создании класса крупных олигархических собственников, которые бы поддержали президента Ельцина в его борьбе с коммунистами и прочими народно-патриотическими силами, а также профинансировали предвыборную кампанию компрадорских властей. Неудивительно, что Ельцин одержал беспрецедентно грязную «победу», хотя ещё за полгода до выборов в январе-феврале 1996 года рейтинг его поддержки не превышал 4—5%.

При этом стоит напомнить, к каким последствиям привела первая волна приватизации. За период 1990—1996 годов объём ВВП России сократился более чем на 45%, промышленное производство сжалось на 60%, обрабатывающие производства сократили выпуск в пять раз, а производство наукоёмкой продукции с высокой долей добавленной стоимости (станкостроение, приборостроение, инвестиционное машиностроение, ракетно-космическая и авиационная промышленность и т.д.) обвалилось в 10—20 раз. Капитальные вложения в основные фонды в экономике в целом сжались в пять раз, а накопление основного капитала в высокотехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности, обеспечивавших лидирующие позиции России на мировом рынке наукоёмкой продукции, сократилось более чем в 10 раз. Закономерным итогом стало беспрецедентное со времён Гражданской войны падение нормы обновления основных фондов с 7—8% в конце 1980-х годов до менее чем 1,5—1,8% в середине 1990-х годов на фоне аналогичного по масштабам скачка выбытия мощностей.

Неудивительно, что степень износа основных фондов в экономике подскочила с 31—32% в середине 1980-х годов до 39,3% в 2000 году и 47,1% по итогам 2010 года. По экспертным оценкам (в том числе экс-главы НИИ Статистики Росстата Василия Симчеры) степень износа производственно-сбытовых мощностей в наукоёмкой обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе достигает 75—80%, а львиная доля энергетической, жилищно-коммунальной, транспортной и прочей базовой инфраструктуры находится в аварийном состоянии (износ свыше 80%).

Другими словами, эти самые «эффективные менеджеры», появившиеся благодаря сговору с коррумпированной властной элитой, под шумок и красивые разговоры чиновников о преимуществах приватизации просто-напросто занимались разграблением государственного имущества, проедали обо-

ротный капитал и основные фонды крупнейших производственных предприятий, массово вывозили активы за рубеж, сокращали рабочие места, урезали заработную плату и паразитировали на распродаже невосполнимого минерального сырья.

Распродажа страны оптом и в розницу — утрата суверенитета

И даже риторика нынешних рыночных фундаменталистов остается той же самой — государство объявляется неэффективным собственником и коррумпированным управлением, априори не способным обеспечить эффективное управление государственным имуществом. А частный собственник, который в 1990-е годы обеспечил невиданный по масштабам упадок обрабатывающих производств, социальной сферы и деградацию экономики, по неведомой причине объявляется эффективным и ответственным.

И действительно, совершенно непонятно, о каком пополнении бюджета за счёт приватизации крупнейших государственных предприятий и банков может идти речь в условиях, когда правительство захлёбывается от притока нефтедолларов, а на счетах Минфина в Банке России и коммерческих банках без дела лежит свыше 6,7 трлн. рублей. Только за период с января по сентябрь 2012 года остаток средств Резервного фонда подскочил с 811 до 1902 млрд. рублей, тогда как размер Фонда национального благосостояния превышает 2,7 трлн. рублей.

Этих средств вполне достаточно, чтобы в течение полугода вообще не собирать налоги и прочие платежи в бюджет и в полном объёме финансировать все взятые правительством бюджетные обязательства. При наличии желания, на эти средства можно было бы провести комплексную модернизацию отечественной деиндустриализированной «экономики трубы», в которой свыше 92% экспортной валютной выручки обеспечивается за счёт распродажи невосполнимого минерального сырья и продукции низких переделов, а свыше 65% ВВП, 73% капитальных вложений и 85% совокупных прибылей оседает в карманах сырьевых олигархов, оптово-розничной торговли, перекупщиков, естественных монополий и финансовых спекулянтов.

Более того, совершенно неменяемой и неадекватной выглядит приватизация крупнейших российских предприятий и банков с точки зрения их вклада в бюджет. Совершенно очевидно, что прибыль, приносимая государству естествен-

ными монополиями, сырьевыми гигантами, госбанками и прочими стратегически значимыми для обеспечения финансово-экономического суверенитета страны предприятиями в краткосрочном плане существенно превышает объём собираемых налогов и платежей в бюджет. По той простой причине, что размер налогооблагаемой базы в нормальной ситуации в разы превышает размер осуществляемых с неё налоговых платежей и выплат. А в среднесрочном плане поток чистой прибыли, поступающий в бюджет от владения государством компаниями, существенно превышает полученные в ходе приватизации средства.

Так, чистая прибыль Сбербанка в одном только 2011 году составила более 321,9 млрд. рублей. ВТБ в том же году заработал свыше 90,6 млрд. рублей, Роснефть — 316 млрд. рублей, Сургутнефтегаз — 233,1 млрд. рублей, Транснефть — 191 млрд. рублей, РЖД — 183 млрд. рублей, Русгидро — 43,4 млрд. рублей, ФСК — 49 млрд. рублей, Холдинг МРСК — 38,9 млрд. рублей. А Газпром и вовсе отчитался о рекордной прибыли в 1,3 трлн. рублей или 44 млрд. долл. За счёт безудержного повышения цен на газ для населения и промышленных предприятий на 15—23% в год и хронической недоплаты НДС и экспортных пошлин в бюджет это позволило газовой монополии возглавить список всех компаний в мире по размеру чистой прибыли.

Также свыше 17 млрд. рублей чистой прибыли заработала Зарубежнефть, Совкомфлот получил свыше 1,3 млрд. рублей, Роснано принесла государству не менее 3,6 млрд. рублей. Государство (через Банк России) владеет 50% плюс одна акция Сбербанка, 95% акционерного капитала Роснефти, 78,1% Транснефти, 75,5% ВТБ, 100% Россельхозбанка, 100% РЖД, 79,4% ФСК ЕЭС, 54,5% Холдинга МРСК и т.д. С учётом удельного веса государства в капитале обозначенных выше компаний (от 50% и выше) и нормы дивидендных выплат, получается, что за счёт владения крупнейшими российскими компаниями и банками государство заработало в одном только 2011 году свыше 750 млрд. рублей.

Это в три раза превышает совокупный объём средств, которые получит Минфин от приватизации государственного имущества в 2012 году (200 млрд. рублей). В 2013 году продажа государственного имущества должна принести порядка 427,7 млрд. рублей, в 2014 году — 330,8, а в 2015 году — 585,1 млрд. рублей. Другими словами, в течение ближайших трех лет правительство планирует получить порядка 1,34 трлн. рублей от приватизации государственного имущества, что эквивалентно 11% доходной части федераль-

ного бюджета в 2011 году. Ради извлечения этой откровенно незначительной суммы, которой не хватит даже на покрытие разрастающегося дефицита Пенсионного фонда России (свыше 1,3 трлн. рублей в 2012 году), власти готовы избавиться от контроля за стратегически значимыми предприятиями и госбанками России.

Государство эффективный собственник в суверенных странах

Медведев публично расписался в недееспособности нынешнего правительства и всей вертикали власти, которые не в силах обеспечить более или менее эффективное управление государственной собственностью в интересах населения России:

«Мы должны давать чёткие сигналы, куда мы идём, чего мы хотим. Мы хотим эффективной, основанной на частной собственности экономики или экономики бюрократической, с доминированием государственного присутствия и управления и, соответственно, коррупции? Я думаю, ответ очевиден, но декларации недостаточно, нужны реализованные намерения, а реализованные намерения — это и есть приватизация, это курс. Конечно, всё это должно подчиняться требованиям разумной экономической логики, но, я думаю, в этом кругу об этом говорить не приходится».

Возникает закономерный и логичный вопрос — это только в России государство является неэффективным собственником, априори неспособным обеспечить эффективное управление государственным имуществом и подавить коррупцию? Или аналогичная ситуация складывается в крупных экономических развитых и динамично развивающихся индустриальных странах?

В принципе непонятна логика размышления российского премьера, тезисы которого больше похожи на сеанс нейролингвистического программирования и манипуляции общественным сознанием. Для справки нужно отметить, что в динамично развивающемся Китае, который на протяжении последних 35 лет демонстрирует средние темпы роста экономики в 10—11%, а обрабатывающие производства и наукоемкие отрасли наращивают выпуск продукции на 13—15% и 17—20% соответственно ежегодно, государство играет ключевую роль в развитии экономики. Именно государство самым активным образом формирует приоритеты денежно-кредитной, научно-технической, промышленной и инновационной политики, а также контролирует стратегически значимые секторы экономики: финансы, банковский сектор, до-

бывающие отрасли, приборостроение, ВПК, ракетно-космическую и авиационную промышленность и т.д.

Более того, опыт послевоенного восстановления экономик европейских стран, а также японское, корейское, китайское и индийское экономическое чудо наглядно продемонстрировали несостоятельность антинаучного и пропагандистского тезиса либералов относительного неэффективности и коррумпированности государства как собственника. До сих пор в США, Германии, Франции, Японии, Канаде, Израиле и других индустриально развитых странах с высоким уровнем жизни населения и развитым научно-техническим потенциалом государство сохраняет прямой или косвенный контроль за стратегически значимыми секторами экономики и оказывает колоссальную поддержку отечественным товаропроизводителям.

В тех же самых США, навязывающих слаборазвитым странам и государствам с компрадорской властной элитой идеи дерегулирования экономики, приватизации и либерализации внешнеэкономической деятельности, создан совет по иностранным инвестициям при президенте США, в состав которого входят главы ключевых силовых ведомств: ЦРУ, ФБР, АНБ, Госдеп и т.д. Другими словами, налицо реализация принципа «двойных стандартов»: экономически развитые страны не только не придерживаются антинаучных и разрушительных принципов «Вашингтонского консенсуса», но активно защищают внутренний рынок и оказывают масштабную открытую и скрытую поддержку отечественным товаропроизводителям. Тогда как для внешнего потребления продвигаются лозунги о либерализации и уходе государства из экономики как неэффективного собственника, что упрощает задачу втягивания страны в систему неэквивалентного внешнеэкономического обмена, уничтожения конкурентоспособных производств и дальнейшей финансово-экономической колонизации со стороны транснационального капитала.

«Неэффективность государства» как инструмент финансово-экономической колонизации России

Если Медведев открыто признает факт неэффективности государственного управления имуществом и априорно коррумпциогенный характер государства как собственника, то возникает закономерный вопрос: а чем на протяжении всех последних 12 лет построения «суверенной демократии» и «вставания с колен» занималось нынешнее руководство страны?

С другой стороны, если глава правительства России открыто признаёт неспособность государства (т.е. подчинённых ему и президенту Путину чиновников) эффективно управлять государственным имуществом, ограничить коррупционные поборы и обеспечить строгий контроль, то становится в принципе непонятно, как можно такому государству и составляющим его каркас чиновникам доверять управление гораздо более сложными и важными сферами общественной жизни.

Если государство не в силах обеспечить более или менее эффективное управление крупнейшими государственными предприятиями, существенная часть которых является монополистом в той или иной сфере экономической деятельности, то как ему можно поручить управление золотовалютными резервами страны? Или государственным долгом? Как ему можно доверить разработку и реализацию политики в области здравоохранения и образования, которая непосредственно влияет на всех граждан страны? Как можно поручить такому, по мнению премьер-министра Медведева, изначально неэффективному и недееспособному собственнику и управленцу, как сегодняшнее российское государство, право распоряжаться природными недрами, военно-промышленным комплексом и поддерживать обороноспособность страны?

Управление государственным имуществом не требует особых талантов и навыков. Особенно в области добывающих секторов экономики и естественных монополий, которые в силу специфики своей деятельности и положения на рынке имеют возможность извлекать природно-сырьевую, монополистическую и административную ренту. Всё, что требуется сделать — обеспечить финансовую прозрачность деятельности госкомпании, ввести систему электронного документооборота, ввести жёсткий контроль за доходами и расходами среднего и высшего управляющего звена и проводить независимый аудит финансово-экономической деятельности организации.

Для этих целей вполне можно привлечь Счётную палату (так как речь идёт о федеральной собственности), МВД, Банк России, ГКУ, Росфинмониторинг. Если бы у властей было искреннее желание не покрывать круговую поруку в высших эшелонах власти и воровство в госкомпаниях, а навести порядок в принадлежащих им крупнейших госбанках, сырьевых гигантах и естественных монополиях, то Россия уже давно входила бы в тройку крупнейших экономик мира с динамично развивающимися наукоемкими производствами.

Складывается устойчивое впечатление, что правящие власти пытаются компенсировать свою собственную неэффективность и некомпетентность, а также хроническое нежелание бороться с коррупцией и ограничивать аппетиты компрадорской элиты за счёт распродажи государственного имущества. Таким образом вместо оздоровления государства, приведения в чувства коррумпированных чиновников и перехода к созидательной деятельности в целях повышения конкурентоспособности России и преумножения национального богатства, российские чиновники занимаются излюбленным делом: под красивые лозунги о «либерализации» и «интеграции в мировое сообщество» реализуют политику демонтажа финансово-экономического суверенитета России и превращения страны в сырьевую колонию транснационального капитала.

НЕ ПОРА ЛИ ПРЕДЪЯВИТЬ СЧЕТА?

Восемнадцать лет назад, 25 декабря 1991 года, над Кремлем был спущен флаг Советского Союза. Присутствовавшие в тот морозный день на Красной площади многие десятки советских граждан (включая автора этих строк) и представители посольств Китая, Кубы, Северной Кореи, Вьетнама, Лаоса стояли без головных уборов. У многих на глазах были слёзы.

Разрушение СССР, обусловленное взаимосвязанными внутренними и внешними факторами, сопровождалось многими межэтническими кровавыми конфликтами, социально-экономической катастрофой едва ли не во всех союзных республиках. Но некоторые из них и после распада СССР завладели значительной частью советских экономических фондов. Само же решение о роспуске СССР состоялось, подчеркнём, именно после того, когда фактический и, подчеркнем, бесплатный делёж общесоюзной собственности был в основном завершён.

Так, к концу декабря 1989 г. в странах Балтии оказалась основная часть советского торгового флота на Балтике; в Украине и Казахстане — до трети парка

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

грузовых вагонов СССР. В причерноморских, приазовских и прикаспийских «постсоветских» республиках — за исключением РСФСР-России — оказалось свыше 70% советского торгового флота южных акваторий уже бывшего Советского Союза... Словом, даже в канун распада СССР и даже в последние часы его агонии некогда «братские» республики позаботились о весомости своей доли в имуществе уничтоженной страны.

Такая политика последнего руководства Советского Союза проистекала из долговременной линии Кремля по обустройству национальных республик за счет, в основном, РСФСР и русского населения.

В этой связи неудивительно, что прибалтийские страны и Украина с Грузией, и без того немало получив в период агонии СССР, в течение 20 последних лет прямо или косвенно предъявляют финансовые претензии к России, как правопреемнице СССР, — «за ущерб в период советской оккупации». Причем такие счета исчисляются десятками, а то и сотнями миллиардов, естественно, долларов.

Но, что интересно: в июле-августе 2009 г. было прекращено финансирование государственных комиссий в странах Балтии по уточнению сумм их претензий к СССР-России. Факт весьма примечательный. Более того: по сообщениям ряда прибалтийских СМИ, некоторые экономисты тех же стран недавно подсчитали, что, оказывается, в социально-экономическом и внешнеторговом отношении странам Балтии было куда выгоднее находиться в СССР и даже... в Российской Империи (!), чем быть независимыми после 1990 года!

Тем не менее, литовский сейм 30 сентября утвердил законопроект, по которому отказ какого-либо гражданина Литвы (среди которых немало русских и белорусов) признавать советский период «оккупацией» повлечёт за собой уголовное преследование... Правда, в последние месяцы 2009-го упомянутые «истцы» взяли перерыв в выдвижении к РФ официальных претензий по советскому «счёту». Во всяком случае, страны-претенденты хорошо знают, каким образом и, точнее, за счет какой союзной республики и нации эти страны, точнее — другие национальные регионы СССР, жили и развивались, мягко говоря, куда лучше и комплекснее, чем РСФСР.

Дело в том, что на протяжении последних 45—50 советских лет именно Россия (РСФСР) была, в буквальном смысле, донором почти всех союзных и большинства автономных республик. Из них делали «витрины» социализма и изоби-

лия» именно за счет России (и, частично, Белоруссии), и «витрины» это знали. Поэтому неудивительно, что, в отличие от тех же регионов-«витрин», социально-экономическая ситуация именно в РСФСР, по данным статистики для служебного пользования и других документов, ухудшалась наиболее быстро. А вот после распада СССР те же республики-иждивенцы настолько осмелели, что продолжают требовать российской подпитки уже в другой — провокационной и унижительной для России форме. То есть в форме пресловутых финансовых исков за период советской, якобы, оккупации.

Приведем в этой связи мнение доктора экономических наук, профессора Владимира Милосердова: *«Существовавшая в СССР централизованная плановая система управления экономикой позволяла государству сосредоточить людские, финансовые и материальные ресурсы в едином «кулаке». Но благополучие населения национальных регионов, имевшее и политическую значимость, во многом зависело от поступлений из госресурсов. Хотя между вложениями, на которые работала вся страна, и отдачей от них, к сожалению, не было четкой взаимосвязи.*

В этих условиях руководители большинства республик скрывали свои внутренние резервы, старались больше получать из «центра» и как можно меньше давать в «общий котёл».

«Бессмысленно работать лучше, — откровенно говорил бывший Председатель Госплана Эстонской ССР Р. Отсасон, — зато большой смысл имеет составлять письма о помощи. Важно уметь выпросить деньги, продовольствие, корма, товары, что угодно, — это более важно, чем уметь делать их». Такая иждивенческая идеология особенно широко вошла в умы прибалтийских и закавказских руководителей».

По данным В. Милосердова, «несмотря на то, что основная часть газа добывалась в других районах страны, прибалтийские сёла по газификации существенно опережали российские. К моменту выхода прибалтов из Союза практически все сёла Прибалтики да и Западной Украины и Закавказья были газифицированы. А вот в России и сегодня тысячи сёл ждут, когда к ним придет газ. А что уж говорить о российской глубинке!

Образовалась огромная дифференциация между союзными республиками в размерах ассигнований из госбюджета, в объеме поставок материально-технических ресурсов, в выделении валюты, импортных товаров и в других сферах. И, как следствие, — в уровне жизни между республиками».

А вот свидетельство академиков-экономистов Т.С. Хачатурова и Н.Н. Некрасова — выдержка из их совместного письма министру газовой промышленности СССР С.А. Оруджеву,

16 ноября 1977 г.: «РСФСР в последние 10 лет постоянно ущемляется в выделении разнообразных централизованных ресурсов: их всё больший объем выделяется другим республикам, хотя контроль за использованием в тех республиках выделяемых ресурсов ослабевает и становится формальным. Более того: даже из того, что выделяется для РСФСР, затем весьма часто изымается из её фондов. Проявляется также неблагоприятная тенденция замораживания не только капиталовложений, но и разнообразных природных ресурсов на территории РСФСР, в то время как всё больший объем того и другого, соответственно, направляется и осваивается в других республиках. Последние требуют для себя увеличения и капиталовложений, и поставок по импортным линиям (лимитам), что, в отличие от большинства таких же заявок от РСФСР, удовлетворяется. Сохранение такой ситуации повлечёт за собой... необратимые диспропорции в социально-экономическом развитии и ресурсном обеспечении регионов всего СССР...» Хотя это обращение осталось без официального ответа, оно, конечно, предопределило соответствующее отношение властей к Хачатурову и Некрасову.

А началось... после 1917-го, когда большевики «расчертили» территорию России, в том числе формируемой РСФСР, на массу союзных, автономных республик, автономных областей и национальных округов. Доля этих автономий в общей территории РСФСР, как и нынешней РФ, превышает 65%, хотя удельный вес русских жителей в тех же автономиях и сегодня достигает 60, а то и 70%. Вот с тех пор и стала новообразованная РСФСР, особенно русская деревня, бесспорным донором «поднимающихся окраин». Правда, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. руководством СССР, судя по тогдашним партийно-правительственным и партийным документам, была сделана ставка на социально-экономическое развитие в союзных республиках в основном за счет их собственных ресурсов и возможностей.

На такой линии был сделан акцент, например, в отчетном докладе Г.М. Маленкова, фактического тогда руководителя КПСС, 5 октября 1952 года XIX съезду партии. И в докладе на том же съезде (7 октября) председателя Госплана СССР М.З. Сабурова. Видимо, неспроста материалы именно этого съезда до сих не изданы в России, как не были они изданы в СССР отдельной брошюрой (зато в полном объеме выступления на том съезде и его документы опубликованы в Китае в 1971—1972 годах, в том числе на русском языке...).

Но уже к середине 1950-х вернулись к прежнему курсу: прямому и косвенному выкачиванию из России сил, средств и

ресурсов для благосостояния «республик-витрин». В тот период хрущёвским руководством были запланированы и уже осуществлялись социально-экономические, внутривнутриполитические и внешнеэкономические и внешнеполитические развороты, что называется, по всем азимутам в сравнении со сталинским периодом. И главной особенностью таких разворотов были, по определению Иосипа Броз Тито, «сворачивание прорусской-прославянской-проправославной политики последнего сталинского десятилетия». По мнению Мао Цзэдуна, это было «сползание к космополитизму, номенклатурному бюрократизму и сепаратизму». Кстати, тот же Мао в беседе в Пекине с иностранными журналистами осенью 1964-го прогнозировал: «К власти на местах в СССР после 1953-го пришли националисты и карьеристы-взяточники, покрываемые из Кремля. Когда придёт время, они сбросят маски, выбросят партбилеты и будут в открытую править своими уездами как феодалы и крепостники...» (см., например, «Новый Китай». — Пекин, 1964, №12). Такая политика Кремля, естественно, ослабляла присутствие и влияние «центра» в регионах. Но, чтобы сохранить целостность страны и партии, национальная номенклатура и управляемые ею регионы получили, что называется, свободу рук во внутренних делах. Они же со второй половины 1950-х стали по нарастающей получать — за счет, главным образом России (РСФСР), — безвозмездные дотации, субсидии, другие денежные, а также товарные потоки.

В 1950—1980-х годах уровень зарплат и других социальных выплат в большинстве союзных республик был на 30—45% выше, чем в России (РСФСР). Скажем, уборщица во Львове или прибалтийских городах в 1970—1980-х получала не меньше 100 рублей чистыми, в то время как «среднестатистический» российский инженер в РСФСР чистыми едва набирал 120 руб. А вот уровень розничных цен в РСФСР был выше на 20, а то и на 40% в сравнении с большинством других союзных республик...

Ещё пример: 21 мая 1947 года в «закрытом» постановлении ЦК ВКП (б) предписывалось замедлить темпы коллективизации сельского хозяйства в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и бывших финляндских районах Карело-Финской ССР. Что и выполнялось вплоть до развала Советского Союза (см. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 3. М., 1968). В результате, к концу 1980-х свыше 70% товарной сельхозпродукции в этих регионах, а также 60% — в республиках Закавказья и во многих регионах Средней Азии производили и сбывали юридически или фактически частные хозяйства.

Отметим в этой связи, что только в РСФСР состоялась повсеместная коллективизация сельского хозяйства. И только РСФСР в середине 1950 — середине 1980-х испытала на себе такие, например, эксцессы, как повсеместная ликвидация религиозных учреждений, причём в основном православных, повсеместное устранение так называемых «неперспективных» деревень, повсеместное насаждение «хрущевской» кукурузы и изъятия скота с домашней птицей из личного пользования колхозников и работников совхозов.

Те же РСФСР и Белоруссия, в сравнении с другими союзными республиками, получали меньше всего сельхозтехники и госбюджетных денег на обустройство сельского и городского жилья, как и на развитие других отраслей. Даже официальные нормативы жилой площади в РСФСР были меньше, чем для Прибалтики, Закавказья, Западной Украины, столичных городов республик Средней Азии, Северного Кавказа, Татарии, Башкирии...

Примечательно и то, что квартплата в РСФСР всегда была дороже, чем в большинстве других союзных республик. И прежде всего из РСФСР, а также из Белоруссии переводились колхозы и совхозы, вместе с их кадрами, техникой, семенным фондом и животноводческим поголовьем в другие республики. По имеющимся данным, свыше 150 колхозов и совхозов было переведено на казахстанскую целину исключительно из русских территорий. Кроме того, почти для всех союзных республик — кроме РСФСР и Белоруссии — гласно и негласно снижались плановые задания.

Что касается насыщения СССР потребительским импортом, соответствующие решения политбюро ЦК КПСС и президиума Совмина СССР 1959, 1963, 1978 и 1983 гг. предусматривали строгую очерёдность: импорт потребительских товаров направлять прежде всего в неславянские союзные республики и в Западную Украину; затем в Белоруссию, в остальную Украину, в автономные республики РСФСР, причем в первую очередь — в северокавказские. Потом — в национально-автономные области и округа РСФСР. Именно в упомянутой последовательности. И лишь после всего этого, т.е. по «остаточному принципу», — на остальную, официально русскую территорию РСФСР.. Так стоит ли удивляться, что Москву, Ленинград, другие крупные российские города в 1960—1980-х осаждали «колбасные», «рыбные», «кондитерские» и прочие «десанты» жителей российской, точнее — русской глубинки? И что столицы и большинство городов не только других союзных республик, но и даже городов автономных республик РСФСР

были, как правило, переполнены разнообразным ассортиментом, в том числе российским?..

...Вспоминается весна 1985 года. Центр Москвы, район улицы Горького вблизи Пушкинской площади. Многочасовая очередь за кондитерскими наборами (продавали лишь 2 набора одному покупателю) трансформировалась в драку с приезжими. Тогда обошлось без милиции, но сколько таких эксцессов было в российских магазинах и не только в кондитерских? В том же году и позже (до распада СССР) автору этих строк довелось побывать в Латвии, Эстонии, Ереване, Тбилиси, Грозном, Махачкале, Баку, Ташкенте. Те же, например, конфетные наборы, в том числе московские, ленинградские, куйбышевские, курские, псковские, украинские, белорусские, даже югославские с болгарскими, — имелись там в потрясающем изобилии и по низким ценам. Не говоря уже, например, о югославском, польском, венгерском, китайском трикотаже, импортной обуви, о бытовой технике и сантехнике из ГДР, Югославии и Финляндии.

Итак, со второй половины 1950-х в связи с ухудшением внутри- и внешнеэкономического положения СССР и, как следствие, социально-политическими протестами в ряде республик, была сделана ставка на то, чтобы Кремлю по минимуму вмешиваться в дела «нероссийских» союзных республик и нерусских автономий РСФСР. Чтобы избежать развития там сепаратизма. В результате, тамошние власти окончательно срослись с местными мафиозными кланами и, естественно, стали чуть ли не впрямую шантажировать Москву: дескать, не будете больше отпускать денег и будете часто проверять наши дела — можем вывести «наши» народы из СССР.

Вспомнилось: еще в 1973-м в Баку родственница автора этих строк рассказывала, что при устройстве своего сына на работу её спросили: «А вы знаете, что это место продаётся?». Она ответила адекватно: «Я знаю, что это место покупается».

В том же году в Кировабаде (запад Азербайджана) я случайно услышал песенку, что распевали некоторые ученики-семиклассники во дворе близлежащей школы: «Зовут меня Мирза, работать мне нельзя. Пускай работает Иван, и выполняет план»...

Иллюстрирует ситуацию и такой экономико-политический факт: с середины 1960-х гг. закавказские, среднеазиатские, западноукраинские, молдавские овощи и фрукты продавались в РСФСР в основном только на рынках. Естественно, по высоким ценам: минимум вдвое дороже государственной розницы. Этого добились от Москвы власти тех регионов (см., например, «Вопросы совершенствования перево-

зок скоропортящихся продуктов». — М., 1972). На все товары «союзных» Прибалтики и Закавказья советским государством всегда назначались самые высокие в РСФСР цены, в том числе госзакупочные.

Да ведь и современные экономические мощности той же Прибалтики созданы, в большинстве своем, в советские годы. Например, не калининградские, а именно эстонские, латвийские и литовские порты стали главными внешнеторговыми воротами СССР на Балтике. Да и сегодня их доля во внешнеторговых перевозках России превышает 25%.

Причем, как и в других отраслях прибалтийских союзных республик, минимум 60% доходов портовой отрасли оставалось в их же собственном распоряжении. На уровне 40—55% был этот показатель для портов и других отраслей Закавказья, Средней Азии, Молдавии и Западной Украины. А вот в РСФСР и Белоруссии таких льгот не было, правда, за исключением северокавказских автономий РСФСР.

Словом, если и «считаться» с той же Балтией и не только с ней, — результат будет отнюдь не в пользу бывших союзных республик.

Но очевидно, что не столько добровольная, сколько вынужденная, предписанная свыше расточительность России, особенно в последние 40 советских лет, стала для других республик, своего рода, магнитом постоянного притяжения.

Они хотят, чтобы всё упомянутое продолжалось. Теперь, повторим, — уже в форме «суверенных» финансовых претензий к России. Но у нас более чем достаточно оснований для встречных, причем обоснованных счетов — за все годы существования Советского Союза. Так не пора ли эти счета наконец-то составить и предъявить?

ЧЁРНОЕ ПЕРО СЕРОЙ ВОРОНЫ

РОМАН

Глава 11

На даче у генерала Чебакова по всей усадьбе горели гирлянды разноцветных фонарей, освещая бронзовые стволы вековых сосен, дорожки, полянки, укромные беседки и длинные ряды столов, расставленных перед причудливым зданием усадьбы, на площадке, выложенной гранитными плитами. Между столами сновали официанты в белых костюмах и официантки с длинными ногами, в коротеньких белых бочках, с оголенными животами, пупки которых обсажены липовыми жемчужинами, с полуобнаженными грудями, между которыми тоже что-то блестело... и на нижней губе, и на крыльях носа, и, разумеется, в ушах; разноцветные татуировки на плече и бедре особенно притягивали взгляд резким контрастом со всем остальным, а завершала костюм белая же накрахмаленная кружевная наколка.

Генерал-полковник Чебаков сидел за отдельным столом, выдвинутым из рядов других, окруженный правнуками и правнучками. Он хмурился, провожая взглядом длин-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2013 г.

ПРОЗА

ноногих девиц, с тоской поглядывал по сторонам, где суетились какие-то люди, и желал только одного, чтобы все это скорее закончилось. Но торжественная часть только набирала обороты, на отдельном столе росла гора подарков — и все больше сабли, шашки, кинжалы разной формы и отделки. Были тут самурайские мечи и не самурайские тоже, алебарды и два копья с червленым щитом, на котором красовался генеральский герб, сочиненный в какой-то московской мастерской по заказу пронырливого внука, будто его дед происходил из дворян, а не из крепостных крестьян Вологодчины.

День выдался хлопотным, старый генерал устал, чувствовал недомогание, но держался, надеясь, что через полчаса — час сможет уйти, оставив гостей праздновать хоть до утра. Он понимал, что его юбилей лишь повод для пиршества его родственников и местной элиты, что им до фонаря генерал и его переживания, его прошлое и смутное будущее. Ведь они давно живут совершенно другой, непонятной для него жизнью, которую он и не желает понимать, тем более принимать. И не то чтобы его положение стало хуже в материальном плане по сравнению с восьмидесятыми годами, то есть незадолго до того, как все начало рушиться. Даже, пожалуй, наоборот, эта шикарная усадьба, хотя и слишком вычурная для его прямолинейного взгляда, эти столы, заваленные яствами и напитками на все вкусы, высокое положение внука в штатном Угорске — все это добыто его, генерал-полковника, стараниями.

Нет, генерал Чебаков ни о чем не жалел. Да и какой толк жалеть о том, что прошло и, скорее всего, не вернется? Даже в каком-нибудь измененном виде. В одну речку, как говаривали древние мудрецы, дважды не вступишь. Да и за кем идти, хотя бы и в речку? Даже если бы позвали. Куда ни глянешь, все какая-то суетливая мелочь, но с такими претензиями, что диву даешься. В 93-м мелочь эта замахнулась кулаком, чтобы все повернуть вспять, да так на замахе и замерла, испугавшись собственной тени. Гражданские. У них никогда не наблюдалось нужной решительности. А от них все и идет. Потому нынче и в армии, куда ни глянешь, погоны большие, а мозги куриные, на «ать-два — левой!» только и годные. И чем глупее человек, тем выше о себе мнит, тем больше себя бережет, тем трусливее прячется за чужие спины, гадя исподтишка. Уже на памяти генерала были нечем не оправданные взлеты тех, кто во время войны едва дотянул до генерал-полковника, прославившись лишь своим умением гробить подчиненные ему войска ни за понюх табаку. После войны многие из них получили маршалов и стали бить себя в грудь,

доказывая письменно и устно, что без них войну бы не выиграла. А потом маршалов стали давать за должность, а не за выдающиеся заслуги на полях сражений. Оттуда, скорее всего, и начались все разлады. Правда, в ту пору Чебакову такие мудреные мысли в голову не приходили. Можно сказать, что у него смолоду вообще не было никаких мыслей. Да и откуда им взяться, если его кругозор простирался от одной околицы села до другой? Неоткуда. И чем выше он поднимался по служебной лестнице, тем больше ему приходилось думать не над проблемами высшего порядка, а над тем, чтобы как можно меньше думали его подчиненные. Даже выполнение приказов командования регламентировалось строгими инструкциями, где каждый шаг расписан по минутам и сантиметрам. О чем тут думать офицеру? Не о чем. И думать перестали. А когда голова не занята, куда офицера тянет? Правильно — к водке и бабам. И армия пошла в разнос. Солдаты сами по себе, офицеры — сами по себе. А вместе с этим взросли, как чертополох на заброшенном поле, дедовщина и воровство. Попробуй-ка их теперь искорени, если то же самое еще раньше укоренилось на гражданке, так ненавидимой генералом.

Сергей Петрович поерзал на стуле, отрываясь от своих невеселых мыслей, и вернулся к действительности. Перед его глазами пестрело человеческое месиво, изображающее восторг по поводу его юбилея, гремел время от времени духовой оркестр местной пожарной команды, мелькали в аплодисментах ладони. Как все это ему надоело, если бы кто знал. Так и быть, уж он как-нибудь досидит положенное. Исключительно ради правнуков и правнучек, единственных, кто гордится своим прадедом, только они ему и сочувствуют. Лишь одно все более угнетало старого генерала — ощущение, будто его заперли в золоченой клетке, кормят, поят, а чтобы выйти и направиться куда-то по своему разумению, так тут и шага не успеешь сделать, как снова окажешься в клетке. И в подобном же положении оказался не только он, но и многие из тех ветеранов, кто не сумел разобраться в происходящем, долго медлил, не зная, на чью сторону перекинуться, потому что ни та, ни эта сторона не внушали ни симпатий, ни доверия. Теперь обе стороны на чем-то сошлись, но оттого понятнее не стало. Впрочем, затасканными словами объяснить можно что угодно, но в слова уже не верилось, даже в самые правильные, они потеряли изначальный смысл, превратясь в набор мало понятных звуков, как иногда случалось в детстве после долгого повторения какого-то слова, будто слово это стало чужим, нерусским.

Что-то говорил очередной даритель. Генерал кивал головой, но не вдавался в смысл однообразных поздравлений. Даритель пожал генералу руку, что-то положил на стол и уступил место следующему. И тот все о том же и все теми же словами.

И тут тринадцатилетний правнук генерала Жора, тоненький, хрупкий подросток с большим лбом и мелкими чертами лица, стоящий рядом и с восхищением взирающий на сверкающую гору оружия, вдруг шагнул вперед и, покраснев и даже вспотев от волнения, спросил дарителя звонким голосом:

— А скажите, господин Осевкин, а правда, что вы были бандитом?

И сразу стало так тихо, что стало слышно, как дышит, высунув красный язык, маленький пуделек в руках у одной из правнучек. Онемели даже те, кто не расслышал, что такого сказал генеральский правнук. Онемение от такой непозволительной в столь высоком обществе дерзости охватило всех и сразу же, точно людей опрыскали какой-то парализующей жидкостью.

— Ну, был, — ответил Осевкин в этой убийственной тишине, уставившись на мальчишку своим змеиным взглядом. — Ну и что? Ты вот, когда был маленьким, пеленки пачкал? Пачкал. Небось, и в кровать писал и какал. И никто тебе это в вину не ставит. Все в молодости ошибаются. На то она и молодость.

— Вы!.. Вы!.. — со слезами в голосе вскрикивал мальчишка, не находя нужных слов, сбитый с толку таким удивительно спокойным голосом обвиненного им дяди. Мальчишке казалось, что он бы на месте этого Осевкина умер со стыда, а тот... — Вы своим рабочим не платите зарплату! Вот! Они голодают! Об этом знают все! А вы тут... Вы вор! Вор! Я вас ненавижу! — И кинулся к дому, всхлипывая, под возмущенный гул гостей.

Какой-то долговязый мужчина зашагал решительно следом за мальчишкой. Маленькая женщина в розовом платье с обнаженной спиной кинулась за ними, звонко стуча каблучками по гранитным плитам.

— Не смей его трогать! — взлетел в тишине к темным вершинам сосен ее отчаянный вскрик.

Генерал разволновался, голова его затряслась на тонкой морщинистой шее, он уперся в подлокотники кресла руками, попытался приподняться, сам не зная зачем, и, обессиленный, снова опустился в кресло. Ему тоже показалась выходка правнука бестактной, но совсем с других позиций: если бы правнук бросил свои обвинения этому приходе Осев-

кину в другое время — не во время его, генерала, юбилея, — тогда совсем другое дело. А так получается, что он, боевой генерал, яхшается с бандитами. И даже приглашает их на свой юбилей.

И тут же, будто стояло за спиной в ожидании нужной минуты, из смутного мелькания теней вычленилось что-то, о чем генерал знал, но держал в самых темных закоулках своего сознания, потому что выпускать это наружу значило лишней раз бередить свою совесть, или что-то там еще, что связано невидимыми нитями с прошлым. Да, мир изменился, но изменился против его, генерала, воли и воли многих тысяч и даже миллионов других генералов и офицеров, такой, казалось бы, огромной и сплоченной массы, какой должна была быть армия. Более того, мир изменился вопреки воли двадцатимиллионной партии коммунистов, которая по всем теоретическим выкладкам должна была концентрироваться в направлении одной идеи, одной цели, вытекающей из этой идеи, а на самом деле... На самом деле ни то, ни другое не сопротивлялось невесть откуда возникшей силе, покорилось ей — и это было самым больным местом, по которому царапнул внук своей бесполезной выходкой.

И генерал остался сидеть в своем кресле, будто ничего не случилось, только на глаза его и душу точно опустили не пропускающие света жалюзи — так стало темно и неуютно.

Осевкин, хотя и кипел от злости, однако сдерживался. Он понял, что уважение к нему со стороны тех, кого он кормит, лишь пустая видимость, что хотя он и принят этим обществом, своим его тут не считают. Это он со всей отчетливостью понял только сейчас и, молча, уступив место следующему дарителю, пошел мимо столов, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом.

Давно никто не бросал ему в лицо подобное обвинение. А когда-то он гордился тем, что бандит, что его никак не могут на этом поймать. Конечно, эта гордость была издержкой молодости, но более всего — того времени, безоглядно провозгласившего давно забытый на Руси лозунг: «Каждый сам за себя!» Он и сегодня не отказывается от своего прошлого, но принародно обозвать его бандитом и вором не просто оскорбление, а такое оскорбление, которое требует решительных ответных действий. На ходу он успел заметить, что на него смотрят, как на чумного; заметил, как поспешно расступаются, давая дорогу, хотя каждый из них тоже воровал и продолжает воровать, брать взятки, а разница между ними заключается лишь в том, что он добывал свои деньги, отбирая их силой, а они, пользуясь своим положением.

Осевкин уже миновал столы, когда в его рукав вцепился Андрей Чебаков и заговорил торопливо, брызгаясь слюной:

— Сеня, погоди! Я тебя прошу, не обращай внимание на этого маленького дурачка. Отец его выпорет, и он забудет... Если ты уйдешь, то тем самым...

— Что — тем самым?.. Да отпусти ты меня, вцепился, как клещ! — дернулся Осевкин, с ненавистью глядя в упитанное лицо мэра. — Меня оскорбили! Ты это понимаешь или нет? Мне плюнули в морду как последнему фраеру! Мне! Осевкину! А ты о каком-то недоумке. Ты думаешь, он сам до этого додумался?

— Нет, но, понимаешь ли... Никто здесь тебя не считает ни бандитом, ни вором. А что было, то было. Как говорил Христос, кто считает себя святым, тот пусть первым бросит камень в того, кого считает грешником. Но таких не нашлось тогда, не найдется и сегодня. Более того, Сеня, мы все с большим уважением относимся к тебе, ценим твой вклад в развитие нашего города...

— Да чихать я хотел на твой город, Чебаков! И на всех вас тоже!

— Н-ну, Се-еня! — заныл Чебаков. — Прошу тебя, умоляю, успокойся! Я понимаю, ты возмущен, раздражен. На твоём месте и я бы вел себя точно так же. Но и ты пойми: нам и дальше вместе работать, а если ты сейчас уйдешь, образуется трещина, которую потом будет трудно заделать...

— Сеня, он прав, — произнес Нескин, который стоял рядом и до сих пор не вмешивался в разговор. — Нельзя поддаваться эмоциям...

Сзади, у столов, захлопали, снова оркестр грянул туш, в ночной тишине оглушительно бил барабан — бил по нервам, по ветвям деревьев, по выплывшей из-за леса луне.

— Ладно, черт с вами, — сквозь зубы выдавил из себя Осевкин. — Но я этого так не оставлю.

— И не оставляй! — радостно подхватил мэр Угорска. — Мы даже тебе сами поможем разыскать твоих обидчиков. Я сейчас же поговорю с начальником райотдела Купчиковым. У него большой штат осведомителей. Из-под земли доставим. — И, обняв Осевкина за плечи, повел его к столу.

Глава 12

Только заняв отведенное ему место, Осевкин выпустил из груди скопившийся там воздух и обвел глазами шумное сборище. За тем столом, за которым сидел генерал, уже было пусто: генерала увели, подарки унесли. В углу между клум-

бами несколько столов гости сами сдвинули в один ряд, там вызывающе громко галдели и смеялись. И это особенно раздражало Осевкина, для которого вечер был испорчен. Он даже пожалел, что так старался раздобыть этому никому не нужному генералу оригинальный подарок — два мушкета времен Петра Первого, со всеми причиндалами, полагающимися к ним. Теперь ему жалко было и своих денег, и потраченного времени. И вообще сегодняшний день, начиная с неожиданного приезда Нескина, точно сорвался с цепи, нарушив привычный ритм отлаженной жизни. А главное, как ему стало известно от своих осведомителей, сидящих в Москве, Нескин в России уже пять дней, живет у своего родственника, встречается с какими-то людьми. Наверняка эти пять дней понадобились ему, чтобы разнюхать всю подноготную деятельности Осевкина. И в самом Угорске были замечены люди, которые какое-то время суетились вокруг комбината будто бы в поисках работы, толкались в пивных барах, на рынке, в магазинах. Когда Осевкину доложили об этих подозрительных типах, он велел без шума взять хотя бы одного и выяснить, кто такие и откуда, но те, будто почуяв недоброе, тут же испарились. А через два дня появился Нескин. И, что удивительно, вместе с ним эти надписи, которые вызвали глухое брожение в городе. Не может быть, чтобы такое совпадение оказалось случайным. Наверняка Нескин пронюхал и о конвейере по разливу водки, и о других тайных махинациях Осевкина. Тем более что в Угорске не найдешь ни одного человека, кто бы не знал, где производится водка «Угорская», самая дешевая из всех. Не исключено, что надписи понадобились Нескину для дестабилизации положения, как на Комбинате, так и в самом городе, чтобы пошатнуть позиции Осевкина, прижать его в угол и самому усесться на его место. Но Нескин молчит как рыба, ведет разговоры на отвлеченные темы, не затрагивая главного. Если он решил доложить своим хозяевам о разливе водки на комбинате, контрольный пакет акций которого все еще в руках братьев Блюменталей, как и бесперебойная работа Комбината, то он будет молчать и дальше. Отсюда вывод: нельзя дать ему уехать, не решив этого вопроса, не поговорив начистоту. Впрочем, возможен и другой вариант, имея в виду жадность Нескина: тот непременно должен постараться войти в долю. Что ж, пусть попробует. Главное — дать Нескину столько, чтобы он молчал и дальше. И ни копейкой больше. Хотя давать не хочется ни копейки, заработанной таким трудом. Но придется. А там будет видно.

А как просто было в прошлые годы! Чуть где какая заминка, послал туда братву, и те оставят после себя лишь щепки

да битое стекло. Ну и, разумеется, битые морды, какие попадутся под руку. Впрочем, и тогда было не совсем просто. Однако не требовало никаких бухгалтерских и экономических расчетов, оглядки на рынок, налоговую инспекцию, рабочее быдло, которому надо платить зарплату, отрывая ее от себя. Увы, у каждого времени свои трудности. И с этим ничего не поделаешь.

Осевкин, не дожидаясь провозглашения очередного госта, налил себе водки, выпил, подцепил вилкой пластинку осетрины, сунул в рот, принялся жевать, поглядывая по сторонам. А по сторонам тоже пили, жевали, над столами медленно, но верно разрастался гул подвыпивших голосов, раскованный женский смех.

Какой-то долговязый тип встал из-за сдвинутых столов и, пошатываясь, направился к столу, за которым сидели Осевкин с женой и Нескин.

— Пардон, — расшаркался тип, предварительно икнув. Редкие спутанные волосы были мокры от пота, на лице блуждала пьяная ухмылка, галстук распушен, в руках бокал с коньяком или чем-то, на него похожим. — Моя фамилия Солонцев. Зовут Русланом, — продолжил тип, изогнувшись всем телом и с трудом приняв нормальное положение. — Я отец пацана... вернее сказать, отчим, но это не так важно, как бумажно... хар-хар-харрр! — коротко прокаркал он и, забыв, что должен сказать дальше, задергался, разводя руками и расплескивая золотистую жидкость из бокала. Наконец вспомнил, снова пару раз каркнул и наконец-то закончил оборванную фразу: — ...который тебя оскорбил. Это оч-чено плохо, когда оскорбляют гостя. Люб-бого. — И помотал перед своим носом пальцем. — Я ему врезал. Он запомнит, как лезть в дела взрослых. Черт его знает, где он набрался такой дряни. Но я разберусь. Генерал этот — старый дурак. Все идет от него. Внучка его... моя жена... — неопределенный жест за спину, — ...учителка. А учительки — они все дуры. Ты, братан, не обращай на них внимание. Все мы — сволочи. И те, и эти. И я — тоже. Но на нас, сволочах, держится Рос-си-я! Вот! Хахр-хар-харррр! — снова закаркал он, дергаясь всем своим долговязым телом. — Еще с тех пор... ну там... — он повел рукой куда-то вдаль и закончил: — ...тыщу лет назад. Давай, братан, выпьем за тебя. Ты мне нравишься. А? Ты как?

— Давай выпьем, — произнес Осевкин, вставая и тоже держа в руке бокал, но с водкой.

Солонцев шагнул к нему, запнулся за ножку стола, чуть не упал, и упал бы, если бы его не подхватил Осевкин. Они вы-

пили то, что осталось в бокалах. И Солонцев плюхнулся на свободный стул. С трудом утвердив голову в вертикальном положении, он неожиданно обнаружил рядом Наталью, вытаращил на нее белесые глаза. Поворачивая голову то на один бок, то на другой, точно сова, попавшаяся на солнце. Затем качнулся к Наталье и вцепился рукой в подол ее платья.

Наталья тихо взвизгнула и отпрянула от Солонцева, стараясь вырвать из его цепких пальцев подол, но тот держал крепко, и пьяно ухмылялся.

Осевкин поставил бокал, молча подошел к нему, оторвал от стула, развернул к себе спиной и двинул под зад коленом с такой силой, что Солонцев с десяток шагов бежал между столами, пытаясь за что-нибудь ухватиться, вытянувшись почти параллельно земле, и только потом врезался в стол.

Завизжали женщины. Поднялись кое-где мужчины, продолжая, однако, оставаться на месте и с самым решительным видом застегивая пуговицы рубашек и подтягивая галстуки.

Осевкин молча наблюдал все эти приготовления, кривя узкие губы и шупая змеиным взглядом каждого из поднывавшихся мужчин. Ему очень хотелось подраться. Уж он бы показал этим дебилам, что такое человек, прошедший суровую школу жизни, в то время как они, эти дебилы, сидели под крылышком своих чиновных родителей и выжидали, когда наступит их время.

Среди валявшихся на гранитных плитах тарелок, битого стекла, остатков пищи, опрокинутых стульев и стола, запутавшись в скатерти, копошился Солонцев и матерился самыми последними словами. Явно назревал скандал.

Чуть поодаль от стола Осевкина топтался редактор местной газетенки «Угорские ведомости» Ефим Угорский, ожидая развязки и прикидывая, кому и за сколько можно будет продать этот скандал, и так продать, чтобы никто из вершителей судеб местного масштаба об этом не пронюхал.

Откуда-то вынырнул мэр Угорска Андрей Чебаков, а с ним двое плечистых парней, Солонцева подняли на ноги и увели. Решительные мужчины уселись на свои места возвращать свои рубашки и галстуки в либерально-демократический вид. Мир был восстановлен. Черные ящики с многоваттными динамиками выбросили из своих утроб несколько сотен децибел, оглушив всех пирующих и сразу же вызвав у них рефлекс конвульсивного движения. Дамы завихляли бедрами, из глубоких разрезов юбок выпорхнули загорелые ножки — и праздник продолжился, будто ничего и не случилось.

— Ладно, повеселились, поехали домой, — произнес Осевкин, но его не могли услышать даже близко сидящие люди.

Однако Наталья догадалась, с привычным испугом глянула на мужа и с готовностью вскочила на ноги. Вслед за нею поднялся и Нескин.

Они молча проследовали к пристани. На этот раз их никто не удерживал.

— Все спокойно? — спросил Осевкин у ожидавших их охранников.

— Спокойно, шеф.

— Тогда поехали.

Глава 13

Озеро лежало перед ними неподвижной зеркальной гладью. Ни ветерка, ни плеска волны, ни шороха листвы. Голубая лунная дорожка пересекала озеро из края в край, и лишь робкие круги играющей рыбы слегка рябили неподвижное величие. Даже не верилось, что какое-то время тому назад здесь, как в трубе, гудел порывистый ветер, клоня к самой воде камыш и гибкую лозу ивняка, шумели верхушками сосны и торопливо плескались пенистые волны.

Однако пассажирам катера, который, взревев мощным двигателем, врезался в эту тишину и неподвижность, было не до красот природы. Осевкин и Нескин проигрывали в уме одни и те же варианты выхода из создавшегося кризиса, но каждый с позиций своих интересов. Жена Осевкина Наталья, с самого начала их супружества исполнявшая роль прислуги при его особе, обязанной являться перед ним по первому же зову, а все остальное время как можно реже показываться на глаза, трепетала от одного его взгляда, двигалась по дому бесшумно, бочком. И хотя муж был на двадцать два года старше ее, считала, что он ее осчастливил, взяв себе в жены, никогда не лезла в его дела. Ее неразвитый ум, замерзший на подростковом возрасте, даже сегодня, когда она услышала о своем муже такие ужасные вещи, не мог охватить их во всем объеме и соединить с сегодняшним днем.

Едва они вошли в дом, Осевкин велел:

— Пришли Ленку, а сама иди спать.

— Хорошо, — прошептала Наталья и бесшумно растворилась в глубине дома.

Ленка появилась не сразу.

Нескин ожидал увидеть какую-нибудь девчонку на побегушках, а ею оказалась девица лет двадцати пяти, стройная, с круглыми голубыми глазами, густой гривой льняных волос, раскинутых по плечам. Она вошла, одетая в длинный

халат, туго охватывающий ее фигуру, подчеркивающий рельефность ее груди и бедер, остановилась в дверях, спросила, поведя плечом:

— Звал?

— Сообрази нам что-нибудь, — велел Осевкин. — Потом можешь быть свободной.

Снова в ответ нетерпеливое движение плечом, и девица исчезла.

— Кто это? — Спросил Нескин, уловив во взгляде девицы что-то осевкинское.

— Гувернантка, — коротко бросил Осевкин. Помолчал немного, затем добавил не без гордости: — Педагогический институт, два иностранных языка, музыка и прочее. Любит повыпендриваться.

— По-моему, в обязанности гувернантки не входит утраивать нам фуршет, — качнул круглой головой Нескин. — У тебя, что, других для этого нет?

— Есть, но на ночь я их здесь не оставляю. Ничего с ней не случится, — заключил он уверенно. — Проглотит.

— Тяжелый ты человек, Сеня. Слюдьми, которые работают на тебя, надо быть поласковее. Иначе кто-нибудь из них всыплет тебе в кофе чего-нибудь — и никакие врачи не спасут.

— Не всыплет. Она моя двоюродная сестра. Из милости взял. Из дерьма вытащил.

— А-а, ну-у... разве что так, — пожал Нескин жирными плечами.

— Именно так и никак иначе, — обрубил Осевкин.

— Два языка, пединститут и прочее — могла бы устроиться и где-нибудь получше, — решил не сдаваться Нескин, на что Осевкин ответил лишь кривой усмешкой.

Минут через пятнадцать гувернантка прикатила никелированный столик, накрытый скатертью.

— Сами расставьте, или и на это не способны? — спросила она, устремив свой неподвижный взгляд куда-то за пределы видимого.

— Большое спасибо. Расставим, идите отдыхайте, — поспешил разрядить обстановку Нескин, отметив про себя, что женщине с таким змеиным взглядом устроиться где бы то ни было не так-то просто.

Они молча выпили по рюмке французского коньяку, лениво зажевали его лимоном.

Осевкин вынул из кармана мобильник, набрал номер, спросил, услышав хриплый со сна голос начальника охраны комбината Щуплякова:

— Ну, как там дела? Нашли писателей?

— Ищем. Я провел предварительный опрос среди рабочих и служащих. Пока никаких данных. С утра начнем детальную разработку.

— Чтобы завтра к вечеру всех выявили! — рявкнул Осевкин и принялся набирать другой номер.

Он выяснил, как отработала вторая смена, не было ли каких чепэ, сколько фур прибыло за товаром, пришли ли цистерны из Германии, и много чего еще, отрывая людей от сна, нисколько не заботясь их состоянием.

Нескин терпеливо ждал, с любопытством поглядывая на Осевкина. Сперва ему показалось, что тот своей активностью хочет показать гостю, какой он деловой человек и как вникает во все сферы деятельности комбината. Но затем Нескин понял, что это такой стиль работы, оставшийся, скорее всего, от прошлых времен, когда все двадцать четыре часа в сутки необходимо было контролировать ситуацию как вокруг себя самого, так и вокруг заинтересованных в тебе людей, потому что на карте стоит твоя жизнь, а не только благополучие. Но те времена прошли, а привычка осталась, и вряд ли она идет на пользу делу. Однако Комбинат работает, и работает в общем и целом неплохо, а стиль — это дело самого Осевкина и окружающих его людей. Если они терпят такое над собой издевательство, значит, они вполне достойны своей доли, потому что совковость из них не выветрилась и долго еще не выветрится. И не только в них самих, но и в их детях и внуках. Россия, одним словом, что с нее возьмешь?

И Нескин потянулся, показывая, что неплохо бы и отдохнуть, а на самом деле подталкивая Осевкина к серьезному разговору. А чтобы Осевкин не колебался, произнес лениво:

— Надо будет сегодня пораньше уехать в Москву. У меня там тоже есть дела.

— А потом? — спросил Осевкин и насторожился, пытаясь понять, что стоит за этим потягиванием и словами.

— Потом? Потом Питер, Нижний Новгород, Екатеринбург. На твоем Угорске свет клином не сошелся.

— Свет не свет, а дело мы делаем, — осторожно заметил Осевкин, почувствовав, что Нескин толкает его на первый шаг. И он этот шаг сделал: — И как ты оцениваешь мою работу?

— Что ж, работа как работа, — пожал плечами Нескин. — Надо бы лучше, но... Свои претензии к тебе я уже высказал, выводы, надеюсь, ты сделаешь правильные. Три месяца — самое большее на исправление положения. Надо решительнее завоевывать новые рынки, без всякого стеснения выживать с них своих конкурентов. Надо подумать о дизайне бу-

тылок, об изменении текста инструкций на этикетках. Покупатель любит, когда к нему обращаются с добрыми, проинкновенными словами. Он инстинктивно отвергает сухую информацию, даже если она содержит в себе исчерпывающие сведения об изделии. Побольше психологии, Сеня. Побольше умной психологии.

— Это я понимаю, — кивнул головой Осевкин. — И в ближайшее же время привлеку к этому делу дизайнеров и текстовиков.

— Вот и хорошо, — кивнул головой Нескин, а когда глянул на своего собеседника, встретился с его змеиным взглядом, почувствовал себя неудобно.

Они молчали, потягивая коньяк, каждый думал при этом об одном и том же — о водочном конвейере, который приносит дохода не меньше, чем все остальные, при этом государству как бы и невдомек, что оно может черпать отсюда миллиарды и миллиарды, если наложит на производство водки свою руку. И не только у Осевкина. В то же время Нескин понимал, что оно, это чертово государство, поумнев, рано или поздно руку таки наложит, и что тогда останется в сухом остатке? А с другой стороны, даже несколько месяцев могли бы существенно поправить его, Нескина, финансовое положение, так пошатнувшееся за время кризиса. Может, Осевкин уверен, что Нескин не знает о водочном конвейере? Такая мысль в голову Нескина еще не приходила, и он решил идти ва-банк.

— Я краем уха слышал, что водка «Угорская» делается на нашем Комбинате... — И замолчал, давая Осевкину осмыслить сказанное.

— Ну и что? — Вопросом на вопрос ответил Осевкин, не отрывая взгляда от лица гостя. — Нормальная предпринимательская инициатива, — добавил он после небольшой паузы.

— Я не говорю — ненормальная, — твердым голосом заговорил Нескин, и даже круглое лицо его поджалось и окостенело. — Но все, что выпускается на Комбинате, есть не только твоя собственность, но и собственность концерна. Комбинат платит за землю, за воду, электричество, за наем рабочих, подоходный налог и так далее. Все эти платы идут из прибыли. А ты утаиваешь значительную ее часть.

— Твои жидаы не обеднеют, — скривил Осевкин губы. — Им легко командовать и рассылать инструкции, сидя в Германии. Хапнули в России несколько миллиардов баксов из фонда МВФ и из других фондов, а теперь корчат из себя законопослушных пай-мальчиков. Что ты думаешь, мы тут сидим в глуши и ни хрена не знаем про их махинации? Все мы знаем.

— Я не о том, Сеня, — перешел на примиряющий тон Нескин. — Поверь, мне особой нужды нет выкручиваться ради их прибылей. Хотя там есть и моя доля. Но вот представь себе такую ситуацию: приезжает с ревизией кто-то другой, тебе совершенно не известный человек. И какие последуют из этого практические шаги? А очень даже простые: твои активы замораживаются, цистерны с химией идут мимо Угорска, на тебя подаются в суд, и все, кто раньше подавал тебе руку, от тебя отвернутся. Тебе это надо?

— Мне это не надо, Арончик. И поэтому я предлагаю тебе долю со своего бизнеса. Скажем, пятнадцать процентов.

— Ты что, смеешься надо мной, Сеня? — воскликнул Нескин возмущенным голосом. — Что такое пятнадцать процентов? Тьфу!

— А сколько ты хочешь?

— Половину.

— Ну, ты даешь, Арончик! — возмутился Осевкин. — Пришел на готовенькое — и отдай половину! Где это ты нахватался таких, можно сказать, космических аппетитов? Половину.. Во даешь! А ты знаешь, во сколько это мне стало? И не только в деньгах, но и в нервах? Ты думаешь, откуда я получаю спирт? С «Кристалла»? Черта с два! Я получаю спирт из Дагестана, из Северной Осетии. А там живут парни, которые даже спят с «калашами». Попробуй-ка к ним сунуться — без головы вернешься. А я и сунулся и договорился. Чего мне это стоило, только богу известно.

— Да, я понимаю: криминогенная обстановка, терроризм и прочее. Но и ты меня пойми тоже. Если братья пронюхают о нашей сделке, больше всего пострадаю я. От них не только в России, но в джунглях Амазонки не спрячешься. К тому же они сами платят большие проценты, помимо подходящих и прочих налогов, а те, кому они платят, умеют считать каждый доллар и, главное, находить должников. Сам знаешь: лучшая разведка в мире и тому подобное... Впрочем, это не столь важно. Так на чем порешим?

— Двадцать — и ни процентом больше. Я тоже плачу. На мне висят и городская дума, и милиция-полиция, и местное отделение партии, и черт знает кто еще. И вся эта сволочь тоже умеет считать каждый рубль.

— Хорошо, — после непродолжительного молчания согласился Нескин. Спросил: — Будем подписывать договор или договоримся по-джентльменски?

— А как хочешь, так и сделаем, — усмехнулся Осевкин, и эта усмешка змеиным холодком проникла в грудь Нескину, заставив его вспомнить еще не такие уж и далекие лихие времена.

Солнце едва оторвалось от зубчатой кромки леса, его лучи лишь вскользь касались земли, не пробивая тонкого покрывала тумана, но он уже беспокойно клубился вдоль речки, устремляя вверх прозрачные пряди, пришел в движение над лугами, болотами и озерами. Лишь молчаливый лес, соединив вверху кроны деревьев, облитые золотом солнечных лучей, редкие из них пропускал под свой полог. Поэтому туман здесь не только не таял, а густел еще больше, отчего особенно отчетливо и дробно звучала в лесу капель, наполняя его чем-то таинственным и странным, как будто какие-то невидимые существа гонялись друг за другом на тоненьких ножках, то, сходясь в одном месте, то разбегаясь в разные стороны.

Стояла пора второй половины лета. Птицы уже высидели птенцов и теперь молча копошились вместе со своим потомством в траве и прошлогодней листве, отыскивая корм. Невидимые в тумане синицы деловито порхали среди ветвей, переключаясь тоненькими звенящими голосами; с неба падали тоскливые клики ястребов, которые, кружась в восходящих потоках воздуха, поднимались все выше и выше, превращаясь в едва заметные точки.

Двое мальчишек, два друга-приятеля, Павел Лукашин и Костя Аксютин, промокшие и продрогшие, выбрались из особенно густого тумана, заполнявшего Гнилой овраг, остановились у задней стены гаражей. Стараясь не шуметь, приставили одну из лестниц и по ней забрались на крышу. Хотя пространство между гаражами тоже заполнено туманом, однако не таким густым, как в овраге, и с крыши хорошо видны незавершенные надписи, оставленные ими вчера. Худо лишь то, что кое-где возле гаражей уже копошились люди, а поэтому их план завершить надписи с утра, не оставляя на вечер, может оказаться под угрозой срыва. Костя и цифровую камеру взял, чтобы сфотографировать, а потом выставить снимок в Интернете на президентском сайте. Уж он бы, Пашка, постарался сочинить такой текст, чтобы президент сразу же приказал назначить над Осевкиным суд. И над другими, которые воруют и обманывают. У Пашки это хорошо получается. У него самые лучшие сочинения по литературе. Как будет здорово, если удастся то, что они задумали! Тогда бы остальные пацаны, особенно Серый, увидели, что они, Пашка и Костя, тоже на что-то способны. И даже на многое. А то их все считают слабаками, ни на что не пригодными.

— Я ж говорил, — прошептал Костя прямо в ухо Пашке, — что с утра здесь всегда народ. А ты — пошли и пошли. Вот тебе и пошли.

— Ништяк, — тоже шепотом ответил Пашка. — Они сейчас уедут на дачи и огороды. А потом тут никого не будет.

— Жди, когда уедут. Так тут и просидим без толку, — уже начинал капризничать Костя. У него всегда так: сперва загорится, а чуть что, так и скис.

И Пашка уверенным тоном добавил:

— Через полчаса тут никого не будет. Вот увидишь.

И точно. Сперва одна машина, светя фарами, проехала мимо, за ней другая, третья. Правда, народ подходил еще, перекликался, гремели и лязгали железные двери, урчали моторы, но машины одна за другой, хрустя недавно подсыпанным гравием, покидали пространство между гаражами, исчезая из виду. И наступил момент, когда лишь в самом дальнем конце еще кто-то возился, лежа под машиной, наполовину выдвинутой из гаража.

— Я пошел, — прошептал Пашка и, продвинув бревнышко с перекладинами по крыше к самому краю, стал спускаться вниз.

Костя помог ему, придержав бревнышко, чтобы не поехало, а сам остался наверху следить, чтобы кто-нибудь ненароком не застал их врасплох. Ну и, разумеется, сфотографировать надпись. И самого Пашку за работой. Ну, просто так, на память. Интересно же будет глянуть, когда они вырастут и все люди станут честными и справедливыми. И Костя, вынув камеру из футляра, стал снимать. И так увлекся, что не заметил, как откуда-то появились двое: дядька и тетка, и дядька неожиданно рывкнул:

— Это что еще такое? А ну стоять!

Пашка обернулся, глянул на дядьку, на Костю, застывшего на крыше истуканом с камерой в руках, и кинулся к лестнице. Но он едва успел схватиться за бревнышко, как оно поехало вбок, и Пашка, чтобы не упасть вместе с ним, попытался уцепиться руками за выступ крыши, но его сдернули и швырнули на острый гравий, устилающий пространство между гаражами и еще хорошенько не примятый колесами машин. Он больно ударился головой.

А Костя, дико закричав от страха и обиды, схватил что-то, попавшееся под руку, и швырнул это что-то в голову лезущего на крышу дядьки. И попал. Тот, вскрикнув, то ли упал, то ли соскочил. А Костя, в два прыжка преодолев расстояние до противоположного края крыши, спрыгнул на землю и кинулся по скату оврага в густой, как парное молоко, туман, до которого еще не добрались солнечные лучи. Он бежал по знакомой до каждой былинки тропе; камыши и осока, крапива и душица, низко свисающие ветки ив и кустарника щедро

обдавали его росой. На кладке из хвороста и толстых сучьев он поскользнулся и упал, но тотчас же вскочил, и ему показалось, что где-то близко, за самой его спиной, кто-то шумно дышит и вот-вот вцепится в его, Костину, рубаху мертвой хваткой, из которой не вырваться. Подгоняемый страхом, он взлетел по тропе вверх, к самым дубам, а потом дальше, дальше от оврага, не разбирая дороги.

Мокрый и грязный, в растерзанной рубахе, пробираясь задворками и скверами, он добрался до улицы Весенней и, остановившись у калитки, трижды свистнул, вызывая Серого. Но на крыльцо вышел не Серый, а его отец, дядя Артем, что-то дожевывая на ходу.

— Ты чего в такую рань? — спросил он. Но, заметив, в каком состоянии мальчишка, спустился вниз, отпер калитку, велел: — Заходи! Говори, что случилось?

— Мне бы, дядя Артем, это... Серого... Серегу то есть, — не отвечая на вопрос и глядя куда-то в сторону, произнес Костя.

— Ты мне голову не морочь, парень, — добивался своего Артем Александрович. — Я же вижу, что-то случилось. — И, потрогав мокрую и грязную рубаху мальчишки, догадываясь уже, что случилось что-то весьма неприятное, спросил: — У гаражей был?

Костя кивнул головой.

— Один?

— С Пашкой Лукашиным.

— И что?

— Там какие-то дядька и тетка...

— Схватили Пашку?

Новый кивок головой, за которым последовали жалобные всхлипы.

— Заходи в дом, — велел Сорокин. — И не скули. Еще ничего страшного не произошло. Ну, дядька и дядька, тетка и тетка. Может, пошутили. Мало ли что, — пытался он успокоить мальчишку. — Давай раздевайся. — И к сыну: — Сережа, помой его, переодень и покорми. А то, сам видишь, грязнее грязи. — И, глянув на дверь, ведущую в дом, добавил, понизив голос: — Только потише: мать не разбудите. А я пошел.

Артем Александрович Сорокин почти бежал. И чем ближе он подходил к дому бывшего подполковника Улыбышева, тем большая тревога его охватывала: если Пашку схватили люди Осевкина, то это может плохо кончиться и для Пашки, и для всех остальных. А что делать, чтобы этого не случилось, Сорокин не знал. И вообще он привык выполнять то, что ему приказывали другие. Приказы могли ему нравиться или нет,

но если приказали, надо разбиться в лепешку, а приказ выполнять. Так было, когда он служил в армии, и не где-нибудь, а в Чечне, и подполковник Улыбышев был его командиром. Вот и на этот раз — почти то же самое. Правда, ему ни то чтобы приказали написать призыв-угрозу в адрес Осевкина, а только одобрили и посоветовали, как лучше осуществить задуманное, однако это почти одно и то же. Сам бы он не решился на подобный поступок даже при очень сильном давлении сына, потому что, когда начинаешь рассуждать, что из этого может получиться, в голову приходят такие мысли, что с ними лучше не браться за столь опасное дело. И вот получается, что не зря он опасался, не зря сомневался в успехе. Если Пашку придавят, он, конечно, расколется, а дальше... дальше нетрудно представить, чем это может закончиться.

Алексея Дмитриевича Улыбышева Сорокин застал на веранде за ранним чаепитием и уже по одному по этому почувствовал некоторое облегчение: не надо будить, тревожить пожилого человека, тем более бывшего командира.

Улыбышев сразу же, по одному только растерянному виду Сорокина, понял, что случилось что-то неладное.

— Когда это случилось? — спросил он, выслушав запинаящиеся объяснения Сорокина.

— Думаю, час назад, не более, — ответил тот.

— Вот что, Артем, ты иди на работу, а я постараюсь что-нибудь сделать. Кстати, сын твой дома?

— Дома. С Коськой Аксютиным занимается. Потом пойдет на огород картошку окучивать. Сами знаете...

— Знаю, знаю. Ну, ты иди, иди. И пока об этом никому ни слова. И успокойся, а то на тебе лица нет. — С этими словами Улыбышев выпроводил за калитку бывшего своего подчиненного, отметив про себя, что в Чечне он не видел старшего сержанта Сорокина таким растерянным даже в самых трудных ситуациях. Впрочем, Сорокин был один из многих, и не им командовал подполковник Улыбышев, а командирами рот. Но он еще в Афганистане старался доходить до каждого рядового, чтобы знать, кто и что из себя представляет. Сорокин среди прочих ничем не отличался. Разве что своей исполнительностью.

А Пашку, между тем, сунули в машину, предварительно несколько раз ударив его кулаком в разные места, при этом была женщина, и очень даже красивая, в том числе и по голове, так что Пашка уже и не чувствовал боли, в голове его гудело, в глазах мелькали красные круги. А дядька, поче-

му-то с окровавленным лицом, к которому он прижимал платок, затолкал его на пол между задними сидениями и спинками передних, сел сам да еще поставил на Пашку ноги. Машина взревела и поехала. И пока ехали, дядька спрашивал его, кто он и где живет. Пашка, понимая, что правду говорить нельзя, сперва молчал, пытаясь собраться с мыслями, но дядька то и дело больно бил его острым каблуком по ребрам и снова задавал один и тот же вопрос. И Пашка, звериным инстинктом чувствуя, как надо себя вести в подобном случае, стал скулить, но конце концов начал говорить:

— Григорьев.

— Звать как?

— Денис.

— Адрес?

— Ручеек, дом пять, квартира девяносто один.

— Врешь, сучонок! Нет там никаких Григорьевых!

— Е-есть! — завыл Пашка, и тут же получил новый пинок ногой.

— А твой товарищ?

— Это мой брат. Генкой зовут.

— Ну, смотри, сучонок, если соврал, на куски порежем и тебя и твоего брата, — пригрозил дядька. А потом спросил у тетки, которая вела машину: — Ну, что с ним будем делать?

— Придушить его, гаденышка, и бросить в лесу, — посоветовала тетка.

Пашка опять завыл:

— Дяденька, тетенька, миленькие, я больше не буду-ууу!

— Цыц, сучонок! — рывкнул на него дядька, пнув ногой.

Пашка вскрикнул от боли.

— Надо посоветоваться со Студентом, — после некоторого молчания предложила тетка.

— Звони! — велел дядька. И пояснил: — У меня руки заняты: кровь так и хлещет. Черт знает что!

— Тебе надо в травмпункт, — сказала тетка.

— Где его тут черт найдет, — проворчал дядька.

— Это мы, — сказала тетка непонятно почему, как будто она и была травмпунктом. И дальше уж совсем какая-то ерунда: — Слушай, Студент, у нас чепэ: мы взяли у гаражей одного писаку. (Далее тетка рассказала о том, что ответил им Пашка на их вопросы.) Но другой сучонок кинул камень и разбил Буряку лицо. Где тут у вас травмпункт или что еще?

«Ага, — решил Пашка, приходя в себя, вслушиваясь в каждое слово и пытаясь понять, что с ним будет и как себя вести. — Значит, это Костян разбил лицо этого дядьки... Вот

молодец! Так ему и надо, чертову бандюгану! А тетка звонит какому-то студенту. А везут меня... Куда же они меня везут?» — и страх снова стал леденить его душу.

Тетка долго молчала, потом сказала:

— Ладно, сделаем. Бывай.

После звонка машина развернулась. У Пашки от страха потекло в штаны.

— Фу ты, гаденыш! — зарычал дядька.

Глава 15

Осевкин в это утро проснулся часов в восемь. Несмотря на бурную ночь, он чувствовал себя прекрасно и, покинув спальню, почистив зубы и поплескав из пригоршни на лицо холодной водой, спустился в спортзал. Немного помахал руками, подрыгал ногами, но ни за штангу, ни за что другое не брался: после подпития такие физические нагрузки, если верить медикам, особенно вредны. Приняв душ, он поднялся в башенку с телескопом.

Осевкин любил это место: здесь чувствуешь себя удивительно свободным, точно птица, и даже как бы ни от кого и ни от чего не зависимым. Сейчас, когда туман еще окутывал землю, ему казалось, что он беззвучно летит над землей, которая давала о себе знать то острой макушкой особенно высокой ели, то далекой мачтой линии высоковольтной передачи, то темно-серым холмом, тоже куда-то плывущим над пеленой тумана. Но он-то, Осевкин, выше всех и всего, он сам добился этой высоты, рискуя своим будущим и даже жизнью, и уж теперь-то никому не отдаст ни единого сантиметра завоеванной с таким трудом позиции. И поднимется еще выше — туда, где летают одни лишь ястребы, коршуны и орлы.

Он и дальше бы предавался своим мечтам и ощущениям, таким приятным и расслабляющим, но лежащий на столике мобильник исторг из себя требовательную мелодию, и Осевкин, будто очнувшись ото сна, поспешно схватил черную плоскую коробочку, откинул крышку. Звонила Лиса, подруга одного из его людей, с которыми он когда-то занимался рэкетом и бандитизмом. Выяснилось, что его люди уже находятся в Угорске, что они задержали пацана, который подновлял на гаражах забеленные вчера надписи. Пацан сперва упирался и не называл фамилии, но, получив пару тумачков, назвал себя Денисом Григорьевым, живущим в «Ручейке», дом пять, квартира девяносто один. Проверять его на месте они не решились, поэтому просят совета, что делать с этим паца-

ном. А еще о том, где тут травмпункт, потому что другой пацан разбил камнем лицо Буряку. Осевкин велел отвезти мальчишку на проходную комбината и сдать начальнику охраны Щуплякову, а самим ехать по адресу, где проживает знакомый ему врач. После чего позвонил Щуплякову и сообщил о своем решении.

Людей, которые работали на Осевкина, приезжая из Москвы по его вызову, редко случалось более двух человек. И не всегда одни и те же. Зато это были люди, на которых Осевкин мог положиться целиком и полностью. И не только потому, что их связывало недавнее прошлое, но еще и потому, что он им хорошо платил за те мелкие услуги, которые они ему оказывали. Надо будет встретиться с этими людьми и поставить перед ними задачу. А заодно выбить из мальчишки все, что он знает, если этого не сделает Щупляков. Только так можно выйти на тех, кто все это затеял. Потому что, если он, Осевкин, не доведет это дело до конца, завтра могут остановить конвейеры, что-нибудь сломать, испортить, поджечь. И вообще, дай этому быдлу палец — откусят руку, а потом и голову. Может повернуться и так, что найдется кто-нибудь наверху, если иметь в виду истерическую выходку сына этого придурка Солонцева, которая тоже ведь возникла не на пустом месте, кто ткнет в сторону Осевкина пальцем и крикнет: «Вот он! От него все беды! Ату его!» — и затюкают, заклюют, и не из любви к какой-то там справедливости, а из желания отнять у Осевкина его дело. Так случалось кое с кем на зоне, кто почему-либо не устраивал братву, превращался в изгоя и погибал, часто на глазах у всех, и начальство смотрело на такие самосуды сквозь пальцы. А Россия — это та же зона, только очень большая зона, где все еще царят ее неписанные законы, которые то работают на него, Осевкина, то против. В этой зоне надо всегда придерживаться золотого правила: не противоречить в открытую сильным и держать в кулаке слабых.

Нахлынувшие воспоминания о вчерашнем вечере распалили воображение Осевкина, заставляя нервно подрагивать его пальцы. Нет, он лично разберется во всей этой истории с оскорбительными надписями. Так будет надежнее. И уж он никого не пропустит, каждому воздаст по заслугам.

Велев подать кофе и разбудить Нескина, Осевкин навел телескоп в даль. Над озером на глазах редела пелена тумана, сквозь которую едва виднелся противоположный берег. Там все было тихо, никто и ничто не шевелилось. Тот берег спал, однако в его недрах наверняка что-то вызревало против Осевкина, не могло не вызревать, и все это надо задавить в зародыше в ближайшие же часы.

Пыхтя, в «обсерватории» появился Нескин. Лицо его отекло, приняв землистый оттенок, под глазами повисли мешки: видать, вчерашнее возлияние не пошло ему на пользу.

— Привет! — произнес он, тяжело плюхаясь во вращающееся кресло.

— Привет, Арончик! Привет! — весело ответил Осевкин. Его всегда охватывало веселое возбуждение, когда предстояло какое-нибудь щекотливое дело. — Пей, Арончик, кофе, и поехали разбираться. Время — деньги. А у нас с тобой времени в обрез.

Нескин хорошо помнил эту нервную возбужденность Осевкина. И она, на его взгляд, не сулила ничего хорошего не только самому Осевкину, но и Нескину, его компаньону. Ну, приедут они на комбинат, схватят одного— другого— третьего. Каким зверем может быть Осевкин, Нескин знал слишком хорошо. Впутываться в его дела с его методами — себе же во вред. Но и не впутываться — то же самое. Времена изменились, а Осевкина иногда, судя по имеющимся у Нескина сведениям, заносит именно в прошлое. Взять хотя бы дикую расправу с начальником горотдела милиции. Если бы дело открылось — все полетело бы к черту. Но бывший начальник не устраивал не только Осевкина, но и нынешнего мэра, только поэтому дело замяли за недостаточностью улик. А еще темное дело с бывшим редактором местной газетенки...

Нескин отпил пару глотков кофе, проворчал:

— Сеня, ты и взаправду куда-то собираешься?

— Ты что, Арончик, с луны свалился? Забыл, с чего у нас вчера начался день? А дело-то стоит. И я не знаю, почему именно. Может, мой пес Щупляков в этом деле ни хрена не смыслит. Допускаю. Хотя и работал в КГБ какое-то время. Но не следователем, а «хвостом»: таскался за диссидентами и шпионами. А это, как говорят у вас в Одессе, две большие разницы. Нельзя исключить и того, что он ведет двойную игру. Эти бывшие кагэбэшники — народ темный. Генералы пошли служить сторожевыми псами к олигархам, а всякая вшивота мечется между теми и этими. Он мне давно не нравится, этот Щупляков, хотя охрану на комбинате поставил хорошо — не придерешься. Но я нутром чувствую — чужой человек. Надо ехать. И немедленно.

— Послушай, Сеня, старого жида, — начал Нескин проникновенным голосом. — Вчера ты, надо прямо сказать, на генеральском юбилее малость вышел из ряда вон. Ты, Сеня, не учитываешь, что они действительно считают тебя вором — и никем больше. А себя чуть ли не высшим светом. Хотя бы районного масштаба. А ты, Сеня, по их понятиям, разумеет-

ся, не тянешь даже на район. Они тебя терпят. Но до поры до времени. Потому что уже забыли, из какой грязи вылезли их отцы и деды. Да и они сами. Им хочется спокойно пользоваться наворованным. Ездить за границу, отдыхать на Гавайях, иметь виллу где-нибудь в Ницце, учить детей в Кембридже, зубы вставлять в Лейпциге, геморрой лечить в Карловых Варах. Если там, конечно, его лечат. Да, они такие же воры, как и всякие другие, но свое воровство за воровство не считают. Они слишком долго чесали затылки, когда более продвинутые люди хапали самые лакомые куски. Теперь они пытаются наверстать упущенное, то есть, как они считают, взять то, что им полагается по праву дележа. И очень не любят, когда воришки вытаскивают из их кармана кошелек, или из их квартиры золотишко и бриллианты. Ко всему прочему, они по горло сыты революциями и контрреволюциями. Это, Сеня, внуки и правнуки Обломова. Им давно хочется на диван, чтобы спину чесала молодая деваха, а перед мордой мелькал экран телевизора. Если они и терпят тебя, то лишь потому, что ты даешь им на карманные расходы. Они ждут, что ты тихо замнешь это дело. Будто его и не было. Им совсем ни к чему, чтобы об их паршивом городишке судачили по московским телеканалам и в московских газетах. Должен тебе напомнить, Сеня, что самое страшное оружие в руках тех, против кого выступает всякая люмпенизированная мразь, не замечать ее выступлений. Когда человек орет, а его никто не слышит, он или сходит с ума, или вешается. От безысходности. Посиди, Сеня, дома. У тебя славная жена. У тебя славные дети. Давай устроим рыбалку или что-то еще. А дело там пусть идет своим чередом. Пусть там поработают твои шестерки. Ты думаешь, что те, кто выступил против тебя, сейчас не дрожат за свои шкуры? Дрожат, Сеня. Еще как дрожат. И чем дальше будет тянуться эта неизвестность, тем сильнее будут дрожать. И где-то на чем-то эта дрожь отзовется. Потому что им нужен результат. А его нет. Вот тогда ты и примешь решение. Тихо, без всякого шума, но такое, что все сразу же заткнутся.

Нескин замолчал, поглядывая на Осевкина. Тот сидел, обхватив колени руками, раскачиваясь взад-вперед. Раскачивался и молчал. При этом ни одна мысль не отражалась на его неподвижном лице и, скорее всего, не проскальзывала в его не слишком изошренном мозгу. Он сидел, раскачивался и, как казалось Нескину, вслушивался в самого себя. Но трудно было даже предположить, что он мог там услышать.

А между тем внутри Осевкина продолжало расти непонятное ему напряжение, какое возникает у хищника при виде

куска мяса, невесть откуда взявшегося, и в то же время пугает едва уловимый чужой запах, раздражающий в носу чувствительные рецепторы, не позволяя к этому куску притрагиваться. Кусок мяса манил своим аппетитным видом, чужие запахи настораживали. И нужно было на что-то решаться. Возможно, Нескин прав. Он помнил его по их еще студенческим годам, помнил его способность все учесть и разложить по полочкам, свое преклонение перед его логикой и свое упрямое желание сделать по-своему, наперекор всему, которое в конце концов прогибалось под напором доводов старшего товарища. Сам Осевкин копать так глубоко не умел. И не только потому, что был молод, а потому, что вырос совсем в других условиях, где такой расчетливости не было места.

Через какое-то время Осевкин перестал качаться, посмотрел на Нескина своими неподвижными глазами, в которых зрачки как бы растворились в зеленоватых глазных яблоках, процедил сквозь зубы:

— Я привык действовать на опережение, Арончик. Но на этот раз я, пожалуй, послушаюсь твоего совета. Только учти: если я проиграю, то еще больше проиграешь ты.

— Это как же тебя понимать? — насторожился Нескин.

— А вот как хочешь, так и понимай. И отсюда ты никуда не уедешь, пока вся эта катавасия не закончится. Такое мое окончательное решение.

— Но я к тебе, Сеня, не в гости приехал, а по делам службы. У меня есть и другие люди, работу которых я должен проверить. Если ты будешь давить и на меня, то это для нас обоих плохо кончится.

— Я на тебя, Арончик, не давлю. Ты только что предложил мне вариант. Я его принял, так до конца и не уяснив, какая мне от него польза. Ты уедешь, а я, значит, расхлебывай эту кашу по твоему варианту без твоей помощи и совета. Не кажется ли тебе, что это не по-товарищески? Или ты выходишь из доли?

— Хорошо, — откликнулся Нескин после непродолжительного раздумья. — Я остаюсь. Но не более чем на три дня. Учти, с меня ведь тоже спрашивают, я должен буду отчитаться перед братьями за каждый день.

— А ты позвони им и скажи, что обстоятельства требуют твоего присутствия. На всякий случай проверишь, доверяют они тебе или нет.

— Они никому не доверяют — тут и проверять нечего. Они даже друг другу не доверяют. Но позвонить я, конечно, позвоню.

И Нескин стал набирать на мобильнике номер. На экране появилась надпись на английском языке, предлагающая оставить сообщение. Нескин долго тыкал пальцем в экран,

даже вспотел от усердия. Закончив передачу, некоторое время паялился в светящийся прямоугольник, затем со вздохом сложил аппарат и убрал в карман.

— Ну и что? — Спросил Осевкин.

— Ответ будет позже, — произнес Нескин. И пояснил: — Там еще ночь, все спят, не будем торопить время.

В дверь обсерватории робко постучали.

— Кто там? — Спросил Осевкин.

Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель заглянула жена Осевкина Наталья и, едва переступив порог, замерла в нерешительности.

— Что тебе? — Спросил Осевкин, глядя на жену такими глазами, будто перед ним стоит самый лютей его враг.

— Сеня, если ты очень занят...

— Я всегда очень занят. Говори!

— У меня кончились деньги. А надо покупать продукты...

— Давно ли я тебе их давал? — рявкнул Осевкин. — Тратить надо поменьше на всякую ерунду! Мне деньги даются не так просто!

— Я понимаю, но... ты же знаешь, все так дорого. А детям нужны хорошие продукты.

— Сколько тебе? — полез Осевкин в задний карман белых джинсов.

— Сколько дашь, — последовал робкий ответ.

— Дура! Считать надо! Сколько дашь... А где Ленка?

— С детьми.

— Иди сюда! — поманил жену пальцем Осевкин.

Та робко приблизилась. Он протянул ей несколько зеленых тысячных купюр.

Спросил:

— Хватит?

— Нет, надо еще.

— Еще за так не дают — надо заработать, — ухмыльнулся Осевкин. Велел: — Похрюкай!

Женщина с испугом глянула на Нескина, произнесла еле слышно:

— Хрю-хрю...

— Разве так хрюкают! За такое хрюканье и сотни будет много! Давай еще!

— Хрю-хрю-хрю! — несколько громче произнесла Наталья, и на глазах у нее выступили слезы.

— Ладно, черт с тобой! Бери! Но смотри у меня — чтобы ни одной копейки на всякую ерунду. Проверю.

Женщина кивнула головой, взяла деньги и бесшумно исчезла за дверью.

Даже Нескину, который в своей жизни повидал много всяких мерзостей и сам был горазд на них, стало не по себе от этой сцены, разыгранной у него на глазах. Однако он счел за лучшее промолчать.

А Осевкин уже говорил с кем-то по мобильнику:

— Ефим! Ты где? На той стороне? Мне надо с тобой срочно перетереть кое-какие делишки. Полчаса тебе хватит, чтобы перебраться на эту сторону?.. Жду.

Редактор местной газетенки «Угорские ведомости» Ефим Угорский появился минут через двадцать. Нескин помнил его вертлявым Ефимом Гренкиным, с гривой черных волос, завитых в мелкие кольца, из которой выглядывало, как из норы, остренькое лицо маньяка с длинным тонким носом. Между ним и узкими губами ниточка усов, уши тонут в густых бакенбардах, черные глаза чуть навывкате и часто-часто порхающие ресницы.

За те годы, что они не виделись, нынешний редактор «Угорских ведомостей» приобрел совершенно другие черты, разительно отличающие его от бывшего скандального телеведущего одного из главных российских телеканалов. Он поседел, располнел, на макушке среди все еще густой растительности отсвечивала круглая плешь, усы расплзлись, захватив не только все пространство под носом, но и щеки, и двойной подбородок, слившись с бакенбардами, выпуклые глаза потускнели, а поредевшие ресницы все так же порхали без устали. Точно вокруг глаз вертелась невидимая надоедливая мошкара.

Гренкин был одним из первых, кто с пеной у рта громил все советское, оправдывая тем самым произведенный переворот, почти в каждом политике искал и находил проявление неисполнимой совковости, мешающей в кратчайшие сроки вывести Россию на дорогу демократии и рыночных отношений, по которой идет все прогрессивное человечество. В ту пору слово «патриот» выговаривали сквозь зубы, а самих патриотов величали негодьями, нашедшими в патриотизме последнее убежище своему негодяйству. Гренкин шел еще дальше: он патриотов приравнивал к фашистам и антисемитам, историю СССР рассматривал как черную дыру, куда уносило все здоровое, умное, прогрессивное.

Но жизнь в стране и государстве, неожиданно для большинства ее граждан перевернувшаяся с ног на голову, породившая страшный хаос и разор, кровавые межнациональные стычки, постепенно налаживалась, как налаживается она в развороченном медведем муравейнике, и оказалось,

чтобы наладить ее окончательно, без русского патриотизма и патриотов не обойтись. Увы, Ефим Гренкин этого перехода не заметил, или не захотел замечать, и продолжал дуть в прежнюю дуду: мол, вот и Сталин, идейный и нравственный двойник Гитлера, в свое время тоже поворотился к русскому патриотизму, а из этого яичка вылупился ужасающий по своей несправедливости и жестокости тридцать седьмой год. Какое-то время он околачивался на радио, затем куда-то пропал, выскочил на Украине, там громил все русское, как символ отсталости, но когда на Украине к власти пришли новые люди, а с ними и новая политика, Гренкин оказался лишним. Долго о нем не было ничего слышно, а вынырнул он в Угорске под фамилией Гречихин, присвоил псевдоним Угорский, которым и подписывал свои статьи.

Удивительное дело: Гренкин-Гречихин-Угорский сделал вид, что не признал Нескина. Он лишь искоса глянул на него своими выпуклыми глазами, и все внимание обратил на Осевкина.

— Что там сейчас говорят? — спросил тот у редактора газеты, шуря левый глаз, точно целился в него из пистолета.

— Сейчас еще ничего: спят. А многие уехали еще ночью. Но общее мнение, составившееся вчера, можно выразить примерно так: «Этот Осевкин не умеет себя вести в порядочном обществе».

Как показалось Нескину, слова «этот Осевкин» Гречихин-Угорский выговорил с особой интонацией. И даже с удовольствием. Похоже, он и сам придерживался того же мнения.

«Интересное кино», — подумал Нескин. И тоже не без удовольствия.

— Ничего, — проворчал Осевкин с презрительной усмешкой. И, повернувшись к Нескину: — Как видишь, Арончик, мы тоже не чужды элементов демократии. — И снова к редактору газеты: — О надписях на заборах что-нибудь слышал?

— Весь город о них говорит.

— Так вот, Ефим, в своей газетенке дай развернутый обзор... — или как это у вас называется? — событий за минувшую неделю. О надписях скажи, что в городе поднимают голову национал-фашисты, для которых... Дальше сам что-нибудь придумай. Но не пережми. Так, походя. А выделить надо вот что: на Комбинате будет расширено производство продукции, комбинат выходит из кризиса, будут заключены новые договора с зарубежными поставщиками, увеличены инвестиции, в результате чего... Ну и так далее. Короче говоря, с одной стороны — фашисты, с другой — процветание города и его граждан.

— Я понял, — склонил голову Гречихин-Угорский. — Сделаю в лучшем виде.

— И там что-нибудь про нана-технологии... Не забудь про грандиозные планы администрации города, о том, что полиция, несмотря на переименование, не туда пялит свои гляделки, что общественность возмущена, что молодое поколение должно воспитываться на примерах...

— Можете не продолжать, — поморгал глазами Гречихин-Угорский с видом превосходства над человеком, ничего не смыслящим в его деле. — Но должен вам заметить, что скандал разразился из-за невыдачи зарплаты. Как вы, Семен Иванович, собираетесь решить этот вопрос? — И тут же зашпешил, оправдываясь: — Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Я только хочу сказать, что вы велели сделать обзор за неделю, но, сами понимаете, что обойти этот вопрос в обзоре, это все равно, что не сказать ничего. Более того, поставить под сомнение все ваши благие, так сказать...

— Заткнись! — прошипел Осевкин. — Много болтаешь! Можешь намекнуть, что с улучшением положения на Комбинате... и так далее. Сам докумекаешь, или разжевать?

— Не извольте беспокоиться, Семен Иванович, — заюлил Гречихин-Угорский, и лицо его расплылось в сладчайшей улыбке. Однако глаза моргали еще чаще, будто скрывали действительные мысли своего хозяина. — Все сделаю в лучшем виде!

— И как только тебя держали в Москве на телевидении? — усмехнулся Осевкин, довольный произошедшей переменой в поведении редактора.

А тот промолчал и даже потупился, и Нескин понял, что жизнь так круто обошлась с бывшим Гренкиным, что от его бывшего апломба не осталось почти ничего. Разве что какая-нибудь малость.

— Напишешь — принесешь мне, — добавил Осевкин жестким голосом. После чего махнул рукой, отпуская редактора.

— Я удивляюсь тебе, Сеня, — заговорил Нескин, едва за Гречихиным-Угорским закрылась дверь, — что ты связался с этим идиотом. От таких людей лучше держаться подальше.

— Это почему же?

— А продаст он тебя со всеми твоими потрохами. Ему это не впервой.

— Пусть попробует, — усмехнулся Осевкин. И пояснил: — Я, когда брал его на работу, предупредил, что если он где-нибудь что-нибудь вякнет против меня или моих друзей, кончит жизнь на муравьиной куче. И показал ему несколько фотографий, как он будет выглядеть через несколько часов близкого знакомства с муравьями и комарами. По-моему, он вполне усвоил эту информацию.

— Ну, гляди, тебе виднее, — пожал плечами Нескин.

В этот день Щупляков отправился на работу более чем на час раньше обычного. Он и сам не знал, что подняло его в такую рань, откуда эта нервозность и ожидание каких-то событий, способных вторгнуться в его жизнь и перевернуть ее вверх дном. Он, правда, такими отчетливыми категориями не определял ни ожидаемые события, ни их последствия, но, как некоторые животные чувствуют по едва заметным колебаниям почвы приближающееся землетрясение или извержение вулкана, так и он чувствовал нечто подобное, одновременно желая, чтобы это наступило скорее, боясь, что не сможет вписаться в его непредсказуемые зигзаги.

Он вышел из дому и погрузился в густой туман, окутывающий город и его окрестности. Туман был какой-то странный — он светился как бы изнутри, хотя это противоречило всем законам природы. Если бы Щупляков очутился в этом городе впервые, он бы, пожалуй, не знал, куда идти: слева и справа серыми призраками выступали отдельные деревья, домов не было видно совершенно. Редкие машины, медленно проезжающие по улице, усердно светили фарами, но свет застревал в тумане, и с тротуара видно было лишь желтое пятно, движущееся не известно куда.

Оказавшись в своем кабинете, Щупляков первым делом ознакомился с графиком работ на сегодняшний день и списком людей, с утра заступающих на дежурство. Бригадир наладчиков Артем Александрович Сорокин значился в этом списке. Из окна кабинета на третьем этаже Щуплякову смутно видна проходная, угол второго корпуса, широкий двор с железнодорожной колеей, с темной махиной ангара, куда загоняются цистерны. Впрочем, туман потихоньку редел, обнажая контуры строений и деревьев.

Ближе к половине восьмого из дверей проходной потянулись люди. Щупляков стоял у окна и пытался разглядеть Сорокина, о котором знал, что ему сорок три года, что воевал в Чечне контрактником, был ранен и по этой причине комиссовался раньше срока. Хороший специалист своего дела, дисциплинированный, ни в каких порочащих его связях и поступках не замечен, состоял или продолжает состоять в компартии, роста чуть выше среднего, физически крепок, русоволос и сероглаз, на шее возле левого уха шрам от пули. Щупляков знал это не с чьих-то слов, а частью из характеристики, частью из личных наблюдений. Теперь, после случайной встречи с Сорокиным в доме Улыбышева, этот человек приобрел в глазах Щуплякова что-то еще сверх того, что о

нем ему было известно. Он решил вызывать к себе членов бригады наладчиков по одному, каждому задавать одни и те же вопросы, Сорокина вызвать одним из последних. Вчера он уже поговорил кое с кем из его бригады, но то было вчера, до разговора с Улыбышевым. Вчера он только приступал к этому делу, приступал не торопясь, надеясь, что дело заглохнет само собой, потому что, по большому счету, ни самому Осевкину, ни городским властям нет никакого резона раздувать это дело, выносить его за городской порог. И вроде бы со вчерашнего вечера ничего не изменилось, ничего не появилось такого, что бы нарушило логику событий, но тогда откуда в нем эта нервозность, это ожидание чего-то невероятного? Ах, да! Эти странные умолчания с обеих сторон во время разговора с Улыбышевым, эта недосказанность относительно помощи со стороны бывшего подполковника. И сам он, Щупляков, тоже сказал не все, а главное — зачем ему помощь со стороны бывших коллег и как он ею воспользуется. Получается, что они оба не доверяют друг другу. Щупляков Улыбышеву потому, что не знает, как тот поведет себя в том или ином случае, насколько он изменился за последние годы, а тот, в свою очередь, ничего не знает о Щуплякове.

«А сам ты себя знаешь?» — спросил мысленно Щупляков, глядя в окно. И не нашел ответа.

Первым по алфавиту значился Будников Иван Кириллович, сорока лет, в армии не служил, не судим, не привлекался, не состоял. Семья из четырех человек: сам, жена и двое детей. Мальчишке пятнадцать лет, девочке — четырнадцать. Живет в своем доме на окраине города. Вчера с ним Щупляков не встречался: то ли тот ушел раньше, то ли был занят по работе.

Но не успел Щупляков вызвать к себе Будникова, как позвонил Осевкин. Голос у него был резкий, но в то же время вполне доброжелательный:

— Слышь, Михалыч, мне только что сообщили: схватили пацана, который подновлял надписи на гаражах. Сейчас его приведут к тебе. Он назвался Григорьевым Денисом из Ручейка. Дом пять. Квартира девяносто один. Разберись.

— Кто приведет?

— А я откуда знаю? Кто-то, кому эти надписи не нравятся. Порядочные люди еще не перевелись, Михалыч. Так что жду результатов.

Щупляков положил трубку и задумался. Что порядочные люди не перевелись, он не сомневался. Но порядочные люди не станут хватать мальчишку, который подновлял надписи, потому что, особенно с точки зрения порядочного человека,

очень даже непорядочно помогать такому человеку, как Осевкин. И тут же из глубины сознания всплыло: ну а ты сам — порядочный или нет? Вопрос был болезненным и неприятным. И ответ Щуплякову известен давно: это моя работа. В том же КГБ тоже было много мерзостей, и тоже ты оправдывался теми же самыми словами: это моя работа. Следовательно, или ты работаешь, или... А у тебя семья, старший сын учится в аспирантуре, недавно женился, средний заканчивает институт, младший... С младшим, увы, не все ладно: тот взял себе в голову, что может реализовать себя исключительно на ниве джазовой музыки, с мальчишек бредил ею, закончил музыкальную школу, играл в школьном джазе... Короче говоря, у парня крыша поехала на этом джазе, ел и спал с наушниками на голове. Младший — боль и его, Щуплякова, и жены. И потому что оба джаз этот терпеть не могли, и потому еще, что не считали это увлечение сына дорогой к достойной для мужчины профессии. Но, так или иначе, а всем надо помогать, одевать-обувать, кормить-поить.

Не успел Щупляков принять решение, как позвонили с проходной, и сказали, что какая-то женщина привела какого-то мальчишку:

— Женщина сказала, что вы про мальчишку знаете. И ушла. Что делать?

— Приведите мальчишку ко мне, — велел Щупляков.

Минут через пять охранник ввел в кабинет худенького белобрысого паренька лет четырнадцати, с подбитым глазом и разбитой губой, голова и руки от кистей до плеч выкрашены яркой оранжевой краской, явно из баллончика. Мальчишка глянул на Щуплякова ненавидящими глазами, произнес свистящим полупшепотом:

— Я вам ничего не скажу.

Щупляков встал из-за стола, подошел к мальчишке, покачал головой.

— А я у тебя ни о чем и не спрашиваю. Сядь пока, посиди. Вот, выпей воды, — добавил он, налив в стакан минералки и подвигая его поближе к мальчишке.

Тот презрительно скривил опухшие губы и отвернулся.

Щупляков позвонил в медпункт, попросил придти медсестру, сказав, что у него в кабинете ребенок с травмами, полученными, по-видимому, в драке.

Пришла медсестра, пожилая женщина с добрыми морщинками у глаз, заворковала:

— И кто это тебя, Пашенька, так разделал? О господи! Все деретесь, деретесь, о матерях не думаете.

Мальчишка отскочил в сторону, вскрикнул:

— Ничего мне от вас не надо! Слышите? Ничего! И без вашей помощи обойдусь!

— Ну, как же так, милый? Грязь попадет, зараза какая-нибудь... Что же ты так взбеленился-то? Экой ты, право, — продолжала ворковать медсестра. — И краска... Ее ж так просто не отмоешь. Не пойдешь же ты по городу таким разукрашенным.

Мальчишка отвернулся, сдерживая слезы.

— Заберите его к себе, Оксана Владимировна, — велел Щупляков. — Постарайтесь привести в божеский вид. Потом проводите за проходную. Я скажу, чтобы пропустили.

Когда медсестра с мальчишкой покинули кабинет, Щупляков еще долго мерил шагами его диагональ от одного угла до другого. Лишний раз подтвердилось, что у Осевкина, помимо угорских братков, навояющих порядок на рынке и улицах города, есть еще какая-то структура, скорее всего из бывших его поделщиков по бандитскому ремеслу, и в каких-то случаях он привлекает ее для решения щекотливых вопросов. Щупляков и раньше подозревал о ее существовании, но только сейчас она проявилась своим краешком, и самым неожиданным образом. Следовательно, Осевкин на него, Щуплякова, не надеется. Возможно, что и не доверяет. А структура эта пошла по тому следу, по которому решил идти сам Щупляков. И существенно его опередила. Более того, не исключено, что она уже выявила «преступников». И теперь Осевкин по своему бандитскому разумению решил окончательно повязать с собой начальника безопасности очередным преступлением. Так что же все-таки делать?

Щупляков прервал свое маятниковое движение по кабинету, остановившись у окна. Он увидел, как по направлению к проходной идут мальчишка и женщина. Вот они скрылись за ее дверью, и через минуту ожил телефон внутренней связи: охранник на проходной спрашивал, выпускать мальчишку или нет? Щупляков велел выпустить. Затем из проходной вышла медсестра и, переваливаясь по-утиному, пересекла площадь перед административным корпусом в обратном направлении.

Щупляков подошел к столу, достал из ящика финку, отобранный у одного из работников комбината, попробовал лезвие на ноготь — лезвие уперлось в ноготь и дальше не продвинулось. Протерев его спиртом, затем и левую ладонь, он медленно провел кончиком лезвия у основания большого пальца. Выступила и потекла по ладони кровь. Достав из кармана платок, Щупляков, морщась, наложил его на рану, прижал пальцами. Выйдя из кабинета, захлопнул за собой дверь и пошагал по коридору. Спустился этажом ниже, про-

шел мимо нескольких дверей, остановился перед дверью с табличкой «Медпункт». Постучал.

— Да-да! Войдите! — послышался из-за двери знакомый голос медсестры.

— Вот, и я тоже к вам, — произнес Щупляков виноватым голосом, едва переступив порог медпункта.

— Господи! Что с вами, Олег Михайлович?

— Порезался, Оксана Владимировна. Такая вот невезуха.

— Давайте, давайте вашу руку!

Осмотрев, залив рану перекисью водорода, затем смазав ее зеленкой, медсестра стала накладывать повязку, в то же время не закрывая своего рта:

— Вот такие же порезы делали себе некоторые молодые солдатики в Афганистане, когда не хотели идти на боевое задание. Жалко их было, восемнадцатилетних-то несмышленьшей. По первому разу я начальству не докладывала, но предупреждала, что во второй раз им это даром не пройдет. И знаете, второго раза ни у кого не было. То ли боялись, что тайна их раскроется, то ли перед товарищами стыдно, то ли попривыкли к обстановке.

— Намек ваш, Оксана Владимировна, я понял. Да только мне вроде бы в бой не идти.

— Так-то оно так, а только, скажу я вам, при нечаянном порезе разрез таким ровным не бывает. Если нож срывается, то он сразу же глубоко уходит под кожу, затем человек спохватывается, и разрез идет как бы из глубины вверх.

— И где вы служили в Афгане? — решил перевести разговор на другую тему Щупляков.

— Сперва в самом Кабуле, в госпитале, потом в Кандагаре. А потом и вообще загнали в такую дыру, что и на карте не найдешь.

— В Кандагаре мне тоже приходилось бывать, — произнес раздумчиво Щупляков. И добавил: — Значит, ходил где-то с вами рядом.

— Все может быть, — вздохнула медсестра, наложив на повязку клейкую ленту.

— А что этот парнишка? — спросил Щупляков. — Павликом, кажется, зовут?

— Да что ж Павлик? Ничего особенного. А только, скажу я вам, Олег Михайлович, тут не дракой пахнет. Мальчишки, они что ж, случается, дерутся друг с другом. Мой вон в таком же возрасте чуть ли не каждый день домой с синяками приходил. А тут видать невооруженным глазом — били его. И били взрослые. Два коренных зуба выбить — это мальчишкам не под силу. И ребра — сплошные гематомы... Тут чув-

ствуется рука профессионала. А вот так испачкать мальчишку краской — это, скажу я вам, попахивает уголовщиной. Вот и думайте, что хотите.

— С вами опасно иметь дело, дорогая Оксана Владимировна. И мне нечего возразить по поводу вашего афганского опыта. Надеюсь, вам удалось отчистить парня от краски?

— Не до конца: уж больно въедлива. Я уж чего только не делала. И спиртом, и растворителем — все равно заметно. Посоветовала ему посидеть дома недельку-другую. За это время она сама сойдет.

— Как вы думаете, воспользуется он вашим советом?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. В семье у них не все ладно. Мальчишка растет беспризорником. Мать у них, как только посадили мужа ее, Николая Афанасьевича, запила, он уж с ней, когда вернулся, помучился, помучился да и отступился... Да вы знаете небось: Лукашин младший, брат директора школы Филиппа Николаевича, бывший начальник производства на деревообрабатывающем. Судьба ему, скажу я вам, выпала не из завидных, — вздохнула горестно медсестра.

— Да-да, слышал что-то такое краем уха, — подтвердил Шупляков. — Но без подробностей.

— Вот он самый и есть. Устроился лесником, дома бывает редко, за детьми смотреть некому. Правда, лето Пашка по большей части проводит у него в лесничестве. Или в отряде «Поиск». Пашкина сестра, Ирой зовут, вышла замуж, едва ей исполнилось восемнадцать, и уехала в другой город. Никто даже не знает куда: боится, что мать может сесть ей на шею... Так что у Пашки одна дорога — к отцу.

— Спасибо вам, Оксана Владимировна, за все: и за лечение, и за информацию. Надеюсь, разговор этот останется между нами. Как и само событие. И, пожалуйста, не фиксируйте его нигде в своих бумагах. Ради безопасности того же Павлика. Знаете ли, в его возрасте особенно обострено чувство справедливости. Краска — лишнее тому доказательство. Очень боюсь, что никто на это не посмотрит, и двумя выбитыми зубами тут может не обойтись.

— Так что же делать? — воскликнула медсестра, всплеснув руками.

— Честно вам скажу, Оксана Владимировна: что делать, я не знаю. Сейчас не знаю, — сделал ударение Шупляков на слове «сейчас». — Но думаю, что в ближайшее время знать буду. Если, конечно, мне не помешают... Так, значит, фамилия этого парнишки Лукашин?

— Лукашин. Только вы, ради бога, не говорите об этом Осевкину! — воскликнула громким шепотом Оксана Вла-

димировна, с мольбой заглядывая в серые глаза Щуплякова. — Сами, небось, знаете, что он за человек такой.

— Да, наслышан. Но тоже без подробностей, — кивнул головой Щупляков. — Что касается Павлика, то постараюсь сделать для него все, что смогу.

Глава 17

Теперь перед Щупляковым стояла вполне конкретная задача — спрятать Пашку Лукашина как можно дальше, чтобы его не нашли ищейки Осевкина. Задача эта возникла неожиданно и как бы из ничего, потому что ни жалости, ни сочувствия к мальчишке Щупляков не испытывал. Мало ли их, таких вот не устроенных в жизни мальчишек и девчонок, слоняется по городам в поисках своей доли, понемногу превращаясь из преступников маленьких в преступников больших. Но этот Пашка... и бог его знает почему, задел Щуплякова за живое. Он вспомнил о своих детях, о том прошлом, когда сам ходил по острию ножа, не зная, сорвется с острия или удержится на нем, и что в таком случае станет с его детьми. Конечно, дед-генерал не оставил бы без помощи своих внуков, но деньги — это одно, а отец — совсем другое. Да и судьба бывшего главного инженера бывшего деревообрабатывающего комбината стояла перед ним неммым предупреждением, что если он, Щупляков, чуть влево или вправо, то и с ним могут поступить точно так же. С одной стороны, если Осевкин ему не доверяет, то лучше будет сделать так, чтобы тот проиграл — лучше не только ему, Щуплякову, но и всем остальным. А с другой стороны... И, странное дело, из всего этого сумбура в голове, когда и так нехорошо, и эдак плохо, стало пухнуть и наливаться ненавистью в Олеге Михайловиче то упрямое чувство противоречия логике и здравому смыслу, которое не раз уже оборачивалось против него.

Щупляков вспомнил настороженный взгляд Улыбышева, когда его жена сообщила о приходе Сорокина, и как кольнул его этот взгляд. И весь предыдущий разговор. И ту обиду, которую почувствовал особенно остро, шагая домой по темным улицам. Он не хотел признаваться самому себе, что все это время думал об этом недоверии Улыбышева, ища способ доказать бывшему подполковнику, что он совсем не тот, за кого его, Щуплякова, принимали и принимают, что если и числилось за ним что-то, то связано это было с отцом, который всегда вмешивался в его жизнь, не задумываясь над тем, чем это обернется для его сына. Другое дело, что он не пытался противиться этому вмешательству, с детства привыкнув

безоговорочно подчиняться непререкаемой отцовской власти, постоянно чувствуя двойственность своего положения среди сослуживцев, не зная, как от нее избавиться. Теперь он понимал, что все это можно было сломать только через колесо — раз и навсегда. Но ломать надо было раньше. Теперь прошлое ничем не поправить. Впрочем, какие бы шаги он ни предпринимал, ни тогда, ни сейчас, ничего изменить в этом мире невозможно: то же самое происходит не только в задрипанном Угорске, но и повсюду. Плетью обуха не перешибешь. Однако делать все равно что-то надо. Тем более что колесо завертелось, сидеть сложа руки никак нельзя. И Щупляков решил развернуть «бурную деятельность» по поиску преступников. Зная нетерпеливый характер Осевкина, уверенный, что тот уже ведет параллельное расследование с помощью своих людей, к которым может подключить и местную полицию, Щупляков пришел к выводу, что должен склонить на свою сторону Сорокина. А там будет видно.

Но начал Щупляков с Будникова. Тот вошел, предварительно постучав в дверь. По внешнему виду он чем-то походил на Сорокина: такой же мешковатый и медлительный, такой же круглолицый, с такими же большими рабочими руками, с той лишь разницей, что шрама на шее не имел и обладал весьма обширной лысиной, которую тщательно прикрывал волосами, начесанными от левого виска. Своим солидным видом он тянул на все пятьдесят.

Поздоровавшись, Будников уселся на стул напротив Щуплякова, комкая в руках фирменный головной убор, похожий на тюремную круглую шапочку, если бы не короткий матерчатый козырек и эмблема в виде замысловатого зигзага, пересекающего букву «О».

Вызов для Будникова явился, похоже, полной неожиданностью, и было заметно, что мужик нервничает и даже трусит. Правда, это еще ни о чем не говорит, потому что надписи взбудоражили весь город, а виновным могут признать кого угодно, даже не имеющего никакого отношения к делу. И подобное в городе случалось не раз и не два, так что нервничать и бояться у Будникова были все основания.

— Вы давно работаете на комбинате, Иван Кириллович? — Начал допрос Щупляков, стараясь ровным голосом успокоить наладчика.

— Да с тех самых пор, как он... это самое... существует, — с готовностью ответил Будников. И уточнил: — Одиннадцатый год уж. А до этого на ДОКе работал. То есть это он потом стал древесно-стружечным, а раньше-то у нас тут не только панели делали из стружек и опилок, но и мебель всякую, лес

пилили, дрова для населения. А теперь все из-за границы везут. Туда, значит, бревна, а оттуда, значит, это самое...

— И что? — Перебил его Щупляков.

— Дак ничего. Работал и работал. А чего ж еще? В Москву ездить? Да там тоже... это самое... не шибко-то заработаешь. И дорога: электричка, метро, автобус... Кое-кто у нас ездил, дак поездили-поездили и бросили. Потому как себе же в убыток. А другие — ничего, устроились, ездют. А куда денешься?

— Ну и как, нравится вам здесь работать?

— Дак это... работа — она и есть работа. Как же без работы-то? Жена, дети, мать-старуха — без работы нашему брату никак нельзя, — словоохотливо отвечал Будников, совсем, видать, успокоившись. Он уж и кепи свое не мял в руках, и на Щуплякова поглядывал снисходительно: мол, если тебе, начальник, делать нечего, спрашивай, а я всегда готов ответить на любой вопрос. Но меня на мякине не проведешь.

— Так вы говорите, что в тот день дежурили во втором корпусе и ничего не видели? — пошел с козырной карты Щупляков.

Будников дернулся, открыл и закрыл рот, в растерянности снова принялся мять свое кепи. На лбу его и щеках выступили капельки пота.

— Вот вы, Иван Кириллович, вы лично, видели или не видели? А если видели, то что?

— Дак это... Дак ничего не видели... То есть лично я не видел... А что я должен был видеть? Наше дело такое, что голову задирать некогда. Да и что там наверху можно увидеть? Лампы — они лампы и есть.

— А надписи?

— Дак это... надписи... А что — надписи? Ну, написал кто-то... Мало ли, — постепенно приходил в себя Будников, отирая пот рукавом. — На то есть охрана. Это ее дело смотреть, кто и чего. А нам за это не платят.

— Но вчера этих надписей не было, — твердо отчеканил Щупляков, хотя и знал, что надписи появились не вчера, а раньше, но вряд ли об этом знал Будников, если действительно ничего не видел и не слышал. — Следовательно, они появились в дежурство вашей бригады. Ведь для остальных доступа во второй корпус нет. Как же так: вы там были и не видели?

— А уборщицы? А электрики? — отбивался Будников, не поднимая глаз. — Лампа погасла по какой-то причине — меняй! Не мы же. У них, у электриков, и лестницы, и все такое прочее. А наше дело — смотри под ноги. На потолки нам глазеть некогда, — повторил он заученно.

— Вы хотите сказать, что надпись во втором корпусе сделали электрики?

— То есть как? — И опять на лице Будникова выступил пот. — Я ничего не хочу сказать. Я просто так, для примера, — промямлил он.

«Слабоват, — подумал о Будникове Щупляков. — Если прижать посильнее, непременно расколется». Но в его планы не входило раскалывать кого бы то ни было. Он хотел лишь знать, кто к этому причастен и может сломаться, если попадет в руки Осевкина. Но Будников, постепенно освоившись, уперся и твердил одно и то же: ничего не видел, ничего не слышал. И Щупляков не стал настаивать, отпустил его, предупредив, чтобы тот об их разговоре никому не говорил.

— Дак это самое... конечное дело... что я, не понимаю, что ли? Все я понимаю, — уверял Щуплякова Будников, пятясь к двери.

Неожиданно ожила рация. Улыбывшись предлагал встречу. Щупляков, ничего не объясняя, назначил встречу в гараже у Гнилого оврага через час. Улыбывшись легко согласился.

Другие члены бригады Сорокина вели себя почти так же, как и Будников, но уже с большей уверенностью отвечали на те же самые вопросы, явно подготовленные к встрече с начальником охраны комбината. И когда вошел Сорокин, Щупляков понял, что перед ним как раз и есть главный организатор дела: такая уверенность сквозила в его фигуре, в серых, слегка прищуренных глазах, в развороте широких плеч.

Он сел на стул, не дожидаясь приглашения, и первым пошел в атаку:

— Вы, господин Щупляков, насколько мне известно, являетесь начальником охраны комбината. В ваши функции не входит допрашивать работников комбината. На это имеются соответствующие органы. Лично я не собираюсь отвечать на ваши провокационные вопросы. Если вы считаете, что кто-то из нас совершил преступление, обратитесь в милицию, прокуратуру, в суд, наконец. Пусть нас вызывают, куда следует, соответствующей повесткой и допрашивают в присутствии адвоката.

Щупляков кивал головой, как бы соглашаясь со всем, что говорил Сорокин. И когда тот закончил, протянул ему листок, на котором было написано: «В вашей бригаде далеко не все смогут выдержать настоящий допрос, который наверняка устроит О. И я ничем не смогу помочь. О. с минуту на минуту будет здесь. Надо быть готовыми ко всему. Прошу вас отвечать на мои вопросы. Они записываются на диктофон. В руках у людей О. побывал Павел Лукашин. Они зас-

тали его за подновлением надписей. Он был здесь, назвался Денисом Григорьевым. Я его отпустил. Его необходимо срочно отослать куда-нибудь подальше».

Сорокин принял бумажку с такой осторожностью, точно это была змея. Он читал, время от времени поглядывая на Щуплякова, а тот, чтобы избежать паузы в допросе, которая может вызвать подозрение у Осевкина, стал звонить на проходную, возле которой стояла груженная фура, искоса поглядывая на Сорокина. Звонить было совсем не обязательно: контроль за фурами, за их погрузкой лежит не на охране, а на кладовщиках; охрана лишь проверяет сопроводительные документы.

А Сорокин между тем прочитал записку, глянул, упрямо закусив губу, внимательно и с явным недоверием на Щуплякова, который продолжал говорить в трубку. Не прекращая разговора, он забрал у Сорокина записку, щелкнул зажигалкой и вертел клочок бумаги над пепельницей, пока не догорел последний белый краешек. После чего растер пепел и ссыпал в горшок с геранью. Затем, положив трубку и показав на часы, продолжил беседу:

— Все, что вы здесь говорили, не имеет ни малейшего значения, дорогой мой Артем Александрович. Мы с вами не в милиции, мы с вами на производстве. И в наших с вами общих интересах следить за тем, чтобы в работе комбината не было ни малейшего сбоя. Я согласен, отвечать на мои вопросы не входит в ваши обязанности. Зато входит в мои задать вам эти вопросы. И хотите вы того или нет, отвечать на них вам придется. Тем более что это внутреннее дело комбината, и милиция к этому не имеет никакого отношения.

Далее их разговор пролегал по уже отлаженной колее. При этом Сорокин все время сбивался на прежний тон, затверженный, видимо, им загодя, а более оттого, что никак не мог взять в толк, какая роль отведена ему в этом спектакле. Но все раньше или позже кончается, закончился и этот мучительный для обоих разговор. Сорокин с облегчением вздохнул, покидая кабинет Щуплякова. А тот долго стоял у окна, наблюдая, как бригадир наладчиков пересекает двор по направлению второго корпуса. Он шагал вразвалочку, у двери корпуса задержался на мгновение, глянул на окна третьего этажа, и только после этого открыл дверь и скрылся из глаз. Щупляков понял, что Сорокин так до конца ему и не поверил, а поверит лишь тогда, когда переговорит с Улыбышевым, и то лишь в том случае, если тот внушит ему доверие к своему бывшему сослуживцу. Но время не терпит. Не исключено, что мальчишка находится под наблюдением людей

Осевкина и приведет их к себе домой. Однако и держать его здесь в ожидании Осевкина было не менее опасно. И не только для Пашки Лукашина, но и для самого Щуплякова.

Стрелки часов, между тем, подбирались к десяти. Осевкина все не было. Он даже ни разу не позвонил после того раннего звонка, и это было непонятно и подозрительно.

Из второго корпуса вышел кто-то, переодетый в обычную одежду: белые штаны, белая футболка. Похоже, кто-то из бригады Сорокина. Человек быстрым шагом пересек двор и скрылся за дверью проходной.

Щупляков позвонил секретарше директора комбината и сказал, что ему нужно срочно отлучиться, и если в нем, Щуплякове, возникнет необходимость, то его домашний и мобильный телефоны есть в телефонной книге. С этими словами Олег Михайлович натянул на себя серую ветровку, которой пользовался очень редко, нахлобучил на голову такую же серую летнюю шляпу и поспешно покинул кабинет, а затем и проходную комбината, в которую упирался сквер с новой церковью, а в него улица Владимирская.

Еще несколько секунд — и он бы опоздал: вдалеке, в ряби света и теней, несколько раз мелькнула белая фигура человека и пропала, свернув в переулок. Щупляков ускорил шаги.

Он только сейчас, связав цепью последовательности все утренние события, понял, что сваял дурака. Но отступить было поздно, и он решил, что если Осевкин или кто-то из его шайки начнет допытываться, откуда взялись эти совпадения: привод мальчишки, медсестра, уход мальчишки, допросы, человек Сорокина, покинувший работу, то придется сказать, что все это, кроме привода мальчишки — он, Щупляков, подстроил сам, чтобы выяснить, как эти люди и надписи связаны между собой. Ну а дальше... дальше он придумает еще что-нибудь вполне правдоподобное. Не может быть, чтобы сам Осевкин, человек не слишком проницательный и умный, или кто-то из его людей легко смогли разобраться в хитросплетении событий, каждое из которых по отдельности должны представляться им весьма незамысловатыми.

Щупляков свернул в переулок и остановился на углу под раскидистой липой — переулок был пуст. Пройти его из конца в конец человек не мог за эти полторы минуты тем шагом, каким он шел до этого. Он либо пробежал оставшуюся часть, что вряд ли, либо свернул в какой-нибудь проходной двор. И Щупляков, задержавшись на углу лишь на несколько мгновений, тем же ускоренным шагом двинулся дальше и, пройдя метров двести, увидел довольно широкий проход между двумя пятиэтажками и все ту же фигуру, мелькающую в пят-

нах света и теней. Вот она пересекла сквер с детской площадкой и скрылась в среднем подъезде пятиэтажки. Щупляков приметил лавочку среди кустов сирени, прошел к ней, сел и стал ждать. Часы на его руке показывали 10.41.

Прошло всего несколько минут, и человек вышел из подъезда, оглянулся в растерянности и стал закуривать. На этот раз Щупляков вполне разглядел его — это был Будников. Не исключено, что он побывал в квартире, где живет Пашка Лукашин, если, разумеется, тот живет в этом доме, и либо не застал там никого, либо мать Пашки не знает, где он находится. Ясно было и другое: человек этот не знает, что ему делать дальше. Скорее всего, бригадир дал ему конкретное поручение пойти к Лукашиным домой и предупредить Пашку о необходимости срочно убраться куда-нибудь из города. Можно предположить, что ему посоветуют уйти к отцу, который большую часть времени живет в старом лесничестве, покинутом его прежними хозяевами. Где находится это лесничество, Щупляков не знал.

Оказывается, он вообще мало что знает об этом городе и его окрестностях, решив, переселившись сюда, что это ему не пригодится, что с прошлым, когда надо было знать как можно больше о месте своего пребывания и о людях, с которыми придется столкнуться, покончено раз и навсегда. Он хорошо знал дорогу от дома в «Ручейке» до комбината, знал центр города и его магазины, рынок и дорогу к станции. И вот оказалось, что это слишком мало.

А Будников, поплевав на сигарету, кинул ее в урну и пошел назад, оглядываясь и пожимая плечами. Идти за ним не имело смысла. Но Щупляков на всякий случай проводил его до Владимирской, убедился, что тот возвращается на комбинат, и свернул к гаражам, что у Гнилого оврага.

Глава 18

На поваленной ветром старой березе сидел седой мужчина лет шестидесяти, в соломенной шляпе, в просторных штанах, безрукавке и босоножках. Он сидел, сложив ладони на ручке толстой кленовой трости, уперев в них свой обметанный щетиной подбородок. Он явно кого-то ждал. Не всякий узнал бы в нем Алексея Дмитриевича Улыбышева.

Вдали послышался гул приближающейся московской электрички, протяжно и тоскливо проревел предупреждающий сигнал, из-за поворота сквозь редеющий туман проглянули два желтых глаза, из тумана вылепился головной вагон, за ним и весь поезд, похожий на тело гигантской жирной гусеницы. Постанывая тормозами, гусеница вытянулась вдоль

платформы, выдохнула воздух, раскрыла многочисленные двери, из них там и сям на перрон сошли всего несколько пассажиров и потянулись к лестнице. На дорожке зазвучали торопливые шаги, невнятные голоса.

Улыбышев вслушивался в эти звуки, не меняя положения своего тела. Шарканье и голоса затихли вдаль, и в наступившей тишине вдруг раздался тихий свист. Еще раз и еще. Улыбышев встрепенулся и тоже свистнул, но не слишком громко. Через минуту он заметил среди деревьев едва заметное движение, затем показались два темных силуэта. Остановились, прозвучал негромкий голос:

— Ну, ни черта не видно в этой низине.

— Да, туманище будь здоров, — поддержал его другой.

— Не валяйте дурака, — произнес Улыбышев. — Вы что, мужики, березы не видите?

— Березу-то видим, хотя и смутно, а вот вас, товарищ подполковник, совершенно не видно.

Двое подошли, молча пожали руку Улыбышеву, сели по обеим сторонам от него.

— Вот такие, братцы, дела: в своей стране, да еще в мирное время, таимся, как тати, и даже нормальным человеческим голосом разговаривать опасаемся.

— Да уж, чего уж там, — согласился один из приезжих.

Другой молча поддержал его кивком головы.

Они были лет на пятнадцать моложе Улыбышева, но на их суровых лицах, чем-то похожих одно на другое, нельзя было прочесть ничего. Ни радости от встречи со старым товарищем, ни печали оттого, что им пришлось тащиться ни свет, ни заря неизвестно для какого дела, ни любопытства: зачем их позвали, оторвав от своих и без того непростых забот.

— Как дома-то? — привычно спросил Улыбышев.

Приезжие лишь пожали плечами. Улыбышев мог бы и не спрашивать, потому что знал: хорошо ли, плохо ли было у них дома, они не привыкли распространяться на эту тему, потому что совсем недавно дом для них стоял где-то на заднем плане, а на переднем было дело. Теперь дела, в привычном смысле этого слова, не было, дом поглощал все их заботы, но тоска по делу оставалась, и если у бывшего их командира и сослуживца возникла в них нужда, дом снова отходил на второй и третий план. Однако они не спрашивали, зачем их позвали. И Улыбышев, хорошо понимая этих людей, коротко рассказал им о том, какая обстановка сложилась на комбинате и в городе и что произошло в последние дни.

— Мне представляется, что в первую очередь надо выяснить, на каких людей опирается Осевкин. Их не может быть

слишком много. Но в данном случае речь идет не о местной его структуре. Речь идет о тех, кто приезжает по вызову. Может быть, из Москвы. У них наверняка есть свой транспорт. И они будут искать тех, кто писал на гаражах. Мы, со своей стороны, постараемся мальчишек убрать с глаз долой. Если мы установим людей Осевкина, то можем лишить его опоры. Учтите: среди них есть женщина. Что касается местной полиции, она вряд ли будет слишком стараться.

— А вы не пробовали связаться с московской прессой? — спросил один из приезжих. — Некоторые газеты могут уцепиться за эту тему. Сида понаедут корреспонденты, поднимется шум, ваш Осевкин поостережется принимать жесткие меры.

— Согласен, если бы не одно «но». Пацаны по собственной инициативе приписали, что это работа некой «Лиги спасения России». А в нынешней обстановке, когда идет настоящая охота на ведьм, когда кое-где молодежь пытается разрешить проблему наркомании и засилья мигрантов своими, мальчишескими, методами, нашу ситуацию могут повернуть с ног на голову, а это только на пользу тому же Осевкину и его покровителям.

— Создается впечатление, — пояснил все тот же приезжий, — что кто-то специально подогревает среди молодежи нетерпимость к мигрантам и даже оплачивает их безрассудные действия. А борцов с наркоманией сажают в кутузку. Кому-то очень надо отвлечь внимание народа от того беспредела, с которым власть борется в основном на словах. Тем более что на носу новые выборы президента. Это как в девяностых, когда шло разворовывание России, очень нужна была Чечня, чтобы это разворовывание прошло не так заметно.

— Да, все это понятно, — вернул Улыбышев разговор в практическое русло. — Но пока нам приходится думать не о глобальных проблемах, а о том, как спасти наших мальчишек. А для этого у нас не так много времени и вариантов. Так что давайте, ребята. На вас вся надежда. Вот адреса квартир, где вы можете остановиться на два-три дня. Связь обычная. Ни пуха вам.

— К черту.

Улыбышев остался на месте, двое растаяли в редяющем тумане.

Достав из кармана ветровки рацию, Улыбышев пощелкал кнопками, набирая условный номер. Зажглась желтая лампочка, означающая режим ожидания. Лишь минут через пять зажглась зеленая.

— Ты где? — спросил Улыбышев.

— На службе.

— Надо встретиться.

— Через час, не раньше. В гараже.

— Хорошо, — согласился бывший подполковник и отключил рацию.

Он вышел на дорожку. Видимость была уже метров пятьдесят, и с каждой секундой ее пределы расширялись. Через десять минут Улыбышев толкался на рынке среди прилавков с овощами; ничего не купив, перешел в мясной павильон, но и там не купил ничего, и так прошел весь рынок из конца в конец и свернул в центр города, где располагались самые большие в городе два универсама, принадлежащие Осевкину. Здесь Улыбышев, предварительно заглянув в список, составленный женой, купил триста граммов сыра, буханку черного хлеба, сосисок и сливочного масла. Из магазина он походя заглянул в кафе, выпил здесь чашку черного кофе с бутербродом.

Еще через несколько минут Улыбышев вышел к гаражам.

Мимо, и почему-то лишь с левой стороны, потянулись метровые буквы, выполненные тремя разными красками. Только две надписи были полными, еще две обрывались на последних словах, но старые надписи довольно четко проступали сквозь белую краску. Ясно, что мальчишек кто-то спугнул. Но три слова «Лига спасения России», выведенные оранжевой люминесцентной краской, особенно бросались в глаза.

Вот и тридцать четвертый гараж. Ворота полураскрыты. Улыбышев уверенно протиснулся в оставленную щель, зажмурился со свету, спросил:

— Чего свет не включаешь?

— Да вот... лампочку меняю. Перегорела, — ответил из полумрака Щупляков.

Был слышен повизгивающий звук, издаваемый вращением железа.

— А-а... А я уж подумал... — усмехнулся Улыбышев.

— Нет ничего удивительного. У тебя всегда первой мыслью была самая плохая.

— Так уж и самая? Так уж и всегда?

— Нет, почему же? Бывали исключения из правил. Не без этого.

— Ну и на том спасибо.

Вспыхнул свет, и Улыбышев увидел Щуплякова, стоящего с поднятыми к низкому потолку руками.

— У тебя, Щупляков, поза человека, который сдается на милость победителя, — поддел Улыбышев своего бывшего сослуживца все с той же усмешкой в голосе.

— Да тут и впрямь хоть поднимай руки.

— Что так?

— Павел Лукашин с утра пораньше пришел сюда, чтобы закончить надписи. Его тут и снапали люди Осевкина. Правда, настоящей фамилии своей он им не сказал, но они его избили, а потом привели ко мне...

— Ты видел их в лицо? — перебил Шуплкова Улыбышев.

— Нет, не видел. Они оставили его на проходной. То есть не они, а она, женщина. Я пытался выяснить у охранника, как она выглядела, но тот запомнил, что среднего роста, плотного телосложения, в темных очках, в шляпе, остальное все серое, неприметное. Да он и видел-то ее всего несколько секунд. Она уехала на машине, а был ли с ней кто-то еще, он не знает, — закончил Шупляков, затем предложил: — Проходи, здесь удобнее.

Улыбышев миновал машину, которая занимала две трети гаража. Оставшаяся треть была отдана полкам со всяким необходимым владельцу транспортного средства барахлом. Оставалось лишь крохотное пространство, на котором они и поместились, тиснув друг другу руки и усевшись на табуретки.

— Что ты намерен предпринять? — спросил Улыбышев.

— Пока не решил. Хочу посоветоваться с тобой.

— Советуйся.

— Прежде чем советоваться, кое-какая информация. — И Шупляков коротко поведал обо всех событиях, которые произошли утром.

— Что Лукашина отдали тебе, и ты его отпустил — это уже кое-что, — заговорил, долго не раздумывая, Улыбышев, так и не уведомив Шуплякова, что все эти события уже известны ему от Сорокина. — Боюсь, однако, что кто-то из них остался, чтобы проследить и, не исключено, снова схватить мальчишку, если ты его отпустишь. Вопрос: куда они его повезут? Судя по тому, что твой шеф тебе не звонит... — и Улыбышев, не договорив, глянул на Шуплякова.

— Да, слишком много «если». Может, мне самому поехать на дачу к Осевкину? — неуверенно предложил тот.

— Зачем? Подтвердить подозрение Осевкина, что ты не с ним? Если, разумеется, у него такие подозрения имеются... Сам-то ты что думаешь по этому поводу?

— Повода для подобных подозрений я ему вроде бы не давал... Нет, не давал, — уверенно заключил Шупляков, но тут же оговорился: — Хотя Осевкин, по своей бандитской привычке, не доверяет никому. Я с тобой согласен: ехать туда преждевременно. Тогда возникает другой вопрос: где искать Пашку?

— Вот что, Шупляков, ты давай дуй к себе на работу. Оттуда тебе легче будет следить за ситуацией. Если будет что-то новенькое, я тебе звякну. Но и ты держи меня в курсе дела.

И Улыбышев покинул гараж. Он шел и удивлялся, почему не сказал Щуплякову о Косте Аксютине, о том, что тот прибежал к Сорокину, а Сорокин приходил к нему, Улыбышеву, прежде чем отправиться на работу, и о том, наконец, что в город приехали его люди? Уж конечно не потому, что это лишняя для Щуплякова информация, которая может усложнить его задачу. Тогда почему же? А потому, ответил он себе, что ты ему не доверяешь. В этом все дело.

А людям Осевкина было не до Пашки Лукашина. И вообще ни до чего и ни до кого. Кусок бетона с острыми краями, отвалившийся от одного из блоков и каким-то чудом оказавшийся на крыше, брошенный охваченным страхом и паникой Костей Аксютиним, попал бандиту по кличке Буряк в лицо и сорвал кожу вместе с мясом со скулы под самым глазом и почти до губы. Так что, прежде чем продолжать дело, порученное Осевкиным, им надо было попасть к какому-нибудь врачу, но только не в Угорске, где они успели засветиться. Даже если этот врач хорошо известен Осевкину. И его подруга по кличке Лиса, прозванная так за свои мелкие острые зубы, хищное лицо, а более всего за хитрость, повезла своего дружка в соседний город в надежде найти там хирурга, готового за деньги пришить кусок мяса ее приятелю на место, не вдаваясь в подробности.

Глава 19

Пашка, между тем, никуда из города не ушел. Да и не мог уйти в таком виде среди бела дня, опасаясь, что те люди, которые его схватили, могут схватить опять, и тогда уж ему не вырваться. Избегая людных мест, он забрался в самые дебри позади Гнилого оврага, в надежде, что или его найдет здесь Костян, потому что тот знает, где искать, или ему, Пашке, придется дожидаться здесь темноты и только тогда двигаться... скорее всего к отцу, от которого уехал на велосипеде неделю назад с овощами с отцовского огорода для матери, да задержался в городе, чтобы помочь своим друзьям и хоть чем-то насолить Осевкину, по вине которого попал в тюрьму Пашкин отец. Возвращаться домой, к матери, Пашка даже и не предполагал, опасаясь, что там-то его и будут подстерегать или эти бандюки, или сам начальник охраны комбината, выяснив, что он наврал им и с фамилией и местом жительства. Но даже если бы его никто не подстерегал, к матери ему не хотелось. Он боялся ее, боялся ее непредсказуемости, когда плаксивость менялась беспричинной озлобленностью, неза-

висимо от того, была ли она пьяна, или твереза. Пашка то жалел свою мать, оставшуюся без отца, которого посадили ни за что, ни про что, то ненавидел ее за пьянство, а еще за то, что она стала встречаться с дядькой Матвеем, который тоже когда-то работал вместе с отцом, а потом ушел, и когда отца посадили... Но лучше об этом не думать. Потому что тогда и по отношению к отцу, которого он любил страдающей от непонимания любовью, у него иногда возникало странное чувство то ли презрения к человеку, не сумевшему защититься, как это делают в кино крутые парни, то ли жалости, но совсем другого рода, не такой, как к матери.

Время шло, а Костян не шел и не шел. Пашка сидел, забившись в нору под корнями старой сосны, растущей на склоне одного из множества в этих местах оврагов, прижавшись спиной к прохладной земле. При этом ему ужасно хотелось есть, а еще больше пить. Болел затылок, которым он ударился, упав с лестницы, и челюсти, куда его стукнула тетка, и где теперь не хватало двух зубов, отчего язык все ощупывал и ощущивал опустевшее место с распухшей десной. Правда, тетя Оксана голову ему чем-то помазала и перевязала, и рот заставила прополоскать какой-то жидкостью, и помазала десну, но тогда все это не так болело, как сейчас.

Не выдержав мучившей его жажды, Пашка судорожно вздохнул и полез из норы. Он вылез и спустился на самое дно оврага, где туман еще держался отдельными прядями. Со всех сторон слышался звонкий перестук капли, и Пашка стал слизывать с листьев орешника капли росы, постепенно выбираясь из оврага. Затем он принялся за заячью капусту, густо растущую среди елок, иногда находил землянику, но от нее есть хотелось еще больше. И вот он один бродит по лесу, боясь далеко отходить от своего логова, всеми покинутый и никому не нужный. Даже Светке. Если бы она находилась рядом, ему не так было бы страшно и одиноко.

И Пашка, размазывая по лицу комаров, представил себе Светку на даче у озера Долгого, саму дачу, похожую на сказочный дворец, где ему доводилось побывать раза два просто так, а один раз на Светкином дне рождения, и как раз в этом году, в самом начале мая. Он вспомнил, как поразила его Светка своей неожиданной зрелостью: на ней было розовое платье, но не обычное, а такое, что оставляло открытыми плечи, спину и часть груди с выпирающими ключицами. А еще на Светке было повешено всяких украшений, которые блестели и сверкали в ее ушах, на груди, на руках и даже на голове, точно она какая-нибудь манекенщица или артистка. Ему даже дотрагиваться до Светки было боязно: так не-

приступно белела ее кожа, так свысока смотрела она на всех. Он вспомнил, что они там пили много всяких соков и морсов, и даже красное вино, ели мороженое разных сортов, салаты, потом жареного гуся, которого есть уже не хотелось, и от воспоминаний о еде и питье у Пашки начало противно сосать в животе. Он сделал над собой усилие и стал вспоминать совсем другое, не менее приятное: танцы, Светкины блестящие глаза, прикосновение ее острых грудей к его груди, от чего его бросало в жар. Потом, когда уже ни есть, ни пить не хотелось, и танцевать тоже, они вдвоем убежали в дальнюю беседку, и Светка, точно у них уже никогда не будет для этого другого времени, стала торопливо целовать его лицо, впиваясь в его губы своими.

Да, Светка — где она? Небось, в Турции загорает на пляже. Или в Испании. Она за свои четырнадцать лет пол-Европы объездила, а Пашка из Угорска уезжал один лишь раз, и то в Москву, на экскурсию, со всем классом. Жажда давала о себе знать, и Пашка решил: чем так вот ждаться ночи, лучше как-нибудь незаметно пробраться к ручью, прозываемому Холодным. Принятое решение подбодрило Пашку, и он теперь шагал уверенно и споро, позабыв обо всем, даже о своих болячках.

Через полчаса Пашка вышел к ручью, но не возле плотины, где всегда толчется всякий народ, а значительно выше по течению, где полно ям с глубокой водой. И он нашел такую яму, а рядом с ней песчаную косу, и долго стоял и прислушивался к шуму леса, к далекому гулу машин, поднимающихся на взгорок, но звуки, его окружающие, были вполне обычными, в них не звучало никакой опасности. Быстро раздевшись догола, Пашка вошел по пояс в воду и сперва попрыгал в ней свою одежду, а потом принялся оттирать песком въевшуюся в кожу краску, оттирать чуть ли не до крови, время от времени поглядывая в стоячую воду как в зеркало, но в воде сам себе он казался каким-то не таким: то ли все еще покрашенным, то ли совсем изменившимся. Да и тетя Оксана говорила, что краска еще долго будет держаться на нем, так что ему лучше посидеть дома и не высовываться на улицу. Так он и сам знал, какая въедливая эта краска. Он вспомнил охвативший его ужас, когда тетка, похихикивая и ругаясь матерными словами, пшикала на него из баллончика. Она бы и всего его разукрасила, стерва недорезанная, если бы в баллончике не кончилась краска. Ведь надо же, какие бывают ужасные тетки, что никогда бы не поверил, если бы сам не испытал на себе.

Напялив на себя еще не просохшую одежду, Пашка двинулся дальше вдоль дороги, прозванной дачной, ведущей к

озеру, чтобы затем пересечь ее и свернуть к старым военным казармам, где дядя Филипп еще два года назад вместе с другими отцами и матерями учеников своей школы устроил лагерь поискового отряда, названного «Поиск». Но в отряд он не пойдет. И потому что стыдно в таком виде, и потому что Осевкин быстро прознает, где находится Пашка. Он обойдет казармы стороной, а там недалеко и до лесничества.

Пашка прошел, наверное, с километр или чуть больше, когда сразу же за поворотом увидел стоящий на обочине джип. И сразу же кинулся в чащу. Оттуда, сквозь листву, он некоторое время наблюдал за машиной, но из нее никто не вышел, ее будто забыли на этом месте. И Пашка хотел уж повернуть к шоссе, но ему вдруг показалось, что в лесу кто-то есть: то ли ветка хрустнула под чьими-то ногами, то ли кто-то что-то сказал. Пашка замер, присел среди елок-подростков, стал прислушиваться, но не уловил ни одного подозрительного звука. Решив, что ему показалось, он поднялся и прошел всего шагов десять, как вдруг сбоку кто-то испуганно ойкнул. Пашка вздрогнул от неожиданности и собрался было пуститься наутек, но, оглянувшись, так и замер на месте с открытым ртом: шагах в десяти от него стояла Светка, прижимая к груди пакет и перочинный ножик.

— Па-ашка! — Произнесла она удивленно. — Откуда ты? Боже! Какой ты чудной! — И расхохоталась во все горло.

И тут же за кустами можжевельника показалась знакомая мужская голова и спросила:

— Ты чего это там хохочешь?

— Пашку встретила! — обрадованно ответила Светка, подходя к Пашке, глядя на него своими изумленными серо-голубыми глазами. Она провела пальцами по его руке, спросила: — Ты откуда? Кто тебя так?

— От верблюда, — ответил растерявшийся от неожиданности Пашка не слишком вежливо. — А ты откуда?

— Из Крыма. Я там в Артеке отдыхала. Дядя Владя меня встретил во Внуково, мы ехали на дачу, а тут грибы. Глянь — белые! И совсем не червивые! — воскликнула Светка, раскрывая полиэтиленовый пакет. В нем действительно покоилось несколько белых.

Пашка не знал, что делать: надо ли уходить, потому что дядя Владя — он шофер мэра, и, следовательно, может схватить Пашку и сдать в милицию. Или самому Осевкину. Или остаться пока, потому что Светка... а он о ней столько раз думал. Но, с другой стороны, и что, что Светка? Она так изменилась за эти два с лишком месяца, что они не виделись, так повзрослела и наверняка успела позабыть все, что между

ними было. Может, даже нашла себе какого-нибудь пацана... Дальше Пашка решил не углубляться.

Подошел дядя Владя, критически оглядел Пашку, покачал головой:

— Кто это, парень, тебя так разукрасил?

— Никто, — набычился Пашка. — Сам.

— И глаз себе тоже сам подбил? — Не отставал дядя Владя.

— Тоже, — буркнул Пашка.

— Ну, чего вы к нему пристали, дядя Владя? — вступилась за Пашку Светка с повелительно-капризной нотой в голосе. И тут же предложила: — А давай, Паш, поедем к нам! А? Нет, правда! Пое-едем! — воскликнула она с уверенностью, что Пашка не откажется. — Побудешь у нас, а потом пойдешь. Или дядя Владя тебя отвезет. — И смотрела на Пашку с восторгом от собственной придумки, ожидая ответа.

— Мне... мне к отцу надо, — ответил Пашка. — Ждет он меня. Еще искать кинется...

— Ну, Па-ашенька, — капризно надула губы Светка. — Я так давно тебя не видела. Ну, хотя бы на ча-асик.

— Света, — строго произнес дядя Владя. — Нас с тобой ждут. Папа с мамой соскучились. Дедушка — он все время спрашивал, когда ты вернешься... А потом и Пашу можно будет пригласить. Кто ж против?

Светка вздохнула, робко взяла Пашку за руку, будто боялась испачкаться.

— Приходи завтра. Ладно? — произнесла она просительно почти шепотом, хотя дядя Владя уже отошел от них в сторону.

— Не знаю, — ответил Пашка, чувствуя, как что-то удушливое заволакивает ему грудь. И пояснил: — Огород там у отца...

— Тебе больно? — спросила Светка, дотронувшись до его опухшего лица кончиками пальцев.

Пашка глянул в Светкины глаза и неожиданно увидел, как они затягиваются дрожащей прозрачной пленкой, задохнулся и кинулся в лес, понимая, что и сам вот-вот расплчется, потому что... потому что получается, что она ничего не забыла, все помнит, а он... а ему..

Он шел, размазывая по щекам слезы и комаров, и улыбался, не чувствуя комариных укусов.

Глава 20

— Ты вот что, Светик, — заговорил дядя Владя, едва машина тронулась с места. — Ты бы с этим Пашкой не водилась.

— Это почему же? — вскинулась Светка и так глянула на дядю Владю, точно не ожидала, что он вообще умеет разговаривать, потому что, и в самом деле, почти не слышала от него ничего, кроме слов «да, нет» и «поехали». Ну, еще скажешь ему «Здрасти!», он ответит тем же — и на этом все. А тут вдруг...

— А потому что... видела, как он разукрашен?

— Ну и что?

— А то, что, поговаривают, будто бы мальчишки что-то такое написали на гаражах у Гнилого оврага против власти, и теперь этим занимается прокуратура.

Светка завертелась на сиденье, будто хотела разглядеть среди деревьев Пашку и предупредить его, но машина отъехала слишком далеко от места нечаянной с ним встречи, а он небось пробирается по лесу, весь изъеденный комарами и мошкой, такой жалкий, такой... — и на глазах у нее снова выступили слезы. Еще ничего не поняв из слов дяди Влади, она остро почувствовала опасность, грозящую Пашке, о котором то забывала напрочь, поглощенная непрерывной чередой разнообразных событий вдаль от дома, то вдруг вспоминала с такой сосущей тоской, что все, ее окружающее, становилось немило ей и даже противно. И вот, оказывается, Пашке грозит опасность. И надо что-то делать. И очень даже срочно. Потому что... если прокурор и милиция, то... хотя не может быть, чтобы Пашка, такой тихий, улыбчивый, и какие-то там запрещенные надписи. Это, наверное, другие ребята, а Пашка не захотел, вот они его поколотили и вымазали. В школе много таких ребят. Особенно Серый, Сережка Сорокин, крутой такой и почему-то очень не любит тех, кто живет в «Ручейке». Девчонок он называет не иначе как бомондшами, мальчишек — элитниками. И все это из зависти, как сказал однажды папа. Потому что одни умеют работать, а другие не только не умеют, но и не хотят. А этого Серого побаиваются даже старшеклассники: отец у Серого служил в спецназе и научил сына всяким приемчикам. Правда, Серый с Пашкой вроде бы дружит, но это ничего не значит. И вот она, Светка, сейчас приедет на дачу и тут же пойдет к отцу, и потребует, чтобы Пашку не трогали, потому что он ни в чем не виноват. Иначе... иначе она не знает, что с собой сделает.

А дядя Владя, наблюдавший за своей пассажиркой в зеркало, заговорил опять, будто послушав Светкины мысли:

— Ты, девочка, вот что... Ты никому не говори, что Пашку в лесу встретила.

И опять Светка посмотрела на дядю Владю с изумлением.

— Мало ли что, — пояснил он, не отрывая глаз от пустынной дороги.

— Почему не говорить? А как же тогда... А что с ним будет?

— Уж этого я не знаю, но думаю, что ничего хорошего. Отец твой при должности, его дело такое — закон. А у Пашки свой отец имеется. Как-нибудь сладят. Сама должна понимать, что по нынешним временам... а он несовершеннолетний, кто его знает, чем это может кончиться... — темнил дядя Владя, чтобы, если Светка все-таки надумает передать их разговор своему папаше, тот ничего не понял.

Между тем мимо замелькали полосатые шлагбаумы, перекрывающие ответвления к иным дачам, разномастные заборы из бетонных блоков, из кирпича, из гофрированного оцинкованного железа. Машина свернула, немного проехала и, уткнувшись в шлагбаум, разразилась короткими твякающими звуками. Шлагбаум поднялся, пропуская ее, еще метров сто — и перед нею поехали в сторону железные ворота, машина, мягко шелестя шинами, покатила дальше между аккуратно подстриженными кустами, пышными туями, похожими на кипарисы, и остановилась на широкой площадке из гранитных плит перед лестницей с балюстрадой, ведущей к парадному подъезду. Там у двери стояла мама в белом платье, сидел в кресле прадедушка-генерал в полосатой пижаме, стояла гувернантка тетя Лиза в короткой белой юбочке. А рядом с ней — троюродный Светкин брат, тринадцатилетний Жора-Жорочка, которого Светка считала совсем еще ребенком, хотя была старше его всего на полтора года.

Светка, забыв обо всем на свете, с визгом взлетела по лестнице вверх, чмокнула деда в щеку, на мгновение повисла на шее матери, затем гувернантки, закружила Жорочку, приведя его в смущение и вогнав в краску. И тут же принялась раздавать сувениры: кому ракушку, кому осколок кувшина времен Боспорского царства, кому замысловатый камешек, найденный на морском берегу. И хотя она искренне радовалась встрече с родными, где-то внутри ее сидел червячок и грыз, напоминая о Пашке, попавшим в какую-то непонятную историю. И даже тогда, когда она смеялась от радости встречи с родными, слезы стояли так близко, что приходилось напрягать все свои силенки, чтобы не выпустить их наружу. Еще не обозначив свое решение словами, Светка знала, что завтра же с утра сядет на велосипед и поедет к Пашке, прихватив с собой Жорочку, очень надежного друга, которому можно доверить все-все-все.

— А где папа? — спросила она, посмотрев на маму.

— Папа у себя в кабинете, — ответила мама. — Там у него какое-то совещание, — пояснила она. — Не ходи к нему, не мешай. Сам выйдет.

Светка, как ни была поглощена сама собой, все-таки успела заметить, что мама чем-то расстроена, дед хмурится, Жорочка тоже какой-то не такой, одна лишь тетя Лиза как всегда строга, и на лице ее не видно ничего, кроме самого лица, красивого, но холодного, как морды железобетонных львов, венчающих балюстраду.

— Ну ладно! — беспечно махнула Светка загорелой рукой. И тут же обратилась к Жорочке: — Жорик, помоги мне донести сумку до моей комнаты.

И пошла к двери, покачивая бедрами, как какая-нибудь манекенщица на подиуме.

Тетя Лиза посмотрела ей вслед весьма неодобрительно своими холодными серыми глазами, произнесла строгим голосом, обращаясь к Жорочке:

— Отнесешь сумку, сразу же возвращайся.

Жорочка вспыхнул, будто его уличили в чем-то нехорошем, но ничего не сказал, подхватил сумку, вздернул ее ремень на узкое плечо и, перегнувшись на одну сторону, поспешил вслед за Светкой.

Он был влюблен в свою троюродную сестру, боясь признаться в этом даже самому себе, но больше всего, что кто-то из взрослых заметит это.

Светка приказала ему своим категорическим тоном:

— Рассказывай, что тут у вас произошло?

— А что рассказывать? — не понял Жорочка.

— Как что? Ты что, совсем ничего не знаешь? Я только приехала и то знаю.

— Это ты про дедушкин день рождения?

— При чем тут дедушкин день рождения? Я про то, что написали на гаражах у Гнилого оврага против власти.

— А-а, — разочарованно протянул Жорочка, которому очень хотелось рассказать Светке, как он принародно выступил против этого отвратительного бандита Осевкина, и тогда, быть может, Светка не станет обращаться с ним как с маленьким ребенком. — На гаражах? — переспросил он. — Так я там не был, то есть не видел, что там написано.

— Ну вот, здрасте! Весь город видел, а ты не видел.

— Так меня не пускают в город. Говорят, что там какие-то хулиганы. Но я знаю, что написали там что-то не против власти, а против Осевкина, который не платит рабочим зарплату. А что именно, я не знаю. Но на дне рождения я ему, Осевкину, так и сказал, что он бандит и что он не имеет права не платить зарплату. Потому что это не по закону.

— Ну и что? — спросила Светка, но так, точно сказать Осевкину принародно, что он бандит, может каждый и ему за это ничего не будет.

— Ничего, — пожал плечами Жорочка, удрученный тем, что Светка не обратила внимание на самое главное в его словах. И, приблизившись еще на полшага, перешел на шепот: — Сегодня у твоего папы совещание по этому поводу. Я нечаянно слышал, как твой папа приказал начальнику полиции Купчикову найти какого-то мальчишку, которого сперва поймали, когда он писал, а потом... а что потом, я не расслышал. Наверное, он сбежал, вот его и ищут, чтобы узнать про его сообщников.

— Подслушивал? — спросила Светка и поглядела на Жорочку с тем любопытством, которое не знаешь, как расценивать. — А фамилию мальчишки не расслышал?

— Не-ет, — прошептал Жорочка, хотя фамилию расслышал. И кое-что еще, касающееся Пашки Лукашина. Но Пашка Лукашин... всем же известно, что он влюблен в Светку, что их называют женихом и невестой. И если он скажет ей, что ищут Пашку, то она, чего доброго, сама кинется его искать, чтобы спрятать. Тогда он, Жорочка, останется ни с чем. Но тут же ему пришло в голову, что будет еще хуже, если про Пашку Светка узнает от кого-нибудь, а не от него, Жорочки. — Я не уверен, но, кажется, Пашку Лукашина, — вновь покрывшись бисеринками пота и покраснев, прошептал он.

— Ты мне друг? — спросила Светка, сверкнув своими умопомрачительными глазищами.

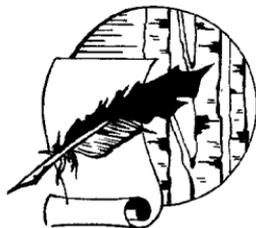
— Друг, — прошептал Жорочка.

— Тогда вот что: завтра же... Нет, сегодня же поедешь со мной на велосипеде! — И пояснила, инстинктом чувствуя, чем можно пронять этого потливого и постоянно краснеющего при ней троюродного братца: — Одна я боюсь, а с тобой нет. Поедешь?

Жорочка согласно кивнул головой.

— Тогда пойди и приготовь велосипеды. Проверь, чтобы там все было прикручено и шины накачаны. А я пока соберу что-нибудь поесть.

И Жорочка пошел. Он догадался, что они поедут искать Пашку Лукашина. При этом был уверен, что если полиция не знает, где искать Пашку, то Светка тем более.

Константин РАССАДИН, г. Тольятти

НЕ В ПУСТЫНЕ ЖИВУ..

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Клонит матушка голову низко
В ностальгических сумерках сна.
Убеждённая сталинистка
В Сталинграде воюет она.
В Сталинграде на улице Сталина...
Не приемлет названий иных.
На губах её тлеет окалина
Приснопамятных сороковых...

И квартирку её — трущобу —
Будоражит эпоха атак.
Мать моя ненавидит Хрущева —
Для неё он пожизненный враг.
Сукин сын!.. за тарелкой с объедками
Лез к вождю за обеденный стол.
Он войну под еловыми ветками
По Кремлю до Берлина прошёл.

Клонит голову мамы в кручину,
Но горда моя старая мать:
— Не снимать надо было вражину —
У Кремлёвской стены расстрелять!
На кого руку поднял, проныра,
Самосуд учинив и разбой?
И не стало у мамы кумира —
Её молодости боевой.

Только солнце немеркнувшим светочем
Осняет наш мир, восходя.
Мать моя распустившейся веточкой
Украшает портретик вождя.
В День Победы цветущего мая
Ордена надевает народ.
Фронтовичка моя боевая
Про Катюшу мне песню споёт.

Помнить буду до смертного края,
Маме рай в небесах намоля,
Чтобы почта её полевая
Иногда навещала меня.
Та, что гордо звалась «сталинградской» —
Дорогой мой, родной человек...

Порыжевшей шинельною скаткой
Леденеет на холмике снег.

В моём сердце как будто проталина, —
Мамин голос зыбуч, как песок:
— Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!
Выпьем... так надо, сынок!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Ах, времечко! Послевоенную вторую
Сменил профессию сосед.
А я по-прежнему ворую
Полупустые пачки сигарет
У матушки своей печальной....
Так будет завтра, было и вчера.
Хотя я знаю: изначально
В заначке мамы водится махра.
И сводится к нулю моя «активность» —
Весь мой сыновний доблестный порыв.
В глухую пору мама пристрастилась
К привычке вредной, мужа схоронив.
Сказать по правде, мы давно не плачем —
О чёрном дне напоминает нам
Лишь дом отцовский в облаке табачном,
Да мамин кашель частый по ночам.
Уж эти мне губительные граммы!..
Они убьют и лошадь, и слона...
И все ж она курила, моя мама,
Поскольку вдовья чаша солона.
И как всегда, позволенная редко,
Скупая ласка пахла табаком.
Но появилась добрая примета:
Старалась мать курить уже тайком.
И вот она — такая молодая!
И волосы не сжаты в узелок,
И в доме не завеса дымовая,
А солнышка лучи наискосок...

Ах, времечко! Выходит замуж мама.
И мне пора свою умерить прыть:
В «грехе» покаяться,
во всем признаться прямо:
Отворовал! Мать бросила курить.

* * *

От села Петровала
Потянулись дымы.
Лошадь паром дышала
В санном беге зимы.
Был без страха мой кучер —
Ветер он обогнал.
К гимнастёрке прикручен
Драгоценный металл.
Мне и жутко, и колко
На соломе трястись.
Чу, почудилось, волки
Воют в белую высь.
Кучер бьёт в рукавицы —
Кучер мой плутоват:
— Может, нам воротиться
Лучше, Коська, назад?
Но упрямо до боли
Я сожму кулачок —
Приготовился к бою
И ни слова — молчок!
Пусть не так мне хотелось,
Всё же волк — не фашист,
Я по-взрослому целюсь —
Пули слышится свист.
То не палка простая —
То Максим-пулемёт..
Здесь «фашистская стая»
Никогда не пройдёт!..

По привычному следу
Мы въезжали во двор.
Дядька пил за Победу.
Нос я варежкой тер.

ПАСХА

Кулич испечён и помазан
Почти неземным волшебством.

Старательно бабкой наряжен,
Сижу за пасхальным столом.

Сегодня Сын Божий воскреснет!
А как? — невозможно понять.
И маленький крестик повесит
На шею мне крёстная мать.

И всё будет в доме в порядке:
Растёт по часам богатырь —
Единственный родственник бабки
И личный её поводырь.

И тесно им станет в избушке:
Опасно несоизмерим
Шагающий посох старушки
С размашистым шагом моим...

Ах, старая-старая мама!
День Пасхи нагрывает опять,
А я не поверю, упрямый,
Что надо кулич покупать.

С надеждой взглянуть в поднебесье —
Луна как лампадка висит:
Сегодня Сын Божий воскреснет
И маму мою воскресит.

В КИНОТЕАТРЕ

Вывалили валенки — надевали валенки.
Шли в кинотеатр. Счастливы вполне.
Девочка у моря в голубом купальнике
Наливное яблоко катит по волне.

Мы в кинотеатре шепотком беседуем:
— Что её нам яблоко? — так себе... десерт.
Девочка незлая и совсем не вредная —
У неё родители, а у нас их нет.

Если позавидовать — нам бы Генке надо бы,
Если уж подраться — непременно с ним.
У него под Вологдой в государстве ягоды
Лешим и лесничим дядька Серафим.

Генка с нами делится ягодой по-честному,
«Тёмную» устраивать веских нет причин.
Да к тому ж по времени, даже пусть по местному,
Валенки мы сносим — вырастем в мужчин.

Девочка в купальнике ходит возле моря,
Аленький цветочек ей на счастье дан.
Всхлипнула Наташка. Донкихотит Боря —
Кулаком грозитя морю на экран.

ПОРТРЕТ

Неправда то, что перед ним кичились,
Наш детский дом — не «божья благодать»...
Они курить и водку пить учились,
А он учился маму рисовать.
Хоть от неё — ни писем и ни фото,
Алёшка знал почти наверняка
И брови величавого разлёта,
И каждую морщинку у виска.
И он запомнил навсегда и точно
Стоящий там — в своём недалеке
Тот довоенный, призрачный, лубочный
Дом, разбомблённый в южном городке.
Где звал он маму тоненько и звонко
Стрижёнком желторотым из гнезда.
Светилась в маминой косе заколка.
Светилась в небе ранняя звезда...

И ребятня соврать была готова,
Что мать его великой красотой
Затмила «Неизвестную» Крамского
И всех мадонн в Италии самой.
И все решили: так тому и должно!
И даже Светка вымолвила: «Да!»
И признаваться стало невозможно,
Что он не видел маму никогда.

ОТТЕПЕЛЬ

Оголодавшею медведицей в берлоге,
Сосушей лапу, словно леденец,
Отзимовав в дымящемся сугробе,
Моё село проснулось, наконец.

И вылезло из прокопченных хижин
На обогрев — на солнечный припёк.
И даже Ванька-дурень не обижен —
Сидит, улыбочивый, и греет свой пупок.

Никто дурилу с глаз своих не гонит,
Лишь попрекают шутками незло:
Расселся, мол, как хряк в родном загоне,
Нагрелся так, аж сало потекло...

Дурак болеет неземным виденьем —
Нам, здоровым людям, вовсе не понять:
Прости нас, Господи, он видит над деревней
Срамную девку голую опять...

А по ночам и сумрачно, и волгло —
Морозцем дышит старая метель,
Но кажется, что оттепель надолго —
Вовсю звенит весёлая капель.

РУСЬ

Не в пустыне живу,
А в тебе, где не в ярости
С поднебесья в траву —
Чудо-яблоки...

И румяной щекой
Прикасаются в трепете
За пугливой рекой
Твои лепеты.

Я им верить привык,
Потому что доверчивый,
Но петлю на кадык
Не наворачивай.

Рано в трагики мне,
Поздно в комики.
Только скулы в огне
От оскомины.

Ты же клювом в плечо,
Словно павочка:
— Милый мой, ты про чо?
Кушай яблочко.

БЕГЛЕЦ

Уходя, он хлопнул дверью,
Человеков проклял жизнь
Одомашненному зверю
Надоело кости грызть.
И без паспорта и денег
Он подался за Урал.
Нумерованный ошейник
Долго лапами сдирал.

И пропал в тайгу, запрячьась
От губительных времён,
Когда люди, насобачась,
Озверели, как и он.
И пришла удача к зверю
На безлюдную страну!
Он окреп и стал добрее
Выть и лаять на луну.
И от счастья даже плакал
Бывший раб и лиходея —
Пёс единственный, однако,
Убежавший от людей.

Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ, г. Тольятти

В ОБЪЯТЬЯХ С РЕКОЙ

* * *

Заря вечерняя погасла,
Сиренью небо расцвело;
И вечер брызжет синим маслом
На тихое моё село.

А в накрахмаленном миткале
Сады цветущие стоят,
И с них душистый ветер в дали
Уносит нежный аромат.

Иного счастья не прошу я,
Чтоб только жить в селе родном
И видеть, как весной бушуют
Сады в соцветье голубом.

* * *

День заснул в рыжих кудрях заката,
Утомилось и солнце за день;
Вечер, пламенем красным объятый,
Пробирается тихо, как тень.

Молчаливый свидетель влюблённых
Важно бродит по небу луна,
Выпь кричит на болотинах сонных,
Спит в объятых с рекой тишина,

Ты мне, Родина, как-то милее
В звонах утренней алой росы.
Я как будто душой молодею
В пробуждённые эти часы.

* * *

В море солнце потонуло,
Словно якорь корабля.
Мягким отсветом блеснула
Золотистая заря.

Вечер с неба скоро сбросит
Фиолетовую шаль...
Я на лодочке курносой
Уплываю тихо вдаль.

Рядом ты, мой друг, со мною
В этой мирной тишине
К золотому золотою
В золотой плывёшь волне.

* * *

Развесился сатином синим
Душистый вечер над селом.
В зелёной кофточке осина
Звенит листвою за окном.

Идут стада с лугов отавных,
Пыля по улице села,
И где-то слышится, как плавно
Мехи гармошка развела.

Медовым запахом гречихи
Чуть веет с дремлющих полей,
А над подворьем вечер тихий
Парит, как пара голубей.

О ДЕТСТВЕ

Я даже сегодня б узнал человека,
Принесшего страшную весть...
Шёл год сорок первый солдатского века,
Мне было в то лето всего только шесть.
Поутру отец с вещмешком за плечами,
На фронт отправляясь, меня целовал,
И тополь у дома, махая ветвями,
Как близкого друга его провожал.

И дом наш притихнул окном негасимым:
Мы ждали письма от героя-бойца,
Но не было писем, и что-то незримо
Тревожною болью вползало в сердца.
И всё же под вечер, осенний, дождливый,
Открыл я желанный конверт голубой.
Отец написал: «Я сегодня — счастливый!
Сегодня мой первый с фашистами бой...»

Курлыча, на юг журавли улетели.
Осенний пожар отпылал в небесах.
И наша деревня в солдатской шинели
Стояла понуро, как брошенный шлях.
Нагрязнул февраль.
На рассвете фашисты
Ордой ворвались в обездоленный дом:
— А ну, выходи! Ты — жена коммуниста!
...И кашлянул выстрел в овраге крутом.

...Вот внуки резвятся под вишенкой нашей,
Не ведая в белом цветенье весны,
Что детство порою бывает окрашено
Чернильною, чёрною краской войны.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 9. КРИПТОТОТАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО «ЛОНДОНСКИХ ВЕНЕЦИАНЦЕВ»

К заглавию этой главы, по-видимому, потребуются два пояснения. Первое: криптототалитарным называется государство, по сути, тоталитарное, но выдающее себя за демократическое. Второе: термин «лондонские венецианцы» ввёл выдающийся американский учёный и политический деятель Линдон Ларуш. С чего бы это?

Откуда в Лондоне взялись венецианцы?

Ларуш проследил, в частности, как финансовый капитал превращался в фактически полную власть в разных странах. Для этого использовался такой метод, как установление монополии на денежную единицу. Классическим его примером считается монополия на денежную единицу, установленная менялами при храме в Иерусалиме.

Согласно Евангелию, Иисус Христос изгнал менял из храма. Это был единственный случай использования силы в

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

земном существовании Иисуса. Чем же заслужили менялы такое к ним отношение?

«Когда евреи приходили в Иерусалим платить храмовый сбор, менялы в храме принимали плату только специальной монетой — половиной шекеля. Она представляла собой половину унции чистого серебра и, в отличие от других монет, не носила на себе изображения римского императора. Поэтому для евреев она была единственной монетой, угодной Богу. Менялы монополизировали рынок этих монет, а затем ради наживы подняли на них цену, как на любой другой рыночный товар. Они извлекали из денежной монополии фантастические барыши, превратив храм Божий в место поклонения мамоне» (Дмитрий Карасёв. Менялы. История банковского дела. М., 2001).

Установление монополии на деньги (как ныне на доллар США) использовалось менялами, а впоследствии финансистами для своего обогащения и усиления влияния.

Рим времён Цезаря был не только политическим, но и торговым мировым центром. Купцы разных стран пользовались разными монетами, а потому непременными участниками международной торговли были менялы. Они и в Риме стремились монополизировать рынок денег, занимались чеканкой денег. Власти Рима боролись с ними. Но двое римских правителей, пытавшихся урезать власть менял, были убиты. Юлий Цезарь в 48 году до н.э. отобрал власть чеканить деньги у менял и стал выпускать деньги в интересах всего общества. Значительное увеличение денежной массы позволило осуществить грандиозные общественные проекты. Народ полюбил Цезаря, но менялы его возненавидели. Полагают, что именно это стало причиной его убийства. Со смертью Цезаря изобилие денег, а с ним и процветанию, в Риме пришёл конец. Выросли налоги, коррупция и подделка денег. Простой народ разорялся, терял свои земли и дома, а вместе с тем и уважение к власти.

Но не золото было ключом к могуществу менял. «Важнее то, что люди занимали у них золото под проценты. Именно система займов стала основой их власти. Перед этим оружием не устояли ни Римская империя, ни современный мир» (Устюгов В.В., Кочубей С.Э. Благо или нажива. — «Академия Тринитаризма», №77).

С проникновением христианства императорский Рим превращался в **Рим папский**, христианский. Тогда это был небольшой город. Затем Западную Римскую империю захватили варвары — германские племена, создавшие там свои королевства. Основой жизни Европы тогда было сельское

хозяйство. Ремёсла, города были слабо развиты. Но короли и иная знать в результате войн и грабежа уже накопили немало золота и серебра и нуждались в предметах роскоши, которые производились на Востоке — в Византии, а позднее — и в арабском мире. Королям и знати часто бывало необходимым занимать золото у тех, кто его имел и мог давать в долг. Поэтому им были необходимы менялы, ростовщики и торговцы «международного класса». Поскольку папа римский был не только духовным, но и светским владыкой, вёл роскошный образ жизни, ввязывался в войны, он всегда нуждался в деньгах. Поэтому ему также нужны были услуги ростовщиков и банкиров. Но такая тесная связь пап с банкирами начинается только в середине XI — начале XII века. Ведь Западная Европа до того времени не была центром деловой активности и оставалась в силу этого на периферии внимания денежно-капитала. Наиболее развитыми регионами были тогда Византия и арабский мир, которые торговали с Персией, Индией и Китаем.

Но наступила эпоха крестовых походов. Для доставки крестоносцев в Палестину понадобился морской флот. Потребовалось также переводить крупные суммы денег, что дало толчок развитию банковского дела. Расцвела внешняя торговля. И в XII — XIII веках центр деловой жизни и бизнеса переместился из Рима в приморские города-государства Италии, а также во Флоренцию, где особенно интенсивно развивались промышленность и банковское дело и раньше всего возникли основы капиталистического производства. Флоренция, особенно в период правления семьи Медичи, стала финансовой столицей Европы, у её банков были ветви по всей Западной Европе.

В конце XIII века граф Фландрский предложил итальянским купцам свободно пользоваться портом Брюгге — центром фламандской текстильной промышленности. За короткое время **итальянцы поставили под свой контроль всю европейскую торговлю.**

Флорентийские компании кредитовали английских королей. Но один из них отказался платить долги, ибо королевская казна была пуста. «Золотая сеть» лопнула, обанкротив почти всю Европу. Кризис продолжался почти два десятилетия.

А международная торговля находилась в руках прибрежных городов-республик — Амальфи, Пизы, Генуи и Венеции, находившихся в острой конкуренции между собой.

Амальфи, ныне крохотный город, в IX веке стал первой итальянской морской республикой, но в 1135 и 1137 годах он был разграблен пизанцами. Пиза стала новой морской вели-

кой державой. Но в 1282 году Пиза проиграла войну с Генуей. На Средиземном море остались две морские сверхдержавы — Венеция и Генуя. Войны между ними за гегемонию шли с переменным успехом почти пять веков. Обе республики оказывали преобладающее влияние на первые фондовые биржи.

Но в Генуе важную роль играли аристократы-землевладельцы, а в островной Венеции первенствовали торговцы и ростовщики. Как писал крупнейший историк мирового рынка Фернан Бродель, **общевропейская «мир-экономика» начинается с Венеции, и в течение двух столетий вся Европа зависит от неё.** (Подробнее см.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII. — М., 2006.) Бродель даже делит историю мировой экономики на два периода: «до и после Венеции».

Венецианцы были посредниками в торговле между Византией и Западной Империей. Их коммерческой философией был культ наживы. **Не только внешняя, но и внутренняя торговля Византии оказалась под контролем венецианцев.** Венеция приняла участие в разгроме и ограблении Константинополя франками во время четвертого крестового похода (1204 год). Финансовое крушение Константинополя стало наглядным подтверждением тому, что идея блага, составляющая суть христианской экономики, постепенно теснилась идеей наживы, составляющей суть конкурентной рыночной экономики. **Венеция стала столицей ростовщичества.**

Создатель «физической экономики» Ларуш был обеспокоен тем, что в современной жизни финансовый капитал подчинил себе реальных производителей. Такое положение не соответствовало здравому смыслу и Божественным законам, как они формулируются во всех традиционных религиях, Ларуш установил, что с незапамятных времён в мире идёт борьба двух направлений в экономической теории. Одно нацелено на прогресс реального производства и ответственное поведение людей, их службу обществу. А другое, монетаристское, нацелено лишь на получение максимальной прибыли и на погоню людей за наслаждениями. Монетаристы видят смысл экономической науки лишь в стремлении «купить подешевле и продать подороже». Эта линия, идущая из тьмы веков, в Средние века восторжествовала в Венеции. Ларуш именно в Венеции видит тот пункт, откуда монетаристские воззрения через Голландию перешли в Англию, где они послужили основой для создания классической политической экономии, с его точки зрения, антихристианской.

В Венеции, одном из богатейших городов-государств, сложился механизм управления, основанный на недоверчивос-

ти и строгом надзоре за отдельными гражданами. Формально пожизненным правителем Венеции был дож (герцог), но он служил марионеткой в руках патрицианской олигархии — несменяемого и наследственного «Большого совета». Неосторожного слова со стороны дожа часто было достаточно, чтобы он исчез. С частными лицами церемонились ещё меньше. Зато нигде низший класс не пользовался таким благосостоянием: высшие классы платили ему этим за невмешательство в дела общественные. В Венеции и Генуе появились векселя, началось создание «денег из воздуха» за счёт выдачи чеков на большую сумму, чем хранилось золота в банках. Там же появились и первые «общественные» (акционерные) **банки, ссужавшие деньги правительству**, зато получившие право собирать отдельные виды налогов и пр. Все платежи в государстве осуществлялись через такой банк.

Венецианец Лука Пачоли написал в 1494 году первый в мире трактат по бухгалтерскому учёту, а без такого учёта капитализм был бы невозможен. В Италии зародилась и двойная («итальянская») бухгалтерия, лежащая в основе системы управления финансами до сих пор.

В Средние века власть королей и феодалов основывалась на владении землёй и на военной мощи. **Венецианская республика, находившаяся под властью самых могущественных в Европе банкиров и менял, стала первым государством, где власть оказалась в руках финансовой олигархии.**

Перемещение торговых путей в Атлантику лишило Венецию основы её богатства. Мировыми центрами ненадолго стали Испания и Португалия. Они в XV—XVI веках были мировыми сверхдержавами, владычицами морей. В эти страны шли награбленные или приобретённые неэквивалентной торговлей пряности и другие ценные товары.

Но самой Испании, как и Португалии, их колониальные завоевания не пошли на пользу. Из колоний туда хлынул поток золота и серебра, но это лишь способствовало быстрому упадку этих стран. Равновесие между денежной и товарной массами нарушилось, и цены на все товары, прежде веками остававшиеся почти неизменными, резко пошли вверх (так называемая «революция цен»). Это привело к обнищанию большей части населения Европы и прежде всего самих Испании и Португалии. Деньги шли не на модернизацию экономики, а на роскошь двора и на войны. Товары этих стран потеряли конкурентоспособность, промышленники и торговцы разорялись. А поток золота и серебра из Нового Света тек прямо к банкирам и ростовщикам Генуи. Богатые, но технологически отставшие Испания и Португалия превратились

в нищие окраины Европы. Проиграв войны с Англией (когда погиб испанский флот — «Непобедимая армада»), Испания утратила господство на море и вообще перестала быть великой державой. Сходная судьба постигла и Португалию.

После Великих географических открытий, как пишет Бродель, «европейский центр богатства и капиталистических подвигов без лишнего шума покинул Венецию», и начался его путь «От Венеции к Антверпену».

Если значение Лиссабона и Севильи зиждилось лишь на ввозе товаров из Америки и Индии, то Антверпен стал подлинным центром мировой торговли — как ввоза, так и вывоза из Европы. **Произошёл и перенос финансовой столицы и центра ростовщичества сначала в Амстердам, а затем в Антверпен**, где открылась биржа. И вскоре в Европе роль центра деловой активности, мировой торговли и кредита переходит к Голландии, населенной преимущественно кальвинистами. В XVII веке она заняла ведущее положение в европейской и мировой торговле. Но её торговое господство далеко не соответствовало уровню её промышленного развития. Это привело к утрате Голландией лидерства к концу XVII века. На место Голландии выдвигалась Англия, превосходившая её в развитии промышленного производства. Англо-голландские войны XVII—XVIII веков закончились поражением Голландии, и она навсегда утратила престиж великой державы и стала все больше тяготеть к финансово-кредитным операциям, и её капитал стал переливаться в сферу иностранных займов.

Профессор А.П. Столешников отметил и ещё один важный момент:

«...печатный станок... наряду с большими положительными качествами принёс человечеству и беду. Этой бедой оказались бумажные деньги, банкноты, векселя, акции и другие виды долговых расписок и псевдоценных бумаг, которые хлынули из печатного станка, вызывая чистое безумие, астрономическим образом умножая беды и ужасы человечества. Источником бумажных денег являются банки, и первыми бумажными деньгами были именно банкноты.

В 1604 г., в Голландии, появляется первый банк... То, что он появился в Голландии, было не случайно. Но до протестантизма эти ростовщические операции были почти нелегальными. Однако с протестантской революцией они стали почётной и выгодной привилегией, ведущей к образованию богатства, то есть капитала» (Столешников А.П. О чём умолчал Карл Маркс. О бумажных деньгах, банкирах, индийском опиуме и чае. — М., 2004).

Голландия стала вторым (после Венеции, как и писал Ларуш) государством в Европе, где власть полностью принадлежала финансовой олигархии, костяк которой составляли ростовщики и банкиры. И это ещё не всё. Отработав механизм завоевания власти, финансовая олигархия использовала Голландию как плацдарм для решающего прыжка — для завоевания Англии.

Внешне всё выглядело так, будто из Голландии относительно мирно **мировой центр силы и экономической активности переместился в Англию**. А на деле?

В действительности Англия пала следующей жертвой международных банкиров. Там место старой английской знати, истреблённой в междоусобной войне Алой и Белой розы, заняло «новое дворянство» («джентри»), связанное с рынком и устремлённое к становлению капиталистического способа производства. Этому процессу способствовала и Реформация 1530-х годов, приведшая к образованию государственной англиканской Церкви, близкой к протестантским конфессиям. Первоначальное накопление капитала требовало «свободы» будущих рабочих от средств производства — изгнания крестьян с земли (процесса «огораживания»). Крестьяне вынуждены были наниматься на фабрики (к чему их принуждали и суровые законы против бродяжничества).

Благодаря высоким пошлинам на импорт готовых изделий предприниматели могли удерживать высокие цены на свои товары. В Англии накопилось огромное по тем временам богатство — около миллиона фунтов благородных металлов. И буржуазия уже не хотела мириться со строем абсолютизма и с англиканской Церковью. В стране набирали силу кальвинисты, называвшие себя в Англии пуританами («чистыми»). А король Яков I был сторонник абсолютизма и католик. У него обострились отношения с парламентом, где всё большее влияние приобретали буржуазия и новое дворянство. Наследовавший ему Карл I довёл противостояние до того, что парламент образовал собственную армию, выступившую против армии короля. Так началась первая в истории Европы революция континентального масштаба — Английская буржуазная революция. Парламентская армия во главе с Кромвелем разгромила армию короля. Сам король сдался шотландцам, которые выдали его парламенту.

Кромвель был в тесном контакте с банкирами в Голландии. А они в обмен на финансовую поддержку требовали убить короля и разработали подробный план этой акции, включая процедуру показательного суда над королём и вынесения ему смертного приговора. И в 1649 г. Карл I был казнён. В Англии была провозглашена республика.

«Это убийство английского короля Карла, — продолжает профессор Столешников, — уже знаменует собой конец и окончательные похороны докапиталистического, христианского, лучшего мира, в котором не было ни лхвы, ни процента, ни бесконечных долгов. В мире стали распоряжаться не законная власть, а люди, которые за кулисами обладали возможностью создавать неограниченные суммы бумажных денег и контролировать бумажные денежные потоки и вследствие этого свергать и назначать бумажных королей и бумажных президентов по своему усмотрению. При этом закулисные махинаторы, обладая реальной властью, в отличие от видимых королей и президентов, не несли никакой личной ответственности. Эти закулисные Фантомасы из Голландии привели своих ставленников к власти и в Англии и создали там игрушечную королевскую династию, которая с тех пор и по сегодняшний день служит ширмой настоящих, денежных королей. Эти денежные мешки, быстренько, в 1696 г., по образу и подобию голландского, создали Центральный Банк Англии, который с этого времени и стал главным бастионом финансовых королей... Именно с Англии, используя её как плацдарм, так же как Голландия была плацдармом для завоевания Англии, сама Англия, в свою очередь, стала плацдармом для завоевания ростовщиками Северной и Южной Америки. (Об этом будет подробнее сказано в следующей главе. — М.А.) А какой ужасной рабовладельческой тиранией капитала Англия стала уже к началу XIX века, хорошо описал... Фридрих Энгельс в своей работе «О положении рабочего класса в Англии».

Кромвель умер в 1658 г. А в 1660 г. была восстановлена монархия. На престол взойшёл сын казнённого короля Карл II Стюарт. При нём Англия начинает превращаться в бастион международного капитала, который эксплуатировал всю планету. Наследовавший Карлу Яков II Стюарт был приверженцем абсолютизма и католиком. И английские, и голландские менялы профинансировали вторжение в Англию правителя Нидерландов Вильгельма Оранского. В итоге государственного переворота 1688—1689 годов (так называемой «Славной революции») Яков был низложен, и королём Англии стал Вильгельм III Оранский. Сторонники Оранского подкупили Джона Черчилля, командующего армией Якова II. И Черчилль, посланный сражаться против голландцев, перешёл на их сторону.

Но если присмотреться повнимательнее к происходившему в Англии в XVI—XVII веках, то картина откроется ещё более неприглядная.

Чтобы поддержать пуритан, в Англию прибыли кальвинисты из разных стран Европы. В Лондоне стали появляться

вооруженные банды боевиков. «Их число доходило до десяти тысяч и у них было настоящее оружие, — писал Исаак Дизраэли (отец премьер-министра Англии). — Это была милиция повстанцев. Эти банды, вооружённые кинжалами и дубинами, терроризируют город». Они ставили своей целью провоцирование гражданской войны (как позже, во время революции, во Франции).

Новый король Вильгельм III убедил правительство в необходимости займа у частной корпорации на ведение войны против Франции. Корпорация, называемая Банк Англии, готова была получить эти деньги от анонимной группы (будущих акционеров) и предоставить их в долг королю под проценты. Так в 1694 году возник **первый в истории центральный частный банк и начался выпуск национальной валюты, создаваемой «из воздуха»**. И Лондон на длительное время был превращен в столицу международного ростовщичества, британские государственные институты — в «политических лакеев» финансовой олигархии, а страна — в механизм для производства денег. Именно это олигархические лорды Англии называют демократией.

Позор Англии — её опиумные войны против Китая под лозунгом свободы торговли. Вся индустриализация Англии в XIX веке была сделана на деньги, полученные от продажи Англией индийского опиума китайским крестьянам.

После легализация Банка Англии правительство получило столько денег (бумажных), сколько ему требовалось, но народ расплачивался за это инфляцией и усилением налогового бремени. Цены на товары росли. Британская экономика начала колебаться между кризисами и депрессиями (что банк и должен был предотвращать).

Итак, **венецианские купцы и банкиры, носители идей монетаризма, осели в Брюгге, откуда перебрались в Амстердам, оттуда в Антверпен, и в середине XVIII века передали эстафету английским финансистам**. Ларуш свидетельствует, что сторонников монетаризма в Англии (так же, как во Франции и в Швейцарии) именовали «**венецианской партией**».

XVIII столетие было периодом сильного экономического и политического роста Англии. Валюта Англии оставалась стабильной. Но правительство оставалось самым большим заёмщиком частных кредитов.

В 1798 г. в возрасте 21 года в Лондон приехал Натан Ротшильд — один из пяти сыновей банкира Майера Ротшильда. Другие сыновья возглавили филиалы банка в столицах основных государств Европы. К середине XVIII века банк Ротшильдов превратился в крупнейший банк Европы, а его вла-

дельцы — в богатейшую семью мира. По сути, Ротшильды основали «государство в государствах».

Всем известно, как Натан Ротшильд, через своего курьера раньше всех узнавший о победе союзных армий над Наполеоном в битве при Ватерлоо, чтобы обмануть конкурентов, начал продавать на фондовой бирже акции Банка Англии. Владельцы этих бумаг в панике тоже бросились их продавать. А агенты Ротшильда за бесценок их скупили. В итоге **Натан Ротшильд стал, по сути, распорядителем национально-го богатства Англии.** Он с гордостью говорил, что увеличил данный ему отцом капитал в 2500 раз. Остаток XIX века называли «веком Ротшильдов». И до сих пор цена золота на мировом рынке и ряд других параметров мировой экономики определяются кланом Ротшильдов. **Финансисты стали подлинными правителями Англии.** И Ротшильд имел основание заявлять: *«Меня не интересует, кто ведёт политику данного государства. Дайте мне возможность управлять денежной системой, и я буду управлять политикой»* (Кузнецов Павел. «Общие основы управления. 2004).

Англия вступила на путь колониальных захватов. И ей, как показал Ларуш, срочно понадобилась теория, которая оправдывала бы рыночную экономику и господство англичан над порабощёнными ими народами колоний. Выразитель интересов английской торгово-промышленной элиты граф Шелбурн продиктовал Адаму Смиту основы программы по проведению разорительной экономической политики в странах-конкурентах Англии, как во Франции, так и в английских колониях в Северной Америке. Основные положения этой программы впоследствии стали тезисами главной книги Смита «Исследование природы и причин богатства народов».

Первая мировая война — начало заката Англии

Об Англии написаны сотни, если не тысячи книг. И всё же, по моему убеждению, подлинная роль Англии в современном мироустройстве выявлена недостаточно. Но **Англия — центр мировой реакции**, и недооценка исходящей оттуда угрозы может дорого обойтись человечеству.

Основой внешней политики Британии по отношению к европейским государствам в XIX веке была политика «блестящей» изоляции, которую обеспечивал мощный флот, защищавший коммуникации с колониями, обеспечивавший доставку основных продуктов питания и предотвращавший вторжение любой враждебной силы. Если в Европе возника-

ла какая-нибудь держава, стремившаяся доминировать на континенте, Британия заключала альянс с более слабыми государствами против этой державы и так сдерживала её. Но в целом Британия стремилась сохранить отношения с остальными государствами, не вступая ни с одной страной в союзнические отношения и не связывая себя обязательствами вступить в войну за них. Но к концу XIX века эта ситуация меняется:

В борьбу за раздел мира вступает Германия — тогда, когда другие европейские государства, Великобритания и Франция, уже создали мощные колониальные империи. Германская империя обладала стремительно возрастающей экономической мощностью, но чувствовала себя обойдённой и стремилась к перекройке политической карты. Европа разделилась на две коалиции великих держав: Союз Германии, Австро-Венгрии и Турции и Антанту — Союз Франции и России, к которому в 1904 г. присоединилась Британия.

28 июня 1914 г. в сербском городе Сараево студентом-националистом Гаврилой Принципом был убит наследный принц Австро-Венгрии эрцгерцог Франц-Фердинанд, что явилось отправной точкой для Первой мировой войны. На самом деле, конечно, Англия, этот центр реакции и воплощение лицемерия, отнюдь не выглядела такой безобидной голубицей, которую только обстоятельства вынудили вступить в мировую бойню.

На самом деле Великобритания спровоцировала — к сожалению, при попустительстве русского царя Александра II — Франко-прусскую войну 1870—1871 гг. Тогда была уничтожена Французская империя во главе Наполеоном III, в прошлом агентом влияния британского премьер-министра Пальмерстона. Наполеон III вышел из-под британского контроля и был наказан. Франция была обложена непосильными репарационными платежами в пользу победившей Германии — пять миллиардов золотых франков того времени, что по нынешним временам составило бы не менее пятисот миллиардов евро. И ей пришлось продать Суэцкий канал Англии, которая таким образом обеспечила контроль над этой важнейшей в мире морской коммуникацией на пути в Индию.

Катастрофическое поражение Франции обусловило мгновенное зарождение идеи французского реванша, что и привело к Первой мировой войне и поражению Германии, автоматически спровоцировав затем катастрофически мгновенное зарождение не только идеи германского реванша, но и нацизма. Первая мировая война была спровоцирована Англией и стала её упреждающим ударом, призванным уничто-

жить сразу двух её соперников — Германию и Россию. Германия же была **вовлечена** в войну до того момента, как могла обеспечить себе господство на море. Ещё пять-семь лет дрейноутной гонки в условиях мирного противостояния, и Великобритания без боя передала бы владение морями Германии и России, а её колониальная империя распалась бы под требованием «свободы торговли» и национальной независимости колоний уже в 30-е годы. По развитию военно-экономического потенциала Германия опережала Великобританию. Но военное столкновение явилось следствием некомпетентности политиков Германии и России в этот критический период.

Провокационная роль Англии полностью доказана. Вот несколько фактов из книги «Очерки истории Англии. Средние века и Новое время». Под ред. Г.Р. Левина. — М., 1959. С. 342—344.

В июне 1914 года в беседе с германским послом Грей (английский министр иностранных дел) утверждал, что у Англии нет никаких обязательств перед Францией и Россией на случай «европейской войны». После таких заверений министра в Берлине пришли к выводу, что Англия не примет участия в войне, возникшей из-за Сербии, даже если в неё вступит Россия. И за несколько дней до начала войны английский король в конфиденциальной беседе с братом германского кайзера повторил: «Мы приложим все усилия, чтобы остаться нейтральными». И даже после 1 августа (когда Германия объявила войну России) английские верхи некоторое время сохраняли двусмысленную позицию: в переговорах с немецким послом Грей давал понять, что нейтралитет Англии не исключается, если дело ограничится Россией и Сербией. То есть, если Германия будет уничтожать Россию, Англия ей препятствовать не будет.

Однако германская военная машина уже была пущена в ход, а по плану Шлиффена предусматривался молниеносный разгром Франции. 3 августа Германия объявила войну Франции; одновременно, не считаясь с международными договорами, она напала на Бельгию. Англия вступилась не за своего союзника — Францию, а за Бельгию, нейтралитет которой она гарантировала. С точки зрения английских правящих кругов, нарушение бельгийского нейтралитета было желанным предлогом для обмана народа и обоснования необходимости вступить в войну. 4 августа английское правительство, сославшись на попранную святость бельгийского нейтралитета, объявило войну Германии. И, стараясь вести войну руками русских и французских солдат, Англия добивалась истощения собственных союзников и готовилась продиктовать им свою волю за столом мирной конференции.

Затягивание сроков войны вполне отвечало интересам английских военных заводчиков, наживавшихся на поставках для союзных армий. При рассмотрении будущности Европы влиятельные английские круги не стремились к «чрезмерно» ослаблению Германии как сухопутной державы... Правящие круги Англии в войне 1914—1918 годов прежде всего добивались уничтожения Германии как колониального соперника и как морской торговой державы.

Расчёты «лондонских венецианцев» оправдались лишь частично. Первая мировая война принесла Англии политический триумф, новое расширение и без того колоссальной империи (она увеличила свои колонии за счет Германии и Турции), немецкую военную контрибуцию. Но, хотя территория Великобритании практически не была затронута боевыми действиями, всё же страна потеряла убитыми около 750 тысяч солдат, а ещё 2 миллиона были ранены. Она также потеряла 2/3 торгового флота, задолжала США миллиарды долларов. Вдвое уменьшился экспорт товаров, возрос импорт. Мировая финансовая столица, по видимости, из Лондона переместилась в Нью-Йорк. Англия потеряла треть национального богатства. Государственный долг сравнительно с 1913 годом возрос в 13 раз.

Главного своего конкурента — Германию — Англии удалось устранить, по крайней мере, лет на двадцать. Однако в условиях ослабления всех воевавших европейских держав резко возросла роль США в мировых делах. А этот новый хищник был не прочь похозяйничать в тех регионах мира, которые до сих пор Англия рассматривала как сферу своего исключительного влияния. Роль «царицы морей» становилась Англии не по силам, Америка же наращивала военную, в том числе и морскую мощь.

Между Первой и Второй мировыми войнами

В книге В.Г. Трухановского «Новейшая история Англии» (М., 1958) хорошо показано, в каком тяжёлом экономическом положении оказалась Англия сразу после войны. В годы войны всё было подчинено задаче разгрома врага. И коалиционное правительство из представителей консервативной, либеральной и лейбористской партий олицетворяло это всенародное единство. Люди мирились с повышением налогов, ростом цен, увеличением интенсивности труда без соответствующего повышения зарплаты, с расширением государственного аппарата. Но после победы сразу же обозначились острые конфликты между обнищавшими рабочими, с одной

стороны, разбогатевшими предпринимателями и правительством — с другой. В начале 20-х годов по стране прошла волна забастовок, которые правительство подавляло силой. В 1932 году был создан британский союз фашистов во главе с Мосли. Англия пережила также кризисы 1920—1922 и 1929—1932 гг. Их тяжёлые последствия заставили правящие круги расширить государственное вмешательство в экономику и сферу социальных отношений в целях её стабилизации.

В государственном аппарате для регулирования экономики (главным образом в национализированных отраслях) были созданы публичные корпорации, которые подчинялись общему руководству со стороны соответствующих министерств, но обладали административной и финансовой самостоятельностью в оперативной деятельности. Возникли и государственно-монополистические смешанные органы, в руководство которых вошли как государственные чиновники, так и представители крупных компаний, а иногда и представители руководства тред-юнионов. И в социальной сфере появились такие органы, как Комиссия по отношениям в промышленности, промышленные трибуналы, выступавшие в роли третьей стороны в регулировании отношений между рабочими и предпринимателями. То есть и в Англии делались робкие шаги в сторону корпоративного государства.

Довоенная политическая система, при которой у власти попеременно находились консерваторы и либералы, рухнула. Место либеральной партии занимала партия лейбористов. В её программе 1918 года провозглашалась необходимость построения нового общества, установления народовластия.

После распада коалиционного правительства в 1922 году к власти была допущена лейбористская партия. А по итогам выборов 1924 года лейбористам впервые было поручено сформировать правительство, но оно продержалось недолго. Скоро к власти снова пришли консерваторы. И «качели» заработали вновь, только теперь у власти менялись консерваторы и лейбористы. Партия лейбористов не смогла закрепиться у власти, потому что не осуществила сколько-нибудь значительных мероприятий в интересах рабочих. А космополитические интернационалистские идеи программы коммунистов не могли увлечь прагматиков-англичан. Но рабочее движение Англии сыграло важнейшую роль в срыве планов правящих кругов страны, нацеленных на удушение молодой Советской России.

В этот период экономическое развитие Англии всё больше нацеливалось на подготовку к новой войне. Извечная в эли-

те Англии ненависть к России особенно, до фанатизма, усилилась с возникновением СССР. Черчилль уже в 1919 году писал: *«Подчинить своей власти бывшую русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Покорить Россию мы можем лишь с помощью Германии»* (Цит.по: «ЛГ», 2009, №32). В этих его словах — суть всей последующей политики Британии: это антисоветизм и русофобия, с одной стороны, и упование на Германию как на силу, призванную сокрушить Россию в интересах англичан — с другой.

Ненависть к России совершенно ослепила британское правительство. Когда Англия и Франция пошли на Мюнхенский сговор и отдали Гитлеру Чехословакию в надежде толкнуть его на войну с СССР, британский премьер (с 1937 года) Невилл Чемберлен готов был сдать Гитлеру и Польшу, дабы тот получил, наконец, столь желанный для него плацдарм для нападения на СССР.

Вторая мировая война и антисоветская политика Англии

Когда немцы напали на Польшу, Чемберлена, по его собственному признанию, заставили объявить войну Германии. Но ни Англия, ни Франция не начинали активных военных действий. Немецкий генерал Йодль признавал: «Если мы не потерпели крах еще в 1939 году, то лишь потому, что во время польской кампании примерно 110 французских и английских дивизий на Западе пребывали в полном бездействии против 25 немецких дивизий» (Вторая мировая война. Материал из Википедии — свободной энциклопедии).

Германия стремилась вовсе не к войне с Великобританией, а к прочному союзу с ней, в котором она намеревалась, конечно, играть ведущую роль. Уже во время войны, в 1939-м и позднее, Гитлер не раз утверждал, что победа над Великобританией — не в интересах Германии. И Черчилль едва ли когда-либо серьезно беспокоился по поводу идеологических концепций Гитлера или его антидемократической политики... Если бы Гитлер ограничился только пропагандой священной войны против России, Черчилль, вероятно, не поссорился бы с ним.

Франции уже в 1940 году пришлось расплатиться за свою симуляцию военных действий полной капитуляцией перед Гитлером. Катастрофа ожидала бы и Англию. Английский экспедиционный корпус был прижат к морю в районе Дюнкерка. Его командиру было отдано указание единолично решить, когда его силы должны капитулировать. Пять немец-

ких танковых дивизий полностью уничтожили бы отступавших англичан. Однако Гитлер запретил им наступать — именно потому, что ещё надеялся на мир с Англией. Он позволил эвакуировать разбитые английские войска из Дюнкерка, что было названо «Дюнкерским чудом». Вместо 20—30 тысяч человек, которые английское правительство надеялось вывезти из Дюнкерка, было эвакуировано 338 тысяч человек, т.е. практически весь британский экспедиционный корпус. Солдаты явились на родину безоружной толпой — тяжёлое вооружение и транспортные средства были брошены ими на том берегу Ла-Манша. И всё же вся Англия и вся империя вздохнули с облегчением. Ведь это означало благополучное возвращение цвета английской армии.

На фоне военных неудач Англии Чемберлен в мае 1940 года подал в отставку, и премьером стал ярый противник Гитлера Черчилль. Еще в 1936 году на Черчилля **вышли представители таинственной организации «Фокус», костяк которой составляли очень влиятельные в Великобритании представители финансовой олигархии.** Но не может английский государственный деятель обойтись без обмана и лицемерия. Выступая непримиримым врагом нацизма, в то же время именно Черчилль гарантировал Гитлеру отсутствие второго фронта в Европе вплоть до 1944 года! И он сам проболтался об этом советскому послу Майскому. Итак, Гитлер враг, но Черчилль поможет ему громить другого врага Англии, который числится её союзником по антигитлеровской коалиции. Потому-то 3 сентября 1939 года Гитлер был потрясен, узнав, что Британия и Франция объявили ему войну. Он такого оборота событий не предусматривал.

И снова, защищая себя от нацистского нашествия, на защиту интересов Британии грудью встала Российская империя, теперь под названием СССР.

Считается, что Черчилль во время Второй мировой войны стал символом выдержки британского народа, которому он предсказал «кровь, тяготы, слёзы и пот». В день нападения Гитлера на СССР Черчилль заверил мир в том, что Англия окажет нашей стране всю возможную помощь. Однако он сотрудничал с нашей страной лишь потому, что она, воюя с немцами, тем самым гарантировала, что Гитлер не решится на штурм Англии. Черчилль хотел уничтожить режим Гитлера, но одновременно стремился возможно больше ослабить СССР. Ещё в октябре 1942 года, когда шли жестокие бои под Сталинградом, Черчилль писал: *«Все мои помыслы обращаются прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизаций. Произошла бы страшная катастро-*

фа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств... Я обращаю свои взоры к созданию объединённой Европы».

Сталинградская битва, по существу, изменила природу и ход Второй мировой войны. Если в 1941—1942 годах союзники рассуждали, что нужно отвлекать немецкие вооруженные силы с Восточного фронта, нужно оказывать СССР помощь, которая ослабит Германию, то после Сталинграда перед ними стали другие вопросы: а не слишком ли ослаблены немцы? Не слишком ли окрепли русские? Не пора ли подумать, как сохранить Германию — основной барьер против проникновения русских далеко в Европу? Эти мысли Черчилль высказал еще в 1942-м. В январе 43-го Черчилль и Рузвельт, информируя Сталина о конференции в Касабланке, снова назвали 1943 год как год окончания войны, но опять не указали, когда будет открыт Второй фронт.

Сталин взорвался, заявил, что это сговор против Советского Союза, хотя и сам отчасти был виновен в том. Рузвельт предлагал ему несколько раз встретиться и поговорить вдвоём, но Сталин почему-то настаивал на встречах с участием Черчилля. Это был явный просчет и упущенный шанс.

В 1943 году Черчилль перед Курской битвой направляет в Москву дезинформацию: немцы свертывают подготовку к наступлению на Курской дуге. Поверь Сталин Черчиллю, Гитлер взял бы реванш за Сталинград в худшем для нас виде.

20 августа в Квебеке на заседании лидеров США и Британии с участием начальников американских и британских штабов ставится вопрос о том, что немцы должны задержать русских как можно дальше на востоке. Принимаются два плана: Оверлорд (высадка союзников во Франции в 1944 году), и сверхсекретный Рэнкин, цель которого — повернуть против России всю мощь непобежденной Германии. Тогда под контроль США и Англии попадали бы Варшава, Прага, Будапешт, Бухарест, София, Вена, Белград... Когда Эйзенхауэра назначили главнокомандующим экспедиционными силами союзников, ему была дана директива: готовясь к Оверлорду, при малейшей возможности осуществлять план Рэнкин. Составной частью этого плана было и покушение на Гитлера. Трудно сказать, чем всё это закончилось бы, если бы не ранение Роммеля, который должен был возглавить заговор, за три дня до покушения на Гитлера.

Союзники открыли Второй фронт в середине 1944-го. Почему именно в это время?

На Западе понимали, что под Сталинградом, на Курской дуге, в последующих сражениях мы понесли огромные поте-

ри. В 44-м страна мобилизовала уже 17-летних мальчишек. Союзники считали, что к середине года наступательный потенциал СССР практически исчерпан, людские резервы израсходованы, и он не сможет нанести вермахту удара, сравнимого со сталинградским. И ко времени высадки союзников, увязнув в противостоянии с немцами, мы уступим стратегическую инициативу США и Англии. Но они просчитались. Планировали высадиться 6 июля и в августе закончить войну. Они даже не позаботились об экипировке на осень и зиму, о машинах, способных двигаться в условиях бездорожья, и потому осень и зиму решили переждать, устроившись в теплых квартирах. Гитлер, воспользовавшись этим, показал им, что может Германия: нанёс удар в Арденнах, не снимая войск с Восточного фронта. Союзники бросились за помощью к Сталину. И он выручил их, начав раньше срока Висло-Одерскую операцию.

Эйзенхауэр признает, что Второго фронта уже в конце февраля 1945-го практически не существовало: немцы откатывались к востоку без сопротивления. Черчилль в это время пытается убедить Рузвельта во что бы то ни стало остановить русских, не пускать их в Центральную Европу. В начале апреля Черчилль отдает своим штабам приказ: готовить операцию «Немыслимое»: с участием США, Англии, Канады, польских корпусов и 10—12 немецких дивизий против СССР. Третья мировая война должна была грянуть 1 июля 1945 года. Ныне существование такого плана доказано документально.

Почему Сталин настоял на проведении Берлинской операции? Он хотел показать союзникам силу Советской Армии. Кстати, это был также и ответ на их далеко не дружественные действия. В Ялте стороны договорились о зонах: куда должны заходить войска той или иной страны, а куда нет. Конференция закончилась 11 февраля, а в ночь с 12 на 13 февраля союзники разбомбили Дрезден, который входил в зону наших действий. Они хотели показать Советскому Союзу мощь своей бомбардировочной авиации. Американцы уничтожили три моста через Эльбу, чтобы сдержать продвижение наших войск, разбомбили, чтобы нам не достались крупные промышленные мощности в Чехии, Словакии, других регионах. Кстати, когда в 41-м мы предлагали англичанам и американцам разбомбить, используя крымские аэродромы, нефтепромыслы в Румынии, они не стали этого делать, а в 44-м, когда к главной бензоколонке Германии прибили наши войска, ударили по ней.

Сталин сказал: ага, вы показываете, что может ваша авиация, а я вам покажу, что мы можем на земле. Он продемонст-

рировал ударную огневую мощь наших Вооруженных сил для того, чтобы ни у Черчилля, ни у Эйзенхауэра, ни у кого другого не появлялось желание воевать с СССР.

Сегодня Сталина обвиняют в том, что взятие Берлина достигнуто большой кровью. Стоила ли Берлинская операция ста двадцати тысяч солдат и офицеров? После того как были рассекречены британские документы, многое стало на свои места. За решимостью советской стороны взять Берлин и выйти на линии разграничения, как они были обозначены в Ялте, стояла задача предотвратить авантюру британского лидера с осуществлением плана «Немыслимое», то есть перерастание Второй мировой войны в Третью. Случись это, жертв было бы многократно больше!

12 апреля посольство США, государственные и военные учреждения получили инструкцию Трумэна: все документы, подписанные Рузвельтом, исполнению не подлежат. Затем последовала команда ужесточить позицию по отношению к Советскому Союзу. 23 апреля Трумэн проводит в Белом доме заседание, где заявляет: хватит, мы не заинтересованы больше в союзе с русскими, а стало быть, можем и не выполнять договорённостей с ними. Проблему Японии решим и без помощи русских. Он задался целью сделать Ялтинские соглашения как бы не существовавшими.

Против Трумэна буквально восстали военные... Они же сорвали и план «Немыслимое». Они были заинтересованы во вступлении Советского Союза в войну с Японией. Их аргументы Трумэну: если СССР не выступит на стороне США, то японцы перебросят на острова миллионную Квантунскую армию и будут сражаться с таким же фанатизмом, как это было на Окинаве. В итоге американцы потеряют только убитыми от одного до двух миллионов человек. «Хорошо, раз вы так считаете, что они должны нам помочь с Японией, пусть помогают, но мы с ними на этом кончаем дружбу», — заключил Трумэн. Советник посольства в Москве Кеннан, видя, как москвичи праздновали День Победы 9 мая 1945-го перед американским посольством, записал в своем дневнике: «Ликуют... Они думают, что война кончилась. А настоящая война только начинается».

В докладе американского генерала Маршалла «О победоносной войне в Европе и на Тихом океане» (декабрь 1945 года) говорилось: «Мы до сих пор не осознали, на какой тонкой нитке висела судьба Объединенных Наций в 1942 году! Насколько были близки Германия и Япония к установлению мирового господства!» И бывший госсекретарь США Хелл писал: «Только героическое сопротивление Советского Со-

юза спасло союзников от позорного сепаратного мира с Германией. Это сепаратное соглашение открыло бы дверь для следующей, 30-летней войны». Вот что породили действия Черчилля и уступчивость Рузвельта, который пошёл у него на поводу.

Возвращаясь на крейсере с Потсдамской конференции, Трумэн даёт Эйзенхауэру приказ: подготовить план ведения атомной войны против СССР.

Послевоенная политика Англии и крах Британской империи

Во Второй мировой войне, как и в Первой, территория Англии не стала ареной боевых действий сухопутных сил. Но многие города Англии, в том числе и Лондон, подверглись бомбардировкам силами немецкой авиации, а город Ковентри был практически стёрт с лица земли. Много неприятностей англичанам принесли немецкие ракеты Фау-1 и Фау-2. Интенсивная война шла на море, где немецкие подводные лодки топили английские и американские транспортные суда, доставлявшие вооружение и продовольствие на Британские острова. Но Англия выстояла и оказалась в числе победителей.

Черчилль рассчитывал на то, что лавры победителя в такой страшной войне позволят ему на волне популярности снова возглавить правительство, и потому назначил в 1945 году досрочные парламентские выборы. Но избиратели отдали предпочтение не его консервативной, а лейбористской партии, и новое правительство возглавил Клемент Эттли, в 1940—1945 годах входивший в коалиционное правительство военного времени. Именно тогда и произошло окончательное становление двухпартийной системы в том виде, в каком она действует в Великобритании до сих пор. (Правда, Черчилль взял реванш на выборах 1951 года и снова возглавлял правительство до 1955 года, после чего ему оставалось только писать мемуары и время от времени выступать по вопросам текущей политики.) Считается, что в Англии с её двухпартийной системой только одна — консервативная партия — являлась буржуазной. В действительности же лейбористская партия также верно служила интересам правящей элиты.

Вскоре после окончания войны Черчилль в программной речи, произнесённой в Фултоне 5 марта 1946 года, предупреждал об угрозе тирании и тоталитаризма, исходящей от СССР, который создал «железный занавес» от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике. Считается, что именно фултонская речь Черчилля, произнесённая в присутствии

президента США Трумэна, положила начало «холодной войне». Умер Черчилль в 1965 году в возрасте 91 года.

«Особые отношения» между США и Англией, за которые ратовал Черчилль, действительно установились. Но они не предотвратили распада Британской колониальной империи, куда американцы давно хотели проникнуть и завоевать новые рынки сырья и сбыта готовой продукции. Англия превратилась в младшего партнёра США и до сих пор пребывает в этой роли. «Особые» англо-американские отношения стали основой созданного в 1949 году военно-политического блока НАТО, направленного против СССР и его союзников. (Противостоявшая НАТО организация Варшавского Договора возникла только в 1955 году.) **Ненависть к России и по сей день остаётся краеугольным камнем английской внешней политики.**

Вторая половина XX века в целом на Западе прошла под флагом либерализма. Наиболее ярким его проявлением в Англии стало правление «железной леди» Маргарет Тэтчер. «Тэтчеризм» стал британским вариантом неоконсервативной идеологии и политики. В 1980-е годы проведена реприватизация в ряде отраслей экономики (нефтяной, газовой, электронной, аэрокосмической и др. Осуществлена приватизация жилья. Выросло число акционеров (каждый пятый житель страны). Ужесточено трудовое законодательство, принят ряд антипрофсоюзных законов. Считается, что Тэтчер «остановила в Англии социализм», но события 1984—1985 годов оставили в национальном менталитете незаживающую рану.

В чём же заключалась суть «тэтчеризма»? Вот что писал журналист Всеволод Овчинников в книге «Корни дуба» (далее цитаты из неё приводятся без указания источника):

«В 80-х годах консервативное правительство Маргарет Тэтчер провозгласило свой рецепт лечения «Английской болезни». Сделать упор на личную выгоду в противовес общественному благу... Это означало «отказ от какого-либо государственного регулирования экономики... Тем, кто обогащается, государство, мол, не вправе мешать, а тем, кто разоряется, оно не обязано приходить на помощь. Под видом возвращения к «классическим догмам капитализма» британских трудящихся хотят лишить даже тех ограниченных социальных завоеваний, которых они по крупницам добились в ходе многолетней борьбы.

Однако попытка взбодрить экономику проповедью своекорыстия, стимулировать частное предпринимательство за счёт общественных нужд не сработала. Чуда исцеления не произошло. Стратегия тори, по сути своей, предназначена для

того, чтобы расчистить место для сильных, способствуя разорению и гибели слабых. Но для обескровленной британской экономики прописанное ей зелье оказалось скорее ядом, чем панацеей. Разумно ли было вновь сводить функции государства к роли «ночного сторожа», которую оно выполняло во времена королевы Виктории? Ведь бывшая «промышленная мастерская мира» вынуждена даже на отечественном рынке сдавать позиции иностранным конкурентам. Они-то в первую очередь и выгадали от «свободы рыночной стихии». Эта же пресловутая «свобода» разбередила старую рану: утечку капитала за рубеж».

Во времена «тэтчеризма», когда многие предприятия закрылись, тысячи англичан бродили по помойкам, собирая проволоку из цветного металла. Резко упал объём железнодорожных перевозок, на многих линиях проржавели рельсы.

Столь же жёстко Тэтчер проводила и внешнюю политику. Когда в 1982 году Аргентина, не признававшая суверенитет Англии над Фолклендскими (Мальвинскими) островами, попыталась их занять, Тэтчер послала туда английский военно-морской флот и силой восстановила статус-кво. Правительство Тэтчер поддержало «крестовый поход против коммунизма», объявленный Рейганом, программу СОИ. С началом перестройки в СССР отношения с Советским Союзом нормализовались, чему способствовали личные встречи Тэтчер и Горбачева (считается, что именно Тэтчер охарактеризовала «Мишу-конвертик» как удобного для Запада руководителя СССР). После распада СССР британо-российские отношения развивались достаточно стабильно, но по мере усиления России вновь осложнились. В 1992 г. страна вышла из европейского соглашения о валютном регулировании. Начался период «евроскептицизма».

Однако это всё история, пусть и недавняя. Гораздо важнее уяснить место и роль современной Англии в мировой системе наших дней.

Оплот торгашества, паразитизма и расизма

Кто такие англичане? Известный исследователь «национальных образов мира» Георгий Гачев писал: англичанин — практик в первую голову. И этот практицизм он фиксирует в главных национальных типах, каковы у него: «самосделанный человек» («selfmademan»). Робинзон, джентльмен, моряк, колонизатор, спортсмен. Опыт и эксперимент противостоит в этом типе «умозрениям и абстрактным теориям континентальных мыслителей».

Всеволод Овчинников приводит суждение австрийского публициста Пауля Кохен-Портхайма: *«Каждый англичанин имеет в себе немного от крестьянина и немного от моряка. Без этой комбинации нельзя понять его характер, в котором практичность и консерватизм первого сочетаются с романтичностью и авантюризмом второго»*.

Однако, констатируя, что англичанин — земледелец и моряк, точку ставить рано. Овчинников делает одно важное уточнение: идеал англичанина — не земледелец, а землевладелец. То есть помещик, господин. Но и моряком он хочет быть не рядовым матросом, подчинённым, а капитаном, господином. Пусть даже пират, но руководитель, как Фрэнсис Дрейк, который в XVI веке по заданию правительства грабил испанские суда, перевозившие золото из Америки, а затем, став вице-адмиралом, фактически руководил разгромом испанской «Непобедимой армады». *«Англичанин любит иметь низжестоящих — он опускает на них глаза с удовлетворением»*. Одна из главных особенностей джентльмена — *«готовность руководить (включая убеждённость в своей пригодности для роли руководителя и в том, что существуют люди, согласные, чтобы ими руководили)»*.

Возможно, эта убеждённость англичанина в его призвании господствовать над другими объясняется особенностями исторического процесса складывания нации. Британские острова отделились от материка в послеледниковый период. Первыми их поселенцами были иберы, приплывшие с Пиренейского полуострова. Затем на острова с территории нынешней Северной Франции и Бельгии вторглись кельтские племена бриттов, белгов, валлийцев и др., которые жестоко истребляли иберов или обращали их в рабов. Затем острова были захвачены римлянами, также жестоко обходившимися с покорённым населением. Кельтские племена одно за другим принимали христианство, уже получившее распространение среди римлян и галлов. Но когда германские племена франков, лангобардов и др. вторглись в пределы Римской империи, римляне вывели свои легионы из Британии. И тут на острова ринулись языческие германские племена англосаксов и ютов, которые основали здесь несколько королевств и, в свою очередь, безжалостно истребляли местное население. Англосаксы приняли христианство в конце VI века. Британия часто подвергалась опустошительным набегам скандинавских морских разбойников викингов, которые основали здесь свои опорные пункты. Викинги из Норвегии, которых во Франции называли норманнами, в 911 году захватили у французов полуостров, который так и стал на-

зваться Нормандией, и основали там своё герцогство. С 1016 по 1035 год Англия находилась под властью датчан. В 1066 году герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель высадился с войском на британском берегу. В это время население Британии составляло около двух миллионов человек, из которых половина приходилась на рабов. В битве при Гастингсе он разбил войско англосаксонского короля Гарольда и стал королём Англии. А его рыцари стали баронами, между которыми была разделена земля в завоёванной стране, крестьяне были обращены в крепостных. Завоеватели были абсолютно чужды покорённому населению, говорили по-французски (французский язык стал в Англии государственным) и вели образ жизни, принятый во Франции. Чтобы сломить сопротивление местных жителей, они развязали самый настоящий террор, сжигали деревни, убивали людей просто для устрашения. Воспеваемый в Англии король Ричард Львиное сердце был французом, большую часть жизни провёл вне Англии и вряд ли подозревал о существовании английского языка. В церкви богослужение велось на латинском языке. На нём же была составлена и Великая хартия вольностей, принятая в 1215 году. Впервые обратился к населению на английском языке король Генри III в 1258 году. В 1360—1370 годы Джон Виклеф перевёл Библию на английский язык. И только в 1362 году король Эдуард III постановил рассматривать дела в суде на английском языке, поскольку «французский язык слишком мало известен». Так трудно, путём завоеваний и истреблений одних народов другими, складывалась нация. И создание своей колониальной империи Англия начала с завоевания Ирландии, сопровождавшегося невероятно жестокими расправами над неполноценными дикарями, какими англичане представляли ирландцев, хотя те приняли христианство раньше своих покорителей. Естественно, при такой истории народа желание властвовать непременно должно было зародиться и закрепиться в национальном характере.

Для немца Вернера Зомбарта англичане — это воплощение торгашеского духа: *«Основу всего английского составляет... безмерная духовная ограниченность этого народа, его неспособность хоть сколько-нибудь приподняться над осязаемой, повседневной действительностью»*. У англичан издавна сильно выраженная тяга к стяжательству.

Торгашеское — *«то, что в Англии называют «философией»*. Проникнута коммерческими помыслами английская наука. Британская империя порождена чисто меркантильным духом. Колонии её — насосы для перекачки в метрополию. *«Если мы, по примеру Гоббса, захотим представить себе английское госу-*

дарство в образе какого-нибудь живого организма, то Великобритания покажется нам схожей с теми гигантскими полипами, у которых сохраняются только щупальца и непомерно разросшийся пищеварительный аппарат, в то время как прочие органы... окажутся уже отмершими» (Цит. по: «ЛГ», 2006, №47).

Впрочем, ещё Николай Карамзин отмечал преобладание у англичан «духа торговли». Здесь «всё продумано, всё разочтено, и последнее следствие есть... личная выгода». Но это не скопидомы, англичане не склонны ради денег отказываться от удовольствий жизни в той мере, в какой это позволяет их достаток.

Англичане убеждены, что в мире нет страны, подобной Англии, и уж тем более — лучше её. Англичане — прирождённые расисты. Вот ещё несколько цитат из книги Овчинникова, которого нельзя причислить к англофобам:

«Туземцы начинаются с Кале». Приведённая пословица... воплощает в себе врождённое представление о всех заморских народах как о существах иного сорта... Это разительное воплощение английского эгоцентризма... Им присуща непоколебимая уверенность в собственном превосходстве... Обитатель Британских островов в иностранцах привык видеть либо соперников, то есть противников, которых надо победить или перехитрить, либо дикарей, которых надлежало усмирить и приобщить к цивилизации, то есть сделать подданными британской короны... Англичанину издавна было привычно считать себя хозяином, а иностранца — слугой... Англичанам свойственно считать свой образ жизни неким эталоном, любое отклонение от которого означает сдвиг от цивилизации к варварству. У них склонность подходить ко всему лишь со своей меркой, мерить всё лишь на собственный, английский аршин, игнорируя даже возможность существования каких-то других стандартов... Нельзя отрицать, что эта расистская пропаганда спекулирует на определённых национальных предрассудках».

Известно, что для англичанина нормальная жизнь и нормальные люди кончаются за «каналом» (Ла-Маншем). Даже на американцев он подчас смотрит как на дикарей. Пребывая верным союзником США, Англия захлёбывается от антиамериканизма. Англичане наблюдают выпендренные выступления американских политиков «с отстранённой снисходительностью, изумляясь легковёрности ликующих толп, покупающихся на подобную высокопарную чушь» А на сентиментальные речи американских актёров на церемонии вручения премии «Оскар» английские телезрители все как один реагируют одинаково: «Меня сейчас стошнит». Но мирятся со своим подчинённым положением по отношению к «дядюш-

ке Сэму». А уж русские для большинства англичан — это какие-то современные скифы.

И ненависть к России у большинства англичан в крови. Она порождена не только политическими и экономическими противоречиями, существующими между нашими странами, но и противоположностью основ мировоззрения и жизненных установок.

Профессор манчестерского университета и сионист (по его словам, бывший), рождённый в Вильно, Теодор Шанин, считающийся крупным специалистом по России, говорит: *«Существуют вещи, которые англичан, например, выводят из себя. Я говорю прежде всего о русском экстремизме мышления. Для образованного европейца это совершенно неприемлемо. Любого английского студента приучают к тому, что не существует однозначного ответа на сложные вопросы. На этом строится искусство компромисса как центральное искусство современной жизни. Суть заключается не только в том, что человек вправе иметь собственную точку зрения и обязан понимать, что существуют по меньшей мере ещё несколько точек зрения, которые следует уважать. Но также в том, что верное решение не может выражать предпочтение одной лишь стороны»* («Мир за неделю», 2000, №11).

Это высказывание манчестерского профессора действительно отражает несовместимость русского и английского (и вообще западноевропейского) взглядов на мир и позицию человека в нём. Русский борется за правду, которая не бывает амбивалентной, тогда как англичанин принципиально не уверен в справедливости того, что сам же утверждает. Сказывается и лицемерие англичан, которые, как и все западноевропейцы, намертво стоят за «права человека» и всякий иной подход к этой проблеме категорически не приемлют. То есть там, где им выгодно, они рассуждают вполне однозначно, а там, где невыгодно, готовы утопить правильное решение в море слов и разных точек зрения. Даже давно обосновавшийся на Би-би-си Сева Новгородцев признаёт: *«У России среди англичан образ неотёсанного грубияна, склонного к насилию, который плохо ведёт себя в гостях, может обидеть хозяев, хлопнув дверью»* («АиФ», 2005, №31).

В России тоже были политики и дипломаты, англоманы, сторонники такого «принципиального плюрализма». Бывший посол России в Англии, а позднее заместитель министра иностранных дел Анатолий Адамишин даже утверждал, что в принятии всеми этого английского подхода — спасение мира, ибо иначе политики двух противостоящих лагерей, жёстко проводя в жизнь свой курс, приведут планету к

гибели. Его лозунг можно было бы выразить фразой: «*Да здравствует английский плюрализм — светлое будущее всего человечества!*»

Овчинников замечал: «*Не будет преувеличением сказать, что Англия является христианской страной главным образом в этическом смысле, где роль религии во многом подобна той, какую играет конфуцианство в Китае или в Японии*». Конечно, о каком христианстве может идти речь, если король Англии, являющийся главой англиканской Церкви, на церемонии коронации произносит клятву, по сути, отрицающую божественность Христа? А у пуритан — тем более: «*По представлениям пуритан, все мы не являемся одинаковыми грешниками перед Богом. По своим непостижимым причинам Он выделяет определённых людей. Стало быть, перед Богом мы не равны. Избранных Он благословляет, например, выигрышем на бирже или иными благами. Но на земле и в обществе все должны иметь равные возможности, чтобы каждый мог доказать, относится ли он к числу избранных, и чтобы тем, кто избран Богом, не мешали земные предрассудки и ограничения. Такова основа английской «свободы»; её жестокий индивидуализм несёт выгоду лишь тем, кто считается Божьим избранником. И такова в то же самое время основа английского лицемерия. Теоретически каждый способен, каждый имеет те же права, но в реальной действительности воспользоваться ими могут лишь избранные, лишь те, кого Бог наградил благами этого мира*». Вот и Сева Новгородцев отмечал: «*Англичане — не очень религиозные люди. Они, может быть, не против Бога, но им собственная Церковь не нравится. Она погрязла в своих локальных церковных разборках — можно ли женщинам быть священниками или нет? Можно ли пускать голубых за пюпитр или нет и т.д.*» («АиФ», 2005, №31). В последнее время всё чаще поступают сообщения о гонениях на христиан в Англии.

Идеалом жизненной философии англичан «*можно назвать беспрепятственное развитие индивидуального*». И вот что из этого получается.

Люди ли англичане? Нация-шизофреник

Голландец Г.Реньер написал книгу под названием: «Люди ли англичане?» В свете изложенного выше данный вопрос вовсе не представляется мне бессмысленным.

Англия осталась последним заповедником безграничного индивидуализма (сочетающегося с законопослушанием) и либерализма. При этом помешательство на принципах свободы личности и «прав человека» дошло здесь в наши дни до

полного маразма. К примеру, ничто не мешает совершенно голому англичанину войти в автобус...

«Сотрудники британского офиса, занимающегося маркетингом и дизайном, в Ньюкасл-апон-Тайне, провели полный рабочий день абсолютно голыми», чтобы сплотить коллектив и улучшить нравственную атмосферу в нём («МК», 04.07.2009), и на фото представлены эти трудящиеся вместе голые мужчины и женщины.

«Как живёт сосед, какие обычаи и порядки заводит он в своём доме — не касается никого другого». Но ведь порой образ жизни соседа может серьёзно осложнить жизнь других. Однако в Англии жаловаться не принято. И на то, что у отдельных школьниц вши ползают по голове на виду у всех, никто жаловаться не может: это ведь было бы вмешательством в личную жизнь. В итоге вшивость поразила учащихся почти во всех школах поголовно. Администрация рекомендует в качестве защитного средства от вшивости... частый гребень.

Идеи феминизма тоже приняли в Англии гипертрофированную форму:

«Когда я подал Ане руку при выходе из автобуса, она покраснела и тихо объяснила мне на ухо, что у них это считается страшной невоспитанностью. Также ни в коем случае нельзя демонстративно пропускать даму вперёд, открывать перед ней дверь метро и вообще давать понять даме, что ты сильнее. Это верх неприличия» («Народная газета», 27 февраля — 5 марта 2006 года).

Дело доходит до анекдотов: *«В транспортную компанию города Дьюсбери поступила жалоба от 25-летнего Дэнни Гревса. Он жаловался на водителя автобуса, который выгнал его из салона. Шофёру не понравилось, что у парня на поводке с ошейником была девушка».* Парень и девушка принадлежат к субкультуре готов. 19-летняя студентка ощущает себя домашним животным. Она не готовит, не убирается и никуда не выходит без Дэнни. Жалобщик обвиняет водителя автобуса в нарушении их прав личности («Труд», 25.01.2008).

И во внешней политике Англия, если здесь уместно использовать выражение Путина, «стоит враскоряку». В настоящее время Великобритания ещё не определила однозначно своего места в мире. Одни её политики считают главным единство англосаксонского мира и потому отстаивают идею союза с США. Они выступают за либеральную англосаксонскую модель развития, которая исходит из жесткого ограничения вмешательства государства в экономическую жизнь (концепция «государства — ночного сторожа», минимального регулирования экономики, свободной торговли, неограниченной глобализации, максимальной гибкости на

рынке труда). Другие стремятся к тесным связям с континентальной Западной Европой и отстаивают «рейнскую» модель развития («государство благосостояния»), стоящую на страже социального рынка, с развитыми системами социального обеспечения, а значит, с высокими налогами в целях помощи неимущим слоям населения. А это вопрос не только политической и военной ориентации, но и выбора социально-экономического строя.

Не всё коту масленица

Правящие круги Англии считали своей заслугой то, что в Англии — самый высокий уровень жизни в Западной Европе, исключая лишь Швецию. Конечно, не всегда. Не в XIX веке, когда Маркс, Энгельс и Диккенс рисовали ужасающие картины голода и нищеты английских «низов». И даже не в начале XX века. Толчок к повышению уровня жизни трудящихся дала Октябрьская революция в 1917 году в России, пример которой оказался очень заразительным. Периодические стачки и политическая борьба рабочих, развернувшаяся сразу после окончания Первой мировой войны, убедили английские «верхи», что «надо делиться»: лучше отдавать «низам» часть сверхприбылей, получаемых от эксплуатации как собственных рабочих, так и трудящихся колоний, чем столкнуться с опасностью лишиться всего. Вот тогда и начался рост благосостояния англичан, который достиг своего пика в 1950-х годах.

Однако дальше этот процесс затормозился и даже кое в чём повернул вспять. Распад колониальной империи существенно сократил поступление средств из колоний. Другие европейские государства, преодолевая послевоенную разруху и безработицу, также добились повышения жизненного уровня. Германия и другие страны принимали концепцию «государства всеобщего благосостояния» и делали реальные шаги в этом направлении. В итоге Англия оказалась по показателю жизненного уровня лишь во второй десятке европейских государств.

Нельзя отрицать определённых достижений Англии в смысле роста благосостояния народа. В частности, немало сделано для решения жилищной проблемы. Число владельцев домов в стране составило 75 процентов населения. Но что это за собственный дом? Это — квартира из двух уровней в двухэтажном доме с отдельным входом, парковкой перед домом и садик в 4—10 соток позади него. На нижнем уровне — гостиная, столовая и кухня; на верхнем — маленькие и довольно тёмные спальни и ванная комната. Иными слова-

ми, большинство горожан проживает в отдельных квартирах, довольно скромных. Трёхкомнатная квартира в центре Лондона обойдётся соискателю в миллион долларов, а домик на окраине — в 600 — 700 тысяч. Поэтому большинство горожан приобретает квартиры по ипотеке, расплачиваясь за них десятилетиями, отказывая себе ради своего дома во всём, идя на любые жертвы. Кто побогаче, может позволить себе домик с крохотным земельным участком за городом. Но замок или дом с большим земельным участком доступны лишь лордам, получившим их по наследству, или магнатам.

Есть достижения в сокращении рабочего дня и увеличении оплачиваемых отпусков. Почти все работники физического труда имеют, по меньшей мере, четыре недели отпуска, а около 20 процентов — пять и более недель. Хотя часто это увеличение свободного времени оказывается иллюзорным: «платой за процветание» оказываются сверхурочные работы или ненормированный рабочий день.

В общем, *«в современной Англии нет вопиющей нищеты. Даже безработный благодаря различным видам пособий нередко может иметь машину, дом, садик»*. Но пособия — это не заработная плата. *«У безработных сплошь и рядом развивается привычка к паразитическому образу жизни. Дети, видя, что родители безбедно живут за счёт общества, тоже не жаждут идти работать, не хотят учиться. 10—15 процентов населения сегодняшней Англии — «бездуховный неработающий класс»*.

Жизнь в Англии не дешёвая. 330-граммовая кружка самого дешёвого пива стоит в пабе около 3 долларов, а пачка сигарет — 7 долларов. Поэтому большинству англичан, живущих не на пособия, а на плату за свой труд, приходится экономить на всём.

Англия всегда славилась высоким качеством своих промышленных изделий, в том числе одежды и обуви. Но рядовые англичане одеваются довольно просто.

Сельское хозяйство Англии не в состоянии обеспечить страну продовольствием. Много земель занято под пастбища, используется для охоты и т.п. Но если попытаешься пройти не по маркированной тропе, владелец вполне может нарушителя прав собственности застрелить. Но владелец участка не может использовать землю, как ему заблагорассудится, а только — в соответствии с разрешением, выданным ему при покупке. При необходимости для государства участок может быть принудительно у владельца выкуплен.

Деревень — в нашем понимании — в Англии нет. Изредка в поле или в лесу стоит дом (два дома). Туда подведён водопровод, есть и канализация. Электрические и телефонные

провода упрятаны под землю. В пяти километрах — ещё один дом. А деревушки — это на самом деле маленькие средневековые городки.

На что Англия не жалеет средств, так это на армию. Рядовой солдат получает не менее 10, а то и 22 тысяч фунтов стерлингов в год (генералы — до 74 тысяч. — «МК», 12.02, 2001).

В целом в Англии сложилось «общество двух третей». То есть, две трети населения живут либо хорошо (богатые), либо сносно (средний класс). А треть оказывается обездоленной. Автор газеты «Дуэль» Николай Любимов приводит далеко не радужную картину жизни в Великобритании, нарисованную на основе статистики, собранной учёными четырёх британских университетов: 17 процентов населения «сытой и благополучной» Британии живут по меркам развивающихся стран, то есть по критериям ООН — в абсолютной нищете. Четверть населения прозябают в бедности, ещё 10 процентов близки к ней. 4 миллионам не по карману питаться два раза в день, 6 миллионов обходятся без тёплого пальто, и т.д.

Англичане заботятся о домашних животных больше, чем о посторонних для них бедных людях. И слушая рассказы советских граждан об ужасах жизни в блокадном Ленинграде, они спрашивали, как же пережили эти годы кошки и собаки и выдавали ли на них продовольственные карточки.

В статье Элизабет Бро «Как жить бедняку среди богачей?», появившейся в Интернете, показано, что контраст между бедными и богатыми в Лондоне выше, чем в Токио или Нью-Йорке.

Многих англичан их будущее страшит. Есть опасения, что через 20 лет треть британцев будет жить в нищете. Дело в том, что в начале 1980-х годов правительство решило, что государство будет обеспечивать пожилым людям лишь малую часть прожиточного минимума. Основную же тяжесть пенсионного наполнения примут на себя компании, в которых люди работают. Ежемесячно небольшая доля заработка сотрудника перечисляется в пенсионный фонд, деньги которого вкладываются в ценные бумаги. К моменту выхода на пенсию человек будет иметь в банке сумму, достаточную, чтобы обеспечить ему и хлеб, и масло, и домик на Коста Бланке. Эта схема успешно работала, пока котировки акций на рынках росли. Но обвал на мировых биржах показал, что деньги пенсионных фондов могут не только расти, но и катастрофически уменьшаться в объёме. Пенсионный возраст в Великобритании 65 лет для мужчин и 60 лет — для женщин. Максимальную ставку пенсии можно получить при стаже не менее 40 лет. А откладывать на старость из зарплаты многие англичане не могут. *«О каких сбережениях, — говорит женщина-библиотекарь, — может*

идти речь, когда мы с мужем едва зарабатываем на то, чтобы проплачивать квартиру и кормить детей. Я каждое утро иду до работы пешком, потому что не могу потратить фунт на автобус» («Труд», 07.12.2004).

«И эта мразь нас учит»

Под таким заголовком в газете «Дуэль» напечатано письмо Сергея Баженова, в котором говорится: *«Европейский суд защиты прав человека признал Великобританию страной, нарушившей Страсбургскую гуманитарную конвенцию в части ограничения прав представителей сексуальных меньшинств на службу в британских Вооружённых силах. И министерство обороны сразу же заявило, что все ограничения в отношении гомосексуалистов отменены».* Газета на той же странице помещает статью под названием «Кто отсталый?», в которой повествуется о том, что президент Уганды отдал (со ссылкой на Библию) приказ о привлечении к уголовной ответственности всех гомосексуалистов в стране, которым грозит пожизненное заключение.

Гомосексуализм и прочие извращения не считаются в нынешней Англии преступлением (хотя ещё на рубеже XIX и XX веков уличённый в этом грехе знаменитый писатель Оскар Уайльд был изгнан из общества и попал в тюрьму). Откровенно «голубые» могут быть мэрами городов, членами парламента и т.д., среди них можно встретить знаменитых актёров и других «звёзд» Англии.

Новая «Венеция»

Англия ныне не столько промышленная держава, сколько **мировой финансовый центр**, средоточие капитала, который своими путами оковал всю планету.

Английские предприниматели издавна предпочитают вкладывать деньги не на Британских островах, а в бывших колониях. Уступая Японии, ФГ, Франции почти по всем экономическим показателям, Англия пока опережает их по величине помещённых за пределами страны капиталов... Огромные накопления шли не на модернизацию производственной базы, а в сферу финансовых и торговых спекуляций. По доходам от так называемого невидимого экспорта, то есть от всякого рода банковских, страховых и других посреднических операций, Британия превосходит все капиталистические страны, кроме США.

Лондон, ставший в своё время преемником Венеции как мирового центра финансовой олигархии, и до сих пор играет эту роль.

Естественно, страна паразитического капитала, словно магнит, привлекает паразитов со всех концов света. Не случайно самая большая колония российских олигархов образовалась не в Париже, бывшей мечте состоятельных россиян, не в Риме или Неаполе, а в Лондоне, который и получил ироническое название Лондонград. Есть и другая причина того, что Лондон стал центром притяжения для российских олигархов. Здесь можно укрыться от российской нестабильности и длинной руки нашей прокуратуры и прочих силовиков.

«Две нации, «полторы» или «две с половиной»?

В любом человеческом обществе существует социальная иерархия, деление на управляющих и управляемых, на «верхи» и «низы».

В XIX веке английский премьер Дизраэли писал, что в Британии сосуществуют две нации, которые управляются различными законами, следуют различным нормам поведения. Это были нации неимущих тружеников и титулованных землевладельцев. С той поры много изменилось, сильно разросся «средний класс», мелкая и средняя буржуазия. Но если судить по распределению национального богатства, деление на две нации никуда не исчезло. Один процент населения держит в своих руках четверть личной собственности в стране, пять процентов владеют половиной её. Как и во времена Дизраэли, социальный апартеид донныне разобщает страну, делит её глухой стеной на две нации.

И всё же «низы» — эта, так сказать, неполноценная нация, приняли правила «верхов». В других странах рабочим была присуща «собственная гордость», они инстинктивно, а подчас и сознательно противопоставляли себя «буржуям». Английские же «верхи» смели навязать «низам» кодекс джентльмена. Кодекс джентльмена предназначен для элиты. Но с середины викторианской эпохи культ самоконтроля и культ предписанного поведения были переняты у правящего класса другими слоями общества.

Поэтому «низам» издавна присущи буржуазная респектабельность и чувство почтения к «лучшим» и «высшим». Здесь каждый «сверчок» знает свой «шесток». Английская элита рассматривает себя как породистый класс, который под воздействием таких факторов, как наследственность, традиции, воспитание, лучше других подготовлен для управления страной, как особый сорт людей, специально предназначенный стоять у кормила власти. А «низы», ни по материальному положению, ни по образованию даже близко не подходящие

к элите, стараются держать себя так, будто они — джентльмены и леди. Это проявляется даже в мелочах. У входа в общественный туалет написано: «Джентльмены — один пенс; мужчины — бесплатно» (соответственно: «Леди — один пенс; женщины — бесплатно»). И большинство посетителей и посетительниц платит пенс, чтобы не выглядеть в глазах других (да и в собственных) «мужиками» и «бабами». Это почтение «низов» к «верхам» — один из устоев социальной стабильности в современной Англии.

А теперь структура общества двух наций ещё более осложнилась. К двум нациям добавилась ещё одна нация — иммигранты, преимущественно из бывших английских колоний. Большинство их приехало в поисках работы, вообще лучшей доли. Они соглашались на самую чёрную работу. Среди них много мусульман. Иммигранты получают гражданство, а их дети, родившиеся в Англии, уже считают себя коренными англичанами. Освоившись, иммигранты заявляют свои права, в частности, требуют возможности исповедовать свою религию. Мусульмане строят мечети. И мечетей в Лондоне стало столько, что его называют «Каир-на-Темзе».

Какова правящая элита Англии

Кто бы ни стоял во главе правительства — лейборист или консерватор, реально власть в стране находится у правящего клана, «высшей касты». И случайных людей в этой касте почти не бывает, её члены воспитываются особым образом с раннего детства. У всей элиты Соединённого королевства одинаковая образовательная основа. Это — Оксфордский, или Кембриджский университет либо Итонский колледж. (Победитель Наполеона Веллингтон говорил: «Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона».) До университета все они учились в «паблик скул», то есть в закрытых частных школах с фантастически высокой платой за обучение, то есть наглухо закрытых для их менее состоятельных сверстников. Для бедных и для среднего класса — обычные школы, где можно учиться бесплатно. Об уровне подготовки в них говорят следующие данные конфиденциального обследования рядового состава британской армии: навыки чтения у половины новобранцев соответствуют навыкам 11-летних детей. Пятая часть пехотинцев обладает знаниями на уровне 7-летних детей, а 4 процента вообще едва различают буквы («Труд, 30.03. 2004»). Ясно, что выпускники таких школ не имеют никаких шансов попасть в элиту. О редких исключениях пойдёт речь ниже.

Плата за обучение в элитной школе очень высокая, но попасть туда трудно. Состоятельные родители делают всё, чтобы их отпрыски попали именно в такое заведение, записывают в них детей — ещё младенцев. Но там воспитывают джентльмена, а он ведёт за собой нацию, особенно в пору трудных испытаний». Детей обучают верховой езде, стрельбе, теннису, дзюдо, им прививают хорошие манеры, что так ценится в английском свете. Только после такой школы можно поступить в престижный университет, который служит для воспроизводства британской элиты, один из главных признаков которой — образование, грамотность. Но не следует думать, что обучение в элитной школе — роскошество. Порядки там жестокие, напоминающие строй старой российской бурсы. В школе царит «дедовщина»: необходимо беспрекословно подчиняться всякому, кто по школьной субординации стоит хотя бы на ступеньку (на класс) выше. Идею субординации новичкам прививают не нравочениями, а унижительными обычаями, наряду с которыми существует вполне официальная система телесных наказаний. Считается, что корпоративный быт и спартанские условия жизни, в частности, холод и голод, воспитывают твёрдость духа, выносливость и другие ценные черты характера. Чем респектабельнее и, стало быть, дороже школа, тем более суровые условия существуют там для воспитанников. Чем хуже питание, тем лучше воспитание.

Лишь в 30-х годах XIX века, по мере распространения публичных школ, понятие «джентльмен» обрело свой нынешний смысл. Человек, отвечающий этому эталону, в представлении англичан бесстрастен, щепетилен, немногословен... Он служит воплощением самоконтроля, порядочности, честной игры.

Завершается формирование джентльмена в университете, который даёт обширное гуманитарное образование. До недавнего времени считалось, что джентльмен не должен становиться профессионалом, специалистом в какой-то узкой области знания. Ведь дело джентльмена — руководить, а чем ему доведётся руководить, заранее не угадаешь. Джентльмен часто меняет сферу своей деятельности, вспомним карьеру того же Уинстона Черчилля. (В этом отношении корпус джентльменов можно уподобить бывшей советской номенклатуре.) Главное — воспитать качества джентльмена.

«Кредо истинного англичанина — «fair play» («честная игра»). В их обиходе нет более ёмкой фразы, чем «это несправедливо». Они стоят на том, чтобы каждый имел, что ему положено, но не больше и не меньше. Поэтому от членов элитного клуба ждут честности, высокой морали и осознания ответственности, которая на них возложена обществом. Представите-

лю «клуба избранных», как правило, даже не приходит в голову использовать государство для достижения собственных интересов. Если же кто-то начнёт принимать решения исходя из критериев личной выгоды и попытается ущемить интересы общества, его ждёт неминуемое и позорное наказание, в лучшем случае — отставка (как это случилось с премьером Тони Блэром), в худшем — тюремное заключение» («ЛГ», 2008, №11).

Конечно, честная игра и справедливость джентльменами понимается специфически, в классовом разрезе. Если джентльмены принимают закон, ущемляющий интересы «низов», то в этом ничего нечестного или несправедливого нет. Раз «низы» терпят — значит, всё в порядке. Но покушение на общее достояние правящего класса — это проступок, если не преступление. Джентльмен не должен бояться опасности и ответственности. А вот простой народ бывает слабават. Английские военные моряки, воспитанные на общеевропейских ценностях, попав в плен к иранцам, «сдали всех и вся», а по возвращении домой были встречены как герои. В соответствии с этими ценностями «им положено спасать себе жизнь любой ценой — предавать командование, лобызать врагов. Выдавать военные тайны. А возвратившись домой, наврать с три короба про тяготы застенков и получить за это недурные деньги» («МК», 13.04.2007).

Научно-техническая революция неизмеримо усложнила дело управления экономикой. Однако в советах директоров английских фирм по-прежнему преобладают не специалисты, а джентльмены, считающие себя способными руководить чем угодно.

Теперь о редких исключениях. Из «низов» выбиваются в элиту те, кто полностью принял как свои интересы господствующего класса и доказал свою преданность ему. Так, некто Робертсон когда-то был простой рабочий, затем стал профсоюзным лидером, показал себя ловким демагогом и не просто вписался в британский истеблишмент, но и был избран генсеком НАТО. Ряды элиты пополняются «свежей кровью» (выходцами из «низов»), но только такой, которая совместима со старой.

Так готовят джентльменов. А как они управляют страной?

Механизм тайной власти

И всё же главную роль в формировании элиты, а также в механизме её функционирования, играют не университеты, а клубы.

Британия управляется через разветвлённую сеть личных контактов и связей — самую скрытую систему правления в

западном мире. Британцы изобрели джентльменский клуб, и различные вариации клубных принципов являются неотъемлемой чертой потайного механизма власти. В то время как более разительные атрибуты классовой системы исчезли, клуб попросту перенёс их в подполье.

«В подполье» не следует понимать буквально. Это не какие-то тайные организации, скрывающиеся от полиции и вообще от людского взора. Клубы существуют вполне легально, это учреждения престижные. Просто туда не попадёт человек с улицы. В клубах встречаются за обедом политики, финансовые и промышленные магнаты, руководители ведущих СМИ, правительственные чиновники и др. В неформальной обстановке в коротких беседах с глазу на глаз происходит обмен мнениями по важнейшим вопросам, обсуждаются предполагаемые шаги правительства и назначения на важные посты и т.д. Масонам не обязательно собираться в своих ложах, они широко используют свои связи в клубах. Здесь не ведётся никаких протоколов, не принимаются обязательные для всех решения, а лишь выясняются и согласовываются интересы различных кругов правящей элиты. Но именно там расположен пульт управления, от которого исходят сигналы.

Другой устоявшейся тайной властью в Англии — это институт постоянных секретарей министерств. Состав правительства может меняться после каждых парламентских выборов, консерваторов могут сменить лейбористы, а затем — наоборот. Но если пришедшая к власти партия захочет ознакомиться с документами своей предшественницы (кроме официально опубликованных), это ей не удастся. Существует давнее соглашение на этот счёт: партии взаимно обязались не дискредитировать друг друга в глазах общественности. Документы правительства знают постоянные секретари министерств, не меняющиеся при смене правительства. И выходит, что постоянный секретарь министерства знает дела лучше министра, который оказывается фактически мало значащей фигурой и выступает как государственный деятель лишь в глазах публики, не знающей тайных механизмов власти. Но и постоянный секретарь — не властитель, он получает нужные указания от соответствующих кругов «наверху».

Вот в чём секреты системы управления Англией. При самой широкой демократии, всеобщем тайном голосовании на выборах на деле существует тайная власть. Политические лидеры, парламентарии, министры нередко оказываются куклами, которыми управляют другие.

Всё вышесказанное отнюдь не означает, что парламент не служит никакой цели. Просто цель эта — не служение народу, а слу-

жение его правителям. Реальная власть находится в руках не министров, а постоянных секретарей и других высших чиновников, которые знают своих настоящих хозяев, остающихся в тени.

Закат Англии

Так Англия, страна лесов, лугов и болот, ничем не выделявшаяся среди средневековых государств Западной Европы, благодаря притоку венецианского капитала и, главное, восприятию идеологии венецианской финансовой олигархии, превратилась во «владычицу морей», «мастерскую мира» и финансовый центр планеты, в созидательницу самой большой на свете колониальной империи XIX — первой половины XX века. **Но паразитический капитал не созидателен.** После Второй мировой войны и распада колониальной империи начался закат Англии. Её экономика отсталая, валюта теряет свою прежнюю роль. До Первой мировой войны фунт стерлингов был мировой валютой. Между Первой и Второй мировыми войнами фунт делил эту роль с долларом США. После Второй мировой войны единственной мировой резервной валютой стал доллар, фунт занял скромное место в ряду региональных валют. Но даже и на этой позиции он вряд ли удержится. Специалисты, определяющие перспективы разных валют мира, намечают зоны преобладающего финансового влияния США, Японии, Германии, Франции, даже России, и Бразилии, а зоны Англии нет («Эксперт», 2001, № 12). Стоит ли удивляться тому, что английским «верхам» присуща особенная злоба «уходящих» к тем, кому принадлежит будущее?

Своеобразный английский социализм

Англия имеет давнюю социалистическую традицию. Первое произведение утопического социализма, книга, которая так и называлась «Утопия» («Нигде»), была написана канцлером Англии Томасом Мором, который заплатил жизнью за свои религиозные и гуманистические убеждения. В числе трёх великих социалистов-утопистов Нового времени называют и англичанина Роберта Оуэна, который, в отличие от французов Сен-Симона и Фурье, не ограничился написанием трактатов, а предпринял попытку осуществить социалистические идеи на практике.

Известен и такой феномен, как «Фабианский социализм». Фабианцы полагали, что преобразование капитализма в социалистическое общество должно происходить постепенно, в результате институциональных преобразований. Их цель —

воздействовать на английский народ, чтобы он пересмотрел свою политическую конституцию в демократическом направлении и организовал своё производство социалистическим способом так, чтобы материальная жизнь стала совершенно независимой от частного капитала. От других социалистов фабианцы резко отличаются тем, что (хотя и опираются на труды Маркса и Лассаля) не верят в социальный катаклизм, не признают революцию ни возможной, ни желательной, протестуют против слишком, по их мнению, враждебного отношения к буржуазии. Их требования: восьмичасовой рабочий день, национализация земли, железных дорог, рудников и т.д., муниципализация водоснабжения, газового и электрического освещения, устройство муниципалитетами дешёвых и хороших жилищ для бедняков, организация муниципального контроля над торговлей съестными припасами и топливом. Свои идеи фабианцы распространяют посредством публичных лекций, издания брошюр, организации библиотек и т.д. Они» сотрудничают с лейбористской партией с момента её основания.

В начале XX в. несколько фабианцев сформулировали концепцию так называемого «гильдейского социализма», который возникнет в результате вытеснения капиталистических монополий путём постепенного перехода предприятий под контроль национальным гильдиям — объединениям трудящихся, занятых в определённой сфере экономики. Это можно рассматривать как **зародыш идей корпоративного государства**, не получивших, однако, дальнейшего развития.

В XX веке основной политической силой, при возникновении ориентированной на социализм, стала лейбористская партия («партия труда» или «рабочая партия»). Она и сама часто называла себя «социалистической» или «демократической социалистической» и даже «просторной церковью», а в последние годы «партией третьего пути». В её идеологии уживались разнообразные тенденции. Тут и решительно социалистическое направление, и более умеренное социал-демократическое, а в последнее время всё больше прорыночное и прокапиталистическое. Левые критики указывали, что партия вовсе не является социалистической и поддерживает антисоциалистические позиции, такие как капитализм и неокolonизм. Её даже называют «капиталистической рабочей партией».

Первоначально Конституция партии содержала весьма радикальные социалистические цели и методы. Она выступала за переход в собственность государства ведущих отраслей промышленности, вмешательство государства в экономику, перераспределение богатств в пользу бедных, увеличе-

ние прав рабочих, государство всеобщего благоденствия, полностью бесплатное здравоохранение и образование для всех граждан. Но с начала 1980-х годов партия приняла за норму либеральную рыночную политику. Её манифесты не содержали термин «социализм» с 1992 года, и в 1995 году призыв к социализму был отброшен. Преуспевающий адвокат Энтони Блэр, ставший лидером лейбористов с 1994 г., ослабил связи с тред-юнионами и укрепил связи партии с крупным бизнесом. В «новой лейбористской партии» ныне представлены все социальные слои общества. Партия отказалась от национализации и выступила с идеями «общества интересов» и «экономики интересов».

Теоретической основой модернизации страны стала концепция «третьего пути». Согласно Блэру — это поиск альтернативы, компромисса и соединение двух элементов: рыночной экономики и всеобщей социальной справедливости в сочетании с повышенным вниманием к человеческому фактору. Особое внимание лейбористы сосредоточили на проблеме женской занятости и разрыва в заработной плате мужчин и женщин. Были увеличены детские пособия для семей с низкими доходами. Для детей, живущих в наиболее бедных районах страны, создавались ясли, педагоги посещали бедные семьи с маленькими детьми, родителей консультировали по вопросам воспитания детей.

Блэр разработал новую программу развития образования с упором на индивидуальные способности детей и ориентацией на их будущую профессиональную деятельность. В вузах была введена дополнительная плата в размере 1 тысячи фунтов стерлингов («гонорар за наставничество»). Взят курс на то, чтобы каждая школа имела определённую специализацию. И это — шаги к социализму? Когда-то Англия гордилась своими достижениями в социальной сфере. А что от них осталось?

Предмет особой гордости Англии — система национального здравоохранения, лозунгом которой является бесплатность и доступность медицинской помощи для всех слоев британского общества. Вот и среди состоятельных россиян популярно правило: «Если лечиться, то только в Англии», потому что именно Англия стоит в авангарде по внедрению новых медицинских технологий. Но ведущие клиники в Англии, где можно пройти платное и качественное медобслуживание — частные, доступные лишь для богатых. А рядовым британцам не нужно платить лишь за лечение у врача общей практики или в больнице. При необходимости консультации узких специалистов необходимо получить направление у врача общей практики.

Там выполняются сравнительно простые диагностические обследования (анализ мочи, крови). Для более глубокого обследования пациенты вынуждены или ложиться (если его положат) в больницу, или обращаться в частную (платную) клинику, или становиться в очередь ожидающих. В итоге — недостаточная доступность медицинской помощи: длительные сроки ожидания консультаций узких специалистов (тринадцать недель) и запланированного лечения (шесть месяцев). Граждане с низким уровнем дохода могут рассчитывать на дополнительную бесплатную медицинскую помощь, такую как стоматология, проверка зрения и, при необходимости, покупка очков. Вот и выходит, что так разрекламированная система здравоохранения Англии — это обыкновенная зурабовщина. И так во всём. Не удивительно, что лейбористы уступили власть правительству консерваторов и либералов во главе с Дэвидом Кэмероном.

Симптомом общего недовольства стала беспрецедентная волна беспорядков, охватившая в 2011 году Англию и чуть не спровоцировавшая введение в стране военного положения. Когда беспорядки стихли, все силы правоохранительных органов были брошены на то, чтобы максимально строго наказать погромщиков, преподать им «урок ужаса». Наказали мародёров, а также всех, кто просто попался стражам порядка под горячую руку. Суды и тюрьмы были переполнены, по итогам шестидневных беспорядков задержаны более 2000 человек.

Кэмерон на конференции по безопасности в Мюнхене заявил, что попытка построить мультикультурное общество в Британии провалилась, и страна должна отказаться от нее. Мультикультурализм поощряет жизнь в разобщенных, отделенных друг от друга этнических общинах, тогда как для того, чтобы предотвратить распространение экстремизма, британцы нуждаются в более определённой и чёткой национальной идентичности. Нужно отказаться от пассивной толерантности последних лет в пользу гораздо более активного и сильного либерализма.

Термин «мультикультурализм» был введен в обиход правительством лейбористов, которые правили в Британии последнее десятилетие. Хотя в стране живут представители многих национальностей, этот термин обычно применяли, когда говорили о том, как в Британии живут мусульмане. А их община здесь огромна — два с половиной миллиона человек. Англия всегда гордилась тем, что смогла создать комфортные условия жизни людям, которые исповедуют другую веру. Они являются полноценной частью британского общества и британской культуры и разделяют те же ценности, что и общество в целом, — говорили правящие политики. Но летом 2005 года в Лондоне террористы-смертники устроили взрывы в

метро и в автобусе, погибли полсотни британцев. Самоубийцами оказались сами же британские граждане. Они родились в маленьких английских городишках в семьях иммигрантов из мусульманских стран. И хотя учились они в британских школах, воспитаны они были по другим книжкам.

Несостоятельны утверждения, будто это были не англичане, а чернокожие, иммигранты. Среди участников волнений были представители 39 этнических групп. Но самой большой группой были белые англичане. Причем они составляли в Лондоне — примерно треть, а в других городах — 80—90 процентов.

Но уровень сознательности и организованности этого протеста откатился назад к XIX веку. Эти люди не организованы в профсоюзы, не связаны с левыми партиями, у них смутная идеология. Они не любят буржуазию — не более того. Английские левые организационно практически не представлены в этих кварталах. Поэтому организацию беспорядков взяли на себя какие-то темные личности. Но никаких политических требований мы не увидели. Это показатель деградации и левых, и рабочего движения.

Владимир Путин на одно из требований правящих кругов Англии посоветовал им сменить мозги. Видимо, совет этот запоздал. Паразитическая Англия не просто загнила, она сгнила, и вряд ли что может её воскресить.

Общий вывод

Правящая элита Англии, начиная с 1920-х годов, не устала критиковать корпоративные и тоталитарные государства Западной Европы за отсутствие демократии и нарушения «прав человека», противопоставляя этим странам свою страдальческую демократию. В действительности же они создали строй, основанный на лицемерии, жестокости, расизме и социальном апартеиде, власти денег и полном беспорядке «низов», строй, замаскированный под равноправное участие всех граждан в управлении государством. Задав ростки корпоративного государства, правящая элита Англии шагнула прямо к государству тоталитарному, но в расистском исполнении. Реальная власть в Англии принадлежит аристократии и в ещё большей мере финансовой олигархии, которая опутала сетями долговой зависимости всю планету. Вот уже пять столетий Англия является всесветным паразитом и центром мировой реакции, и им она останется впредь.

Продолжение следует

ОТ ЛЕНИНАБАДА ДО ЛЕНИНГРАДА

РАССКАЗ

Она сидела в углу, возле самой стенки вагона, прижатая к ней телами вплотную, и, приоткрыв рот, жадно и часто дышала, с отвращением втягивая в себя тяжкий, спёртый воздух.

В оконном стекле, почти на уровне её головы, зияла дыра с острыми, зазубренными краями. Однако врывавшийся сквозь неё ветер не давал желанной прохлады, а наоборот, приносил лишь удушливый жар пустыни да мелкозернистую, колкую пыль. Пыль густо висела в воздухе и, едва заметно подрагивая в проникающих через окна солнечных лучах, оседала на койках, столиках, стенках, на разложенных повсюду сумках и мешках. Одежда и лица людей покрывались противным серым налётом, отчего те с отвращением фыркали, чихали и отчаянно скребли пятернями пропылённые головы.

Обшарпанный плацкарт поезда «Душанбе—Астрахань» был забит человеческими телами, словно бочка просоленной сельдью. Люди сидели и лежали повсюду: и на нижних, и на верхних, и даже на третьих полках, куда обычно запихивают

ПРОЗА

сумки и чемоданы. Оттуда, из-под самого потолка задумчиво глядели вниз глубоко запавшие, диковатые глаза, тянулись загорелые руки. То тут, то там с верхних полок в проход были выставлены босые ступни ног, и пробиравшимся по нему людям приходилось нагибать головы и отворачивать лица. Но мест на всех всё равно не хватало, и кому-то даже пришлось примоститься на полу на корточках, прислонившись спиной к разделяющим вагон перегородкам.

На нижней полке, в дальний угол которой забились она, сидело ещё трое мужчин. Сухощавые, темнолицые, по причине невероятной тесноты они вынужденно прижались друг к другу вплотную, и, прикрыв глаза, казалось, дремали под глухой перестук колёс.

Но женщина не спала. Насторожённым взглядом своих глубоких серых глаз она смотрела в окно на раскинувшуюся вдоль самого железнодорожного полотна крупноячеистую сеть серых такыров, на виднеющиеся вдаль приземистые песчаные барханы, и, плотно вцепившись влажными пальцами обеих рук в лямки небольшой кожаной сумки, с силой прижимала её к самой груди. Затиснутая, вдавленная в свой угол, не имея возможности даже толком повернуться и поменять позу, она сидела практически неподвижно, лишь иногда осторожно шевеля затёкшими, онемевшими ногами.

Вчера этот старый вагон чуть не разлетелся вдребезги под бешеным напором толпы, которая бросилась к нему с неистовым рёвом, едва только поданный под посадку состав затормозил у перрона душанбинского вокзала. Никто не смотрел на проводников (да их, впрочем, и не было). Никто не спрашивал ни у кого билетов (их тоже почти ни у кого не было). Людская масса сплошным безудержным потоком втекала в открывшиеся двери: с ором, гомоном, визгом. Кто-то даже почти по головам лез внутрь сквозь разбитые окна, таща за собой через них огромные баулы и затаскивая детей.

Те, кому посчастливилось попасть в вагон раньше других, тут же рассаживались по три-четыре и даже по пять человек на одну полку, жадно забивая всё оставшееся и без того скудное пространство вещами. Другие, напиравшие следом, торопливо лезли через проход дальше, поминутно спотыкаясь при этом о чьи-то мешки, цепляясь одеждой за поручни и ругаясь громко, по-русски. Того, кому в этой адской давке удавалось плюхнуться на свободное место, уже никакая сила не смогла бы заставить подняться вновь, ибо этот человек знал, что теперь он доедет до России почти наверняка. Ведь все они спешили именно в неё — прочь из этой голодной, воюющей страны...

Она, стоя на перроне, сначала смотрела на это столпотворение в ужасе, содрогаясь. И потом долго ещё не могла понять, как же ей всё-таки удалось оказаться внутри вагона и упасть на жёсткое, истёртое сиденье выдавшего виды плацкарта. В памяти остались потные искажённые лица, жаркое чужое дыхание, протянутые вперёд цепкие, хваткие руки...

Однако ей удалось прорваться сквозь это людское месиво довольно быстро и даже занять место возле самого окна. Наверное, это получилось оттого, что она была совсем тонкая и худая после нескольких голодных зим, когда приходилось выменивать золотые кольца на сухари и мешочки с пшеном, и её лёгкое исхудалое тело теперь легко протискивалось в толчее между телами других.

Когда она опустилась на койку, то первым делом инстинктивно, что было сил прижала к груди небольшую сумку, в которой лежали деньги — те, что удалось выручить за проданную на днях в Ленинабаде квартиру. Обыкновенную трёхкомнатную квартиру в панельном доме, куда незадолго до войны они въехали с мужем.

Кто бы мог тогда подумать, что всего через несколько лет однажды под вечер он выйдет на улицу по какому-то пустяковому делу и больше не вернётся? И потом, спустя пару дней, соседи придут к ней, совершенно измученной, почти уже потерявшей всякую надежду, и скажут, что на окраине города, на пыльном, заросшем колючим бурьяном пустыре нашли то, что от него осталось: изувеченное, истерзанное тело с почернелым, обугленным черепом вместо лица, которое озверевшие «вовчики»* выжгли паяльной лампой. Они почти всегда перед смертью жестоко истязали тех, кто попадал им в руки, причём русских мучили с особенной страстью. Муж Натальи, как и она сама, был русский, инженер с завода «Торгмаш», на котором до войны выпускали светильники и термостаты. Как знать, может быть, над ним измывались именно те, с кем он ещё пару лет назад работал в одном цехе...

Похоронив его, Наталья горевала безутешно. Ведь она так долго отказывалась верить, что и в их Ленинабаде, который война всё это время счастливо обходила стороной, может вот так внезапно и люто оборваться человеческая жизнь.

Этот город оставался относительно спокойным даже тогда, когда в Душанбе уже собирались беснующиеся толпы таджиков и на своих митингах сыпали яростные проклятья в адрес «некоренных». И даже когда там во время уличных шествий они останавливали автобусы, выволакивали наружу всех светловолосых и светлолицых за тем, чтобы со звериным воем втоптать их тут же в асфальт, они здесь ещё без опаски ходили по улицам и даже сына по утрам отводили в школу.

Уже потом, когда началась война, ребёнку удалось отправить в Петербург, где жил родной брат мужа. Его увезла бегущая в Россию русская учительница, с которой Наталья раньше вместе работала: та вела алгебру и геометрию, а она — литературу и русский язык.

Но затем школа закрылась, потому что в неё почти уже никто не ходил. По всему Таджикистану отныне учили и учились совсем иной науке — науке убивать. И с невиданным остервенением резали теперь друг друга те, кто ещё недавно жил в соседних домах и ходил по одним улицам.

Муж остался тогда с ней в Ленинабаде, потому как она всё ещё не соглашалась уезжать — не в силах была бросить такую уютную, такую привычную и обжитую квартиру.

«Давай подождём ещё немного — закончится же этот бардак когда-нибудь, тогда и продадим квартиру, — твердила она всякий раз, едва только речь заходила об отъезде. — Вон из Душанбе, говорят, душманов уже прогнали. А сейчас сорвёмся — вообще без гроша уедем, бомжами в России окажемся».

Потом, после смерти мужа квартира быстро превратилась в пустую бетонную коробку с вылинявшими от яркого таджикского солнца обоями, и не казалась больше ни уютной, ни обжитой. Почти все вещи и почти всю мебель пришлось постепенно продать или обменять на продукты. Теперь ей пришлось особенно туго — ведь она осталась здесь совсем одна, русская, чужая для всех.

Полтора года прошли для Натальи в страхе, голоде, смертной тоске. Воспоминания о том времени сохранились сухие и обрывочные, как те редкие вспышки сознания, что прорезают порой долгий тяжкий сон. В те дни она много бродила по городу, высматривая, нет ли где многолюдной и шумной свадьбы, которые таджики ухитрялись играть даже посреди гремящую кругом войны. Заслышав музыку, завидев возле какого-нибудь дома галдящую многолюдную толпу, она подходила поближе, останавливалась и терпеливо ждала, пока кто-нибудь из женщин не вынесет ей, бывшей школьной учительнице, тарелку с пловом. Тогда Наталья накидывалась на еду с жадностью, быстро проглатывая промасленный, пряный рис, с наслаждением разжёвывая кусочки ароматного бараньего мяса. После чего, кое-как насытившись, шла домой, ощущая в вечно ноющем с голодухи желудке тёплую истому.

Этим летом пожилой таджик-сосед, отец многодетного семейства, вдруг неожиданно сам предложил купить у неё жильё. Постучал вдруг под вечер и, когда Наталья, робко

спросив, кто там, чуть приоткрыла дверь, сразу начал с порога: мол, продай поскорее квартиру, сын женится, жить ему где-то надо.

Поначалу она смотрела на него недоверчиво, сверля настороженным, пронзительно голодным взглядом, и на её отощавшем лице резко проступали скулы, обтянутые сухой обветренной кожей. Но таджик был настойчив и предлагал деньги — настоящие, живые деньги, хотя и мог бы в любой момент просто выбросить её вон и занять квартиру бесплатно. Многие, кстати, с «некоренными» поступали именно так.

Но ему, потерявшему на войне с «вовчиками» двоих старших сыновей, стало жаль несчастную вдову, и он заплатил честно, дав такую цену, за которую в России можно было бы купить хоть какую-нибудь угол.

Наталья, тщательно пересчитав деньги, убрала их в маленькую кожаную сумку, с которой когда-то ходила с мужем гулять в городской парк, наспех набила другую сумку, просторную и матерчатую, оставшимися пожитками и, отдав ключи новому хозяину, быстро выскользнула из пустой квартиры прочь, не оглядываясь.

Но для того, чтобы оказаться в России, где уже три года жил в семье дяди её единственный сын, надо было сначала добраться до Душанбе и сесть в поезд.

Хотя вообще-то ехать поездом можно было прямо из Ленинабада, так как через их город раз в несколько дней всегда проходил состав «Андижан—Москва». Однако Наталья просто побоялась в него садиться. Она не раз слышала о том, как свирепые узбекские банды в этом поезде, где окна вместо стёкол забиты досками и кусками картона, грабят в дороге подчистую всех подряд.

«Нет, уж лучше из Душанбе поеду, — решила она. — Там хоть наши таджики будут».

И она отправилась из Ленинабада в Душанбе.

В её памяти остался душный, забитый под завязку автобус, тряска по разбитому асфальту горных дорог, серпантинном выющихся через перевалы, круто вздымающиеся вверх каменистые склоны.

На протяжении всего пути она сидела, не шелохнувшись, только озиралась по сторонам исподлобья, словно затравленный зверёк. Ей казалось, что все вокруг знают, что она везёт с собой деньги, и что эти меднолицые черноволосые люди вот-вот набросятся на неё скопом, с криками вырвут из рук сумки и выбросят из автобуса наружу, в горячую придорожную пыль. И она навеки сгинет в этой дикой стране, как сгинули те, кто осенью 1992-го, спасаясь от голода и

войны, ушли через границу на юг, в Афганистан, надеясь транзитом через него пробраться в более спокойные и сытные края, но угодили там в лапы головорезов «пандшерской гиены» — жестокого душманского главаря Ахмад-шаха Масуда.

Но даже сейчас, когда ей удалось благополучно добраться до Душанбе и сесть в поезд, чувство страха не покидало её ни на миг. Не выпуская из рук сумку с деньгами, она то и дело тёрла слипающиеся от усталости глаза, изо всех сил отгоняя от себя сон.

«Ещё хотя бы день, хотя бы день до российской границы, — без конца повторяла она про себя как заклинание. — Нельзя сейчас спастись, нельзя — сумку срежут».

Несколько часов назад поезд въехал на территорию Узбекистана и на приграничном полустанке, отогнанный в тупик, простоял на адской жаре два с половиной часа, пока потно лоснящиеся, а протупающими сквозь рубашки обильными животами таможенники проводили досмотр.

Они одновременно появились в обоих концах вагона, по двое сразу, точно хищники, загоняющие стадо обречённых травоядных. И тут же двинулись навстречу друг другу, поминутно останавливаясь напротив каждого купе. Их жадные взгляды застывали на чужих сумках, чемоданах, баулах, пристально впивались в лица.

— Что везём? Что везём? — деловито выспрашивали они у всех пассажиров, бесцеремонно прошупывая их вещи.

Это была уже налаженная, отработанная система: любой человек, оказавшийся на узбекской территории даже проездом, должен быть заплатить таможеннику мзду. Причём, желательно в долларах. Если таковых у него при себе не оказывалось, то узбеки запросто могли отобрать что-нибудь из вещей. Например, наручные часы у мужчин или кольца с серьгами у женщин.

— Пошлина плати! Пошлина! — зычно покрикивали они, алчно вырывая из протянутых рук предусмотрительно заготовленные купюры.

Эти узбеки внушали людям такой неподдельный ужас, что платили им все, не разговаривая и почти не торгуясь. Немало тогда в Таджикистане ходило жутких рассказов про их глубокие зинданы с крысами и клещами, в которые неизменно бросали ссаженных с поездов строптивцев, что зачастую оказывалось хуже смерти.

Потому и Наталья, заранее отсчитав полсотни долларов из тех денег, что она везла с собой (таджикских рублей у неё почти не было, да и не стоили они ничего), поспешно протря-

нула их подошедшему таможеннику, так и впившемуся в неё, единственную во всём вагоне русскую женщину, наглым бесстыжим взглядом.

— Вот... возьмите... вот,— забормотала она, протягивая деньги.

Узбек не торопясь взял деньги, помусолил их пальцами, пересчитывая, и засунул в и без того уже плотно набитый, вздувшийся карман брюк. Однако не последовал по проходу дальше, а остался на месте, продолжая разглядывать её с нескрываемым нахальством.

— У меня нет больше... Правда, — сказала Наталья. — Это всё, что есть.

— Мало ты пошлины даёшь, — явно высматривая, чем бы ещё поживиться, протянул тот. — Мало...

— Я же говорю: нет у меня больше. Правда, нет.

— Куда едешь?— неожиданно спросил узбек.

По его губам зазмеилась недобрая ухмылка, а раскосые глаза продолжали ошупывать Наталью с циничной откровенностью.

— В Россию еду, в Ленинград. Сын у меня там, — отвечала она тихо.

— Все тут в Россию едут, — процедил сквозь зубы таможенник, и взгляд его остановился, наконец, на сумке, которую Наталья сжимала обеими руками.

— Что везёшь? — резко меняя тон, пролаял он вдруг.

— Так, вещи всякие, — лепетала Наталья, чувствуя, что её язык липнет к нёбу.— Вещи всякие.... У меня мало вещей, совсем мало...

— А это что? — и таможенник, шагнув вперёд, потянулся к сумке. — Запрещённое везёшь, а?

И он ухватился за ляжку.

Наталья, не помня себя, вцепилась в сумочку намертво, до боли в пальцах, а в зрачках её, преисполненных ужаса, отражалось точно в зеркале шекастое лицо таможенника. Люди вокруг затихли, ещё плотнее вжимаясь в койки.

— Уважаемый, зачем женщину обижаешь? — вдруг вмешался молодой парень-таджик, сидевший на нижнем боковом месте напротив.— Она ведь уже заплатила пошлину. Чего тебе ещё надо?

Таможенник обернулся на него сердито, но хватку чуть ослабил.

— А если с сестрой твоей так будет? Или с матерью? — продолжал парень, от которого его сосед отшатнулся тут же, словно от самоубийцы. — Взял пошлину — и иди себе дальше.

— Да-да, — умоляюще зашептала Наталья, хватаясь за неожиданно протянутую соломинку. — Я к сыну еду, в Ленинград. Я его три года не видела... Три года...

— Видишь, сын у неё, к сыну едет. Нехорошо, уважаемый, мать обижать. Ай, нехорошо. — Таджик укоризненно закачал головой и предложил внезапно: — Хочешь, я за неё пошлину доплачу? Хочешь? Сколько тебе надо ещё? — И он даже сделал характерное движение рукой, показывая, что намеревается вытащить из кармана деньги. — Ну, сколько?

Таможенник насупился, буркнул что-то под нос, но лямку, наконец, отпустил.

— Я просто проверить хотел, — сказал он, будто оправдываясь. — Проверить...

— Ну а что тут проверять?! — почувяв, что узбек дал явную слабину, надели на него со всех сторон ободрившиеся люди. — Сказала же она: к сыну в Россию едет. У неё ж и так нет с собой ничего. Ай, нехорошо, уважаемый. Ай, нехорошо.

Таможенник ещё раз глянул на притихшую в углу Наталью и невзначай провёл рукой по карману, словно проверяя, достаточно ли тот полон. Затем поджал губы, отвернулся и, молча собрав «пошлину» с остальных, быстро пошёл дальше.

Наталья посмотрела на парня пристально, почти с материнской нежностью, но не нашлась, что ему сказать. А тот, весело подмигнув, отозвался сам:

— Совсем, слушай, наглые стали, твари. Я уже третий раз этим поездом еду, и они свои «пошлины» всё больше и больше делают. Животы у них бездонные, что ли? Понимаю — всем кушать надо. Но если сам кушаешь, то и другим давай. Как можно у женщины, у матери сумку отбирать?

Наталья тяжело откинулась назад, на жёсткую стенку и замерла, чувствуя, что вся спина её насквозь взмокла, а на щеках и лбу жарко проступает испарина. Рот её сделался воспалённым, высохшим, но протянуть руку к стоящей на столике бутылке с водой не оставалось сил. Она обессиленно прикрыла веки, но перед ней долго ещё стояло круглое лицо узбекского таможенника и его хваткая рука, тянущаяся к сумке с деньгами.

Вспоминая пережитое, она то и дело вздрагивала в мелком ознобе, и неприятное ощущение от щупающих её чужих алчных глаз жило в ней ещё долго.

Южные сумерки сгустились и погасли быстро, и вот поезд, набрав скорость, уже нёсся сквозь непроглядную чёрноугольную тьму. В вагоне по-прежнему стояла липкая духота, а ночной ветер, врывающийся сквозь разбитое окно, был горяч и сух почти так же, как и днём.

Наталья продолжала сидеть в углу, привалившись к стенке и время от времени шевеля затёкшими ногами. От долгого сидения всё её тело с непривычки ныло мучительно, но она не могла даже позволить себе выйти и постоять в тамбуре, в котором также без конца толклись люди.

Пробравшись всё же несколько раз за день в туалет и тщательно заперев за собой дверь, она вставала там напротив мутного, потрескавшегося зеркала, напряжённо вглядывалась в своё измождённое, осунувшееся лицо, проводила смоченными водой ладонями по обветрившейся, пропылённой коже. На пальцах оставались тёмные разводы. Наталья глядела на своё отражение пристально, с острой жалостью. Затем торопливо совала руки под тоненькую струйку воды, едва вытекающую из крана, и мыла их тщательно, с силой растирая тонкие костлявые пальцы.

Здесь, в грязном туалете, по полу которого обильно растекалась мерзкая зловонная жижа, она позволяла своему затёкшему, одеревеневшему телу немного отдохнуть. Распрямляя спину, вытягивала вперёд и вверх руки, переминалась с ноги на ногу, чувствуя, как по мышцам быстро разбегаются колкие мурашки, ведь неподвижное сидение в жаркой тесноте сутками напролёт было сродни пытке.

Соседи по вагону от самого Душанбе со страхом говорили об узбекских ворах, которые теперь промышляют по всем проходящим здесь поездам. Стоило им миновать границу с Узбекистаном, как страх людей возрос многократно. «Узбекские воры... узбекские воры», — доносилось до неё оттуда и отсюда. Поневоле ловя обрывки чужих разговоров, Наталье показалось, что воры вселяют даже больший страх, чем жадные таможенники с их поборами.

— После Термеза они пойдут, ночью, — понизив голос, говорил сосед — пожилой таджик с окладистой пегой бородой до груди. — Нельзя спать. Кто заснёт — без копейки останется.

— Они всегда по ночам воруют, — охотно отозвался парень, защитивший Наталью от таможенника-мздоимца. — Кто не спит — тех не трогают. Воров много бывает, человек по десять на поезд. Пройдут его за ночь весь, а потом утром уже у самой туркменской границы слезают.

Какой там спать! При одной мысли о крадущихся в ночной тьме ворах Наталью бросало в жар. Сжавшись в комок, ни на секунду не выпуская из рук сумку с деньгами, она напряжённо вглядывалась в удушливый сумрак, быстро и часто дыша через рот, так как острый запах пота, исходящий от скученных тел, был невыносим.

— Я к брату еду в Астрахань,— говорил парень, по-прежнему обращаясь к пожилому соседу Натальи. — Он там уже два года живёт, на стройках работает. Посмотрю как там, чего. Может, тоже останусь.

Койку с ним от самого Душанбе делил всего только один сосед, сухопарый и тощий, с глубоким белесого цвета рубцом на загорелой шее. На ещё остающееся свободное место, куда мог бы поместиться ещё один человек, парень сразу же предусмотрительно взгромоздил свою объёмистую сумку, явно давая окружающим понять, что третий здесь окажется лишним.

Пожилой таджик отвечал ему что-то тихо на своём языке и смотрел строго, даже с укоризной, словно упрекая за нежелание потесниться.

Наталья думала о сыне, которого не видела уже три года, и непрестанно вспоминала день, когда они с мужем провожали его в далёкий путь. Брат той учительницы, что согласилась взять их сына с собой, служил офицером в 201-й дивизии. По делам службы он летел транспортным самолётом в Россию, посадить в который сумел и женщину с чужим ребёнком.

Муж Натальи хотел подарить ему в благодарность свои наручные часы марки «Полёт» (денег всё равно не было), но офицер наотрез отказался.

— Не надо, оставь себе, — решительно заявил он. — Ребёнка твоего в транспортник провести мне не трудно. Командиры наши не звери, всё понимают — у них тоже дети есть.

Кто бы ещё недавно мог подумать, что настанет такой день, когда самым безопасным местом для их сына окажется не отчий дом, а военный борт с огрубевшими, пропитавшимися горячей пылью солдатами?!

За эти три года в жизни Натальи произошло столько, что в иные времена не вместились бы и в целую жизнь. Её душа познала всё: и лютое горе, и леденящий страх, и изнуряющий голод, и тоскливое, беспросветное одиночество.

И зачем только она уговаривала мужа здесь остаться? Надо было тогда бежать отсюда без оглядки всем вместе — и плевать на эту трёхкомнатную квартиру с новым ремонтом, который они так заботливо сделали незадолго до начала войны, на импортную мебель, купленную по большому благу в Душанбе ещё в последние советские годы, на расстеленные на полу дорогие ковры с затейливыми восточными орнаментами. Да неужели всего этого стоила человеческая жизнь?!

Вскоре она случайно узнала, что тот офицер, капитан из 201-й дивизии, был убит где-то вблизи афганской границы. Сказал ей об этом кто-то из ещё остающихся в городе русских. Мельком так обмолвился, буднично: убили, мол, и всё тут. Впрочем, чему было удивляться — тогда почти каждый день кого-то убивали. Никаких слёз бы не хватило оплакивать каждого.

— Жаль капитана, — только и сказал муж, невольно взглянув на поблёскивающий на запястье циферблат добротных часов. — Жаль.

Но даже и тогда они вполне могли выбраться отсюда транспортным самолётом. Ведь остальные военные — одичавшие, обнищавшие командиры разгромленной без войны армии — за плату взяли бы на борт кого угодно, хоть чёрта, не то что семью русского инженера. И ведь было, чем заплатить — она ещё не успела к тому времени распродать все свои золотые украшения...

Впоследствии она миллионы раз вспоминала тот вечер, когда просталась с наспех собранным в дорогу сыном. Они вместе с мужем стояли возле подъезда дома, в котором жила учительница, и поочередно прижимали своего Серёжку к груди. В их резких, порывистых движениях, в выражениях лиц выделась не только печаль разлуки, в них таилась неловкость, даже стыд.

— Мы приедем к тебе скоро. Слышишь? — быстро говорила Наталья, целуя его влажными, смоченными солёной слезой губами. — Приедем очень скоро.

Сын молчал, неловко уткнувшись светлым лицом в мать, и предслёзно кривил губы. А потом, подняв голову, посмотрел на неё глазами серьёзными и сухими.

— Ведь правда приедете? Правда? — спросил он негромко и добавил. — Я буду ждать.

Прощанье вышло коротким — за учительницей на армейском «уазике» прикатил брат. Водитель, спеша на военный аэродром, без лишних слов дал по газам, и машина, забрав двух гражданских, быстро понеслась из города прочь. Наталья сначала долго махала ей вслед рукой, а потом просто стояла посреди двора рядом с мужем, с острой грустью смотря на растрескавшийся, вспученный корнями тополей асфальт, на поникшие от многодневной жары древесные листья, на освещённые закатными лучами стены многоэтажки.

Вскоре после этого её мужа убили...

Позже, в голодном, страшном, чуждом городе, оставшись совсем одна, Наталья мучила себя всякий день. Вспоминала, как отказывалась тогда лететь в Россию немедленно, как

твердила мужу без конца: «А как же квартира?! Неужели вот так возьмём и бросим?!» Как в упрямом ожесточении кричала ему:

— Забыл, как мы четыре года на очереди стояли, мыкались по чужим углам?! И всё теперь бросить?! Да где мы жить там будем, в России этой?! Под мостом?

И муж, мягкий интеллигентный человек, отступил перед её напором, согласившись, наконец, отправить к родне в Ленинград одного лишь сына. А сам остался с ней в Ленинабаде. Так и жили, стерегли квартиру вдвоём, ожидая неизвестно чего.

Чего ждали? Она и сама толком не могла этого объяснить. Тогда, в 1992 году, всё творящееся вокруг казалось какой-то разнузданной оргией, всеобщим помешательством, дурным наваждением, чудовищным кошмаром, обрушившимся на них неожиданно, точно чёрный гриф, камнем падающий с небес вниз за добычей. Всё это было непонятно, необъяснимо, даже нелепо.

И не она одна — многие тогда никак не могли поверить, что прежней тихой жизни навсегда пришёл конец, и весь Таджикистан отныне обречён на долгие годы разрухи, дикости, резни.

Сидя вечерами одна на кухне пустой, нетопленной квартиры, за окнами которой угасали короткие зимние сумерки, она куталась в заношенный ветхий платок и подолгу неподвижно смотрела на подрагивающее от сквозняков пламя свечи (свет теперь давали всего на несколько часов, да и то не каждый день). Ей представлялось, что где-то, за тысячи километров отсюда, в промёрзшем, занесенном глубоким снегом русском городе, может, вот так же сидит её сын, тоже одинокий и полный тоски, и думает о матери и об отце, которого ему больше не суждено увидеть.

Представляя такое, Наталья закрывала лицо руками и начинала рыдать, сначала тихо, беззвучно, а затем всё громче, с надрывом, и её заострившиеся костлявые плечи некрасиво сотрясались, отбрасывая на светлую поверхность стола длинные пляшущие тени.

Она проснулась внезапно, словно от толчка. Вначале она не поняла, что произошло, так как вокруг стояла тишина, а в лицо по-прежнему дул ровный сухой ветер. Оказывается, её всё же незаметно сморило, и этому враз навалившемуся тяжкому сну не смогли помешать ни жара, ни неудобство позы, ни даже страх за свои вещи.

«Воры!» — мысль о них пронзила сердце Натальи, точно острая игла, и остатки дремоты слетели моментально. Она подняла голову, озираясь по сторонам.

В темноте, со стороны прохода слышался слабый шорох, как будто по нему осторожно пробирался кто-то, тихий и неприметный.

Наталья напряжённо всматривалась в то место, откуда исходил звук, и уже угадывала во мраке очертания человеческой фигуры, замершей как раз напротив неё.

Она, затаив дыханье, что есть силы прижалась к стенке, чувствуя, что между её полированной гладью и собственным телом зажата сумка с деньгами. Разом вспомнила, как, уже ощущая обволакивающую мягкость незримой пелены сна, успела-таки почти машинально задвинуть сумку в самый угол — так, чтобы её не было видно из прохода. С других концов вагона также слышались шорохи, мягкие шаги — очевидно, по нему кралось сразу несколько человек.

А человек меж тем не спеша поводил головой во все стороны, высматривая вещи. Глаза Натальи уже освоились в темноте, и она видела, с какой тщательностью он оглядывает всё вокруг, как его руки тянутся к лежащим повсюду сумкам, прощупывая их осторожно, но тщательно.

Вот он шагнул к пожилому таджику, сидящему справа от неё. Наталья чувствовала, что тот не спит, что вот так же напряжённо смотрит в проступающее из темноты чужое, хищное лицо. Она уловила лёгкий шелест, частое прерывистое дыхание.

Пожилой таджик вдруг сам подался вперёд и выставил перед собой руку, в которой тускло блеснуло что-то продолговатое, острое. Человек мигом отпрыгнул в сторону, словно испуганная кошка

— Проходи дальше, — раздался приглушённый, но твёрдый голос.

Однако вор, увидев перед собой нож, убираться прочь не спешил. Не спуская глаз с лезвия, изгибаясь телом, он, однако, шагнул в глубь купе, переступил через чьи-то ноги и оказался возле Натальи. Она во мраке не столько видела, сколько угадывала его близкое присутствие, ощущала кислородный запах затасканной, давно не стиранной одежды.

В смятении она ещё плотнее прижалась к стенке, ощущая бедром врезающиеся в кожу упругие края сумки. Та была зажата между нею и стенкой вагона так сильно, что Наталье даже казалось, будто она угадывает плотно сложенные пачки денег, перетянутые резинкой посередине. Её соседи по купе не проронили ни звука, хотя она чувствовала, что те не спят, замерев с напряжением.

Вор склонился к её лицу, видимо, пытаясь определить, бодрствует она или нет, и медленно потянулся рукой вниз, туда, где у неё в ногах стояла вторая сумка, с вещами.

Не отрываясь от стены, Наталья тоже протянула руку вперёд и ухватилась за ручку своей сумки первой.

— Я не сплю... не сплю, — сказала она тихо.

На мгновение ей даже показалось, что она видит глаза вора. Точнее, угадывает их по отблеску белков.

— Я не сплю. Слышишь? — повторила Наталья и резко дёрнула сумку на себя.

Ей казалось, что ещё миг, и она не выдержит — закричит, заорёт истошно на весь вагон и в ярости, в безысходном отчаянии бросится на вора сама.

Но тот, словно почуяв её решимость, отдёрнул руку от сумки и попятился назад. Поезд в этот момент, заметно сбросив скорость, как раз подкатывал к какому-то полустанку, и замелькавшие вдоль насыпи фонари залили их купе слабым светом. Наталья явственно разглядела перед собой невысокого человека в тёмной футболке, худосочного и длиннорукого, который крался обратно к проходу, аккуратно перешагивая через вещи и ноги пассажиров, и в его замедленных, почти плавных движениях ощущалась недобрая вкрадчивость.

Выбравшись обратно в проход, вор, казалось, был готов уже идти дальше. Он даже сделал шаг в направлении следующего купе, однако, вдруг резко остановился и замер, уставившись на нижнюю боковую койку, где, привалившись к сумке и поджав под себя ноги, лежал парень-таджик. Поезд в этот миг затормозил возле пустынного ночного перрона, и их вагон залил оранжеватый свет станционных фонарей.

Наталья сразу догадалась, чем парень привлёк внимание вора — лёжа на боку, он крепко спал, издавая ровный, монотонный храп, а из-под его мятой, задравшейся рубахи выглядывала небольшая матерчатая сумочка, прикреплённая к поясу ремешком. Вор так и впился в неё глазами.

Затем он сделал быстрое движение рукой, и в ней блеснул вытянутый, узкий предмет. Что это: нож, опасная бритва? Наталья толком не разглядела.

Уже изготовившись срезать сумку, вор вдруг обернулся к сидящим в купе. Быстро обвёл их взглядом своих раскосых, хищных глаз, взмахнул лезвием, и его остро отточенные края неясно блеснули в полумраке.

Наталья не шелохнулась, не произнесла ни слова, а лишь замороженно смотрела на направленную в её сторону сталь и часто-часто дышала. Пожилой таджик сидел всё в той же позе, только его правая рука, по-прежнему сжимавшая нож, чуть выдвинулась вперёд.

— Т-с-с-с, — вор поднёс к губам палец, окидывая всех угрожающим, холодно сосредоточенным взглядом.

Его предупреждение являлось излишним — шум всё равно никто бы не поднял, не посмел поднять.

Одно едва уловимое, точно бросок змеи, движение — и перерезанные концы ремешка остались лежать на голом животе, ритмично вздымающемся в такт ровному дыханию спящего человека.

Гулко звякнули буфера, и поезд тронулся. Косые лучи света от медленно поплывшего вдаль фонаря заскользили по проходу, койкам, лицам людей. Сначала медленно и лениво, словно нехотя, а затем всё быстрее и быстрее, как будто спеша куда-то. Наталья видела, как вор, всё ещё стоя в проходе напротив купе, запустил руку в украденную сумку и деловито ощупывает её содержимое, и чем дольше он шарит в ней, тем сильнее его губы растягиваются в довольной улыбке.

Затем свет угас, и в купе опять сделалось темно. Наталья слышала, как, разгоняясь всё сильнее, стучат колёса, как плавно раскачивается вагон, как где-то впереди звучит протяжный гудок тепловоза. Она не смотрела больше в сторону обокраденного на её глазах человека, продолжавшего безмятежно спать, и даже радовалась, что усиливающийся колёсный перестук начинает постепенно заглушать его храп. В этот миг ей хотелось провалиться сквозь пол, туда, где между рельсами суматошно мелькают деревянные промасленные шпалы. Хотелось выскочить из поезда немедленно, на первой же остановке — лишь бы не видеть более этого парня никогда, забыв навек его широкое лицо, уверенный, бодрый голос, спокойный, слегка нахальный взгляд.

В мозгу Натальи с необычайной яркостью ожила картина прошедшего дня: вот он стыдит узбекского таможенника, позарившегося на её сумку с последними деньгами.

«Уважаемый, зачем женщину обижаешь? — звучало у ней в ушах вновь и вновь. — А если с сестрой твоей так будет? Или с матерью?»

А вот уже ночь, и он беззаботно спит на виду у всех, а на него уже надвигается, наползает чужая тень.

Сдуру ли он заснул, или просто сморило незаметно в прелой духоте, как и её саму?

Что у него там было, в этой матерчатой сумочке, пристёгнутой к поясу, чьё содержимое с явной радостью изучал удачливый вор?

Наталья не сомневалась, что это были деньги. Она поняла это с самого начала, как только увидела в отсвете фонаря саму сумочку на его голом поджаром животе. Один только крик — резкий и пронзительный, такой, какой она готова была издать в тот миг, когда недобрая рука тянулась к её собственной сумке — и парень бы, несомненно, проснулся, враз подскочив на койке, точно ужаленный. Узбекские воры об-

крадывали в поездах спящих, и этот вряд ли бы стал отнимать деньги у парня силой. Даже наверняка не стал бы, раз перед этим отступился от пожилого таджика и от неё.

Но она, однако, была тиха, как мышь, и не раскрыла рта, когда на её глазах вор срезал сумку. И таджик тоже безмолвствовал и как будто даже не глядел в сторону парня. Так и сидели они в тот миг, молчаливо безучастные, безгласые. Она — возле окна, с затаённой радостью прижимая к себе оставшуюся в целостности сумку с деньгами, он — у прохода, с ножом в руке.

На душе у неё сделалось гадливо, муторно. Настолько, что Наталья даже немного удивилась себе: оказывается, несмотря на все беды, она не утратила способности стыдиться. Другая б на её месте просто радовалась, что деньги остались в сохранности, а ей стыдно...

Ранним утром, когда проснувшийся парень обнаружил, что его обокрали и поднял крик, Наталья поскорее отвернула лицо к окну и смотрела в него не отрываясь. Она болезненно, почти до слёз, шурилась от бьющих прямо в глаза лучей плавного выкапывающегося из-за барханов, ещё нежаркого солнца, и ей казалось, что в этот миг никакая сила не заставит её оглянуться и взглянуть туда, где убивался безутешный в своём горе человек.

А парень, закрыв лицо руками, рыдал уже на весь вагон, и его вой прерывался жалобными причитаниями:

— К брату в Астрахань ехал, денег ему вёз... Последние деньги у нас были!.. Отец в Кулябе дом продал, хотел, чтобы Нури в России остался... чтоб работал там и жил как человек.

Кто-то подсел к нему, попытался утешить, бормоча вполголоса по-таджикски сочувственные слова. Но парень повалился на койку, и, молотя кулаками по своему коротко стриженному затылку, истерично выкрикивал без конца:

— Почему не разбудили?! Почему?! Ведь не могли же вы все спать?! Не могли!!!

Люди возле него притихли и потупили глаза, никак не отвечая на упреки. Да и что им, собственно, было отвечать?

— Что я теперь отцу скажу?! Что брату скажу?! Как он жить будет? Как?!

Потом парень затих и лежал на своей койке без движения, утопив лицо в замурзанной подушке без наволочки, влажной от его слёз. Вокруг все молчали. Одни из жалости и сострадания, а иные радуясь, что не оказались на его месте сами.

Через два дня поезд прибыл в Астрахань. Сопревшие, осатаневшие вконец пассажиры неудержимо полезли наружу, где даже вокзальный воздух после зловония переполненного плацкарта казался им чистым и свежим.

Наталья выбралась из вагона сразу вслед за обокраденным парнем и увидела, как к нему на перроне с радостными криками бросился чумазый человек в заношенной, вылинявшей футболке и в шлёпанцах на босу ногу — очевидно, тот самый брат, которому он вёз деньги. А парень, завидев его, остановился как вкопанный и даже попятился назад, будто был вовсе и не рад встрече, и на его коротких чёрных ресницах она вдруг отчётливо заметила блеснувшие слёзы.

Наталья быстро прошмыгнула в толпе мимо них, скосив глаза в сторону, не в силах более видеть чужого несчастья. И пока она шла по перрону, ей казалось, что её тело, душа, всё её существо осязает нестерпимое жжение этих горьких, горячих слёз.

Войдя в старенькое здание вокзала с высокими, сводчатыми в восточном стиле окнами, она остановилась возле табло, на котором значилось расписание поездов. Разглядывала его долго, не в силах как следует сосредоточиться. Мысли в голове копошились едва-едва, словно выкопанные в зимний холод земляные черви, а взор рассеянно блуждал по надписям, цифрам, датам не в состоянии зацепиться ни за одну. После долгой дороги, изнурительных, бессонных ночей её одолевала непомерная усталость. Жутко хотелось спать, прилечь хоть куда-нибудь, вытянуться в полный рост, распрямить ноги, закрыть глаза и уснуть, забыть хотя бы на несколько часов.

Наталья встала неудобно, прямо посреди людского потока, плотно обтекающего её с обеих сторон. Одни торопились к кассам, другие — от касс к перрону. Её то и дело толкали, наступали на ноги, шикали с недовольством.

— Ну чего стоишь столбом на дороге? — раздражённо бросила какая-то полная тётка, катя за собой большущий пузатый чемодан на колёсиках. — Люди же здесь ходят. Или не видишь?

Наталья вздрогнула от неожиданности и, растерянно пробормотав какое-то извинение, подвинулась в сторону. За годы, прожитые в Таджикистане, она успела отвыкнуть от этих крижистых русских тётко с их зычными голосами и грубоватыми полными лицами. Только сейчас, услышав это изрядно подзабытое, забубённо простецкое «стоишь столбом», до Натальи дошло, что она наконец-то в России. Кровь, голод — всё это теперь позади, в прошлом. В жизни, с которой отныне покончено, но память о коей останется с ней навеки и, наверное, будет явственно оживать в снах — долгих, необычайно красочных снах, где все ещё вместе — муж, сын, она. Где все живы.

Вместе.... Она и сын.

Наталья быстро провела ладонью по влажному, зудящему от пыли лицу, и вперилась взглядом в расписание. Когда там поезд до Ленинграда?

Но сколько ни шарили её глаза по широкому полю табло, сколько ни всматривались в него, им не удалось выхватить ни одной строки с привычным названием. Москва, Саратов, Самара... Ленинграда не было.

«Тьфу ты, — вспомнила вдруг она. — Ведь его ж давно переименовали. Петербург он теперь называется».

И она снова глядела на табло, снова прыгала по его мелким строкам пытливым взором.

На сегодня поезда в Петербург нет. Он отправится лишь завтра, да и то ближе к ночи. Зато через эту знойную, пропылённую станцию «Астрахань-1» следует множество других поездов: до Волгограда, до Саратова, до Москвы.

Если ехать на прямом, то прождать здесь придётся более суток. Да и где прождать? Здесь, на вокзале? Платить за гостиницу, даже самую дешёвую и убогую, она не желала — и так денег было впритык, а засыпать сидя пятую ночь подряд было уже неважноту. Наталью бросило в дрожь от одной мысли об этом, стоило только её взгляду упасть на жёсткие исцарапанные скамьи зала ожидания.

«Поеду до Москвы, — решила она. — А оттуда уж доберусь до Ленинграда. Из столицы много поездов должно ходить».

Наталья направилась было к кассе, чтобы купить билет, однако вовремя сообразила, что российских денег у неё нет с собой ни гроша. Одни только таджикские рубли да доллары. Она остановилась в растерянности на полпути, ещё раз посмотрела на расписание: московский поезд уходил через несколько часов.

«Чёрт, где бы разменять, — соображала она лихорадочно. — Наверное, должен быть здесь обменный пункт. Ведь это вокзал всё же».

Но сколько она ни крутила головой по сторонам, сколько ни рассматривала вывески и указатели, ей не удавалось запомнить ничего, что бы походило на пункт обмена валюты.

Не зная, куда направиться, Наталья бестолково топталась в зале ожидания, высматривая среди окружающих человека видом попрличнее, к которому можно было бы обратиться с вопросом. Но толпа с поезда уже схлынула, и на глаза теперь как назло попадались одни лишь понурые, безразличные ко всему бомжи, завсегда и любых вокзалов, да грязные, оборванные цыганята, плотоядно зыркающие на её сумки.

Наталья вышла на улицу и обошла станционное здание вокруг, наудачу. Валютного киоска нигде не было.

— Извините, пожалуйста, а где здесь деньги поменять можно? — робко обратилась она к плечистому, остриженному в кружок парню в модной бордовой футболке, светлых брюках

и поблёскивающих на солнце тёмных очках, который, точно ожидая кого-то, стоял на ступеньках возле входа и небрежно вертел в руках ключи от машины.

Едва только его завидев, Наталья своим безошибочным женским чутьём определила: уж этот-то точно знает, наверняка.

Услыхав неожиданный вопрос, парень резко обернулся и глянул поверх очков поначалу настороженно, с недоверчивостью. Но, увидав перед собой утомлённую, явно приезжую женщину в помятой, запачканной одежде, склонил голову на бок и не спеша окинул её цепким оценивающим взглядом.

— А у тебя что, капуста есть? — усмехнулся он пренебрежительно, подчёркнуто обращаясь на «ты».

Не поняв значения слова «капуста», Наталья повторила:

— Извините, я обменный пункт ишу.

Стриженого явно забавлял её вид.

— А что менять-то хочешь? — выдержав небольшую паузу, спросил он. — Доллары? Фунты? Марки?

— Много чего, — буркнула Наталья в ответ и повторила вновь. — Так есть здесь обменник?

Парень оглядел её ещё раз, задержав взор на усталом, осунувшемся лице, и усмехнулся вновь, на этот раз громче.

— Да без проблем. Я сам не хуже обменника.

Наталья отступила на шаг назад. Такой оборот разговора её смутил.

— Вы меня, наверное, не поняли. Мне деньги поменять надо.

Стриженный сплюнул через плечо, обернув к ней на мгновение свой мощный, почти квадратный затылок, и его мясистое раскормленное лицо сделалось раздраженным от её непонятливости.

— Слушай, ты глухая, что ли? Ты чего вообще ко мне подвалила? Я ж тебе русским языком говорю: я, к примеру, могу поменять. А жучил этих ты здесь не ищи, без толку. Непонятливые они оказались, — и он, криво ухмыляясь, мотнул головой в сторону автобусной остановки, где виднелся почернелый остов сожжённого киоска. — Вот и пришлось пацанам доступно им всё объяснить, по-серьёзному. Так что всё, закрыта теперь контора.

Наталья вдруг неожиданно для себя решила.

— Мне на билет надо до Ленинграда. То есть, сначала до Москвы, а потом уже до Ленинграда — нет сегодня отсюда прямого поезда. У меня доллары есть, хочу их на рубли разменять. Надо так, чтобы на билет хватило.

Стриженный слушал её с интересом, даже белесые брови вскинул:

— Баксы на деревянные, говоришь?

— На что? — снова не поняла Наталья.

Брови её собеседника вскинулись ещё выше, собирая кожу выпуклого, массивного лба в глубокие складки.

— Ты что, в натуре не сечёшь или прикидываешься?

— Я... я вас не понимаю.

Он крутанул связку ключей на указательном пальце.

— Ну на рубли, значит.

— Да-да, на рубли, на рубли, — подхватила Наталья. — Я просто нездешняя, не знаю, как тут что у вас называется.

— Да я уж понял, что нездешняя. Сама-то откуда?

— Из Ленинабада. То есть его переименовали уже. Он теперь Худжанд называется, — ответила она, потупившись, будто произнесла что-то неприличное. — Это в Таджикистане.

Парень присвистнул.

— Беженка, что ли?

Наталья за время войны навидалась у себя в Ленинабаде беженцев достаточно. Голодные, шелудивые, потерявшие кров — они представлялись ей тогда самыми несчастными, самыми страдающими на свете людьми. Оттого это слово, обращённое сейчас к ней, больно царапнуло по сердцу. Наталья словно увидела себя со стороны: неприкаянная, навеки покинувшая дом, она совершенно одинока в этом незнакомом городе, а вроде бы родная страна стала для неё за прошедшие годы непонятной и даже чужой.

— Уехала я оттуда. Сын у меня в Ленинграде, — ответила она коротко.

— К сыну едешь? — и стриженный, подмигнув, ухмыльнулся снова. — А чего ж так: с баксами и без охраны?

Наталья не сказала ему на это в ответ ничего, а только переспросила:

— Так вы разменяете мне деньги? Если нет, то я пойду.

— Ишь, какая шустрая: «пойду»..., — передразнил тот, и его лицо вдруг сделалось тяжёлым, угрожающим.

— А я тебя не отпускал, — произнёс он таким тоном, что Наталья похолодела.

Стриженный снял очки и зацепил их душкой за ворот футболки. Его серые глаза глядели теперь грозно, безжалостно.

— Мне на поезд надо, на поезд, — испуганно забормотала Наталья.

— Куда? — раздался властный окрик.

Она неловко попятилась назад, беспомощно озираясь по сторонам, а парень наблюдал за ней пристально, слегка прищурив правый глаз.

— Ну и дурында же ты, — воскликнул он вдруг, и лицо его, будто враз оттаяв, посветлело. — Эдак и вовсе ни на какой поезд не сядешь.

И, заметив, что Наталья, остановившись, глядит на него по-прежнему с недоверием и плохо скрываемым страхом, сам шагнул навстречу, улыбнулся ободряюще:

— Ну, давай сотни три тогда тебе разменяю — до Питера доехать как раз хватит.

Наталья тоже выдавила из себя улыбку, которая, впрочем, вышла натужной и фальшивой.

— Давай их сюда, — протянул руку стриженный. — Только смотри — курс у меня свой.

Наталья поставила сумку с вещами на асфальт и поспешно и от того неловко начала доставать деньги. Стриженный смотрел на неё так, как взрослые, умудрённые жизнью люди смотрят на неразумных, наивных детей. Даже сказал с укоризной:

— Ну чего ты баксы светишь, в натуре?! Тебе ж ещё ехать и ехать — мало ли кто на хвост упадёт. Давай хоть вон туда отойдём, — и он указал рукой в сторону газетного киоска.

— Нет-нет, — услышав слово «отойдём», Наталья так и вздрогнула. — Не нужно.

— Да не бойсь, не трону, — сказал парень успокаивающе, почти душевно. — Не меня тебе бояться надо. Других тут отморозков полно.

Наталья протянула доллары, с трудом уняв в руке дрожь. Однако стриженный, несмотря на свой снисходительный тон, на всякий случай всё же тщательно осмотрел их на свет и поскрёб поверхность нескольких купюр ногтем. Затем, удостоверившись, что валюта действительно «не фальшак», вынул не спеша из кармана пухлую пачку российских денег и принялся что-то сосредоточенно высчитывать, поднимая вверх глаза и шевеля губами. Наталья неотступно следила за его руками, которые мусолили деньги: свои и её.

Наконец, закончив расчёты, стриженный сунул ей с пару десятков банкнот. Наталье, видевшей современные российские деньги впервые, они показались совсем блеклыми, невзрачными, словно напечатанными наспех — не то, что яркие, с тонко прорисованным ленинским профилем советские трёшки и червонцы.

— Здесь почти полтора лимона. На билет стопудово хватит.

— Это полтора миллиона, да? — спросила Наталья, ибо она совершенно не разбиралась в здешних ценах.

— Да, миллиона. За один бакс сейчас четыре с половиной тонны деревянных дают. Хватит тебе этого, отвечаю.

— Спасибо вам большое, спасибо, — сбивчиво благодарила Наталья, пряча деньги в сумку и желая поскорее убраться подальше. — Вы правда меня выручили, правда.

— Ну, а как не помочь — все ж под богом ходим. Знаю я про твой Зверистан, русским там труба полная сейчас. Брательника моего двоюродного оттуда с год назад в цинке привезли, на границе с Афганом служил, — проговорил он негромко, а затем, взмахнув рукой, добавил. — Ладно, удачно доехать. Только смотри, не свети «лавэ» в поезде. А то не только без него — без головы останешься.

Наталья не нашлась, что ответить.

Развернувшись, она поспешила назад к кассе и, выстояв недолгую очередь, купила-таки плацкартный билет на уходящий в Москву поезд. Ей досталось боковое нижнее место возле самого туалета. Есть ли в продаже места получше, она спросить даже и не подумала — настолько была рада тому, что хоть какое-то предложили вообще, и что уже через три часа она сядет, наконец, в нормальный, человеческий поезд, в котором одетые в голубые форменные рубашки проводники выдают пассажирам чистое постельное бельё и сладкий чай.

Но более всего её радовало иное: завтра она будет в Москве, а уже послезавтра — в Ленинграде (называть его Петербургом даже про себя у неё по-прежнему как-то не поворачивался язык). Где она увидит, наконец, сына — родного, единственного, нежно любимого, мечта о встрече с которым все эти годы помогала ей жить.

Влезая в вагон поданного под посадку состава, Наталья едва сдерживала охватившую её радость: ведь казалось, что всё самое тяжёлое и страшное осталось позади. Что оно осталось в далёкой уже стране, отдалённой от неё теперь горами, песками и такырами, последняя зримая связь с которой оборвалась в тот миг, когда она сошла с душанбинского поезда.

Несмотря на смертельную усталость, она, застелив постель, долго не ложилась спать, а просто сидела на ней без движения, блаженно вытянув перед собой ноги и прислонившись спиной к перегородке, отделяющей одно боковое место от другого. Рассеянным взглядом смотрела в окно на расстилавшуюся там до самого горизонта глинистую пустошь, которая под лучами низкого предзакатного солнца казалась тёмно-красной, почти багряной, и её глаза были светлы и одухотворённы.

На следующий день, сойдя уже в Москве, Наталья угодила в самую толчею и бестолково заметалась в толпе, никак не в силах сообразить, куда же теперь следует идти. Вокруг всё мелькало, галдело и суетилось, и от этого суматошного гвалта она чувствовала себя поначалу оглушённой и растерянной.

Наконец, направилась вперёд, к началу перрона, влекомая текущим в ту сторону людским потоком. Отыскав вход в

метро, долго простояла в вестибюле, в длиннющей очереди за жетоном. А затем, оказавшись возле окошка, постоянно сбивалась, отсчитывая деньги, поскольку никак не могла привыкнуть ни к этим маленьким, цветастым, словно игрушечным купюрам, ни к новым, совершенно непривычным ценам. Сзади, недовольно гудя, наседали люди, отчего Наталья, понимая, что задерживает их, нервничала и путалась ещё сильнее.

Затем, спустившись по эскалатору вниз, она сразу запуталась в переходах этой большой пересадочной станции, которые вели сразу к нескольким платформам. Пришлось останавливать проходящих мимо и спрашивать. Дело осложнялось тем, что Наталья не знала, как называется та станция, до которой ей следует ехать. Знала только название вокзала, с которого поезда отправляются в Петербург.

— Простите, пожалуйста, как мне на Ленинградский вокзал отсюда попасть? — обращалась она с робким вопросом к проворно снующим взад-вперёд людям. — На какой остановке надо выходить?

Те останавливались и начинали объяснять, однако Наталья, оказавшейся в метро впервые за последние лет десять, не сразу удавалось понять, на какую именно электричку нужно садиться. Она кивала головой, улыбалась, благодарила, шла к указанной платформе, но там, взглянув на прикрепленную к противоположной стене табличку со списком станций и не находя в нём названия «Комсомольская» (а именно возле неё располагался Ленинградский вокзал), понимала, что снова сбилась и попала не туда. Приходилось снова кого-то останавливать, переспрашивать, уточнять.

Бурлящая толпа, мягкий рассеянный свет ламп, выносящиеся с грохотом из тёмных тоннельных нор поезда действовали на неё оглушающе, ошеломляюще. С невольным изумлением она вглядывалась в светлые русские лица, ловила обрывки плавной, без акцента речи — всё это казалось невероятным, даже фантастичным, словно ожившие фотографии из книги про далёкую, неведомую страну. И когда Наталья, наконец, доехала до нужной остановки и, выйдя из метро, оказалась на просторной многолюдной площади, её голова, полная стольких ярких впечатлений, гудела, точно колокол.

Здесь, немного отдышавшись и придя в себя, она уже достаточно быстро нашла Ленинградский вокзал. Войдя в него, первым делом посмотрела расписание и, убедившись, что на Петербург, начиная с восьми вечера, поезда отходят едва ли не каждые полчаса, купила в кассе билет.

Времени до отъезда оставалось ещё прилично, однако сидеть в зале ожидания ей не хотелось. Тело её и так болело от многодневного сидения.

«Пойду, пройдусь немного, — решила Наталья. — Посмотрю хоть, какая она теперь — Москва эта».

Она была в столице до этого лишь однажды, много лет назад, ещё студенткой.

Наталья мельком глянула на часы, показывавшие без нескольких минут семь.

«Московское время — девятнадцать — ноль-ноль», — невольно всплыла в голове фраза, ежедневно повторяемая хорошо поставленным дикторским голосом сначала по советскому, а затем уже и по российскому радио.

Вспомнилось, как в разгар войны они с мужем урывками слушали по радиоприёмнику столичный «Маяк». Он в то время оставался для них едва ли не единственной нитью, связывавшей с привычным, родным, но враз сделавшемся страшно далёким миром. И её сердце тоскливо сжималось всякий раз, когда диктор называл точное время в разных русских городах, где люди совсем не знали, кто такие «вовчики» и как выглядят отрубленные мотыгами человеческие головы. Они тогда казались Наталье самыми счастливыми на свете людьми...

Сдав в камеру хранения свою вещевую сумку, она вернулась обратно на Комсомольскую площадь, постояла там немного, размышляя, куда бы направиться, и двинулась затем направо, в сторону увенчанной остроконечным шпилем гостиницы «Ленинградская». Окинула её взглядом, полным живого интереса — так странно и непривычно было видеть высотные здания целыми, с гладкими, неизрешеченными пулями и осколками стенами, без выгоревших оконных проёмов.

Минут через десять она вышла на Садовое кольцо. О том, что это именно оно, Наталья смутно догадалась. В памяти всплыло, как поздним летом на заре 80-х, они с покойным ныне мужем (а тогда ещё студентом, который был старше её на два года и учился на инженера), приехав из родного Горького на неделю в Москву, бродили по ней целыми днями: Красная площадь, Мавзолей, ГУМ, Третьяковская галерея, Поклонная гора. Город казался им приветливым, ярким, светлым.

А потом, едва закончив вуз, её муж получил распределение в Ленинабад, о существовании которого она до той поры даже не знала. Впрочем, её это совсем не смутило, и оба они — и молодая учительница, и инженер-проектировщик, отправились в Таджикистан без колебаний. Наталье тогда что Москва, что Горький с Ленинабадом — всё казалось частичками огромного, сверкающего, казавшегося вечным мира.

Она на всю жизнь запомнила то непривычно жаркое для Москвы лето, источаемый всеми улицами аромат нагретого

асфальта, пропитанный густым запахом гари воздух, которую несло с тлеющих за городом торфяников. От него щеколтало в носу, едко першило в горле, иной раз даже слезились глаза, но она всё равно чувствовала окрыляющую, беззаботную радость.

Сейчас же, одиноко и бесцельно бредя по Садовому кольцу сама не зная куда, Наталья видела дома, увешанные вульгарными вывесками с непонятными англоязычными надписями, перетянутые через проезжую часть рекламные растяжки, бестолково мельгешащих вокруг людей, чьи лица были озабоченны и хмуры. И не находила город больше ни радостным, ни светлым. Один только вид улицы с бесконечным рядом торговых киосков вдоль обочины и расхристанными неопрятными типами, непонятно зачем толкущимися возле них, казался ей совсем чужим, почти враждебным.

Она подошла было к одной из витрин, за стеклом которой пестрели красочными обёртками шоколадные батончики, жвачки и прочая дребедень. Посмотрела на них, потом на выставленные тут же бутылки ядовито-оранжевой «Фанты» и тёмной, цвета почтового сургуча «Кока-колы», на приклеенные к их цветастым этикеткам ценники с несколькими нулями. Перевела взгляд на одутловатую физиономию продавца, виднеющуюся в окошке ларька.

— Пиво? Сигареты? — спросил тот с характерной интонацией торговца.

Наталья не ответила ему ничего и отошла прочь.

Мимо неё по Садовому кольцу с шумом, с пронзительными гудками проносились машины: десятки и сотни машин. Глаз иногда выхватывал из их нескончаемого потока привычные советские «шестёрки», «Москвичи», даже «Волги». Но попадалось и немало новых, совсем незнакомых ей автомобилей: могучих, неудержимых, с литыми корпусами, тускло мерцающими при уже зажжённом уличном освещении.

Неподалёку, возле киоска, из которого неслась визгливая и пошлая музыка, собралась молодая компания. Бритые почти что «под ноль» парни в футболках, сквозь которые рельефно проступали очертания накаченных, мускулистых плеч, пили прямо из горла пиво, громко хохотали и без тени смущения матерились на всю улицу. Поблизости от Натальи, прямо на тротуаре, валялся грязный, засаленный бродяга. Он лежал неподвижно, раскинув по сторонам руки, и его распухшее лицо было сплошь в почернелых струпьях. Глядя на него, можно было подумать, что он уже не дышит и умер, являя своим обезображенным телом все признаки трупного разложения. Однако стоило ей ненароком сделать шаг в его сто-

рону, как бродяга неожиданно приподнял лохматую, нечесаную голову, устремил на неё мутный, бессмысленный взгляд воспалённых глаз и глухо замычал что-то.

Горечь взяла Наталью. Расstroенная, она повернулась и зашагала назад, к вокзалу, решив, что хватит с неё на сегодня прогулок. Сгущающийся вечерний сумрак казался удушлив и липок, а дома, улицы, прохожие постепенно расплывались в тускнеющем мареве, которое плотно окутывало её со всех сторон, точно холодный туман промозглой осенней ночью.

Посидев немного в зале ожидания, она заприметила в дальнем его конце пункт междугородной телефонной связи. Поразмыслив, решила, что, пожалуй, стоит позвонить сейчас в Ленинград и предупредить родных, что будет уже завтра утром. Перед выездом из Душанбе она отправляла им телеграмму, однако кто мог поручиться, что та действительно дошла до адресата?

Выстояв очередь, Наталья заказала двухминутный разговор. Когда пальцы сбивчиво набрали на аппарате нужный номер, её ухо прильнуло к трубке вплотную, напряжённо вслушиваясь в монотонный механический звук гудков. Больше всего на свете ей хотелось сейчас услышать голос сына, узнать, что он жив и здоров и ждёт свою мать.

За три года разлуки она говорила с ним считанные разы, ведь телефонная связь в Ленинабаде с началом войны работала редко. Последний раз это было чуть менее полугода назад. Наталья отметила тогда, сколь сильно успел измениться голос её ребёнка, сделаться увереннее, крепче.

В тот момент отчего-то вспомнилась одна история, услышанная от знакомой учительницы по школе. Про то, как одна русская беженка из Душанбе, успевшая отправить дитя в Россию ещё в самом начале заварухи, сама смогла приехать за ним только два года спустя. Но её сын, увезённый из Таджикистана совсем крохотным и проживший всё это время с тёткой, как оказалось, позабыл мать. Испуганно захныкав, он неуклюже засеменял от неё прочь, едва только та, чудом добравшаяся из истекающей кровью страны в тихий русский городок, бросилась к нему с порога с объятиями. Так и убежал, спрятавшись за тётку, называя мамой именно её, а не свою настоящую мать.

А вдруг и её ждёт что-то подобное?

Трубка во вспотевших ладонях гудела долго, но безответно. К телефону никто не подходил. Наталья глянула на часы — те показывали без двадцати одиннадцать.

«Странно, — подумала она. — Где они могут быть в такое время? Или уже спать улеглись?»

Разочарованная, огорчённая, она забрала деньги, уплаченные вперёд за так и не состоявшийся разговор, и пошла обратно. До поезда оставалось ждать чуть более часа.

Когда тот, наконец, подкатил к платформе, Наталья быстро залезла в вагон, затолкала под вновь доставшуюся ей по билету боковую койку свою сумку с вещами и, едва только состав тронулся, застелила постель и легла.

Однако сон упрямо не шёл, так как её голова была полна мыслями о предстоящей завтра встрече, и сколько она ни закрывала веки, сколько ни прижимала лицо к подушке и ни пыталась сосчитать до ста, уснуть никак не удавалось.

Устав, наконец, ворочаться, она пролежала остаток ночи на боку, неподвижно глядя в темноту прохода, в едва различимые очертания спящих вокруг людей, в мелькающие иногда за окном огоньки станций и думала о сыне.

Шли пятые сутки её пути по железной дороге.

Утро в Петербурге выдалось зябким, и перрон был мокр от выпавшей росы.

Нетерпеливо выскочив на него одной из первых, Наталья отчаянно ёжилась в своём лёгком платье, дивясь тому, что в разгар лета может быть так холодно.

Заметила слева от себя в конце платформы вокзал и сразу поспешила к нему, надеясь, что где-то поблизости должно быть и метро. Шагала быстро, чтобы хоть чуть-чуть согреться, и стук её крепких каблуков глухо отдавался от ровной поверхности платформы.

Бумажка с аккуратно записанным на ней адресом лежала в её сумке, вместе с паспортом и деньгами. Но нужды в ней сейчас не было, хоть Наталья и оказалась в Петербурге впервые — она давно выучила адрес наизусть: метро «Гражданский проспект», проспект Просвещения, дом 87, корпус 1, квартира...

Впрочем, сейчас это пока неважно, какая квартира — сначала надо отыскать вход в метро.

Оказавшись внутри вокзала, Наталья отметила про себя, что здание это почти точь-в-точь такое же, как и в Москве. И даже припомнила, что вроде как их строили по одному проекту — так она где-то в своё время читала. Единственное попавшееся на глаза отличие заключалось в том, что в самом центре зала на высоком постаменте вместо бюста Ленина возвышается голова Петра I.

«А, успели уже заменить», — мысленно хмыкнула она.

Длинная вереница людей направлялась в дальний конец зала, где над лестницей, ведущая вниз, в переход, красовалась ярко-синяя литера «М».

Ага, значит, там и есть спуск в подземку!

Здесь, в Петербурге, она сориентировалась в метро уже лучше. И, внимательно разглядев схему линии с указателями станций, что была привинчена к стене напротив посадочной платформы, с радостью обнаружила, что ехать предстоит без пересадки.

Да, всё так и есть: сейчас она на «Площади Восстания», откуда ветка идёт до самого «Гражданского проспекта» по прямой. Там на месте она уж быстро разберётся, куда идти. Покойный муж в своё время говорил, что брат живёт неподалеку от метро.

Сидя в почти совершенно пустой электричке и с возрастающим нетерпением отсчитывая остановки, остающиеся до конечной цели, Наталья представляла себе, как войдёт в подъезд, как поднимется на нужный этаж и позвонит в квартиру, чутко, с бьющимся сердцем вслушиваясь в приближающиеся к двери шаги. Время раннее, все должны быть ещё дома. Она верила, что ещё до того, как дверь распахнётся, до её слуха обязательно долетит преисполненный радости звонкий детский выкрик: «Это мама! Мама приехала!»

Четыре станции до «Гражданского проспекта» осталось... три... две...

Наталья пулей вылетела из вагона, едва только перед ней с мягким шумом раскрылись дверные створки. Теперь — на эскалатор... Чёрт, как же медленно он ползёт вверх!

Оказавшись, наконец, на улице, она ненадолго остановилась, закрутила головой по сторонам, всматриваясь в таблички с номерами окрестных домов. Где же тот, который ей нужен?

Да вот он, налево от неё! Протянулся длиннющей многоэтажной коробкой вдоль широченного проспекта чуть ли не на целый квартал. Да, всё правильно. Вон и номер видно даже отсюда: 87/1.

Наталья бросилась к нему, не чуя под собой ног, почти бегом вбежала во двор, ещё тихий и сонный в такое время. Она уже не ощущала ни промозглого утреннего холода, ни тяжести от бессонной ночи.

«Так, какая там квартира? — быстро соображала она на ходу. — Триста двадцать восьмая? Какой же это будет подъезд?»

Она ненадолго останавливалась возле каждого, всматриваясь в таблички с нумерацией квартир.

Нет, не этот подъезд, дальше, дальше...

И ей, глубоко взволнованной, не думающей в этот миг ни о чём ином, кроме встречи с сыном, до которой, как ей каза-

лось, остались считанные минуты, не было никакого дела до двух мрачных молодчиков, зорко следящих за ней из глубины двора.

А те, прошлявшись и пропьянствовав «на Гражданке» полноты, забрели сюда всего минут пятнадцать назад и, присев на лавку передохнуть, как раз прикидывали, с кого бы сейчас стясти денег на опохмелку, ибо своих более не осталось.

И вот перед ними появилась одинокая женщина. Наметанный глаз уличных грабителей, оцениваяюще скользнув по большой матерчатой сумке в её правой руке, безошибочно зацепился за другую, поменьше, висевшую на плече. Мысль о лежащих в ней деньгах вспыхнула в головах обоих практически одновременно.

Наталья как раз подходила к нужному подъезду, когда они, сорвавшись с места, ринулись на неё стремительно, словно оголодавшие волки на отбившуюся от стада дурную овцу.

Она, заслышав за спиной громкий топот, резко обернулась. И, завидев двоих бегущих на неё недоброго вида парней в спортивных штанах и лёгких кожаных куртках, испуганно шарахнулась в сторону.

— Стоять! — злобно рявкнул один, ухватившись рукой за сумку.

В ужасе она прижалась спиной к стене дома и вцепилась в сумочку обеими руками.

«Деньги... деньги за квартиру», — эта мысль пронзила мозг, словно удар молнии ночную тьму.

Из её нутра, из пересохшего вмиг горла уже вырывался наружу истошный вопль, когда рука второго грабителя плотно зажала ей рот.

— Заткнись, с-с-сука, — зашипел он в ухо.

Первый в этот момент рванул сумку так, что Наталье на секунду даже показалось, что вместе с ней он оторвал и её пальцы.

В ужасе, в последнем неистовом порыве она рванулась на волю, вывёртываясь из цепких лап гоп-стопщика, и растопыренная пятерня, «поехав» по её взмокшей коже, соскользнула с лица.

— Отдаааааай! — заорала Наталья, пытаясь вырвать сумочку назад.

Она, что было мочи, вцепилась в неё обеими руками и тянула на себя.

— Отдаааааай! — надрывалась она.

Наталья ощущала, как её ногти впиваются в гладкую поверхность сумки, как в страшно усилии хрустят суставы пальцев. Грабитель, совершенно не ожидавший подобного

отпора, растерянно попятился назад и, вдруг споткнувшись о брошенный ею баул с вещами, неуклюже полетел наземь. Наталья дёрнула ещё раз и почувствовала, что сумку больше никто не держит, что та вырвана из чужих рук.

Она тут же развернулась и была готова уже броситься бежать что есть мочи к улице, сзывая прохожих на помощь пронзительным криком, однако в этот миг железный кастет, точно кузнечный молот, обрушился на её голову, чуть повыше виска. И неудержимо валясь на землю, в последнем отблеске меркнущего сознания, Наталья видела над собой светлые, уходящие далеко вверх стены многоэтажки, залитые яркими утренними лучами, а над ними, в нежно-голубой выси, кучерявое, слово вихрастая детская голова, белесое облачко.

Таких никогда не бывало в ленинабадском небе.

Последующие несколько дней промелькнули перед Натальей, словно тягостный, дурной сон: длинный, быстро набегающий потолок больничного коридора, по которому её везут на каталке, склонённые над ней озабоченные лица людей в халатах, аккуратно выбеленные стены палаты, заштукатуренные, обмотанные белым фигуры на кроватях...

Всё это маячило перед её помутнённым взором чуть приоткрытых глаз, то совершенно пропадая в серой мути, то наоборот, ненадолго проступая чёткими, контрастными очертаниями. Она лежала почти всё время на спине, шумно дыша сухим ртом, и если пыталась перевернуться на бок, то сразу чувствовала, как по её накрепко стянутой бинтами, нестерпимо гудящей голове разливается волна протяжной, саднящей боли.

Потом понемногу боль стала ослабевать, а люди, стены, кровати перестали тонуть в тусклой мгле.

— Вас привезли к нам без сознания, — скажет ей позже врач. — И вам ещё при этом очень повезло. Если бы удар пришёлся полутора сантиметрами ниже, всё могло быть хуже и намного.

Наталья пыталась рассказать ему про то, как ехала на поезде от самого Таджикистана, что здесь, в Ленинграде со старшим братом покойного мужа живёт её сын. Но непослушный, будто чужой язык ворочался едва-едва, и вместо связанного рассказа у неё получались лишь отрывистые возгласы.

— Сын мой здесь... в Ленинграде живёт... с братом... с братом, — повторяла она вновь и вновь.

— Это хорошо, что у вас здесь родня, — обрадовался врач. — Надо будет с ними связаться.

Но больше Наталья ничего ему не смогла сказать, поскольку чувствовала себя совсем немощной, а язык почти перестал её слушаться. Так она пролежала ещё несколько дней, отстранённо смотря в потолок и немного оживляясь лишь тогда, когда ей приходили менять повязки.

Затем ей стало лучше. Она уже с аппетитом ела приносимые медсестрой больничные пюре и каши и даже начала понемногу ходить, придерживаясь рукой за стенку. Поэтому когда на следующее утро во время обхода в палату заглянул врач, она вполне осмысленно заговорила с ним первой:

— Пожалуйста, сообщите моим родным, что я здесь, в Ленинграде. Или позвольте мне позвонить самой.

Тот, внимательно посмотрев на Наталью из-под округлых стёкол своих очков, ответил:

— Лежите пока, вам не следует вставать с постели. — И, в свою очередь, спросил как бы невзначай: — Кстати, а где они живут, вы помните?

— Да, помню, — произнесла она тихо, но уверенно. — На проспекте Просвещения. Дом восемьдесят семь, квартира триста двадцать восемь.

Врач явно приободрился.

— Это хорошо, что вы помните точный адрес. Очень хорошо. Там есть телефон?

— Да, есть: триста пятьдесят восемь... — и, прикрыв глаза, Наталья с усилием начала диктовать номер.

Но говорить ей было ещё нелегко, так как всякое произнесённое слово болезненно отдавалось в её голове, словно по ней стучали маленькими, но увесистыми молоточками.

Старательно записав цифры на клочке бумаги, врач сказал:

— Хорошо. Я позвоню по этому номеру. Но что мне сказать? Ведь мы даже не знаем, кто вы и как ваше имя. При вас не было никаких документов, вообще ничего. Вы без конца повторяли только одно: «Серёженька... сынок».

Наталья уже догадалась, что вместе с теми грошами, за которые была продана квартира, она лишилась вдобавок и паспорта. Но сейчас ей думалось не об этом.

— Наталья меня зовут, — ответила она просто. — Наталья Иванова из Ленинабада, Серёжина мать. Так и скажите.

Врач ушёл, а она долго лежала на кровати неподвижно, вслушиваясь в любой звук, в любой шорох за дверью.

Наконец, врач вернулся.

— Там никто не отвечает, — покачал он головой. — Я набирал несколько раз, но к телефону не подходят. Вы точно не ошиблись?

Наталья вспомнила, как и сама недавно не смогла дозвониться по этому номеру из Москвы. И похолодела.

— Нет. Не ошиблась, — едва слышно выдавила она.

— Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь. Я позвоню ещё, — заверил врач. — В конце концов, может, просто дома никого нет, на работе все. Или телефон неисправен.

Но и позже он так и не сумел дозвониться.

На следующий день к ней прямо в палату заявили двое из милиции. И долго выспрашивали Наталью по поводу её документов.

— Так вы гражданка России или Таджикистана? — настырно допытывались они. — Чей у вас паспорт?

— Таджикистана... России... — утомлённо повторяла Наталья, прикрыв глаза. — Советский у меня был паспорт.

Она подробно рассказала им про то, как добиралась до Петербурга на трёх поездах, как на неё напали возле дома и отняли сумку деньгами и документами. Те, разложив на тумбочке возле её кровати целую кипу бумаг, что-то сосредоточенно записывали.

— Найдите брата моего мужа, — без конца повторяла она. — Найдите его. Иванов Дмитрий зовут его, жена у него есть ещё и дочь. Живут на проспекте Просвещения, дом 87, корпус 1, квартира 328. С ними должен быть мой сын. Мы его к ним сюда, в Ленинград в 1992-м отправили.

Они ушли, проворчав что-то неопределённое под нос, но оставив, однако, свой телефон.

Потом, когда Наталья более-менее оклемалась и начала уже ходить свободно, не держась за стены, то с поста дежурной сестры звонила по нему не раз. Но только на второй день под вечер сумела поймать на месте того, кто, представившись капитаном, оперуполномоченным уголовного розыска, дал ей этот номер.

— К сожалению, пока ничего конкретного сообщить вам не могу. Вы дали слишком общие описания: двое, в кожаных куртках, в спортивных штанах, без особых примет... Да все уличные отморозки сейчас так одеваются, — устало и неохотно отвечали ей на том конце провода.

— Я не про них. Нашли ли вы моих родственников? Ведь я же дала вам адрес...

Невидимый собеседник сделал небольшую паузу, затем кашлянул негромко, явно давая понять, что сообщит сейчас что-то неприятное или даже трагическое.

— Вы знаете, они больше в той квартире не живут.

Сердце Натальи болезненно оборвалось, словно сосуды, соединяющие его с остальным организмом, миг расщели

стальным скальпелем. Трубка задрожала в её обмерших, похолодевших пальцах.

— А где, где они теперь живут? — спросила она срывающимся шёпотом.

— Не знаю, квартира стоит пустая. Соседи сказали, что этот ваш Дмитрий Иванов с год назад в бизнес подался, фирму свою открыл: ну, приподнялся поначалу, ремонт дома сделал, иномарку даже себе купил. Однако вскоре погорел, в долги, говорят, большие влез, прятаться ото всех начал. А месяц назад неожиданно продал кому-то квартиру, выписался и уехал со всей семьёй неизвестно куда. И даже адреса нового никому не оставил.

— А сын, сын мой где!? — не помня себя, завопила Наталья в трубку. — Серёжа где!?

— Ну, этого уж я не знаю. И не надо на меня орать, — тоже возвысив голос и заметно раздражаясь, огрызнулся капитан. — Думаете, вы одна здесь такая? Не только в вашем Таджикистане палят. У нас здесь сейчас у самих каждый день что ни вызов, то труп. Радуйтесь, что вообще живы остались.

Капитан продолжал ещё что-то ворчливо бубнить в телефон, но Наталья, не слушая его больше ни секунды, уже рыдала, редела, выла неистово, повалившись на пол и колотя по нему кулаками:

— Сын мой где!? Серёженька!!! Сыночек!!!

Всполошившиеся, испуганные врачи и медсёстры, сбежавшие со всего отделения, долго не могли её утихомирить.

— Сын мой где!? Сын!! — заходила она криком, с ожесточением вырываясь из рук и норовя сорвать с себя бинты.

Но даже потом, когда её, наконец, подняли с пола, заставили принять успокоительное и отвели назад в палату, Наталья, лёжа на своей кровати, упрямо твердила в беспамятстве всё одно и то же:

— Серёженька... Серёжа... сыночек.

Потом она затихла и долго оставалась оцепенелой, поникшей.

Ещё через два дня, ночью, на соседнюю с ней пустующую койку положили женщину — полуживую, беспомощную, в забыты. В темноте палаты заспанной Наталье почудилось, что санитары аккуратно перекаладывают с носилок на кровать большую неуклюжую куклу — столь неестественным показался ей тогда вид её перемотанного бинтами, безвольно недвижимого тела.

Но на утро, проснувшись опять и тихонечко свернув заживающую голову на бок, она увидела, что женщина пришла в

себя, и, увитая разнообразными трубками, с торчащей из вены иглой капельницы, лежит спокойно напротив, шумно дышит и тоже смотрит прямо на неё красными, воспалёнными глазами. Наталья сделалась неприятен этот страдальческий взгляд, и она, не произнеся ни слова, отвернула лицо и перевалилась на спину, плотнее запахивая на груди простыню.

«Прям умирает», — подумалось ей.

Новая соседка по палате действительно выглядела совсем слабой и немощной, было заметно, что каждое движение даётся ей с немалым трудом. Есть сама она не могла вовсе, и медицинской сестре, предварительно подложив подушку ей под плечи и кое-как приподняв верхнюю часть туловища, приходилось кормить её с ложечки каким-то молочно-водянистым варевом. Наталье в этот момент особенно запомнилось её молодое, отрешённое, почти застывшее лицо — только лишь рот открывался и закрывался почти механически, принимая пищу. Оно казалось чуть менее белым, чем бинты, а вздувшийся кроваво-фиолетовый синяк под правым глазом вкупе с разбросанными по впалым щекам веснушками ещё сильнее оттеняли его болезненную бледность.

«Лет двадцать пять, не больше», — решила Наталья.

Сестра ушла, уложив больную в прежнее положение, и та глядела теперь по сторонам уже более живым, осмысленным взглядом, нежели утром. Перехватив его, Наталья сдержанно улыбнулась. Она впервые улыбнулась за последние дни. Девушка, к её удивлению, попыталась тоже улыбнуться в ответ, однако разбитые, покрытые коркой из запёкшейся крови губы приоткрылись едва-едва. Тогда Наталья приблизилась к ней, осторожно поправила не слишком аккуратно лежащую подушку, скользнула своей рукой по её руке, вялой и обездвиженной, тихонечко сжала пальцы:

— Кто ж тебя так, а? — не удержалась она.

Та попыталась что-то сказать в ответ, но обмякшее, видимо, от сильного наркоза горло, вытолкнуло лишь сипящие, нечленораздельные звуки, мало напоминающие нормальную речь:

— А-а-а... э-э-э...

В глазах Натальи отобразилась печаль, ибо ей сделалось горько от вида подобной человеческой немощи. Она легонько пригладила её разметавшиеся по подушке светлые, с рыжиной волосы и отошла.

На следующий день девушка выглядела заметно лучше, и ела уже сама, осторожно черпая из тарелки жидкий бульон.

— Катерина меня зовут, Катя, — произнесла она хотя и слабым голосом, но вполне отчётливо.

— А я Наталья, — отозвалась Наталья. — Больше недели тут лежу. Скоро уж выпишут, наверное.

— Тоже порезали? — участливо, но без всякого удивления, осведомилась та.

— Да нет, по голове только кастетом дали. Из-за сумки.

— А у меня и сумки даже не было. Теперь и без сумки зарезать готовы, — не сдержавшись, вдруг громко всхлипнула Катя, и её тело при этом содрогнулось.

От этого движения лицо её в ту же секунду сморщилось от острой боли.

— О... ох, — застонала Катя, схватившись обеими руками за грудь с правой стороны.

— У меня тоже голова поначалу болела ужасно, раскалывалась прямо: ни пошевелиться, ни встать, — утешила Наталья. — Да и сейчас болит, только меньше.

Прошло несколько дней. Наталья чувствовала, что крепнет, что отступают постепенно приступы головокружения и дурноты, буквально изнуравшие её поначалу. Врач, придирчиво осмотрев её с утра в перевязочной, бодрым голосом заявил, что она действительно идёт на поправку и её скоро выпишут. Наталья встретила эти слова молчанием, так как решительно не знала, что на них отвечать. Петербург, который она продолжала про себя упорно называть Ленинградом, сделался для неё теперь совершенно пуст — идти было некуда и не к кому.

Кате тоже полегчало, и она тоже потихоньку начала вставать и выбредать вместе с Натальей на нетвёрдых ещё ногах в коридор. С ней она сделалась откровенной как-то сразу и легко, словно инстинктивно угадав товарища по несчастью, но в её откровенности проглядывала совсем не свойственная её возрасту обречённость, безнадежная скорбь.

За эти дни Катя рассказала о себе многое. Она также была нездешняя, не петербурженка, а приехала в северную столицу несколько лет назад из маленького городка Вологодской области поступать в институт. Нудная, вскоре утратившая почти всякий смысл учёба (за это время по инженерной специальности, на которую её готовили, стало совершенно негде работать), ветхое студенческое общежитие, где она из доброты комендантши прожила ещё почти год после того, как окончательно забросила вуз, торговля в привокзальном ларьке музыкальными кассетами, случайное знакомство с каким-то «крутым», однажды предложившим подвезти её на машине до метро, непродолжительный, бестолковый роман, в память о котором, однако, у неё неожиданно остался новорожденный сын; потом — унылая жизнь в маленькой съём-

ной комнатухе коммунальной квартиры, бедность, нужда, извечные пьяные скандалы между жильцами, изуверское, бессмысленное в своей жестокости избивание соседом-алкоголиком, дважды пырнувшим её кухонным ножом в грудь; затем — смутно различимые фигуры склонившихся над ней врачей, напоминавших скорее призраков в белесых саванах, чем людей, нависший над самым лицом потолок салона «Скорой», едва успевшей довезти её до больницы живой — обо всём этом она говорила обстоятельно, но несколько отстранённо, словно не о себе, а о каком-то совершенно чужом, постороннем человеке.

— А ребёнок, сын где? Он ведь, поди, крохотный ещё совсем? — спросила Наталья.

Катя безмолвствовала, уткнув взор в истончённую, застиранную простынь.

— Что, совсем один остался, без присмотра, в этой жуткой квартире? — ужаснулась она.

— Соседка из комнаты напротив взяла на время, — подняла Катя сухие глаза. — Она нормальная, просто живёт в этой дыре, деваться некуда. Я звонила ей вчера — говорит, что всё хорошо.

У Натальи ёкнуло где-то под левой грудью: ей живо представились тёмные длинные коридоры коммуналки, неопрятные, разящие перегаром забулдыги-соседи, одинокий, заброшенный ребёнок, случайно оставшийся на попечение совершенно постороннего человека...

Вспомнилось, как не так уж и давно она сама прощалась с сыном в Ленинабаде, которого они вместе с мужем отсылали в чужой город. Тогда она всеми силами убеждала себя, что разлука будет недолгой, всего каких-нибудь год-полгода. Однако вышло совсем иначе...

Во взгляде Натальи отразился такой страх, что Катя даже несколько опешила.

— Да нормальная она тётка, говорю же, — угадывая её мысли, заверила она. — Не подведёт. А того уroda, что на меня набросился, в милицию забрали. Надеюсь, не скоро выпустят.

Наталья сокрушённо качала головой, ничего не отвечая, но вовремя спохватилась, поняв, что развивать эту тему сейчас не стоит.

— А что, отец совсем не помогает? — поинтересовалась она.

— А кто ж его знает, где он, отец этот? — горестно всплеснула рукой Катя. — Раньше говорил, свой бизнес есть. Мол, подожди, чуть-чуть, встану на ноги — начну помогать. Да

только сам не бизнесом занимался, а всё на «разборки», «стрелки» разные с друзьями своими таскался. Так и сгинул неизвестно где, год уж о нём ни слуху, ни духу.

Наталья сидела тихо, упёршись обеими руками в упругий матрас, словно боялась потерять равновесие и полететь на пол. В эту секунду ей виделся собственный сын — в окружении незнакомых людей, уже заметно подросший, с проступившими в лице новыми, чуждыми чертами. Так, поди, и делается взрослым, постепенно забывая и настоящую мать, и отца, и жаркий азиатский город, из которого когда-то улетал военным самолётом, если она, вопреки всему, не разыщет его как можно скорее, не найдёт...

— Я с тех пор одна с ребёнком живу, — продолжала Катя. — То продавщицей в ларьке работала, то ещё где. До того, как сюда в больницу попасть, почти месяц искала, куда бы пристроиться, да не нашла, нелегко сейчас с работой. А домой на Вологодчину всё равно не поеду, там вообще безнадёга полная.

— А здесь есть?

— Здесь?.. э-эх... — горько вздохнула она и опять поморщилась, осторожно потерев ладонью заштопанную, болевшую от любого шевеленья грудь. — Здесь на квартире бы удержаться для начала. А-то платить за неё нечем. Чувствую: как выйду отсюда — так хозяин и погонит. И так уже почти две недели в долг прожили. Даже когда выпишут, то работать сразу всё равно не смогу. Вот он и турнёт, не станет ждать ещё две недели, когда я окончательно оклемаюсь.

— Что ж он, зверь совсем? С дитём прямо на улицу выбросит?

Катя хмыкнула вновь, на этот раз саркастичнее, злее.

— Зверь — не зверь, а жить всем надо. «Спасибо»-то в карман не положишь.

Наталья промолчала, подумав о чём-то своём, глубоком.

Когда с Натальи сняли последние швы и, выдав на руки целый ворох рецептов с длинными и труднопроизносимыми названиями лекарств, которые ей всё равно не на что было купить, выпроводили на улицу, она окинула взглядом эти сияющие, искрящиеся под летним солнцем улицы и решительно направилась к Московскому вокзалу пешком. Ещё накануне, раздобыв у врачей карту, она изучила путь к нему со всей тщательностью и даже набросала себе план на бумажку.

Больницу она покидала с легкой душой, совсем не страшась того, что ожидает её за воротами.

Перед уходом, собираясь в палате, она подкралась на цыпочках к спящей Кате, которой после очередной перевязки

вкололи какое-то обезболивающее, достала золотое кольцо, до сих пор сохранившееся у неё лишь потому, что находилось во внутреннем кармане платья, нашитом самолично перед дорогой, и надела его на тонкий Катин палец. Это было последнее её кольцо, все остальные она выменяла на еду ещё в Ленинабаде

Катя шевельнулась, засопела невнятно и сунула позолоченную руку под белизну простыни.

— Ведь люди ж мы с тобой, — прошептала Наталья, вспомнив в этот миг молодого таджика, ехавшего с ней от Душанбе. — Люди, русские люди.

На вокзале она дождалась поезда до Нижнего Новгорода и, отдав проводнику после недолгого торга часы, которые спешно убежавшие грабители просто не успели снять с руки, расположилась в его тесном, узком купе.

Поезд тронулся, набирая скорость, и колёса, сначала натужно, будто нехотя, а затем плавно, размеренно затянули свою извечную дорожную песню.

Наталья сидела на койке, подперев подбородок рукой, и внимательно смотрела в окно. Сначала на мелькающие за ним дома, заборы, мосты, а затем на деревья и картофельные поля.

В Нижнем у неё больше никого не осталось, так как родители умерли лет пять назад. Только в маленьком захолустном городке на севере области жила тётка, второй и последний теперь на свете родной ей человек.

«Повидаюсь с ней и сразу назад, — думала Наталья упрямо. — И искать Серёжку буду, везде искать».

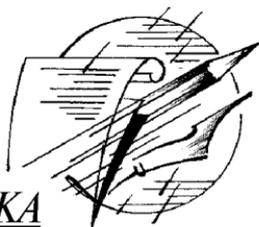
А за окном, в которое она продолжала глядеть, расстилась безбрежная, глухо шумящая Россия.

* Вовчки — жаргонное обозначение исламистов из т.н. «Объединённой таджикской оппозиции», принятое во время гражданской войны в Таджикистане в 90-е годы XX века. Им противостояли «юрчки» — сторонники Народного фронта, выступавшие за светское государство. (Прим. автора)

СКОЛЬКО УНИВЕРСИТЕТОВ ОСТАВИТ РОССИИ ВСЕМИРНЫЙ БАНК?

Призыв Владимира Путина принять срочные меры к развитию оборонно-промышленного комплекса и повторить прорыв, совершенный в этой отрасли при Сталине, разумеется, не может не вызвать положительный отклик в сердце каждого, кто хочет видеть Россию сильной державой. Хочется верить и вице-премьеру Дмитрию Rogozину, сказавшему, что российский ОПК в ближайшее время сможет создать гиперзвуковые технологии и искусственный интеллект. Но, странная вещь, практически одновременно с заседанием Совета безопасности РФ, на котором произносятся эти духоподъемные призывы, дают радующие душу патриота обещания и говорят о необходимости «в сжатые сроки обновить производственные фонды и провести технологическую модернизацию предприятий отрасли», происходит первая встреча Общественного совета при Минобрнауки РФ. На ней министр Дмитрий Ливанов сообщает, что около 30 процентов высших учебных заведений в ближайшее время будет закрыто.

По сведениям «Российской газеты» сегодня в России действует 1600 вузов и филиалов. Число студентов в РФ состав-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ляет около 7,5 миллиона (497 студентов — с учетом заочников — на каждые 10 тысяч человек). Для сравнения: в США эти цифры составляют соответственно 19,1 миллиона и 612.

Разумеется, сеть российских вузов требует оптимизации. Производство юристов, экономистов, менеджеров в нашей системе образования зашкалило за все разумные нормы. Стране нужен не «офисный планктон», а инженеры, конструкторы, электронщики, создатели новых двигателей, творцы высоких технологий...

Весь вопрос, как и за счет кого вести оптимизацию?

По оценке бывшего министра образования и науки А. Фурсенко только 150—200 вузов предоставляют качественное образование. Дмитрий Ливанов в недалеком прошлом был заместителем Фурсенко и намерен твердой рукой продолжать его дело. Кого должны готовить наши вузы, по замыслу министра Ливанова? Характерны его слова, давшие программную установку профессорско-преподавательскому составу Московского института стали и сплавов: «Перед нами стоит задача изменения содержания технического образования. Готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии». При такой идеологии руководителя Минобрнауки, который готовит студентов к жалкой роли посредников между западными корпорациями-производителями оборудования и покупающими их отечественными компаниями, создавать гиперзвуковые технологии и искусственный интеллект в России будет некому. Нетрудно предположить, что в условиях отказа от творческих традиций русской инженерной школы и перехода к идеологии придатка технологически развитых держав, заявленные Ливановым 30 процентов — только начало разгрома высшей школы, а конечной целью «реформы» являются заявленные его предшественником те самые 150—200 вузов.

Впервые эта цифра была озвучена бывшим министром на совещании в июле 2008 г. в Московском инженерно-физическом институте, проходившем под председательством президента Медведева. Отвечая на вопросы главы государства о том, каков должен быть потенциал высшей школы, необходимый для решения стоящих перед обществом задач, А.А. Фурсенко заявил: стране для этих целей достаточно иметь 50 классических университетов и 150—200 институтов и академий из нынешнего общего числа «порядка тысячи вузов».

Ровно через месяц после этого совещания Фурсенко повторяет ту же цифру в «Российской газете»: из тысячи университетов останутся 50 и порядка 200 других вузов, а ос-

тальные станут либо филиалами, либо техникумами. Некоторые же неконкурентоспособные вузы со слабой материальной базой будут вовсе закрыты. В декабре 2010 г. в своем интервью министр заявил: «У нас где-то порядка 50 вузов, которые являются безусловными лидерами. Тут можно спорить об их количестве, но это все равно даже не сто. И есть еще как минимум 100—150 вузов, которые имеют хороший потенциал».

Обратим внимание на то, с какой настойчивостью Фурсенко «продавливал» мысль о доведении числа университетов до 50. Но откуда она взялась эта цифра — 50? Декан Московского государственного индустриального университета (МГИУ) Г.К. Овчинников в статье «Психологический террор в условиях реформирования высшей школы», опубликованной в журнале «Alma mater» (№9, 2011.) пишет, что «она навеяна рекомендациями доклада Всемирного банка: в докладе ВБ «Российская Федерация: образование на переходный период» предложено сократить число государственных вузов до пятидесяти».

В открытой печати этого документа не найти. Почему? Ректор Московского гуманитарного университета, директор Международного института ЮНЕСКО профессор И.В. Ильинский объясняет, что указанный доклад (№ 13638 от 22.11.1994 г.) носит гриф «Конфиденциально. Документ Всемирного банка. Только для служебного пользования» со следующим предупреждением: «Настоящий документ имеет ограниченное распространение и может быть использован получателем только при исполнении официальных обязанностей. Во всех других случаях его содержание не может быть раскрыто без разрешения Всемирного банка». Профессор Ильинский отмечает: «Практически все рекомендации Всемирного банка выполнены или выполняются, как ни парадоксально, с нарастающей жесткостью».

Словом, благие намерения «оптимизации высшей школы», похоже, ведут отнюдь не в рай, а таят вполне реальную угрозу самому ее существованию. Вспомним лозунг 30-х годов, под которым проводилась сталинская модернизация: «Кадры решают все!». Но решать кадровые проблемы путем радикального снижения возможностей получения высшего образования — путь в корне неверный. Конечно, мы живем сегодня в условиях явного избытка дипломированных специалистов по профессиям, отнюдь не отвечающим потребностям страны. Но разве в арсенале государства нет инструментов экономического и социального стимулирования необходимой кадровой политики? Напомним, что в СССР было 600

вузов, которые обеспечивали страну нужным количеством специалистов. При этом создавались все условия, чтобы работники могли повышать уровень своего образования и научно-технической подготовки.

Политика резкого сокращения вузов будет иметь непредсказуемые социальные последствия. Ликвидация вузовских филиалов, уничтожение институтов среднего звена приведет к резкому ограничению возможности получения высшего образования молодежи, живущей в провинции. Ей будет отведена роль аутсайдеров, что усилит социальное расслоение в стране, и без того достигшее беспрецедентных масштабов. Снизится функция образования как социального лифта. Социологи предупреждают и о демографических проблемах: отсутствие возможности дать детям нормальное образование отнюдь не будет стимулировать рождаемость в России.

Сокращение числа вузов сузит возможность молодых людей, прежде всего русской национальности, получать высшее образование. Увеличится конкурс среди тех, кто намерен учиться за государственный счет, неизбежно возрастет коррупция в вузах: хочешь учиться бесплатно — плати. Министр Ливанов говорил о сокращении бюджетных мест и одновременном увеличении финансовых вложений в обучение каждого студента, получающего образование за счет государства. Возможности давать взятки, как и финансировать платное обучение, у представителей государствообразующей нации ограничены. Заодно Министерству обороны будет легче решать проблемы призыва: осуществлять набор в армию за счет русских юношей — за бортом высших учебных заведений останется большое количество абитуриентов.

Нетрудно увидеть и субъективную, так сказать, причину, которая торопит реформаторов выполнить предписания Всемирного банка. Первый проректор Международной академии бизнеса и управления, специалист в области социологии управления образовательными процессами Е.В. Добренькова, считает, что «истинная причина вышеозначенной кампании состоит в попытке экономии бюджетных средств (средств на финансирование) и существенного сокращения вузовской материальной базы. Это ведь единственная в нашей стране сфера, которая еще осталась неприватизированной, притом что она обладает огромными материальными ресурсами, включающими не только учебные корпуса, но также спортивные базы, дома культуры, санатории, пансионаты, общежития. Поэтому сокращение количества вузов высвободит значительную инфраструктуру, которую можно будет впоследствии приватизировать и продать».

Есть еще одна проблема, которую создаст стремительное закрытие большинства высших учебных заведений страны. Она касается преподавателей вузов. Вспомним: только за период с 1985 по 1997 год из российской науки ушло более 2,4 миллиона человек. Это были в основном молодые кадры. В стране остались преимущественно ученые с кандидатскими и докторскими степенями, работавшие в системе Российской академии наук. Разгром академических институтов вынудил их искать место на кафедрах новых вузов, которые в больших количествах открывались в России.

Что представляет сегодня профессорско-преподавательский состав наших высших учебных заведений? Это 265 тысяч человек, из них 153 тысячи — кандидаты и доктора наук. Они — представители когда-то мощных научных направлений, курируемых научно-исследовательскими институтами Академии наук СССР или отраслевыми НИИ, руководители и ведущие специалисты передовых научных школ и направлений, зачастую не знавших аналогов в мировой практике.

По числу уничтоженных научных направлений и научных школ постсоветская Россия не имеет прецедента во всей мировой истории. Профессора наших вузов — на сегодняшний день — это поистине драгоценный клад, это ученые, которые, во-первых, обладают уникальными знаниями, во-вторых, это те, кто может помочь восстановить разрушенные научные школы и воспитать реальных специалистов, нужных российской промышленности, оборонно-промышленному комплексу, вести работу по воссозданию фундаментальных научных исследований. Напомним слова вице-президента Rogozina, курирующего ОПК: «В новых условиях важнейшей задачей является программная организация фундаментальных исследований в оборонных интересах. Государство готово внимательно и отзывчиво подходить к чаяниям научного сообщества».

Так ли уж готово, Дмитрий Олегович, если министр Ливанов способен драгоценный клад превратить в пыль?

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

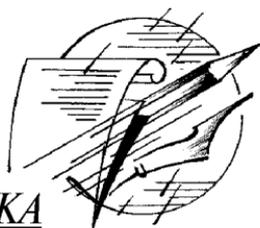
ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ТРИ СЕСТРИЦЫ

Почти двадцать лет назад я уехала из Литвы в Россию, сделав свой почти бессознательный, но, видимо, единственно правильный выбор. Лишний раз убеждаюсь в этом на примере моих сестер, каждая из которых тоже сделала свой выбор...

— А ты знаешь, грязь оказалась натуральной, — огорчил меня муж, позвонив из липецкого городка под многозначительным названием Грязи, куда он поехал устраиваться на работу, чтобы подготовить наш переезд на родину предков (его родители тоже пребывали в это время на окраине Советского Союза: в Киргизии).

Деваться нам было некуда: все родные моей мамы в Псковской области, которые могли нас приютить, уже приказали долго жить. «Киргизские» родственники и вовсе в известные времена покинули отчие места вместе со всей украинской деревней, рванувшей от голода в теплые края со всем своим скарбом и поселившейся где-то в горах. Правда, бабка мужа была «пришлая»: с Урала. Прилепились они с дедом, тогда моло-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

дые люди, друг к другу — и так прожили полвека, пока не обнаружилось, что они не расписаны. Пришлось играть свадьбу..

Вот и получилось, что возвращаться нам в России в начале 90-х было некуда. Но кровь, но душа вели нас домой. Только где он, мы еще не знали. Грязи возникли случайно: там был какой-то завод, где в 92-м году, когда уже всё разваливалось, еще требовались инженеры. Название городка смущало. Вот я и надеялась на лучшее: что грязи там лечебные. Муж развеял мои надежды: городок и впрямь был тогда просто грязным. Зато впоследствии он стал лучшим по благоустройству среди малых городов России!

В инженеры мужа хотя и брали, но зарплату предложили мизерную. Тут и возникло село Доброе: одно название чего стоит — после Грязей-то. Районный центр в той же Липецкой области, на берегу реки Воронеж, природа изумительная, леса вокруг полны ягод и грибов, какая-никакая инфраструктура — типа «улица, фонарь, аптека»: что ещё нужно поэту! Да и приехала я туда оглядеться — в мае. Огляделась — и ахнула. Воля, простор, всё буйно цветёт и растёт. Конечно, конечно же — Доброе!

Поселились в старинной избе на пнях вместо стола и стульев. Ни воды в доме, ни отопления, все удобства на улице, а первая же зима — окончательно я перебралась в ноябре 1993 года — сразила морозами: вплоть до 40 градусов. «Как я выжил, будем знать только мы с тобой...»

Не война, но выживали мы втроем с дочерью-подростком очень тяжело. Если бы не люди добрые (!), мы бы просто умерли. Зарплату на кирпичном заводике, куда муж устроился, платили от раза к разу. Я не успела опомниться, а картошка в подвале, который мы не утеплили, замерзла. Кстати, картошку растили сами. И потом всю выбросили в мусорный контейнер: он как раз стоял недалеко от нашей избушки.

Соседи, видя такое, стали нас подкармливать: кто морковки принесет, кто картошки с ведёрко, кто несколько луковиц, кто просто прослезится, на нас глядя. Салат из лука и картошка — это была обычная трапеза той зимой. Благо еще один человек не смог жить спокойно, узнав о нашей бедности. Он работал в лимонадном цехе, где производили ещё и горчицу. Ну, горчицей мы парили ноги, ибо болели непрестанно. Но ещё он постоянно снабжал нас подсолнечным маслом, а это уже праздник. Иногда с колбасного цеха — там тоже работали хорошие люди — приносил косточки: ещё один праздник.

Крысы, прыгающие с потолка, сырые дрова, которые приходилось разжигать по два часа, замерзшие колонки — за

водой ходили невесть куда, вздыбленный — корни старого вяза подпирали — пол, под которым визжали крысята, холод — сколько ни топи, а под утро 11—12 градусов: это начало нашей русской жизни...

Больше всего донимали тяготы деревенского быта: мы же ничего не умели, не знали, в деревне никогда не жили! Второе: «одиночество втроём». Всё же кругом чужие люди: в долг не попросишь, на постой не примут — платить нечем. Можно было сто раз пожалеть о таком переезде, сто раз вернуться: тогда еще не было иностранных паспортов, виз, приглашений. Но это означало бы, что мы не выдержали первых же испытаний. Хотя иногда было просто невыносимо. Но вот она, истина: Господь не попускает того, что человек не может выдержать.

Родственники уговаривали: одумайтесь. Но и им жилось несладко. Оказавшись в одночасье за границей, оставались без работы. Ибо воинские части выводились, заводы закрывались. А плата за квартиру и коммунальные услуги росла не по дням, а по часам: они этот путь прошли уже в 90-е годы.

Тем более одна моя сестра, родная, заболела, работал только муж, росли двое сыновей, и за квартиру они нарастили такой долг, что их готовили к выселению.

Другая сестра, двоюродная, моталась с рюкзаком в Москву, покупала там ширпотребную мелочевку — шампуни, пасты, щетки — и торговала этим добром на рынке.

Тогда все ринулись торговать, то есть спекулировать — что-то добывать дешевле, продавать дороже. Надо было выживать. Даже моя скромная стеснительная мама выходила к магазину со своей огородной — с садового участка — продукцией и вручала немножко денежек, чтобы сводить концы с концами.

Сейчас я думаю: а что бы я там делала со своим филфакком, русским языком, стихами?! Торговля — это совершенно не моя стихия. Муж тоже вряд ли стал бы предпринимателем, ибо у него инженерная душа. Что-то изобрести, сконструировать, придумать, начертить — это да.

А продавать — нужно уметь и хотеть. Конечно, если бы прижало — возможно, и мы превратились бы в коробейников, мотались бы с клетчатými сумками с товаром, прятали бы его в поездах под лавками, набирались бы торгашеского опыта. Но разве это судьба?! Разве это то, к чему нас Бог предназначил?!

...И вот приезжаю сейчас в тихую, опустевшую — молодёжь вся рассосалась по заграницам, — какую-то поникшую и постаревшую Литву, и жалко мне ее, бедную, до слёз.

Предприятия закрыты — уцелела одна конфетная фабрика и, кажется, пивзавод. А были велосипедный (гремел на весь Союз: подростковые велосипеды «Ласточка» и «Орленок» расходились по всей стране!), телевизионный заводы, рембаза (где чинились самолеты для военных), молочный и мясной комбинаты...

Нынче полное запустение. В магазины заходишь: пахнет секенд-хендом. Родная моя сестра, продав квартиру в городе Шяуляй со всеми ее долгами и втянув в «проект» свекровь с отчимом, жившими в однокомнатной квартирке в Каунасе, купила на общие деньги домик в 20 километрах от города. И тогда это их очень поддержало: завели свое хозяйство, огородик, а коммунальные услуги оказывали себе сами: вода в колодце (с насосом), отопление водяное, но не газовое, а печное: сложно объяснять несведущим, а сведущие поймут, в чем там закавыка.

Тем и спаслись. И то пришлось на обустройство зарабатывать в Испании, где они всей семье жили и работали на мандариновых плантациях два года. Потом вернулись, а сыновья остались: в Литве у них не было никакого будущего.

Один вернулся через пару лет, а второй оказался там в... заложниках. Да-да, испанский кризис сократил объемы работ, пришлось жить в кредит. Отправил на родину жену с малышом, а сам принялся отрабатывать кредиты. Да не тут-то было. Остался вообще без работы: и с долгами не расплатился, и на дорогу денег не накопил.

— Что делать? — вопрошала сестра, не зная, чем помочь сыну. А тут и жена его наконец нашла работу — в почтовом расчетном центре в гипермаркете, принимать плату за коммунальные и иные услуги, — а ребенок заболел. Голова кругом: куда ребенка девать, как его лечить, где денег взять, чтобы сына выручить...

И хотя она за эти годы сделал «карьеру»: из простого кассира в торговом центре стала старшим кассиром, а муж — первоклассный токарь — переквалифицировался в автомастера, работает на хозяина, живут они от зарплаты до зарплаты. Старший сын получает копейки — вернее центы — в частном вязальном цехе, ждут второго ребенка. На что будут жить, неясно, при первой же возможности надо уезжать за границу, решают они: не во всей же Европе кризис, может быть, где-то пристроятся.

Проблемы, проблемы... В итоге сестра напросилась в отпуск, собрала все свои денежки — и отправила сыну в Испанию: воротись-ка домой, сынку, чтобы душа мамина была на месте...

Другая сестрица не зря ездила с рюкзачком за товаром: ее карьера сложилась удачнее. С дочкой на руках после развода она была «лапками» как та лягушка: и сбила-таки масло, оказалась более пригодной к торгашескому делу. К тому же удачно вышла замуж. Сегодня у нее собственный магазин, где она, правда, сама же и торгует. Времена, когда она сдавала в аренду этот магазин, прошли. Нынче покупателей мало. Теперь она и товар опять добывает, но уже в Дании, Турции и других странах, и сами они с дочкой всякие украшения «лепят» и продают их.

Но какой-то капиталец эта моя сестра сколотила. Однако и у неё есть проблемы. Богатые тоже плачут! Пока у одной сестрицы болит сердце за своих детей, у другой тоже оно болит — за свою дочку. Это же надо: поехала в Португалию брать уроки серфинга — а там такая жара! И когда волна накрывает сверху, на лице не держится защищающий от загара крем! Особенно сгорел лоб, жалуется девушка по телефону. И мама пригорюнилась: надо же, какая незадача, как помочь ребенку...

Посочувствовала я им обеим — и поехала к себе в свою Россию: благо у нас там волна крем от загара не смывает, а моя дочка — при мне, в заграницах деньги не зарабатывает. Правда, на доске по морю-окияну не плавает, зато и лоб тоже, и маме свои отпускные тратить на ее возвращение с трудов праведных не надо. Праведные — они дома, и чем труднее достаются — тем праведнее...

ЕСЛИ В СЕРДЦЕ НЕТ СВЯТЫНИ...

Почти сразу после того, как в Государственной думе РФ чувствовали победителей четвертого Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого, в Липецке объявились совсем другие «известные» детские писатели...

Только-только мы с Аллой Линёвой вернулись из Москвы с престижными, как нам казалось, дипломами конкурса, как в Липецке начались традиционные библиотечные чтения, в рамках которых организовывались онлайн-встречи с известными детскими писателями страны. Липецких нам не надо, сказали Алле Линевой, автору нескольких книг для семейного чтения с рассказами и стихами для детей разного возраста.

Ну не надо так не надо. Хотя мы могли рассказать даже не о себе и своих наградах, а о том, как проходило заседание Комитета и о чем там вели речь вполне уважаемые — в масштабах всей России — люди.

Жаль, конечно, что на этом заседании в Думе не было нашей землячки — члена комитета Евдокии Бычковой. А то бы засвидетельствовали ей своё почтение, а там, может, и к нам почтения дома было бы больше. Но нет пророка в своем Отечестве, да и не в почтении дело.

Хотелось, чтобы в области нашей знали, что проблемами детской литературы и судьбой писателей, в том числе и детских, озабочены на государственном уровне. Что положение писателя, работающего по остаточному принципу — насколько сил и времени хватает на творчество после трудов на содержание семьи, — считается унижительным, и с этим надо что-то делать.

Без законодательно утвержденного писательского труда, без государственной поддержки писателей и книгоиздательства, а также распространения книг по территории страны самыми тиражными авторами становятся те, кто создает книжную продукцию, а не литературу. Разницу между первой и второй обсудить не будем: кто ее понимает, в разжевывании не нуждается, а кто не понимает, тем долго объяснять.

Причем непонимающих становится всё больше. Ибо в России опережается уже второе поколение, не имеющее потребности читать вообще, не то что серьезную литературу. Не случайно говорят уже о дебилизации населения, о клиповом сознании, не способном сложить разрозненные впечатления и факты в единую картину, в систему, позволяющую развивать мышление, анализировать, делать выводы и так далее.

Кстати, в Германии уже существуют экспериментальные школы, где детей не учат писать: сразу сажают за клавиатуры компьютеров. Слово, книжная речь уходят на второй план. Главным становится картинка и звук. Тогда как не письменность ли, не медленное ли чтение формируют логическое, ассоциативное мышление?

Уже сейчас элементарные навыки чтения и письма, полученные в школе, постепенно — за ненадобностью, за отсутствием их развития — сходят на нет. Молодые люди «забывают буквы», не в состоянии написать заявление на работу. Да что там писать! Однажды ко мне обратилась соседка с просьбой дать «что-нибудь почитать» ее сыночку, великовозрастному детине двадцати с лишним лет, студенту, кстати, политехнического университета (!).

Я долго думала, пыталась выяснить его литературные пристрастия, спрашивала, чем он интересуется, объясняла, что в моей домашней библиотеке книги подобраны сообразно моему вкусу и вряд ли устроят молодого человека.... Пока она не попросила доверительно:

— Ты уж дай ему книжку с большими буквами, а то маленькие он не разберёт..

Мама явно припоздала с книжками для ребенка, понадеявшись, видимо, на компьютер. Однако компьютер тут не замена. Быстрое чтение не связано с формированием мышления, и постепенно заглохнет даже малая толика потребности думать и творить, если ребенок будет «тыкать пальчик» только в клавиатуру.

Защитникам книг на электронных носителях можно сказать только одно: не приучив детей к чтению как к таковому, смешно уповать на их последующий интерес к литературе вообще, в том числе и в более современном исполнении, чем обычная бумажная книга. А приучать надо с пеленок, иначе будет поздно.

Ребенок только сидеть начинал, а ему уже вместе с погремушкой и книгу показывали: подрастешь, дескать, и получишь. А чуть позже перед малютками выкладывали игрушку, кошелек и книгу: помните? Что выберет, по той стезе и пойдет. И на моей памяти большинство крох тянулись к книге!

Наверняка у каждого из нас первая и любимая книга появлялась задолго до школы. Моей дочери яркую большую книгу про «Юю Гагаю» подарила преподаватель нашего университета, когда той не было еще двух лет. Так она и росла с этой книгой под мышкой, сначала разглядывая картинки, потом узнавая буквы, потом медленно читая, за всё это время полюбив и этого замечательного человека — Юрия Гагарина, и страну нашу, где живут такие герои. А это уже патриотизм, любовь к Родине, к людям: прикажете из интернета нашим малышам душевных и духовных ценностей набираться?

Сколько было счастья, когда буквы складывались в слоги, в слова! Когда прочитано было первое стихотворение! Кстати, дочь моя читает с четырех лет, и первые, самостоятельно выученные ею наизусть строки были — пушкинские: «Под голубыми небесами, великолепными коврами...»

Что же сегодня предлагается детям для познания жизни, формирования личности? На недавних библиотечных чтениях в Липецке фигурировали такие имена современных «известных» детских писателей, как Тамара Крюкова, Дина Бурачевская, Дмитрий Емец, с которыми директора городских липецких библиотек налаживали прямую связь через интернет, дабы те учили наших детишек жизни.

Я не стала вдаваться в прозу, а поинтересовалась у того же «дядюшки интернета» поэтическим творчеством Дины Бу-

рачевской, пишушей стихи для детей. Так вот мало того, что у нее проблемы со знаками препинания — зачастую она их просто игнорирует, так и со смыслом не всё в порядке:

*Всюду окна окна окна
Слева справа невпопад...*

Или еще, к примеру, такие строки:

*Я замерла как в натюрморте,
А двери хлопают по морде...*

А вот начало стихотворения под интригующим названием «Труссы»:

*Не яйцо не курочка
Я у мамы дурочка
Потому что видно
У меня труссы
Я иду трусливая
И срываю сливы я
И котам бросаю
Шкурки колбасы...*

Ещё одно произведение для ребятни «известной детской» стихотворицы Бурачевской привожу целиком:

ЦАРЕВНА

*Из прошлой жизни виденье:
Я знатной была царевной.
И было в моем владеньи
Полцарства и пол-деревни...*

*И гуси гуськом ходили,
Качая-кичась боками.
И рыбу в реке ловили
Не сетью, а так — руками.*

*Плыла я в ладье чинно,
Сжимая цветов охапку.
Кричали «ура!» мужчины
И в небо кидали шапки.*

*А я попивала кофе,
Тайком на мужчин глядя,*

*Роскошной была в профиль,
Изящной была сзади...*

*Из прошлой жизни виденье
Застряло комком в глотке...
Пол-кухни мое владенье —
Налей-ка еще водки!*

Ну и далее в таком же роде. Пока члены комитета Госдумы обсуждают с жюри конкурса и с его победителями животрепещущие вопросы детской литературы, существующей сегодня как бы в подполье, в малотиражных изданиях, а то и в рукописях, нашим читателям под «грифом» «известных» подаются авторы коммерческой детской книжной продукции, качество которой оставляет желать много лучшего.

Чтобы вернуть детской литературе ее главную — воспитательную, развивающую — функцию, надо вернуть ее самое в школы, семьи, библиотеки, издавая книги под государственным патронатом и с государственной поддержкой. Что для этого надо сделать? Предложения были самые разные.

Эмоционально выступила заслуженная артистка страны, телеведущая и член жюри конкурса Татьяна Судец. Она высоко оценила уровень представленных на конкурс работ, высказав сожаление, что на прилавках стоят совсем другие книги, и пожелав победителям конкурса не опускать руки и писать для тех, кто ценит людей за ум и душу, а не за богатство, для тех, у кого в голове мысли, а не чипы...

Член Молодежной общественной палаты России, руководитель оргкомитета конкурса Михаил Синицин отметил значение самого конкурса имени Толстого в собирании русской детской литературы под крылом Товарищества детских и юношеских писателей России, возглавляемого организатором конкурса, секретарем правления Союза писателей России Ирины Репьевой. Мы ищем тех, кто пишет в лучших традициях русской литературы, сказал он. Проблемы не в детской литературе, заявил также он, а в государственной политике.

И напрасно считать, что за границей, дескать, писателей государство не поддерживает. Как бы не так. К примеру, в Австрии, в Финляндии — как прозвучало на заседании — писателям даются ежегодные стипендии, чтобы они могли спокойно писать. А во Франции во время проведения Международной книжной выставки в Париже все школьники освобождаются от занятий и со своими учителями знакомятся с книжными новинками.

Во многих западных странах детские издательства имеют налоговые льготы, а в некоторых государство и вовсе финан-

сирует издание детских книг. Поэтому наши дети больше знают о Швеции, Финляндии, Японии, нежели о своём Отечестве.

Вкратце же предложения свелись к следующему: законодательно поднять статус национальной детской литературы, принять закон о творческих союзах и государственную программу поддержки писателей и издателей, широко пропагандировать книгу, а не пиво на фестивалях, конкурсах, праздниках, возродить хотя бы одно государственное издательство, создать квалифицированный совет по детско-юношеской книге и механизм её распространения по стране.

Если в сердце нет святости, в нем поселяется мерзость запустения. Чтобы этого не произошло, необходимо создать в стране программы по детскому чтению, куда включить произведения, способствующие духовному и интеллектуальному взрослению читателей, развитию лучших традиций русской, советской, мировой литературы.

Прозвучал на заседании Госдумы и призыв восстановить баланс между серьезной и развлекательной детской книгой в современном книгоиздательстве. Сколько можно веселиться и ёрничать? Пора вновь учить, воспитывать, образовывать нравственно и духовно. Воспитанное на развлекухе поколение, не научившееся читать, думать, сопоставлять, ждёт мрачное будущее. Ибо ничего веселого нет в том, чтобы обслуживать более хитроумные нации, делающие сегодня всё для оболванения подрастающего поколения России...

РАЗВОД — И ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ?

— Нет, ну это же надо! Столько денег на свадьбу истратили — а через два месяца развелись!

— Да ты что?! Родители кредитов набрали — платить не расплатиться, а они — развелись?!

— Так и подумать, из-за чего: из-за зубной щетки!

Став свидетелем такого диалога, я подумала: как хорошо, что спохватились мы укреплять семью. Еще лучше было бы не расшатывать, не разваливать ее раньше. Ну да что теперь об этом говорить, когда столько наворочали, столько всего развалили. Какую страничку по брѣвнышку раскатали, растащили. Теперь семью укрепляем.

И всё же праздник семейного счастья, любви и верности, учрежденный в День памяти — по церковному православному календарю — святых благоверных князя Петра и княгини Февронии Муромских, — это хоть какая-то альтернатива дню Валентина, волной накрывшему Россию по инициативе либералов, всё и вся творящих у нас по западным лекалам, скопированным у католичества.

В провинции наш православный праздник приживается особенно легко и с большим воодушевлением. Ведь здесь у нас геи пока парады не заказывают, шведские семьи не создают. В основном живут по старинке: встречаются, влюбляются, женятся, детей рожают. И зря так усомнился в наличии любви на Руси господин Акунин: книжки надо не только писать, но и читать.

С XIII века известна на Руси история любви Петра и Февронии, которые через большие испытания обрели друг друга — и сумели сохранить трогательные чувства до самого последнего дня своей жизни: 8 июля 1228 года.

Когда Петр почувствовал приближение своей кончины, он сообщил об этом супруге, ибо они уже давно имели такую договоренность — уйти ко Господу вместе. Довышивала расторопная Феврония лик на иконе, прибрала свою работу — да и умерла. Более того, чудесным образом они и во гробе соединились, хотя их трижды разъединяли. Сила их любви была настолько поразительна, что память о ней жила еще триста с лишним лет до того, как они были канонизированы. С 1547 года православная церковь почитает святых как покровителей семьи, любви и верности.

И таких примеров на Руси множество, сохраненных древними летописцами. Вдохновляет супружеский союз князя Дмитрия Донского и княгини Евдокии. В брак они вступили, когда ей было 13, а ему — 16 лет. Уже через год у них родился первый ребенок, а всего княгиня дала жизнь 12 детям.

Князь пребывал в постоянных походах и сражениях, а княгиня воспитывала сыновей и дочерей, управляла Москвой, провозжала и ждала мужа с великих боев против татаро-монгольского ига, за объединение княжеств в государство, молилась за него и землю русскую, выхаживала супруга после ранений. И характер у князя, говорят, был не слишком покладистый. Однако они прожили в любви и согласии более двадцати лет.

А после смерти князя Евдокия приняла тайное монашество и носила вериги в память о своем любимом муже. Но ушла в монастырь уже перед самой кончиной, когда подняла всех своих детей, выдала замуж дочерей, женила сыновей, наделила их наследством и землями, построила храмы и монастыри, уладила все государственные дела, во главе которых стояла чуть ли не два десятилетия, покуда не окрепли наследники князя Дмитрия Донского.

Впрочем, далеко за примерами ходить не надо. И сегодня рядом с нами живут люди, счастливый и богоугодный брак которых — несмотря на светский его характер — насчитывает полвека, а то и больше. О своей истории любви рассказали мне недавно липецкие супруги Христоробовы, одна фа-

миллиа которых много говорит русскому сердцу. Особым чувством проникаешься, узнав, что их браку уже 61 год!

Такая цифра не может не вызвать уважения. Впрочем, не только цифра. Виктор и Роза Христолюбовы и сами словно «звено живое» между поколением еще царского времени и нынешними молодыми, для которых «до революции» не означает почти ничего: так давно это было.

Виктору Геннадьевичу 86 лет. Прадед, дед и отец его были священнослужителями. Окончив духовную семинарию, отец в 1916 году ушел на войну с германцами, служил полковым священником. После революции он вернулся домой, в вятское село Сырьяны. Вместе с братьями занимался вольными трудами. Все трое были отличными охотниками, лесорубами, сплавщиками — гоняли плоты с верховьев Вятки в Нижний Новгород. Получая хорошие деньги, мануфактуру, жили дружно и зажиточно. А потом решили срубить просторный дом на пять семей, чтобы поселиться в нем еще с двумя сестрами и их домочадцами.

Можно себе представить эту хоромину напротив церкви на высоком берегу Вятки в родных Сырьянах. Проблемы начались в 1931-м, когда дядя Виктора ушли в армию, а тетки отучились, повыходили замуж и уехали. В доме осталась только семья одного из братьев — Геннадия Христолюбова: жена и трое малышей, старшему из которых — Виктору — было всего пять лет.

В одну ночь они, предупрежденные о раскулачивании и передаче дома под школу, погрузились на две подводы и уехали в город Лузу Архангельской области. И оказались в трудпоселке, где вместе с ссыльными из Центрально-черноземной области жили и строили огромный лесокombинат.

— Свое детство, — вспоминает Виктор Геннадьевич, — я провел среди честных, добросовестных, порядочных людей. Отец был десятником, потом стал счетоводом, бухгалтером, мать — учительницей начальных классов. Там в семье продолжали рождаться дети. Всего было 10 ребятишек.

Выросли, вытянулись пятеро детей Геннадия Христолюбова — и все сыновья. Когда он уходил на фронт в феврале 42-го, жена его заплакала второй раз в жизни: впервые она прослезилась, когда хоронила свою маленькую дочку. Даже когда извещение о гибели супруга пришло, она осталась невозмутимой. Не поверила, сказала она потом. И правильно сделала...

До встречи со своей Февронией наш Петр — Виктор Христолюбов — прошел через много испытаний. Помогая поднимать младших, работал в поле и на сплаве, с 16 лет трудился на лесозаготовках: пилил стойки для воркутинских шахт и накатники для блиндажей.

А когда двое младших братцев стали прозрачными от недоедания, он взял отцовское ружье — только не продавайте, на-

казал тот, уходя на войну, — и пошел стрелять... ворон. Через несколько дней — еще. Так «дичь» сохранила жизнь братьям, которые и по сей день считают Виктора своим спасителем.

Осенью 43-го его призвали в армию. В 17 лет он на Урале охранял строго секретный подземный завод по выпуску реактивных снарядов для «катюш», а затем был направлен в Саратовское пограничное училище. К счастью, объявился отец — два тяжелейших ранения (под Воронежем и под Курском) едва не стоили ему жизни, а третье окончилось пленом. А поскольку живых после той разведки, куда ушел Геннадий Христолюбов, никого не нашли, родным отправили похоронки.

Перед наступлением союзников он бежал из лагеря под Дюссельдорфом, неделю прятался в погребе, питаясь ревеневым компотом. Освободили его англичане. С тяжелейшей дистрофией он четыре месяца пролежал в их госпитале. Его предлагали переправить аж в Австралию. Он стремился к семье. В итоге был выслан в Забайкалье. Получил там жилье, куда перебрались к нему и жена, и дети.

А сына его, Виктора Геннадьевича, — из-за изменившейся биографии «сократили» из военного училища. Что не мешало ему воевать с лесными братьями в Литве, с бандеровцами в Украине. Демобилизовавшись из армии, он тоже уехал к родителям. На Петровск-Забайкальском металлургическом заводе, в мартеновском цехе он и познакомился со своей Розой, работавшей там табельщицей.

— Я посмотрела на него, — вспоминает она, — и сразу поняла, что это очень честный, хороший, порядочный человек. И не ошиблась...

Роза была старшей дочерью у родителей, у которых было семеро детей. Отец, учитель, когда началась Первая мировая война, с двумя братьями ушел на фронт. Служили в Белой армии, потом перешли в Красную. Но стали участниками эсеровского мятежа в Казани, бежали и всю жизнь скитались. Один из братьев канул в безвестность, другой оказался в Югославии, а отец Розы стал бродячим фотографом, зарабатывая себе на хлеб в глухих селах и деревнях России.

В одной деревне и приглянулась ему молодая крестьянка Мария Лысова, бросившая всё и в ночь ушедшая с ним навсегда. Только детей привозила матери: Роза с двумя братишками росли у бабушки, пока родители не осели в Забайкалье и не вызвали старших детей, чтобы они присматривали за младшими. А сами так и зарабатывали фотографированием, являясь домой только на зиму. Хозяйство и дом вела совсем еще девчонка Роза. Поэтому она больше всего в жизни мечтала о надежной, полной и дружной семье.

Когда Виктор в одно из свиданий спросил её «Ты выйдешь за меня замуж?», она без раздумий сказала «да». Хотя молодых мобилизованных парней на заводе было много. Но он был единственным.

Поселились они с родителями Виктора. Узнав, что они не расписаны, старшие Христоробовы настояли на официальном браке. И 7 июля 51-го, как раз накануне Дня памяти святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, Виктор и Роза зарегистрировались.

Он не был князем, она не обладала ни исключительной мудростью, ни целительскими способностями. Но, победив своего «змея» — пережив войну и большие испытания, — Виктор, как и Пётр Муромский, спасший своего брата от мерзкого чудища, нуждался в покое и исцеляющей женской ласке.

А она, как самоотверженная Феврония, была готова к любви и самопожертвованию.

— Мне, — говорит, — удивлялись: и чего я замуж за него пошла? Ни красоты, ни достатка, здоровье подорвано нуждой да войной. Не дай Бог, мол, детей одной придётся поднимать. Но я и травками, и мазями, и словом добрым его лечила и укрепляла. И вот, слава Богу, седьмой десяток вместе. А сейчас завидуют: ты, мол, в лотерею его выиграла. Да не выиграла, а полюбила...

— Я столько живу только благодаря жене, — уверен Виктор Геннадьевич. — Ведь и работал-то я после войны в основном на вредных — горячих — производствах металлургических заводов.

Начинали жизнь с коробки из-под папирос, куда уместилось всё имущество молодых при съезде из семейства мужа на самостоятельные хлеба в барачную комнату. На вопрос, когда им приходилось труднее всего, они перечисляют: когда рождались дети... когда он учился в Нижнем Тагиле, чтобы получить профильное — металлургическое — образование... когда сутками пропадал на работе... когда из трехкомнатной квартиры в Забайкалье — уже со всеми удобствами, что по тем временам было большой редкостью, — переселились во временку на окраине Липецка.

Переманил их тогдашний руководитель конверторного цеха Новолипецкого металлургического завода Серафим Колпаков, ставший впоследствии директором предприятия, а потом и министром черной металлургии СССР. А тогда, в 1965-м, он искал специалистов для цеха — и нашел. Виктор Геннадьевич работал бригадиром электриков в конверторном цехе, мастером в литейном цехе, где стал потом старшим электриком.

Они получили квартиру, построили дачу, вырастили двоих детей. Виктор Геннадьевич даже стал основателем металлургической династии: сегодня и сын, и внук работают электриками на 7-й домне.

А они с женой продолжают быть всем опорой и надеждой: до сих пор работают на садово-огородных участках (!), чтобы сохранить их для детей и внуков, у которых недостает времени и здоровья для работы на земле.

Сын священника и дочь белого офицера, они прожили простую, полную обычных трудов жизнь, но не растеряли чувств и возвышенности своих отношений. Она и в 80 лет красива и благородна: пушистые белые волосы, спокойный умиротворенный взгляд. Он сдержан, умен, слегка ироничен. Пишет стихи!

*Промчалась юность без следа,
О где вы, зрелые года?
Подкралась старость...
Не каждая мечта сбылась,
Прошли романтика и страсть —
Любовь осталась.*

Нам всю жизнь было тяжело расставаться, вспоминают они. В разлуке — даже и на час — они так томятся безвестием друг о друге, что предпочитают всегда быть вместе. И смотрят друг на друга так, словно не насмотрелись...

Зато двух месяцев хватается иным молодым, чтобы насмотреться — и разбежаться навсегда. Зубную щетку он не хотел ставить в стаканчик. Она была категорична: или так, как принято в ее семье, или никак. Он взял зубную щетку, которая в их доме лежала на полочке, и ушел восвояси. Так закончился брак, не выдержавший и малейшего испытания. Может быть, молодые не знали, что все конфликты в семье не обязательно разрешать разводом? Тогда почему им об этом никто не сказал...

ОТРАВА ДЛЯ... ПАПЫ

Когда-то я работала воспитателем в детском саду. И еще с тех пор помню, как много можно почерпнуть о благополучии семьи из ролевых игр, в которые дети привносят устои и порядки своего дома...

Маленькая Лиза — внучка соцработницы Валентины Ивановны. Двадцать лет женщина ухаживает за стариками. И сейчас у нее на попечении семь бабушек, для которых она как свет в оконце. Не только хлеб купит и лекарства, а и поможет с заготовками на зиму, с уборкой в доме, с благоустройством во дворе.

Едет в райцентр — одной подопечной купит халатик, другой — тапочки. Знает, чего им не хватает, что им нравится, какой цвет подойдет. А еще Валентина Ивановна обожает делать своим бабкам сюрпризы.

В частности, ко дню рождения Нины Тихоновны она, заранее сговорившись с ее сыновьями, профинансировавшими мероприятие, не только выложила с помощью мобильной социальной бригады небольшой дворик своей подопечной разноцветным плиточным узором, но и украсила территорию большими декоративными вазонами, в которые поставила огромные букеты роз со своего палисадника.

С вечера бабушка рано легла спать, а с утра ей тоже нашли занятие дома, чтобы не торопилась она на свежий воздух. А когда вышла наконец баба Нина на свежий воздух, то ахнула: красота кругом неимоверная. Ко всему маленькая Лиза устроила ей концерт — и пела, и плясала, и стихи рассказывала. Сценой в таких случаях ей служит крыльцо, на котором и выступает она для бабушкиных подопечных, которых тоже любит всей своей душой.

Надо видеть, как закатывает она глазки, изображая героиню народной песни, которая по воду ходила, как задорно смеется в пляске, как вообще мила и непосредственна в своем стремлении сделать пожилым людям приятное. Так в этой семье принято — помогать бабушке. Причем не только своей. Потому и ходит девчушка по социальным подопечным, и не в тягость ей подать старушке скамеечку, принести ей очки, а спеть — так это и вовсе с превеликим удовольствием.

Да, гены, наследственность — большое дело. Но и воспитание с чаши весов не снимешь. Ведь доказано уже, что если ребенка в первые годы его жизни не научить сидеть, ходить, говорить, то он никогда не станет полноценным человеком, умеющим думать и чувствовать.

Вот именно: чувствовать. Как сетовала Цветаева о своем сыне, в которого она «вкочала» столько знаний, а душу в нем не пробудила. Мы же стараемся одеть, обусть, накормить, а в последнее время и вовсе обеспечить всеми благами жизни — квартирой, электронной и бытовой техникой, машиной: лишь бы ни в чем не нуждался. И образование, и работа — всё схвачено, за всё уплачено. А счастья — нет...

Почему? Да потому что отстранились от ребенка, завалив его мирскими ценностями. Всё у него есть, чего ему еще надо! И вот что происходит с этими милыми детишками, предоставленными самим себе...

Такую же малолетнюю девчушку, как сельская Лиза, но москвичку, привезли в другое село, и тоже к бабушке. В семье Верочка единственная доченька, родители позаканчивали престижные вузы, делают карьеры, за ребенком присматривают приходящие няни. И вот она играет у редкого плетня, за которым начинается другой участок, где соседка, тоже женщина в возрасте, оказывается свидетелем ролевой игры столичной девчушки.

— Сейчас мы папе сварим кофе, — комментирует свои действия «на кухне» шестилетний ребенок. — Папа любит кофе... Сделаем ему покрепче... Пусть пьёт... Положим сахару, — она сыплет воображаемый сахар в кофейную чашечку. — А теперь добавим... отраву, — и девочка «сеет» земельку в «кофе», сопровождая этот процесс таким замечанием: — Папа плохой, он меня ругал недавно, вот мы его сейчас и отравим...

Далее ребенок расправляется со всеми членами семьи: дедушке грозит переломать ноги за то, что он «тут расселся», бабушке тоже не поздоровилось за какой-то ее проступок перед внучкой. Когда соседка не выдерживает и обращается к девочке с нейтральным вопросом, просто чтобы прекратить эту леденящую кровь игру, та, демонстративно не обращая внимания на пожилую женщину, громко закричала своей уже реальной бабушке:

— Ба! Ты же мне обещала, что я не увижу у тебя твоих подруг, что они сюда приходиться не будут!

А подруги, то бишь соседки, общаются уже по полвека. Однако вместо того чтобы обратить внимание на игры и поступки своей внучки, бабушка только отмахивается, успокаивая соседку:

— Да что ты переживаешь, маленькая она ишшо, ничего не понимает! Вырастет — поумнеет!

Как бы не так, уважаемая бабуля. Всё они уже понимают. И не удивляйтесь потом: откуда она такая, ваша милая Верочка... Семья благополучная, непьющая-некурящая, родители образованные...

Ну, хотя бы интереса ради, люди добрые, послушайте, посмотрите, во что и как играют ваши дети и внуки. Возможно, вы откроете для себя много нового. И дай вам Бог всего хорошего...

СКАЗКИ ИЗ НИЧЕГО

Корабль уходит в небо

Год назад завершил свой земной путь знатный метростроевец Леонид Мулярчик. Нет, он никогда не жил в столицах. И вообще в городах, где есть или когда-нибудь будет метро. Он его просто строил. В узловой Лебедяни с ее 20-тысячным населением...

Чудак, скажут здравомыслящие люди. И это в лучшем случае. Другие назовут — и называли — Мулярчика дураком. Подумать только, почти 30 лет рыть тоннель в одиночку, на свои деньги, в городке, который за полчаса, в крайнем случае, за час можно пройти если не вдоль, то поперек! Однако была у человека такая мечта — построить метро. И запустить им же сконструированный поезд с вагончиками на «резиновом ходу»: чтоб не шумел и людям спать не мешал.

И сколько сил положил он на это «метро», которое в Лебедяни никому не нужно. Вот и подумаешь: неужели талантливый человек, конструктор, изобретатель, которого в интернете называли самородком, русским Леонардо да Винчи, Кулибиным, не мог распорядиться своими способностями более осмысленно, с реальной пользой для себя и для людей?

А так много шума из ничего. Замах на рубль — а удар на копейку. Славу себе снискал на весь мир, ибо газеты и сайты несколько лет подряд подавали Мулярчика как сенсацию, как живое воплощение загадочной русской души, постоянно подогревая интерес публики к этому странноватому человечку, возомнившему себя устроителем новой Руси. Чтобы, мол, не просто ходить по ямам и колдобинам грунтовок, а кататься с удобствами от дома к дому, возле которых он планировал делать остановки с отдельными выходами на свет Божий...

Такое впечатление, что всё в одноэтажной деревянной России уже есть, только метро не хватало. А еще каких-то неимверных речных катамаранов, летательных аппаратов типа велосипеда и многого еще такого, без чего нам жить дальше ну никак нельзя. За всеми этими идеями и полувоплощенными фантазиями приезжали к Мулярчику журналисты всех мастей, обыкновенные туристы, простые любопытствующие, такие же чудики, как он.

Приезжали, пробирались по катакомбам, слушали, фотографировали — и уезжали. А он всё надеялся на спонсоров, на власти, на энтузиастов, которые заразятся его идеей и помогут. Он даже подсчитывал, сколько человек, за какой срок и за какие деньги построят метро. Более того, он набирал на работу людей, которые без зарплаты, на одном энтузиазме, долго на рытье траншеи не задерживались.

Если бы удалось найти человек полтора десятка единомышленников, да несколько миллионов рублей, то через два года, по мнению Мулярчика, в Лебедяни появилось бы метро. И тогда, мечтал он, от туристов отбою не будет. А деньги потекли бы рекою не менее полноводной, чем даже Дон, у которого он жил и под которым планировал проложить тоннель...

Однако никто на такие перспективы не польстился, и несколько десятков лет его жизни улеглись в 200 метров подземки с сопутствующими ходами и шахтами для коммуникаций и оборудования, необходимого для обслуживания дороги. На метр-два шахты уходили недели, месяцы.

А ведь поначалу он планировал первую ветвь метро провести длиной аж шесть километров — до соседнего села, где якобы жила любимая им в молодости женщина. Знающие Мулярчика эту версию отрицают, говорят, что это журнали-

сты придумали для пикантности. Чтобы романтизму, любовного флёру прибавить этой истории.

Во всяком случае, от первоначального плана он отказался. И другою ветвью решил соединить свой «микрорайон» с железнодорожным вокзалом. Приедут экскурсанты — и прямиком на метро до самого Дона, к домику Мулярчика. А там уже на волнах покачивается колесный корабль, принимающий на свои две палубы охочий до путешествий народ. И такой корабль был им смастерен. На нем он катал местных ребяташек. Пока один из мальчишек не получил травму.

Пришлось катания прекратить, а сам корабль поднять на берег, где он благополучно ржавел. А сконструированный им педолёт (!) он хотел построить для себя. Вроде бы даже говорил, что хорошо бы подняться на нём в небо (силою собственных мышц! давя при этом на педали!), осмотреться вокруг — да и умереть...

Не получилось. Причем всё не получилось. Кроме — умереть...

Но ведь он был счастлив — своими мечтами, фантазиями, жил как хотел, как умел, как мог. Не каждому такое удаётся...

Мастер

А вот другой уездный городок — Чаплыгин, бывший Ратненбург — подарок Петра Первого Александру Меншикову. В самом городке и в районе тоже живут интересные люди со своими особенностями. К примеру, Сергей Медведев, спокойно работавший себе на железной дороге, ничем от своих земляков до поры до времени не отличался. Пока однажды его не направили в Москву на какие-то курсы. И всё его тогдашнее пребывание в столице запомнилось ему тем, что зашел он как-то в магазин «1000 мелочей» и купил себе... набор стамесок для резьбы по дереву. А зачем купил, и сам не знает.

Не то чтобы он хотел или планировал поработать с деревом, а просто увидел — и подумал: а неплохой, должно быть, это набор. И купил. Приехав домой, решил проверить, что получится. Вошел во вкус: оказалось, очень даже получается. И откуда-то и способности появились, и художнические данные. Сегодня весь Чаплыгин — в медведевских деревянных скульптурах. Оценил руководитель района — и не просто выкупил его работы, но и заказал еще.

Но Сергей Матвеевич режет не ради денег, а по вдохновению. Может начать одну работу, другую, третью, а потом увлечься четвертой — и про всё забыть. Пока иные мужики в обычном запое — он в творческом. И жена его в восторге. Так интересно наблюдать, рассказывает она, когда под его руками обыкновенная чурка начинает оживать! Живут они вмес-

те уже много лет, дети выросли, разъехались — и мастер все свои нерастраченные силы отдает ремеслу. Дом его весь резной: ставни, наличники, ворота, калитка, забор, а во дворе, на улице, в палисаднике — везде сказочные, былинные, а то и просто выдуманные деревянные герои.

Проехать или пройти мимо, не остановившись, не удивившись просто невозможно.

У бедных собственная гордость

Богата земля русская талантами, самородками. Где ни окажешься, обязательно убедишься в этом еще и еще раз. Один мужик — многодетный отец, кстати, водитель автобуса — всю жизнь собирает домашний музей старины. И даже помещение отдельное под него выделил.

У него там обстановка разных времен — от древнейшей до недавнего советского периода. И размещает он свои материалы именно по-домашнему: там и кровать столетней давности, и стол, и сундук прабабкины, утюги и разная другая утварь по векам расставлены на полках, и ножи, и посуда, и оружие... Чего там только нет. Причем всё в рабочем состоянии. Если колокол, то звонит, если патефон, то пластинка играет, если телефонный аппарат периода октябрьской революции, то если сказать в трубку: «Барышня, соедините!..» — она и соединит!

Еще один чудик в черноземной глубинке специализируется на выращивании грецких орехов. У него там их целая плантация, он фанат этого дерева и этих плодов, мечтает развести их по всему Липецку и области, создать клуб любителей грецких орехов, которые он считает очень полезными и красивыми. Попутно разводит коз, их у него уже несколько десятков. Всем дает звучные имена из бразильских сериалов — а потом у него там уже такие собственные сюжеты разворачиваются, что только успевай наблюдать, кого полюбил Хулио и как чахнет от любви брошенная им Роза...

На самом краю одного села, чуть ли не у леса на опушке, живут две женщины: 70-летняя дочка и 92-летняя мама. Десять лет назад старушка стала нуждаться в уходе — и дочь приехала, чтобы присматривать за мамой. И не стонет от скуки, от безвыходности, а живет полнокровной жизнью: создает декоративные композиции — к примеру, «Вера», «Надежда», «Любовь» — на основе старых ободьев, плетет универсальные для тепла, массажа и красоты коврики, пишет стихи и музыку, поет в ансамбле и в церковном хоре, а самое главное ее увлечение — куклы.

Мастерит она их из старых обломков и частей, проволоки и дерева, а потом наряжает. Платья шьет изумительные — яркие,

пышные. Уже изготовила около сотни красавиц — и большинство раздарила. Дома «живут» десятка полтора, и любимая — Фея реки Воронеж, в переливающимся сине-зеленом наряде...

А в другом районе мужичок увлекся выкладыванием мозаичных панно из... крышек от пластиковых бутылок. И выложил ими весь двор и не только.

А одна молодая женщина, соцработник, закончила курсы ландшафтных дизайнеров и у своего дома создала настоящую сказочную поляну. Она сама из коряг, дерева и разных подручных материалов изготовила и избушку на курьих ножках с Бабой Ягой у входа, и чудо-печь с Емелей, и волшебное дерево с рубиновыми яблоками, под которым устроился то ли динозавр, то ли еж. Из коряг и ракушек получилась великолепная черепаха Тортилла, из березового полена — стройный олень из «Снежной королевы», а Петушок Золотой Гребешок вообще непонятно из чего появился.

Девушка плетет из прута плетни и корзины, выкладывает из камня горки и стены, и дом свой практически подняла из ничего — из старой завалившейся избы. Даже мебель сама перетягивает. Это к слову о том, что другой земной жизни и другого времени на нее у нас не будет.

Маленькие, незаметные для наших правителей люди, существующие на мизерные пенсии и зарплаты, умудряются быть выше и значительнее всех этих рублевских приживал, которые если что-то и сотворяют, то лишь разврат, скандал и всяческие другие непотребности. Потому что если денег много и ими сорить, порядка и чистоты никогда не будет...

ПОЖИРАТЕЛЬ НАЦИИ

На увещевания взрослых быть осторожнее в вопросах любви юные создания в большинстве своем если не говорят, то думают: «Да что вы в любви понимаете!». Забеременевшая — от сорокалетнего повесы с банданой на голове и полуразбитой иномаркой в собственности — девчушка-подросток так и бросила в лицо тётям из опекунских и социальных органов, пристраивающим ее в кризисный центр для женщин и детей.

От нее отказалась приемная мать, ей пришлось пересмотреть свои планы на будущее, но она продолжала убеждать себя и других, что это была любовь. Что касается ребенка, то она всё-таки решила рожать, не поддавшись на уговоры иных хитроумных дам «не портить себе жизнь».

Слава богу, ребеночек родился здоровеньким, и судьба 15-летней мамочки сложилась удачно: она примирилась с приемной семьей, где растет любимый малыш. Папаши, конеч-

но же, и след простыл. И по поводу любви молодая мама теперь не так категорична, как была когда-то. Но для этого ей пришлось пройти через большие испытания и кое-что понять в этой жизни.

Нынешние же мальчики и девочки тоже наживают свой опыт любви, и для них мы чересчур стары и прагматичны, чтобы служить авторитетом в этой сфере отношений, тем более ничего не смыслим в том, как ею, этой любовью, «заниматься».

И дозанимались. Впрочем, тут трудно быть последовательными. С одной стороны, демографический кризис, сокращение населения. По этому поводу в государстве давно бьют тревогу. В том числе и те, по чьей вине на протяжении многих лет Россия теряла по миллиону своих граждан в год. Народ по-прежнему истребляют как только могут. Даже ничегонеделание в этом вопросе — уже мощное оружие против населения.

К примеру, в стране еще до Медведева приняли демографическую концепцию. И где она, как работает? Для стимулирования рождаемости ввели материнский капитал. Но воспользовались им далеко не все семьи, где за предыдущие три года появились вторые, третьи и последующие дети. Ибо капитал имеет целевое назначение — на приобретение или строительство жилья, образование детей, увеличение накопительной части пенсии матери. А если на лечение? на полноценное питание? на летний отдых детей? на ремонт жилья наконец? Не могли...

В любом случае все эти и другие меры (пособия, льготы) революции в деторождении не сделали. И никаких положительных сдвигов на ближайшее время не просматривается. Оказывается, только у нас в области за последние пять лет число женщин так называемого фертильного возраста сократилось на семь процентов, а будущих матерей — сегодняшних девочек-подростков — стало меньше на целых 35 процентов. Кто рожать будет?

Правда, оптимисты довольствуются тем, что число аборт в регионе ежегодно снижается на 10—15 процентов. И рождаемость тоже с каждым годом на несколько процентов увеличивается. Однако и на сегодня по статистике на каждые сто родов приходится 65 абортов. При этом почти каждая восьмая женщина, решившаяся на аборт, забеременела впервые! Это данные по области — по России показатель еще больше.

Вот эти-то женщины потом и будут рьяно лечиться от бесплодия, платить за искусственное оплодотворение, искать суррогатных матерей, пользоваться услугами доноров-отцов и так далее. Но пока они об этом не думают, особенно если им всего лишь 13, 14, 15, 16 лет. Каждый год армия тех, кто не

может иметь детей, пополняется в России на 200—250 тысяч. Однако в стране по-прежнему каждый год делается около миллиона (!) аборт.

А мы сетуем в основном на большую смертность. Да, она велика, однако вот он, еще один пожиратель нации — аборт. Каждый день уносит от нас навсегда 2800 неродившихся детей, несостоявшихся жизней российских граждан. И в основном русских, ибо представители других наций рожают несмотря ни на что. Им западные байки о перенаселении планеты, о необходимости планирования семьи не мешают беречь свои национальные традиции, следовать канонам и устоям своей веры, заботиться о крепости и многочисленности своего рода. И лишь мы позволяем себе столь расточительно обходиться со своим потомством, с будущим своей семьи и России...

Если сравнивать нашу страну с другими государствами, имеющими сходный уровень рождаемости, число аборт на сто родов у нас выше в **несколько** раз. Однако аборт — это один бич нации. Другой — контрацепция.

В заботах о здоровье женщин репродуктивного возраста мы игнорируем наши демографические проблемы и вовсю стараемся обезопасить представительниц слабого пола от нежелательных беременностей. Может быть, в отношении юных девиц это и оправданно: рожать в подростковом возрасте опасно, вредно, не нужно. Но и сводить работу по предотвращению аборт к успешному использованию противозачаточных средств, многие из которых тоже не совсем безопасны для здоровья, тоже недальновидно, а главное — грешно.

Между тем, по сообщению управления здравоохранения, охват женщин фертильного возраста современными средствами контрацепции в области составляет 48,8 процента. А в рамках реализации программы модернизации здравоохранения в 2011 и 2012 годах в нашем регионе были закуплены контрацептивы для девочек-подростков на общую сумму 1 миллион рублей (!).

Может быть, эти затраты на нимфеток и повлияют на сохранение их здоровья и детородных функций в будущем. Но как бы мы навсегда не отвратили их от материнства, от осознания своей женской сущности, от ответственности за свои половые отношения с партнерами, научая их только основам безопасного секса, оплачивая их любовные игры и занятия из бюджетного кармана.

Как же трудно соединить несоединимое: и аборт сократить, и контрацепцию сделать нормой жизни, и рождаемость повысить. Хотя какие-то шаги в этом направлении осуществляются. В женских консультациях индивидуально рабо-

тают с беременными, желающими избавиться от ребенка. Подразумевается, видимо, что их отговаривают от убийства зачатого ребенка. Ежегодные акции типа «Мама, подари мне жизнь» или «Как здорово, что я родился!» тоже в какой-то степени формируют в молодых сострадание к ребятишкам, которые могли бы появиться на свет, но становятся жертвами легкомыслия своих несостоявшихся родителей.

Однако к чему мы в конце концов стремимся? «Сохранить здоровье чтоб» распущенных девиц, которые должны нам в будущем устроить демографический прорыв? Врядли они на такое сподобятся, наученные пользоваться средствами против беременности. Ну ладно, пусть хотя бы просто будут здоровыми — не подхватят сифилис или СПИД, другие инфекции, передающиеся половым путем, не испортят фигуру беременностями. На это тоже можно тратить государственные деньги. Да и родят же они при этом одного, а то и двух ребятишек, которые тоже имеют право и должны быть здоровыми.

Но только демография здесь совсем ни при чем. Ибо альтернативой аборту, по мнению специалистов в области гинекологии, в последнее время весьма озабоченных по этому поводу, является контрацепция. Для демографии же безразлично, будет ли ребенок уничтожен во чреве матери или его просто не будет никак и никогда.

Для сохранения детородных функций это, может быть, и «две большие разницы». В том смысле, что предохранение от беременности вроде бы не приводит к бесплодию вообще. А даст Бог, так и, несмотря на все усилия врачей и самих «партнёров», ребеночек «зачнётся» и даже родится. Аборт же чреват необратимыми последствиями.

Вот медики и советуют родителям взрослеющих чад почаще и настойчивей беседовать с детьми о том, как... избежать нежелательной беременности. «О которой чем раньше вы поговорите со своими детьми, тем положительнее для них будет результат от этого разговора». Боюсь, что это как раз тот случай, когда в борьбе за ребенка мы выплескиваем его вместе с водой из того корыта, где полощемся уже много лет.

Помилуйте, господа! Вы уже так напроросвещали наших детей, что только невинный младенец еще не успел узнать, в результате каких манипуляций он появился на свет.

Стараются и телевидение, и Интернет, и даже школа. Только в семье, по мнению медиков, еще недорабатывают в плане полового воспитания, не разъясняют детям-подросткам «механизм возникновения беременности и тех перемен, которые произойдут в этом случае»: так специалисты советуют родителям проводить профилактическую работу по предупреждению абортов.

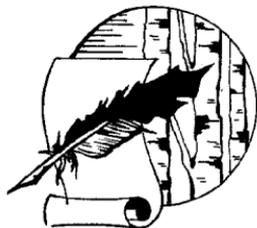
И далее: «Необходимо формировать у подростков ответственное отношение к раннему началу половой жизни, вопросам предохранения от инфекций, передаваемых половым путем, и нежелательной беременности».

А о любви — настоящей, душевной, а не той, которой «занимаются» сексуальные партнеры, — говорить не надо? Почему бы не формировать в детях элементарные нравственные понятия, нормы и принципы? А как насчет того, чтобы воспитывать детей в православной вере, в которую они практически все крещены? Объяснять им, что крещение и венчание — это не дань моде, а жизнь во спасение души? Разъяснять тяжесть греха наконец, который с годами становится всё неподъемней для каждой женщины, предавшей своих нерожденных детей, преступившей Божии заповеди?..

Понимаю, что это проблемы не медицинского характера. Вернее, не только медицинского. Врачи внедряют разного рода облегченные, современные методы убиения младенцев в самом, что называется, зародыше, в том числе и «щадящие» медикаментозные технологии, осваивают новые средства для предупреждения беременности. И этим решают проблему сохранения репродуктивного здоровья женщин как могут.

А в семье тоже, как могут, готовят девочку к взрослой жизни. И если в 13 лет ей приходится объяснять, как безопасно «заниматься любовью», чтобы не омрачить сверххранное начало ее половой жизни, пугать последствиями аборта и формировать «мотивацию» к сохранению своего женского здоровья посредством контрацепции, значит, всё безнадежно упущено. Девочка в это время наверняка будет думать не о презервативах, а о том, когда эти «шнурки» наконец отвяжутся от нее. Ибо ничего-то они не смыслят ни в любви, ни в сексе, которого у них нет и не было...

Да, в таком «повальном» сексе, когда иные ценности жизни вроде бы уже и не существуют, мы действительно смыслим не много. И это не так уж плохо. Хуже другое: что мы не успели рассказать своим детям о душе, не дали её почувствовать, не научили беречь. Впрочем, мы многому не научили своих детей. И это уже отзывается нам горьким эхом. Как-то оно еще отзовется на наших внуках...

Александр СОРОКИН

ОЗЁРНАЯ ГУБЕРНИЯ

ПРИВКУС ДЕТСТВА

Сердце, разве мы забыли,
вдоль по жизни проходя,
аромат прибитой пыли
после теплого дождя;
запах крашеной террасы
и прогорклый, дрожжевой
дух от старого матраса
в шалаше, за душевой;
пахнувший смолою ветер,
тиной и песком — река,
пряный запах разноцветий,
устилающих луга?..
Лишь на миг возникнет снова
в череде иных примет
привкус запаха родного —
и опять мне восемь лет!

В СВОЁМ КРУГУ

Овеян воздухом лесным,
в заимке усовского бора
уже почти что записным
его лесничим стану скоро.

Упало дерево — и вот
рублю я сучья для прохода.
Да мало ли каких забот
подкинет прыткая природа!

Но больше люди: тут и там
разбросан мусор, как в бараке,

и с тем, кто множит этот хлам,
не побоюсь дойти до драки.

Зато есть чистая река —
в июльский зной к ней путь недалог;
зато есть белые снега
и над лыжнею лапы елок.

И синь полосы заревой,
и шумный сход дождей отвесных,
и солнца луч над головой
в кругу сородичей древесных...

У ДИОНИСИЯ

По Бородаевскому озеру
плывет рассвет ладьёю розовой,
и воздух в пору лета позднюю
прозрачно свеж, очищен грозами;
вдали луга в туман окутаны;
за монастырскою оградой
ударил колокол к заутрене,
жизнь обещая беззакатную.

Здесь и в природе слиты накрепко
сиюминутное и вечное.
С неторопливостью привратника
кивает мне береза встречная.
Порывом ветра благодатного
я занесен сюда, наверное...
И Север стал духовным братом мне,
сестрой — озёрная губерния.

НА ЯХРОМЕ

Твой бег, извилистый, студёный,
среди холмистых берегов
увел меня от думы темной
и необдуманных шагов.

В тиши, на солнечном припёке,
отмахиваясь от слепней,
я ощутил себя в потоке
ничем не омрачённых дней.

Ненастья дальние раскаты
здесь не спугнут и стрекозы,
и чем богаты, тем и рады
бегущие, как сон, часы.

Кузнечик серенаду Брамса
переложил на свой манер
и так на стебле расстарался,
что слился с музыкою сфер.

И я, с дремотой мысли слитый,
пчелою уношусь в луга,
вдыхая запах первобытный
новорожденного цветка.

О пошлой жизни забываю,
с ее бравадой и враждой,
как будто дверь приоткрываю
в забытый всеми храм пустой.

ЗАГОРОДНАЯ ЭЛЕГИЯ

Даль ясней и воздух здесь прозрачней,
ярче звезды и спокойней сны.
Не пора ли строить жизнь иначе,
на себя взглянуть со стороны?

Я прибил к новому причалу.
Стынет день осенний за окном.
Новоселье без гостей встречаю,
согреваясь чаем, не вином.

Со стены глядит усталый Пушкин.
Мнится мне, он всех давно простил,
зная цену черни равнодушной
и соседям, милым и простым.

Не зайти ли к доброму соседу
покурить, о жизни поболтать?
Никуда отсюда не уеду,
буду здесь я годы коротать.

Буду пить вечернюю прохладу,
уповать на волю и покой.
Что еще гиперборейцу надо?
Поле, лес и речка — под рукой.

УСОВО — ТУПИК

Целый мир с его прогрессом
я оставил за бортом.
Окружён сосновым лесом
наш пятиэтажный дом.

Мне милей одноколейка,
электрички поздней крик.
Полюбить, как я, сумеи-ка
Землю Усово — Тупик.

Не тупик здесь, а иное
продолжение дорог.
Спят соседи за стеною,
только я уснуть не смог.

Спят. И весь пятиэтажный
поезд наш пыхтит в рассвет,
и обратных — знает каждый
пассажир — билетов нет.

Наша жизнь — одноколейка,
все платформы — впереди.
До неведомого века
заповеданы пути.

И мигает семафором
мне Полярная звезда,
обещая край, в котором
не бывал я никогда.

И гудят верхушки сосен,
как тугие провода.
Полустанок тихий «Осень»
проезжаем, господа...

МУЖИК

Зимой, один на всю деревню,
мужик судьбе бросает вызов.
От нескладухи повседневной
до срока почернел и высох.
Повеселей весной и летом —

брат навестит, сосед поможет;
а после всех как сдует ветром,
и снова по ночам тревожат
одни лишь кабаны да лоси.
Нет в мужике на жизнь обиды,
у Бога помощи не просит.
В глуши, затерянный, забытый,
придет с мороза, бросит шапку,
возьмет початую бутылку,
подкинет в печку дров охапку,
затянет всем напастям в пику,
о севере суровом песню,
на лавке захрапит спокойно
и не загнетса, хоть ты тресни,
от омерзительного пойла.
И так, один на всей планете,
живет мужик, как марсианин...
Как знать, и за него в ответе
перед Всевышним мы предстанем.

МАТЬ И ОТЕЦ

Мать и отец — на небесах, я — на земле пока что.
Они стоят в моих глазах, а прочее не важно.

Я сердцем чувствую — они не знают там покоя
за все мои шальные дни и шутовство мирское.

Не убивайтесь, помню я о совести и чести.
Мы все — небесная семья с земной семьёю — вместе.

Неразделимы и верны одной большой заботе.
Какой? — приоткрывают сны у ночи на излёте.

Пускай всего не разгадать, но я, рожденный вами,
пройду свой путь от *аз* до *ять*, не покривив словами.

А для любви не надо слов. Она везде и всюду.
Неизносим ее покров. А мы не верим чуду..

Татьяна ГРИБАНОВА

НАД ГОЛУБЫМИ ТОПОЛЯМИ

СКВОЗЬ МАРТ

Упал зарёю грай вороний
У переезда в березняк.
С размаху дождь обрызгал кроны,
Где с мартом нянчился сквозняк.

И бормотал скороговоркой
Средь мать-и-мачехи ручей,
Бахча дымилась на задворках,
Желтели вербы у ключей.

Лес, от набухших почек пряный,
Галдел весь день, как новосёл,
И медуничные поляны
Тонули в гуле первых пчёл.

Петух взахлёб кричал в деревне,
Шумела полая вода,
И, возвратившись из кочевья,
Шныряли утки вдоль пруда.

А вдоль просёлочной дороги,
Бурьян сминая и полынь,
Катили новенькие дроги
Сквозь Русь, сквозь март,
Сквозь даль и синь.

* * *

Я не скопила в сундуках богатства,
И бриллианты в сейфах не горят,
Но я владею тридевятым царством —
Найди попробуй, кто, как я, богат!

Я дорожу, как сказочной жар-птицей,
Рябиною у дедова крыльца,
Гречишным полем, хутором, криницей,
Где через край плеснулись небеса.

А по ночам я звезды собираю,
На дно колодца сыплю под окном
И солнце из сарая выпускаю
И на закате прячу за гумном.

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!

* * *

Ах, если б заросшим просёлком,
Спустившись за Ярочкин лес,
Стать вновь беззаботной девчонкой.
Букетами — звезды с небес!

Раздует на рощах ветер
В тумане рябиновом стог,
Шепнёт, как семнадцатилетний:
«Дождаться заката не мог!»

И дым на губах, можжевельник,
И дышит костром темнота.
И мир на двоих, и мы верим,
Что счастливы были тогда.

Под горочку стёжка крутая,
Цикад несмолкающий звон,
И хутор в тумане растаял,
И вот он — раскидистый клён.

В то первое наше свиданье
Ты ночь напролёт целовал,
На дереве вырезал: «Таня»
И ветки узлом завязал.

Семнадцать! Совсем ещё дети!
У ног целый мир и вся жизнь.
И надо же, мощные ветви
На вечные веки срослись.

А я-то подумала: «Канет,
Как в омут, июньская ночь».
Но узел кленовый — на память,
И Таней назвал свою дочь.

СПЕЛЫЙ ВЕЧЕР

Нынче вечер безоблачный, синий.
Мёдом спелым плеснула заря
В перелесок, в дрожащий осинник
И горит в хохолке сизаря.

Дух созревших владимирских вишен
Да жужжание пчёл у крыльца.
Сквозь окно растворённое вижу
С дымарём у колодца отца.

Золотисто-янтарные соты
На веранду для пробы несёт.
Кудри светлые — может быть, годы,
Может, липовый выкрасил мёд.

НА ВОЙНУ

Выла метель
И швыряла пригоршни колючек.
Северный ветер
Морозы шальные принёс,
К ночи сгонял
Над вокзалом ноябрьские тучи.
Поезд запаздывал.
Ворон на рельсах промёрз.

Кыш! Не пророчь!
Не кричи! Разве слёз было мало?
Сколько мальчишек
Пустила война под откос!
Я уезжала.
Толпа на перроне стояла.
Бритые головы.
Надо протиснуться в «хвост».

Тронулись...
Водка, и шулки, и дым сигаретный.
Огненный чай
Проводник по вагону пронёс.
Праведный Боже!
Солдаты... Какое там — дети!
Кто же воспримет
Таких вот военных всерьёз?

— Вы нас куда
Да в какие войска — не пытайте.
Справа сосед посмотрел,
Будто камень метнул.
— Что, интересно?
Читали себе и читайте!
Кто-то ответил:
«В Чечню» — и тревожно вздохнул.

Вдрогнуло сердце,
Ведь дома остался такой же.
Скоро служить.
Как же пули полёт отверну?
Пели вагоны,
Но лица всё строже и строже.
Мчали вагоны в Чечню,
На Кавказ,
На войну...

* * *

Над голубыми тополями
Коврига ситного — луна,
А за уснувшими полями
Звезда Полярная видна.

Иду-бреду по бездорожью,
По недопаханной стерне,
И дышит ночь созревшей рожью,
И кто-то шепчется в копне.

Туман лохматится у дола,
У засыхающей сосны.
И во дворы по частоколу
Осенние крадутся сны.

ПРАВА НА СМЕРТЬ НЕ ИМЕЕТ

Люди, как деревья в лесу, похожи друг на друга, но все разные. Люди красивы, как деревья. А если какое деревце покосилось, загнулось, то все равно оно греет душу еще более нежной, более трепетной, чем обычная, красотой.

Люди все нужны миру. Просто так никто не приходит. Как и деревья в лесу: сосна — чтобы дом построить, кедр — чтобы орехи заготовить, осина — печь натопить, береза — соком напоить и красотой своей радовать.

Все люди сильны от рождения талантом. Как деревья в лесу. Сколько ни прижимай зеленый росток дубка сухим стволом поваленной ветром ели, а он все равно тянется к небу, к солнцу, растет, творя вокруг жизнь, утверждая ее силу.

Так и народ. Будь он нищий, бродяга, пьяница, слабак, но если он талантлив душой, он творит и тем счастлив. Его душа мечтает, летает, переживает яркие драмы, страдает по пустякам и всерьез, преодолевает трудности, решает проблемы, помогает и другим выжить. А если нет проблем, то она — талантливая душа — талантом своим сумеет их создать, ведь проблема — это тоже продукт творчества. И возможно, для того, чтобы ре-

РУССКИЙ ВОПРОС

шить созданную проблему, необходимо стать нищим, бродягой, пьяницей и слабаком, чтобы бороться с самим собой, в малых и великих успехах обретая счастье и веря в Главную Победу своего духа.

Там, где душа требует постоянной борьбы для ощущения преодоления, для ликования и радости, там замолкает расчетливый рассудок, там не спорит и не восстает послушная мудрой душе воля.

Да, иной человек понимает смертельный риск, опасность этого необъяснимого безрассудства, но все равно! Ощущение ранее пережитого полета, мгновений просветления, озарения, благодного восторга преодоления, победы — снова зовут в путь. И что это, если не безрассудность, не безумие, граничащее с гениальностью, с вечностью.

Отчаянная мужественность, критическая смелость или вседозволенность, вольность, свободолюбие или самодурство? Стремление к самоуничтожению или старание задыхающегося раба освободиться от ярма, расправить плечи и блаженно вдохнуть глоток истины, чтобы потом опять терпеть дальше, счастливо предчувствуя Главную Победу.

Как человек, так и народ. Мы, русские, постоянно находимся на краю гибели от безрассудности своей, безудержности, мощи. А лучше сказать — ненормальности, громадности и теперь еще — неуправляемости. А еще лучше сказать — гениальности. Эти качества никак не вмещаются в общепринятые рамки норм остального средне-серого света, который старается не делать глупости и потому не может обрести мудрость.

Натура русского человека менее уравновешенная, чем у других. Соответственно и у России. Натура России не может быть признана нормальной среди уравновешенных стран, что некоторых уравновешенных медленно злит, а рассудительных и педантичных приводит в бешенство. Потому что это им непонятно. И как раз это неплохо для нас. Для них — избыток не всегда лучше, чем недостаток, но для нас недостаток всегда лучше, чем избыток.

Все было бы хорошо, но нам не хватило характера. Той железной настойчивости, которой отличаются некоторые народы. Эта железная настойчивость воспринимается нами как грубое упрямство, наглость, жлобство, что неловко, некрасиво, недопустимо, хотя для народа в целом иногда бывает выгодно.

Русский никогда не примет в свой характер то, что неприятно душе. Нам присуще передаваемое из поколения в поколение уважение к правилам, на которых основано существование русского народа. Эти правила — корень, центральный нерв, отвечающий за все функции организма нации. Нарушение правила, сбой при передаче информации потомкам, угнетение или гибель хотя

бы одного из основных принципов существования влекут разрушение центрального нерва. Этот нерв сегодня разрушается сознательно, продуманно, планомерно и беспощадно.

Наследственное уважение к правилам, потребность сохранения их передается в генетическом коде, в крови, в языке, в музыке, в поэзии, в культуре быта, укрепляется воспитанием и не подлежит изменению, исправлению и переустройству ни в коем случае.

Характер нации ослабевает, когда ослабевает центральный нерв. При этом может ничего плохого не происходить с рас­судком, с талантом, и всеми другими функциями нации. Однако, судьбу нации, как и судьбу отдельного человека, определяет не характер, а талант. Поэтому нынешнее ослабление русского характера не так страшно, как мы все думаем, ибо талант не только не отнят, но и в последнее время приумножен в народе.

И все же над ослаблением характера следует задуматься, ведь в последнее время русский народ, несмотря на воинствующее мужество женщин, страдает слабоволием. Разрушено основное правило, на котором покоится существование общества, правило, строго определяющее перечень женских и мужских функций, возложенное на полы с учетом их божественной предопределенности, и необходимое для нации в целом.

Русский народ становится все более женственной, инертной, ленивой, мечтательной массой, как бы впитывая в себя те природные качества, которые русские женщины сознательно или бессознательно, но вытесняют из своей сущности.

Женщины «отключают» на время или навсегда программу матери, жены в связи с необходимостью выжить. И в этом главная ошибка русской женщины, ибо выживать, не про­длив род и не одарив мир любовью, нет смысла.

В трех ипостасях своего существования — дух, душа, тело — нация процветает или гибнет как единый организм. Душа нации своей Божественной природой сама управляет духом и телом. Мучается душа — мучается тело, угнетен дух — изменяется характер, слабеет воля. Но как Феникс, возрождающийся из пепла, так и ослабший, павший организм может вдруг восстать, собрать все силы и приняться за труд, впитать в себя новое здор­овье, новые возможности, благодаря властной искре, которая в трудный момент вспыхивает вдруг в его сердцевине.

Перебитый нерв нации восстанавливается сам, как только эта искра проникает в самую ее душу. И искра эта — генетическая потребность ощущения нужности каждого человека своему народу, причастности каждого к единому общему пути своего Отечества, уважение прошлого и трепетное, бережное стремление к будущему.

За Веру, Царя и Отечество шли в бой с врагом наши предки. Это же правило, разбитое, разбитое, уничтоженное временной либерастической властью в России, должно вести по жизненному пути и нас. Это же правило мы должны передать потомкам. Если оно будет вновь осознано и принято нацией, то мы воскреснем. Перебитый центральный нерв восстановится и больше никогда не даст сбоя.

Восстановление нерва осознанием главного правила нации возможно только при условии всеобщего желаяния, предчувствия победы и веры в незыблемость основ. Неукротимое желание жить, работать, созидать не на свое благо, а на благо нации, трудиться не во имя себя, а во имя Отечества. Только честный человек может честно себе признаться — готов ли он отказаться от личной выгоды в этот смертельно опасный для России час?

Чувство чести — нерушимый фундамент, заложенный в русских. Его невозможно разрушить. Идея — это надстройка, а фундамент настолько глубоко врос в отчужденную землю, что он невидим, а потому его невозможно уничтожить. Чувство чести — это ствол центрального нерва. Это непостижимая, недостижимая и несказанная глубина русского народа, который не имеет права на смерть.

Всякий народ знает свои лучшие и худшие качества, поскольку ощущает себя в целом как отдельно взятый человек. Свои лучшие качества русский народ не выставляет напоказ, прячет, а худшие — беззаботно демонстрирует. Вызывающая демонстрация худшего — это некая игра, защита того лучшего, что нельзя разменивать по мелочам.

Пьют все, но пьяницами называют русских.

Побираются, попрошайничают, вымогают, строят из себя бедолаги многие — а нищими называют русских, отдающих последнюю рубаху.

Бед полно у всех народов, а у нас нашли две главные — дураков и дороги. Но только дураки дали миру бесчисленное количество гениев, святых, а дороги России многих непрошенных завели в вечную бездну поражения.

Кто-то не имеет государства и не ведает, что такое победа над врагом, а русские всегда спасали и спасают мир.

И сегодня снова пришла пора спасать. Только для того, чтобы идти в бой, нужно себя подготовить к бою. И плохие и хорошие свои качества нам необходимо любить одинаково и даже возвести их в культ, и тогда — кто знает? — самые худшие качества могут преобразиться, стать основой для таких новых возможностей, что... Кто знает...

Худшие качества русского народа не сформулированы им самим, а навязаны ему со стороны и приняты по доверчивости будто на пробу, для проверки самих себя и дальнейшей переработки.

Скажи здоровому, что он больной, и здоровый будет чувствовать себя плохо, прислушиваться к организму, ждать смерти. Скажи больному, что он здоровый — начнет выздоравливать.

Гневное чувство чести, которое просыпается в момент осознание несправедливости, в момент стыда перед Богом, и создало наше историческое величие, стало тем сокровищем нации, который мы не имеем права растратить, ибо обязаны передать потомкам.

Мы, внуки Святых Победителей Второй мировой, сильные духом, талантом, числом, территорией проживания, природными богатствами — мы не историческая случайность, подлежащая растворению в либерастичеккой кислоте. Мы — закономерный итог, выведенный человечеством из сложных формул своего многовекового пути.

Никто не мог и не сможет совладать с таким народом. Это такой же бесспорный факт, как факт существования леса.

Выруби его весь на корню, а следующей весной на пустом месте взойдет молодая поросль. Могучий, темный, богатый, таинственный лес, в котором каждое дерево — красивое, сильное — всему миру необходимо. Подойдешь поближе, заглянешь вглубь ветвей, как в живые души — березка шелестит тревожно, осина трепещет боязливо, тополь волнуется, ель скрипит, сосна смолой плачет, дуб тяжело вздыхает. Все будто к смерти готовятся, слышится им, что вдали топоры стучат и визжат пилы. И всё в них — сплошные сомнения, горькие предчувствия и печаль. А между тем живы, здоровы, прекрасны и благородны! И без них планете никак, а потому не имеют они права на смерть.

Нам нужно начать безмерно гордиться своей благородной национальностью. Нужно культивировать все свои качества и в основу каждого дня, данного нам для преобразования и исцеления не только себя, но и других, заложить воинствующее чувство чести, которое вело и наших предков к победам.

В этом чувстве есть доля гнева. Наши деды называли его яростью благородной. Блаженного, благого русского рода яростью. Для дьявола нет ничего страшней. Наше гневное чувство чести — ему смерть.

Мы не растратили святое чувство, но и не укрепили его. Скорее всего, ослабили ненадолго, потому что перестали четко осознавать. Откровенно говоря, мы колеблемся духом. А пока мы колеблемся, мы лжем самим себе. Честно жить каждую минуту — большое личное торжество. И пока мы колеблемся, мы не восторжествуем. Пока мы не торжествуем — мы предаем предков и позоримся перед потомками.

ЛИБЕРАЛАМ СНЯТСЯ ТОТАЛИТАРНЫЕ СНЫ

Если взвесить на чашах весов все те проклятия в адрес России и русского народа, какие 24 часа в сутки на протяжении десятилетий раздаются от профессиональных либералов, а с другой стороны — более чем умеренную, в полном смысле кроткую, реакцию на них представителей русского народа, удивляешься одному: как либералы до сих пор еще не перевелись, почему, по слову пророка Давида, «поскрежегав зубами», не исчезли с лица земли? Ведь ясно, как Божий день: незаслуженные проклятия всегда возвращаются на голову проклинающего — так что он вынужден буквально захлебываться от собственной злобы.

Что мы и видим. Некоторыми из записных русофобов уже проклинается «священная корова» либерализма — демократия. Так Артемий Троицкий на страницах «Новой газеты» (№122) в статье «Торжество коматозной демократии, или Смерть и судьба» пишет: «Ну откуда еще взяться таким красавцам, как Путин или Сечин? Реальное большинство выбрало себе подобных, и это естественный отбор... Вывод: да катись она в мусорную корзинку, эта жлобская демократия с ее лукавыми выборами!»

Чтобы доказать несостоятельность демократии, Троицкий приводит тезисы: «...трусов больше, чем смельчаков; темных больше, чем просвещенных; жадных больше, чем бескорыстных; консервативных больше, чем креативных; зависимых больше, чем самостоятельных; послушных больше, чем бузящих; и т.д.» И вот смелый, просвещенный, бескорыстный, креативный, самостоятельный, а самое главное — бузящий Троицкий открывает шлюзы для скопившегося в черепной коробке и уже вспучившего ее потока сознания: *«Своим развитием и всеми своими достижениями (возможно, за исключением эволюции из обезьяны в homo sapiens) человечество обязано меньшинствам... И это аккурат те, кого в нашей стране власти сознательно выжигали, и войны выкашивали весь прошлый век, и остатки которых сейчас выдавливают из страны и*

из активной жизни президентская швондеркоманда. «Большинству» это безразлично и даже «любо» — ведь единственное меньшинство, которое оно готово терпеть, — это воровская начальственная номенклатура. Но это вельможное быдло («меньшинства ведь не обязательно хорошие и полезные) никогда не поднимет страну, а будет тянуть ее только назад и вниз. А спасти ее могут только «враги стабильности» (раньше назывались «враги народа»). Если умные, творческие и бескорыстные люди не окажутся в России у рычагов управления, страна обречена». Весь этот поток сознания можно уместить в одной фразе: поскольку я умен и талантлив, а самое главное, абсолютно бескорыстен, только я и мои друзья можем управлять этой страной, тогда как «вельможное быдло», не говоря уж о простонародном быdle, должно подчиняться, почитая такую возможность за величайшее счастье.

Если это не паранойя, то что же? БСЭ определяет: «Паранойя — стойкое психическое расстройство, проявляющееся систематизированным бредом (без галлюцинаций), который отличается сложностью содержания, последовательностью доказательств и внешним правдоподобием (идеи преследования, ревности, высокого происхождения, изобретательства (по нынешней моде — «креативности». — С.К.), научных открытий, особой миссии социального преобразования и т.д.). Все факты, противоречащие бреду, отменяются; каждый, кто не разделяет убеждения больного, квалифицируется им как враждебная личность. Эмоциональный фон соответствует содержанию бреда. Борьба за утверждение, реализацию бредовых идей непреклонна и активна. Явных признаков интеллектуального снижения нет, профессиональные навыки обычно сохраняются долго...»

Возомнивший себя учителем жизни и спасителем России параноик продолжает свое высокопарное вещание: «Придумал увесистый термин: «дегенерократия». Власть вырождения. И вырожденцев...» Далее Троицкий старается убедить публику, что единственный выход в сложившейся обстановке — «революция меньшинства», и тут же вербует в это меньшинство, не иначе оттого, что оно какое-то до смешного мелкое: «*Прошу не воспринимать изложенное выше как апокалиптическую страшилку. Это не чернуха, это — трезвуха. Причем, с оптимистическим уклоном. Шанс вытянуть репку-Россию из черной дыры безвременья еще, вроде бы, есть. Но это последний шанс. Взяться надо всем, и если сил хомячка уже не хватает, пора браться мышке. Где мышка?! Могучий Мышонок — это ТЫ!*»

Да, полет мысли в этой сверхкреативной «трезвухе с оптимистическим уклоном» просто поражает всякое воображение. А последний пассаж про могучего мышонка в паре с хомячком — про-

сто откровение! Гражданский долг хомячка и мышонка — пойти на приступ Кремля: тотчас умные и бескорыстные воссядут на престоле, а вот уж тогда «быдлу» несдобровать. Разве можно оставлять быдло безнаказанным? А вдруг оно опять восстанет?

В той же «Новой газете» (№121) доктор политических наук из Оксфорда В. Пастухов в статье «Страна на грани нервного срыва» пишет: «В начале «лихих 90-х» гениальный Вадим Цымбурский определил фашизм как восстание нации против попыток вписать ее в непрестижный и дискомфортный для нее мировой порядок на правах нации «второго сорта». Такая «гениальность» граничит с безумием, потому что в таком случае все антифашисты времен Второй мировой войны, в том числе евреи, автоматически превращаются в фашистов. Гитлер строил свой «новый мировой порядок», объявив евреев, цыган, славян и т.д. людьми второго сорта. За одно такое «гениальное определение» фашизма оксфордского доктора можно привлекать к статье за разжигание межнациональной розни. Это надо ж было додуматься! Всякий народ, восстающий против угнетения, — фашист. Следуя своей дикой «логике», доктор из Оксфорда продолжает: «При желании любой ценой закрепиться на окраине «цивилизованного мира» перед Россией встанет выбор между двумя путями: путем компрадорским и путем фашистским». Выбор, конечно, небогатый: если мы не хотим быть рабами, нас объявят фашистами со всеми вытекающими последствиями. Это случай патологический. Если о воплотившемся Боге говорили, что в Нем бес, что удивляться, если православного за одну принадлежность к Церкви именуют фашистом? Именно это делает доктор из Оксфорда: «Вполне возможно, что маятник просто качнется из крайнего левого положения в крайнее правое, не задерживаясь на спасительной умеренной середине. В этом случае новая русская государственность примет форму православного фашизма. Это все равно, как если бы в 1917 г. власть взяли не большевики, а черносотенцы». Большевики, само собой, оксфордскому доктору милей черносотенцев — наверное, хотя бы уже потому, что черносотенцев безжалостно истребляли — расстреливали, вешали, топили, резали, морили голодом. Надо было, видно, еще жестче, но... Сталин все дело испортил.

Пастухов продолжает: «Мы находимся на пороге невиданной культурной контрреволюции. Ревизии подвергается нечто большее, чем «либеральный зигзаг» Медведева и даже плоды горбачевской «перестройки». Под вопросом оказался европейский выбор России...» т.е. в соответствии с прежде сказанным — компрадорский путь «развития». Если Россия дер-

знет сбросить с себя иго западной зависимости — она, по указанному определению, — фашистская страна. Пастухов утверждает, что при сохранении наметившегося вектора развития Россия превратится в «средневековое клерикально-криминальное государство». И кто же это говорит? Человек, представляющий политическую «культуру» туманного Альбиона, без участия которого не обходится ни одна из захватнических войн последних столетий. Именно эта страна более прочих разбогатела на торговле живым товаром (неграми).

Вот как отзывается Пастухов о русской культуре (не иначе, доктора Геббельса начитался): «Это реванш обделенной архаичной культуры, вытесненной на обочину истории, сжатой до размеров «черной дыры», но не исчезнувшей, не растворившейся в небытии, а затаившейся и теперь готовой втянуть в себя всю российскую вселенную».

Наконец, доктор из Оксфорда ставит «диагноз»: «Время, когда политику в России формировало сознание, кончилось. Наступает время подсознательного, если уж и вовсе не бессознательного».

Да, школа доктора Геббельса дает о себе знать! Разве у недочеловеков может быть сознание? У них только подсознательное да бессознательное. Пастухов поясняет свою мысль: «Современное русское подсознание сформировано родовым шоком посткоммунистического общества, провинциальным страхом перед открывшимся ему вдруг и кажущимся враждебным миром, глубоко затаенным комплексом неполноценности, который оно пытается заглушить демонстративным хамством и бахвальством. Это практически идеальный коктейль для фашизма». После таких исполненных «любви» к России и русскому народу речей весьма восприимчивого ученика доктора Геббельса становится понятной подоплека всего опуса. Человек, последовательно, систематически называющий белое черным и черное белым, служит злу. Поэтому всё, что он порицает, является благом для России и русского народа. Называя православных фашистами, он всего лишь грязно ругается и хамит. Подлинные фашисты были безбожниками, каков и сам Пастухов. А православные русские люди 70 лет назад сломали хребет фашизму в битве под Сталинградом. Это было здесь, в сердце России, а не в туманном, пропахшем плесенью, Оксфорде. Россия же не провинция и не «черная дыра» — это сердце вселенной, о чем говорил даже британец Маккиндер. Никакого родового шока у рожденных водою и Духом быть не может — это удел людей безблагодатных, служителей зла.

В тоталитарных снах либералов раскрывается дикая, животная ненависть к России и русскому народу. Злоба настолько их распирает, что они не в состоянии ее скрывать. Но от

них скрыт Божественный закон: чем больше они будут ненавидеть Дом Пресвятой Богородицы, тем скорее придет на них проклятие и погибель (если в прахе и пепле не раскаяются в своем безумии). Чем больше они будут проклинать русский народ и при этом себя возвеличивать, тем скорее русский народ воскреснет из поглощающей его бездны греха, а сами гордецы посрамятся и, «поскрежетав зубами», исчезнут. Участь богоборцев ужасна. Некогда Валаам говорил о народе Божиим: «Благословляющий тебя благословен, и проклинающий тебя проклят» (Числ. 24, 9). Если это было верно во времена Ветхого Завета, то теперь тем более. И не гордые, не хулящие и не проклинающие унаследуют землю, а кроткие, отвечающие с достоинством и без злобы на, может быть, одно из сотни проклятий, и то — из жалости к погибающим.

Евгений ЧЕРНЫШЁВ

ЧТО ТАКОЕ ЕВРОПА И ПОЧЕМУ ОНА ЧУЖДА НАМ

Грядущее возрождение Русской цивилизации невозможно без ответов на самые фундаментальные вопросы, в том числе на вопрос: кто мы? Не ответив на него со всей ясностью, мы не можем рассчитывать на духовное возрождение нашего народа. Мы будем возвращаться к нему снова и снова, и со временем сей вопрос будет приобретать все большую значимость.

К сожалению, до сих пор среди не только отпетых либералов, но и многих простых людей бытует расхожее мнение о нашей еще недостаточной «европейскости», подразумевающее, что мы — захолустье Европы, дикое и непросвещенное, которое непременно должно отдаться на воспитание «цивилизованному миру». Это одержимое стремление втиснуться

«в Европу», пусть даже с полной потерей своей идентичности, исходит из убежденности в том, что существуют лишь одна цивилизация — европейская и лишь одни ценности — европейские, которые, следовательно, всеобщи и универсальны. Этот взгляд готов признать Русь лишь в той степени, в какой она готова раствориться в Европе, ибо Европа для него и есть все человечество, а отказ от «европейскости» равнозначен отказу от статуса человеческого. Об этом много писали наши гениальные мыслители: Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и др.

Но в этой статье я хочу сосредоточиться на том, что такое Европа. Ибо считаю, что нам надо раз и навсегда отделиться от ошибочного приравнивания **цивилизационного** понятия «европейское» и **моральной** оценки «хорошее и правильное». Основанием для этого зачастую служит **географическое** определение Европы, простирающейся до Урала. Смешение этих трех понятийных уровней приводит к путанице и напоминает в буквальном смысле блуждание в трех соснах. Так что же такое Европа?

В Древней Греции Европой сначала называли всю известную землю к западу от Эгейского моря, противопоставляя ее Азии, лежащей к востоку (и по сей день этот полуостров, на котором сейчас расположена Турция (бывшая Византия), называется Малая Азия). Поскольку географические познания вначале были весьма ограниченными, то Эгейское море воспринималось как граница между частями света: в Азии солнце восходило, в Европе — закатывалось. Отсюда и этимология слова «Европа» — страна заката. Со временем же, когда были освоены земли черноморского бассейна, граница Европы была «отодвинута» до Дона (Танаис на древних картах). Почему именно до Дона? Все очень просто: древние греки дальше не проникли, и земли к востоку для них лежали уже за границей «цивилизованного мира». Тогда же и возникло поверье о варварах, живущих к востоку от Европы. Варварами назывались иноязычные этносы, говорящие на непонятных языках. (До сих пор в русском языке живут похожие слова, означающие непонятную речь: «ворковать» — когда влюбленные разговаривают на только им понятном языке; «ворчать» — бурчать что-то неразборчивое; «варнякать» — нелитературное грубое слово, означающее неприятную речь.) Это потом слово «варвар» стало признаком дикости, жестокости, грубости и вандализма. Кстати, слова «вандал» и «варвар» стали синонимами именно потому, что племена вандалов принимали самое активное участие в разорении разложившегося и уже не способного к сопротивлению Рима (IV—V вв.). Эти события впоследствии укрепили представление о том, что восточные племена (варварские по определению) являются непременно плохими. Мол, Европа все-

гда страдала от набегов азиатских варваров, грабивших «цивилизированных европейцев». Итак, в античности граница Европы была «отодвинута» до Дона, ибо греческие поселения распространились именно до этих пределов.

Но античная цивилизация ушла в небытие, а более поздняя западноевропейская, зарождающаяся примерно в IX веке (на этом сходятся крупнейшие мыслители: Шпенглер, Тойнби, Л. Гумилев и др., да и С. Хантингтон пишет об этом прямо), русские земли родственными себе никогда не считала. Наоборот, со стороны Европы для Руси всегда исходила угроза: Польша, Тевтонский орден, Швеция, католическая экспансия папства через Речь Посполитую. Угроза именно потому, что исходила она от совершенно чуждой нам цивилизации. В то время как русский человек беспрепятственно проникал все далее к востоку, обнаруживая самобытные, но близкие по культурному коду этносы, почти всегда исключительно мирно вливавшиеся в Русское государство. Сношения с Европой всегда носили крайне напряженный характер.

Очевидно, причина этого системного противостояния — принадлежность русских к совершенно особой цивилизации, которую точнее называть все же не русской, а евразийской (памятуя о ее полиэтнической структуре) или русско-евразийской (признавая русское ядро). Предвосхищая возможные замечания о размытости понятия «евразийский», отмечу: речь идет исключительно о «внутренней Евразии», ограниченной от остальной Азии с юга цепью гор — от Кавказа через Копетдаг, Памир, Тянь-Шань, Алтай, Саяны и далее до сопок Маньчжурии. Эта северная часть Евразии на протяжении тысячелетий обнаруживала общность судьбы в своем стремлении к объединению (державы хунну, Тюркский каганат, Монгольская империя, Российская Империя, СССР). До поры до времени нам и в голову не приходило называть себя Европой, отрицая свою особую цивилизационную идентичность, а Европе — считать нас Европой, признавая чуждых по духу и культуре равными себе.

Но все изменил Петр. Одержимый идеей сделать из русских европейцев, подражая им во всем, Петр «перенес» географическую границу Европы до Урала, которая с начала XVIII века (от Татищева) теперь там и находится. И во всех учебниках и справочниках так и пишут: восточная граница Европы проходит по Уральским горам. Мы же почему-то соглашаемся с этим, услаждая себя мыслью, что мы-де тоже Европа. Однако неужели кто-то всерьез считает калмыков, татар или ненцев европейцами? Конечно, нет. Необходимо четко осознать: Европа — понятие не столько географичес-

кое, сколько цивилизационное. И в глубине души мы это понимаем, не распространяя **географическое** понятие Европы на наши этносы, принадлежащие к **русско-евразийской цивилизации**. Но тогда вопрос встает ребром: так где же пролегает граница Европы?

На мой взгляд, исчерпывающий ответ на него дан Самюэлем Хантингтоном в его «Столкновении цивилизаций». Понимая всю фундаментальность этого вопроса, он ясно и лаконично пишет: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные христианские народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в четвертом веке и создания Священной Римской империи в десятом. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока; через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Это — культурная граница Европы... **Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие**».

На самом деле так считает практически каждый европеец, не признавая русский народ равным себе. Давайте зададимся вопросом: мы что-нибудь от этого теряем? Самое удивительное, что **абсолютно ничего!** Мы должны понять всю чуждость нам европейской цивилизации и возвратиться к себе домой, т.е. к своей культуре, а не пытаться стать бедными родственниками в этом «общем европейском доме» (так и хочется сказать — «публичном», учитывая тот разврат, в который выродилась Европа). Хватит тешить себя «общечеловеческими» иллюзиями и впадать в грех самоуничтожения, закрепляя **моральное** превосходство за **цивилизационным** понятием «Европа». Русская цивилизация была, есть и будет отличной от западной. Но это наше Отечество, и мы обязаны хранить ему верность.

Пора вылечиться от болезни европоцентризма!

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Надежда **ВАСИЛЬЕВА** (г. Петрозаводск)

ПЛАЧ СИНАЙСКИХ ГОР

Рассказ

Черное небо рвалось на части с оглушительным треском. Вспышки вольтовых дуг, силившихся спаять надменные лбы скалистых вершин, слепили глаза. Казалось, кто-то невидимый, но властный хлещет по горным хребтам мощным кнутом, с яростью пытаюсь расшевелить и выгнать из пустыни вольготно разлѣгшееся здесь стадо каменных буйволов. В горах нарастал зловещий гул. Гул переходил в зычный грохот. Такой уж нрав у этих Синайских гор!

Светлана металась по постели, вся мокрая от ужаса мучавших ее кошмаров. Села на постели, принялась стаскивать с себя шерстяной свитер. Угораздило ее завалиться спать поверх покрывала, да еще в одежде! Теплый свитер трещал над головой, разряжая статическое напряжение. Заряды искрились в темноте и больно щелкали по лицу. Пошла на кухню, включила чайник, нажала кнопку телевизора. Передачи смотрела редко. Но как-то нужно отойти от этого кошмара. Права была бабушка, когда говорила: «Упаси тебя Бог заснуть на закате! Чего только не привидится!»

А по телевизору показывали теракты. «Мигалки», носилки, груды обломков, окровавленные тела... Ее передернуло.

Где там опять что взорвали? Представить страшно! Хорошо еще, что не в нашей стране.

И вдруг... узнала гостиницу «Hilton»! Вся так и подалась вперед. Вот это да! Неделю назад вернулась из Египта. Их экскурсионный автобус стоял у этой гостиницы много раз. Включила громкость. Картинку сняли. Дикторша «Вестей» равнодушно и коротко рассказала о четырех взрывах на побережье Красного моря. Начиненные взрывчаткой машины врезались в корпуса гостиниц среди белого дня. К террористическим актам народ уже настолько привык, что почти не реагирует. Ну, взорвали и взорвали... Вот и сейчас первой мыслью было: «Слава богу! Вовремя уехала!» И тут же схватилась за мобильник. А ребята-то как? Быстро сбросила сообщение. Телефон Самира был отключен. Набрала номер Мустафы. Отправила волнующие вопросы. Через минуту трубка запищала. После каких-то арабских значков пошел английский текст: «Самир в больнице. В тяжелом состоянии». И сразу разобрал нервный кашель, мешая осмыслить прочитанное. Мысли словно играли в чехарду: прыгали, толкались, перебивали друг друга. И всё вокруг одного вопроса: зачем он туда пошел?! И от догадки похолодело всё внутри. Она ведь выслала ему свою авторскую программу английской разговорной речи. А в интернет-баре ближайшей к ним гостиницы, куда он ходил проверять электронную почту, из-за какого-то вируса вышли из строя компьютеры. Вот он и направился в соседний отель. Он ведь писал ей об этом!..

И стало уже не до чая. Снова плюхнулась на кровать. По телу пробежал панический озноб. А что если именно она невольно оказалась причиной его ранения? И глаза стали искать икону Спасителя, что висела на стене спальни в старинном обрамлении. Сухие губы зашевелились в испуге: «Господи! Услышь мои молитвы! Прости и помилуй! Сохрани ему жизнь!!! Пусть у него будет много детей и покорная, любящая жена. И пусть он построит свой дом на плато Гиза». Плакала и молилась, и всё просила Бога за этого арабского парня. Мысли стали понемногу успокаиваться, словно вымолила у Господа согласие подумать...

Мокрые веки слиплись, и она окунулась в туман воспоминаний...

* * *

Верблюд фыркал в самый затылок. Время от времени у него из гортани вырывались какие-то угрожающие звуки. Интересно все-таки, плюются они или нет? Хотя уже было всё равно. Куда деваться? Упрямый бедуин преследовал ее це-

лых два километра. Как ни ругался, как ни убеждал его гид, хозяин верблюда не отставал от нее ни на шаг. Время от времени нудил на ломаном английском свое: «У тебя красивые глаза. У меня хороший верблюд. Возьми верблюда!» Вряд ли он знал на английском что-нибудь еще: когда она его о чем-нибудь спрашивала, он только молча улыбался и показывал на верблюда. На вид ему было около сорока лет. Хотя, кто их знает, этих бедуинов. Угадать их возраст просто невозможно. Вот снова забежал вперед, преградил ей путь, делая рукой какие-то жесты, мол, гора высокая, возьми верблюда! Это что-то новенькое. Покачала головой и продолжала упрямо подниматься вверх по узкой крутой тропе. Фонарик выключила. И так светло. На небе сияла полная луна, которая щедро разбрызгивала свой неземной свет на острые хребты безмолвных Синайских гор. Днем горы казались золотыми, а ночью, в лунном свете, словно покрыты серебром. Согласно одной из легенд, на вершине горы, куда они сейчас поднимались, Господь дал Моисею скрижали с десятью священными заповедями. Тропа, по которой зигзагообразной вереницей тянулась не одна сотня туристов, называлась верблюжьей. И вполне оправдывала свое название. Верблюдов было много, всяких мастей: громоздких, облезлых, старых, с желтыми зубами и какими-то выжившими из ума дикими глазами, молодых, длинноногих, с впалыми боками и довольно милыми вытянутыми мордашками. Ноги то и дело скользили по выжарившемуся на солнечном пекле помёту. Днем у подножия гор температура достигала сорока градусов. Но жара из-за необычайной сухости климата переносилась довольно легко. Оглянувшись назад. Сзади светящаяся цепь фонарей была такой же длинной, как и впереди. Блуждающие огоньки ручных фонариков мерцали пугливыми светлячками. Их группа была уже далеко. Гид, по имени Мамаду, созывая своих туристов, выкрикивал сигнальное слово: «Мамаду!» Она здорово отстала. Быстро идти не могла. Предупреждали соседи по лестничной площадке Олег с Реной, мол, не сходи с ума. Целую ночь «галсами» подниматься на высоту двух тысяч трехсот метров, целый день спускаться по жаре по каким-то козьим тропам. Только разве ее переубедишь! Еще мама говорила: «Таких упрямых, как ты, Светка, свет белый давно не видел!»

И название-то придумали — тропа Покаяния. Все, кто уже ездил на эту экскурсию, уверяли, что спускаться действительно значительно труднее. Остановилась, сдула волосы со лба, осмотрелась. Нет, ради такой красоты стоит помучиться!

И снова этот бедуин машет руками перед самым лицом и бормочет по-английски: «Возьми верблюда! Не десять, пять

долларов!» Остановилась, перевела дух. Вспомнилось предупреждение гида. Очень часто местные жители сажают туристов на верблюда за доллар, а снимают за шестьдесят. В Каире, у пирамиды Хеопса, сама убедилась в дикости местных нравов. Стоило отойти на десять шагов в сторону от группы, как оказалась в плену домогательств чем-то похожего на чёрта бедуина. Настырно всовывал ей в руку белый платок с традиционной тесьмой, приговаривая на английском: «Подарок! Подарок!» А сам уже, рукой-владыкой, срывал кепку с ее головы: «Обмен! Ты — мне, я — тебе!» Вот дает! «Сейчас вызову полицию!» — спокойно, но твердо пригрозила она. И уверенно сняла с его головы свою кепку. Угроза прозвучала внушительно. Ворча что-то себе под нос, бедуин отошел в сторону. Пошел ловить других лохов.

Посмотрела на своего «попутчика». Этот на черта похож не был. Глаза живые, взгляд не прячет. На голове чалма. Длинный серый балахон, на плечах — пиджак современного покроя, который никак не вписывался в его горный имидж.

Дышать было всё больнее. Под правым ребром уже саднило не на шутку. Все-таки верить лучше, чем не верить. Будь что будет! Шутливо погрозила хозяину верблюда пальцем:

— Только пять долларов! По рукам? — и протянула ему руку.

Он понял. Слегка стукнул по ладошке и расцвел, как маков цвет, не в силах скрыть по-детски счастливую улыбку. И вот уже верблюд стоит на коленях у самых ее ног. Вот только как взобраться на него? Покачала головой. И не успела глазом моргнуть, как бедуин подхватил ее на руки и усадил в седло между верблюжьими горбами. Мама родная! Верблюд стал нехотя подниматься с колен. Сто раз прокляла себя за мягкотельство. Вечно уговорится на какую-нибудь авантюру!

Окинула взглядом горные вершины. Подумать только! Ни дерева, ни травинки! Смотришь на эти безмолвные громады, и чудится сказочная музыка. Словно тысячи сдержанных голосов мычат, не открывая рта. Что ни говори, а есть что-то особенное в этой стране. Смотришь на тени Синайских гор и кажется, что здесь время останавливает свой бег. Нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее, которое вечно, как эти Синайские горы.

Верблюд оступился, качнул горбами в сторону пропасти. Mamochki! И сразу душа ушла в пятки.

— Остановите его! Дайте я слезу!

— Нет проблем, мадам!

Знай, похлопывает своего верблюда по бочине. Тот важно выбрасывает вперед копыта. А навстречу — его собратья. Этого только не хватало! Стали переругиваться. Боже! Что за

звуки! Сколько в них упрямой злости! Видно, спорят, кому уступать дорогу. Еще кусать друг друга взялись. Люди добрые! Когда закончится эта пытка!

— Остановите! Прошу вас! Я боюсь!

— Нет проблем, мадам! Глаза красивые. Верблюд хороший. Всё оккей!

Ну что с ним будешь делать?!

Хозяин хлопнул верблюда по задней ноге. Тот ускорил шаг. Впору было взвыть от страха. Но вместо этого пристыдила себя. Сиди, не вой! Сама виновата. Перед тем, как поехать по путевке в Египет, хвасталась друзьям: «Взять да хоть раз в жизни на верблюде покататься!» Мысль материальна. Вот и ёрзай теперь между горбами. Кричи — не кричи, бедуин с верблюда не снимет, пока не довезет до места, от которого начинают свой отсчет семьсот сорок крутых ступеней.

Покосилась на хозяина верблюда. Тот улыбнулся. Снял пиджак, протянул ей. Джентльмен, однако. Отвела его руку. Показала на свитер, которым была обвязана поясница. Их предупреждали, что на вершине будет градусов десять, не больше. На одной из гор светился огонь. Мамаду объяснял, что это хижина бедуина-отшельника. С ума сойти! Как тут жить одному в этом каменном мешке? И главное, нет ни капли воды. Последний дождь здесь был восемнадцать лет назад. Облака — и то редкое явление. Сзади раздался голос какой-то девушки на английском: «Как они здесь живут? Если бы мой муж заставил меня жить в этих горах, я бы удавилась на третий день!» Усмехнулась, взглянула на звезды. Звезд здесь мало. Созвездия те же, да повернуты не в ту сторону и, вроде, ярче, крупнее размером. И вдруг охватила какая-то гордая радость. Бог ты мой! Кто бы мог подумать, что она когда-нибудь увидит Синайские горы! Прокатится на верблюде! Будет плавать в Красном море с маской на лице, и фотографировать клумбы кораллов, фантастических рыб, а каких «ни в сказке сказать, ни пером описать!» Египет всегда казался «концом света». Древние пирамиды видела на обложке старого учебника истории, который почему-то всё хранила мать. И вдруг она здесь, собственной персоной. Не в фильме, наяву видит арабских женщин, в черных одеяниях по самые глаза. Хотя в черном облачении ходили не все арабки. У некоторых лицо было открыто, но обвязано платком, плотно прилегающим ко лбу и щекам, так, чтобы не было видно на голове ни единой волосинки. Голыми были только пальцы рук. Все остальное скрывалось под плотной материей. Купались, не раздеваясь. Это выглядело так нелепо на фоне донельзя открытых купальников «нашенских заморс-

ких красавиц», у которых вместо плавок треугольник спереди и перпендикулярная полоска сзади. Хотя бабушка надвое сказала: для кого и что кажется нелепым. Вон, с каким неподдельным интересом наблюдает за ней этот бедуин. Она для него тоже экзотика. Белокурая, коротко остриженная женщина с голубыми глазами, верхом на верблюде. Так что всё в этой жизни относительно.

Вот, наконец, и последняя стоянка. Верблюды опустили на колени и лег у широкой скамейки. Ей не составило труда соскочить с седла. Отдала обещанные пять долларов. Бедуин улыбнулся, сверкнув угольками глаз:

— Хороший верблюд?

— Хороший! — кивнула она. — Правда, немного сумасшедший.

И все же спасибо.

Теперь предстоял подъем на вершину высотой в семьсот сорок ступеней. Попила чаю, взглянула на гору и принялась штурмовать последнее препятствие. Впереди и сзади, также тяжело дыша, шли незнакомые ей люди. Конечно, путешествовать одной «не в кайф». Рена с Олегом в Египте уже восьмой раз. Их экскурсиями не прельстишь. И в автобусе из их гостиничного комплекса она тоже была одна. Остальные туристы — из пятизвездочного отеля «Hilton». Не отель, дворец! И море через дорогу. Хорошо, конечно, но дорого. От их отеля до моря полтора километра. Каждый час от гостиницы до пляжа курсировал бесплатный автобус. Не очень удобно, но зато путевка значительно дешевле. Комплекс еще только достраивался. Кое-где велись строительные работы. Пальмы на территории посажены, судя по всему, совсем недавно, так как их кроны были заботливо укрыты от лучей палящего солнца каким-то материалом. Но кустарники цвели шикарно. С раннего утра их старательно поливали из шлангов молоденькие арабские парни в зеленых спецовках. Они украдкой бросали косые взгляды на полуобнаженных женщин, которые купались в бассейнах с голубой водой. Глядели с неподдельным восторгом, как на молодых, так и на старых женщин. Мужчин среди отдыхающих было мало. На группу в сорок человек — четыре редкостных экземпляра. Два добротпорядочных мужа, старик преклонного возраста и шестнадцатилетний паренек, стесняющийся своей властной мамы. Молодым девчонкам — лафа. Каждый шаг под прицелом горящих черных глаз. Хотя провожают взглядами не только молодых...

Интересный народ эти арабы. Вот почему, к примеру, воду и фрукты в гостиничный комплекс вносить не разрешается?

Нарушение прав человека, причем нарушение чистой воды! В завтрак напитки предлагались бесплатно, а в ужин — извольте раскошелиться. Смешнее — не придумаешь. Накормят до отвала всякой перчёной и слащёной всячиной, а «водопой» — за дополнительную плату, по ресторанным расценкам. Наши мужики, все как один, сразу уподобились египетским верблюдам. Два стакана соку до еды, три — после, и никаких проблем на все двадцать четыре часа. А у кого «сбудуна засуха» — холодильник забит подпольной «минералкой». Какие запреты в силах остановить русского человека, когда он хочет пить? Может, с законопослушными немцами этот фокус у арабов и удавался, но не с нашим российским братом. Еще диву давалась на тот факт, что у каждого здания, в котором всего шесть номеров, день и ночь сидит полицейский в синей униформе. Мило улыбается и, как попугай, на все случаи жизни твердит одну и ту же заученную фразу: «Как дела?» Кого или от кого здесь охраняют?

Прежде чем взять путевку в Египет, порылась в интернете. О местных жителях в туристических агентствах давалась такая информация: «Если позволишь себе пообщаться с египтянами, выпить с ними чай каркаде в пропахшем восточными ароматами магазинчике Шарм-эль-Шейха, если посмеешься с ними, нормально реагируя на их не в тему брошенные шутки, списав всё на культурные различия, они раскроются тебе, как дети, и расскажут больше, чем положено знать обычному туристу. И тогда ты узнаешь, что Египет — это не только пирамиды и море».

Откуда-то из темноты раздался жалобный голос на английском:

— Мадам! Помогите! Дайте, пожалуйста, руку!

Это кому? Ей, что ли? Прервала мысленную чехарду, остановилась, внимательно пригляделась к пареньку с кинокамерой на груди, который сидел в стороне на камне.

— Что случилось?

— Не могу подняться, ноги болят.

Довольно приличный английский. Фонетика у многих арабов очень страдает. Произносят слова так, как в немецком языке, то есть следуя написанию. А ведь в английском есть большая «закавыка» по принципу: «пять» — пишем, «три» — на ум пошло. Руку, конечно, подала. Манера его обращения к ней пришлась по душе.

— Вам, синьор, обязательно на самую вершину?

— Да, конечно! Мне для рекламы нужно снять фильм о восходе солнца.

— Вы на этой экскурсии впервые?

-
- Да, мадам.
- Тогда вы очень легко одеты. Вас что, не предупредили, что в горах ночью холодно?
- Ничего. Днем отогреюсь.
- Разговаривали и подтягивали друг друга за руку. Таким образом подниматься было значительно легче.
- А вы откуда?
- Из России.
- Впервые встречаю российскую девушку, которая так хорошо говорит по-английски.
- Благодарю за комплимент, однако я не столь молода, как вам кажется.
- А сколько вам лет?
- Два дня назад стукнуло сто пять. А вам?
- Двадцать восемь. Как вас зовут?
- Терпеть не могла этого вопроса! Но и не ответить тоже было нельзя: «экий секрет»!
- Светлана. — Отчество опустила, знала, что иностранцам его не выговорить. — А вас?
- Самир.
- Очень приятно. Вы оператор?
- Нет, юрист. Но у нас юристы получают очень мало. К тому же я только закончил университет. Опыта работы никакого. А съемка любительских фильмов для туристов дает неплохой дополнительный заработок.
- Вы женаты?
- Что вы? Я еще далеко не обеспеченный человек.
- А что, жениться может только тот, кто хорошо обеспечен?
- А как иначе? Как же содержать семью? Редко кто из наших женщин работает. Разве вы видели в сфере обслуживания арабских женщин?
- Задумалась. А ведь правда. И в ресторане, и в номерах, и на территории гостиницы, и на пляже — одни молодые мальчишки в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти.
- В какой гостинице вы живете?
- Пусть это будет моим маленьким секретом, — шутливо похлопала она его по плечу.
- Почему?
- А для чего вам это знать?
- Я вас найду!
- Этого мне только не хватало!
- Мне очень нравятся ваши глаза. Они умные и добрые.
- Вам так кажется в темноте. С рассветом это впечатление рассеется, как утренний туман.
- А голос? У вас очень приятный тембр. Он просто завораживает!
-

Боже мой! И этот туда же!

— Я знаю несколько русских слов.

— Да? Каких?

— «Как дела?», «Хорошо!», «Как тебя зовут?», «Здрасти-мордасти!», «Гуси-гуси! Га-га-га! Есть хотите? Да-да-да!»

Он намеревался произнести еще одну фразу, что-то про Новый год. Она догадалась, какую, поморщилась и подняла руку, словно хотела защитить себя от этой пошлости.

— Достаточно!

— Почему?

— Вас наши туристы учат не самым хорошим оборотам речи. И вы повторяете за ними всякую ерунду, которую они произносят смеха ради.

— А что означает по-русски «Ни хрена не надо!»?

Поморщилась. Отвернула голову в сторону.

— Пощадите мои уши!

— Понял! Это очень плохо? — Он явно забеспокоился. — Я заметил: стоит мне только произнести эту фразу, как русские девушки тотчас отходят в сторону и не хотят со мной больше разговаривать.

— Зато учитесь говорить культурно. Не на «ты», а на «вы».

— Как это?

— Не «тебя», а «вас»! Понятно? — сказала по-русски.

— Непонятно! — перешел он на русский. — Почему? Ты ведь один?

— Я одна.

— Как ты сказал?

— Повторяю. Не «ты», а «вы». И будет это звучать так: «Как вы сказали?»

— Как вы сказали? — послушно повторил он.

— Вот это уже другое дело! — И снова стала объяснять по-английски: — В русском, как и в немецком, есть «Du» и есть «Sie». Нужно чувствовать эту разницу.

Отчитывала, как школьника, а в глазах прыгали шаловливые зайчики. У него во взгляде было столько восхищения, что вот-вот защелкает языком. И снова на хорошем английском:

— Только, пожалуйста, не сердитесь на меня! Не уходите! Я этого не знал! Меня так учили русские туристы. Я все записывал. Я с собой ношу тетрадь. Научите меня говорить правильно. Мне это очень важно!

Он лопотал по-английски быстро и довольно прилично. При этом ладонь его была прижата к груди. И трудно было понять: то ли умоляет, то ли защищается. О, Господи! Как легко ее схватить за язык! А, впрочем, жалко ей, что ли?

— Я еще неделю буду жить у друга. Он торгует на пляже в парфюмерном ларьке, рядом с немецким пляжем. Его напарник уехал к семье, в отпуск. Замену в этот сезон найти трудно. А одному сидеть в магазине, как собаке на цепи, тоскливо. Вот он и попросил меня поработать вместе с ним. И на экскурсии отпускает, чтобы материальный интерес был.

Он продолжал ей что-то рассказывать открыто, откровенно. Но она уже не слушала, вдыхала густой воздух лунной ночи и растворяла мысли в какой-то прострации. Машинально держались за руки, помогая друг другу взбираться на массивные плиты древних каменных ступеней. Потом он стал расспрашивать ее о впечатлениях от Египта, об экскурсиях, на которых удалось побывать. Расспрашивал деликатно, не повторяя вопросов, которые она блокировала молчанием.

На смотровой площадке было некуда ступить в прямом смысле этого слова. Повсюду на тюфяках лежали измотанные подъемом люди, закутанные в теплые верблюжьи одеяла. Все ждали рассвета. Но солнце не очень торопилось появиться, хоть золотые пики гор снизу уже подсвечивались розовым светом.

Самира колотил озноб. Еще бы! Ей было холодно в свитере, а на нем одна белая нейлоновая рубашка, сквозь которую просвечивала смуглая кожа. И все-таки чертовски красивые эти арабы! Нет, не те, что явно южноафриканского происхождения, по мимике и жестам похожие на мартышек. А вот эти, европеоидной расы, степенные и гордые, как сами Синайские горы, что молча возносят свое достоинство к безоблачному небу.

Взглянула на часы. Пятнадцать минут шестого. Солнце взойдет ровно через час. Как хочется куда-нибудь присесть и спрятаться от этого пронизывающего ветра. Не успела подумать, как к ней подскочил бедуин, предложил купить тюфяк и одеяло. Похоже, деньги здесь привыкли делать даже из воздуха. Главное, оказаться в нужную минуту, в нужном месте, с нужной услугой. Паломники предусмотрительно подвинулись. Вот уж воистину будет сказано, что при желании одним куском хлеба можно накормить весь род людской и одним одеялом укрыть весь мир. Пока она устраивалась в заветерье, Самир, обхватив себя за плечи руками, уже чуть не лязгал зубами от холода.

— Садитесь! — махнула она ему рукой. Дважды приглашать его было не надо. Прижался спиной к ее теплой спине. Про себя усмехнулась: друзья по несчастью. — Может быть, купить одеяло?

— Нет! — брезгливо замотал он головой и шепотом пояснил: — Смотрите, какие они здесь грязные.

— А не заболете?

— Нет, днем отогреюсь, — снова заверил он. — Как только солнце взойдет, сразу теплее станет. Вы уже задумали желание? Желание того, кто встретит рассвет на этой горе, всегда исполняется.

А ей вдруг в голову возьми да «втемяшья» какая-то дикая сумасбродная мысль: как хочется любить и быть любимой, пылко, страстно, бескорыстно, как, может быть, наверное, только в ранней юности. Когда в свете луны всё вокруг приобретает сказочное очертание, и целый мир может запросто уместиться в придорожной лужице; когда все обыденные слова звучат, как магические заклинания. Боже! О чем я? Мне уже пятьдесят! А может быть, не «уже», а «еще»? Это звучит куда оптимистичнее: «Мне еще только пятьдесят!»

Смотровая площадка, словно нечаянно подслушав ее мысли, «взорвалась» аплодисментами. Из-за горных хребтов появилось розовое темечко заспанного солнца. Самир застрекотал камерой. Гулко хлопнула бутылка шампанского. Зачмокали радостные поцелуи. Толпа паломников суетливо зашевелилась, качнулась в сторону спуска, на тропу Покаяния. Самира окликнул гид. Она протянула ему руку.

— До свидания, молодой человек! Мир тесен. Благодарю за компанию. Вы мне очень помогли.

Он тоже хотел что-то сказать, но, оглянувшись по сторонам, не решился. За ними следили десятки любопытных глаз. Махнула ему рукой и стала быстро спускаться. До условленной встречи их группы на верхнем привале времени было много. Тропа Покаяния петляла причудливыми зигзагами: то пугала крутизной, то преграждала путь острыми зубьями камней, а то вдруг пряталась под громоздкие навесы скал, вызывая недоумение и тревогу. Словом, сосредоточить внимание на собственных грехах возможностей было не много.

И все же момент покаяния наступил. Сама ситуация, как говорится, ударила «под дых». Камни были скользкими, отшлифованными тысячами ног. Спускалась осторожно, придерживаясь за каменистые выступы. Не семнадцать лет, чтобы беспечно прыгать с камня на камень, бравидуя ловкостью и бесстрашием. Время от времени пропускала молодежь вперед. Пусть скачут. Ей спешить некуда.

— Эй! Бабуля! Или шевелись, или отползай в сторону! Нам некогда твою панамку разглядывать!

Развязный фарс парня резанул. Внутренне содрогнулась, хотя и не сразу поняла, что это относится к ней. А когда, наконец, дошло — сжав самолюбие в кулак, пропустила пошлую реплику мимо ушей. Бровью не повела в его сторону.

Только подумала: «Облагоразумь его, Господи! Ты всем нам судья, не я!» Не успела произнести, как раздался пронзительный женский крик. Парень, который нагрубил ей, осту-пился и упал коленями на острые камни. Видит Бог, не жела-ла ему зла. Но замечала не однажды, стоило кому-нибудь ее обидеть, возмездие не заставляло себя ждать. Неужели так велика сила прощения?!

Остановилась перевести дух. На всякий случай отошла в сторону с тропы, чтобы не разрывать людской цепочки. Од-нако та все-таки разорвалась. Туристы, как по команде, зас-тыли на каменных плахах, откуда послышалось пение. Все, как один, закрутили головами, отыскивая источник стран-ного звучания. Многочисленные взгляды сфокусировались на выступе скалы, где на коленях стоял древний бедуин и бил поклоны в сторону солнца. Молитва лилась дивной песней, каждый звук которой эхом отражался от скал и какое-то время метался внутри каменного колодца, пока, наконец, не устр-емлялся в безмолвие высокого южного неба.

Внизу уже отчетливо был виден монастырь Святой Екате-рины, что был выстроен у самого подножия горы. В расще-линах скал стали попадаться какие-то пахучие растения. Запах был очень знакомым. Что же он напоминает? Гид Ма-маду словно прочитал ее мысли. Спустился в расщелину и сорвал несколько листиков странной травки. «Это ладан!» — протянул он ей благоухающий пучок. Бог ты мой! Кто бы мог подумать! Осторожно убрала ладан в сумочку, прижала меж-ду страницами записной книжки.

Древний православный монастырь уже, видно, привык-ший к бесконечным толпам туристов, встретил непривыч-ной для северных монастырей духотой. И было уже не до эк-скурсии, хотелось скорее сесть в автобус. Но куст Неопали-мой Купины долго не отпуская ее внимания. Никак не вери-лось, что это живое растение было посажено еще в тринадца-том веке до нашей эры. Нижние ветки и листья были ободра-ны любопытными туристами. Хоть, если верить словам экс-курсовода, даже ученым не удавалось размножить это «чудо». Куст возвышался над каменной кладкой, очень похожей на огромную бочку. На миг представила пустынный двор мона-стыря, пылающие ветви Купины, изумленного пророка Мо-исея и проникновенный голос Господа с небес: «Сними обувь свою. Земля, на которой ты стоишь, священна!» Обвела взглядом Синайские горы. Они гордо поблескивали на сол-нце своими золотистыми вершинами. Да и как тут не возгор-диться: ведь именно здесь Моисею от Бога были даны свя-щенные заповеди для всего человечества.

Вечером, лёжа в постели после принятия теплой расслабляющей ванны, почему-то вспоминала не золотое, а серебряное свечение Синайских гор в лунном свете. И широко распахнутые карие глаза Самира. Зачем была дана ей эта встреча? Чтобы окунуться в воспоминания блаженных дней юности?

Во сне всё играла с какой-то собачкой. Та лизала ей руки, обхватывала лапами ноги, не позволяя уйти. Собака — друг. Сонники изучила тщательно, потому что зачастую сны снились вещие. Перед смертью мамы, например, приснилась грузовая машина с откинутыми в стороны бортами. Повсюду на снегу лежали еловые лапки. А к ним в дом молчаливо шли солдаты с лопатами. Она всё пыталась загородить им путь: «Вы куда? Мы вас не приглашали!» Но они обходили ее. Последним шёл пожилой офицер с трубой, на которой выводил похоронную мелодию. Она растерянно замолчала, опустив руки. А он остановился возле нее и поцеловал в лоб.

Вспоминать о похоронах мамы было до сих пор тяжело. Нужно переключить мысли на что-то другое. Ах, да! Сон! Собака — друг. Кто бы это мог быть? Рену с Олегом, что жили в соседнем номере, к категории друзей отнести не могла. Так что приснившаяся собака оставалась загадкой.

На завтраке соседей не было. На пляж поехала одна. Разделась до купальника и шла по песку вдоль берега. В движении загар ложится ровнее. Смотрела на воду. Иногда волны добегали до ее ног. От прохладного их прикосновения по всему телу разливалась какая-то нега. Как хорошо, когда тебя никто не знает. Для всех ты «летучий голландец», туманный и призрачный. И вдруг услышала отчетливо: «Света!!!» Замедлила шаг, но головы не повернула. Она была уже далеко от русского пляжа. Это территория немецкого пансионата.

— Света!!!

Неуверенно обернулась. Навстречу спешил вчерашний знакомый Самир.

— Молил Бога увидеть вас снова! Как я рад! А вы?!

— Я тоже! — не соврала.

Остановился в шаге от нее, протянул руку.

— Как вы? Как ваши ноги после такой утомительной экскурсии?

— Ничего. Как видите, хожу.. — И расплылась в улыбке. — А вы? Не заболели?

— Нет! Пил чай с медом. Не хотите зайти в наш магазин? Он рядом. Мы там с другом вдвоем. У нас не жарко, работает кондиционер.

Светлана кивнула и послушно пошла за ним.

Магазинчик был маленьким, метра три на четыре. На полу мягкий ковер. Возле стен два диванчика. На застекленных

полках красивые сосуды с парфюмерными маслами, от которых исходил какой-то магический запах. Стены за полками все в зеркалах, которые удваивали и без того богатый выбор. Друга звали Мустафой. На вид они с Самиром были одного возраста. Мустафа любезно предложил ей присесть. Поставил на спиртовую керосинку чайник с водой. Внимательно изучал ее черными блестящими глазами.

— Вы прекрасно говорите по-английски. Русские редко так владеют английским языком. Научите нас говорить по-русски. Мы уже купили два самоучителя и диск. Нам это очень нужно для работы. Русских туристов всё больше и больше.

— Ну что ж, покажите учебник.

Почти неделю она учила «друзей-арабов», как окрестили их Олег с Реной, русскому языку. И те уже довольно бегло читали по учебнику тексты с длинными словами, старательно подражая ее произношению и интонации. «Это студентка, а это преподавательница. Это студентка или преподавательница? Это не преподавательница, это студентка». Особенно хорошо получалось у Самира. Его приятель, Мустафа, большого рвения к русскому языку не проявлял, хоть и спрашивал отдельные фразы. Он был женат на шотландке и говорил по-английски в совершенстве. Самир справа налево делал записи в общую тетрадь.

— «Зайди в наш магазин!». Верно? Правильно говорю?

Она покачала головой.

— Во-первых, не «зайди», а «зайдите». Во-вторых, «пожалуйста». Привыкайте к вежливости! В-третьих, не «мой магазин», а «наш магазин». Вы ведь не хозяин магазина? — Он смущенно покачал головой. И даже стало его жалко. Что накинулась на парня? Нужно сменить интонацию. — Вы весьма приятный молодой человек, вам необходимы такие же приятные манеры общения с людьми. Правда?

— Да, конечно. Мне этому необходимо научиться.

Посмотрел на нее, улыбнулся и вдруг закрыл лицо рукой.

— Не смотрите на меня так пристально. Мне трудно выдержать ваш взгляд!

Шутит или серьезно?

— Вы откуда родом? Где живут ваши родители?

— В пустыне Гиза. Мои родители бедуины. У нас большая семья. Шесть братьев и пять сестер. — И снова покраснел. Вот ребенок!

В магазин зашли покупатели. Взгляд парня растерянно заметался. Ему так не хотелось прерывать с ней разговор, но работа обязывала. Она встала.

— Я прошу вас, если это не трудно, придите еще. Я так хочу научиться русскому языку.

Она кивнула и подняла руку вверх. До встречи. Его о чем-то спросили. Он повернулся всем корпусом на вопрос, а глаза провожали ее восхищенным взглядом.

Придя в номер, в ванной долго разглядывала себя в зеркале. За лето на даче прилично загорела. Под жгучими лучами египетского солнца загар приобретал красивый бархатный оттенок. И очень была к лицу короткая стрижка крашенных под золото волос. Морщин на лице еще нет, даже под глазами. Тело словно сбитое, кожа упругая. Сказываются жаркие банные процедуры с березовым веником и нырянием в снег. Есть, конечно, некоторая излишняя полнота, но фигуру особо не уродует. Кстати, за дорогу прилично похудела. Путь не близкий. Поездом до Москвы четырнадцать часов. День скитанья на вокзале. Ночь перелета. Три дня акклиматизации. Всё на пользу. И, главное, в глазах никакой заботы, никакой привычной «запаренности».

В тот день она пообещала Самиру и Мустафе, что как-нибудь после ужина придет с гитарой на берег моря с соседями, молодой парой из Москвы, Олегом и Реной. Но получилось это только через несколько дней. Самира застали они на пляже. Он сидел на лежаке, обхватив плечи руками, и тоскливо смотрел на лунную дорожку, что пугливо дрожала на темной воде. Надо было видеть ту радость в его глазах, когда она окликнула его по имени. И, тем не менее, ни одним жестом, ни одним суетным движением не выдал своих эмоций. Спокойно поднялся, подал каждому руку и кивком головы указал на столик у самой воды с тремя плетеными стульями вокруг. Заказал всем пепси и кальян. Они выставили на стол пиво, соленые орешки. Покуривая кальян, она некоторое время, молча, смотрела на море. Никакого кайфа от курения не испытывала. Может, потому что в жизни никогда не держала сигареты во рту. Самир, искоса, с каким-то незнакомым удивлением, разглядывал ее. Стоило их взглядам встретиться, он тут же опускал лицо, словно хотел спрятать в песок свое смущение. Ах, да! Она в белом брючном костюме и с пышной прической. Он впервые видел ее такой. Вчера она была в голубой панамке с большим козырьком и в марлевом платице-раскидайке. И панамка, и платье, и даже резиновые тапочки, которые купила специально, чтобы не поранить ноги о кораллы, были одного цвета, цвета морской волны. В таком наряде ее, действительно, можно было принять за девчонку. Он, конечно же, не поверил, когда она строго сказала, что ей пятьдесят, засмеялся, принимая всё за шутку. «Вчера вам было сто пять. Сегодня — пятьдесят. За ночь помолодели вдвое. Но глаза выдают ваш истинный возраст!» —

«Сколько, по-вашему, мне лет?» — не удержалась от банального женского вопроса. — «Тридцать пять. Не больше. Моей маме пятьдесят два. Она выглядит вдвое старше вас». — «Значит, считаете меня своей сверстницей?» — «Нет! Я немного моложе. Но это не играет абсолютно никакой роли...» Теперь она опустила взгляд. Ничего себе! «...не играет никакой роли!» Одного года с ее сыном! Только сын — худенький. Самир же, на вид, выглядел значительно плотнее и потому старше. — «А что, в вашей стране правда разрешено иметь четырех жен?» — Решила направить разговор в шуточную колею. — «Да. Если позволяют доходы». — «И вы, молодой человек, собираетесь иметь четырех?» — «Нет! — почему-то испугался он. — Я не богатый человек. Мои родители — жители пустыни. Кстати, я там строю дом. Когда построю, тогда смогу жениться. Но стройка очень затягивается. Не хватает денег. Только накоплю на цемент, прихожу в магазин, а цены подскочили вдвое. Опять пролетел!» Он рассказывал ей обо всем так вдохновенно, что она невольно улыбнулась. И как только он заметил на ее лице улыбку, тотчас замолчал и закрыл глаза руками. Опять засмутился, как малый ребенок.

Вот и сейчас ему никак было не выйти из каких-то комплексов. Его явно напрягали Олег с Реной. Олег смотрел на него с надменной усмешкой. А Рена кокетливо строила глазки. Терпеть не могла напряженки! А потому взяла в руки гитару, стала настраивать струны.

— Спой мою любимую, — шепнула Рена.

Пела, глядя на темные волны, которые лениво накатывались на берег, приглаживая песок. Боковым зрением видела, с каким восхищением смотрит на нее Самир, но взглядов ему не кидала. Зачем искушать парня? В баре выключили музыку. Теперь уже ничто не мешало ее голосу очаровывать тишину гармонией стихов, мелодии и чувств. Спела несколько песен и отложила гитару в сторону. Олег с Реной кивнули друг другу, поднялись и, взявшись за руки, пошли по воде вдоль берега. Самир осторожно коснулся пальцами ее руки.

— Я очень ждал тебя! И очень скучал! Много раз поднимался по ступенькам на трассу и с той, и с другой стороны пляжа. Но тебя нигде не было видно. Подумал, ты уехала, и я никогда не увижу тебя больше! Ты знаешь, как мне стало тяжело!

Она только вздохнула и ничего не ответила. Поднялась, сняла шлепанцы и пошла по воде в сторону отвесной скалы, под которой пряталась большая тень. Он говорил с ней на «ты». И ей уже было ничего с этим не сделать.

Самир тоже снял обувь, засучил по колено джинсы и пошел рядом. Ей под ноги попал плоский камень, покрытый

скользкой тиной. Она поскользнулась и тихо ойкнула. Самир быстро подал ей руку и больше не выпускал ее ладонь из своей. Теперь он молчал, будто весь растворился в ее мягкой руке. А ей вдруг показалось, что ей шестнадцать. И что первый поцелуй еще впереди.

— Светлана! — Она вздрогнула, взглянув на небо, словно громкий окрик раздался оттуда. Перевела взгляд на темную скалу. Испуганно освободила руку из ладоней Самира, заторопилась назад. Это был голос Олега. — Мы в гостиницу. Ты с нами?

— Да, конечно! — обернулась на Самира. — Самир, мы в гостиницу. Ты проводишь нас?

Он кивнул, не поднимая глаз. Олег с Реной шли впереди шага на четыре. Взявшись за руки, по-пионерски маршируя, шутливо напевали «Взвейтесь кострами синие ночи...»

Навстречу то и дело неслись какие-то машины, освещая их бешеным светом фар. Вот одна из машин резко затормозила. Им что-то крикнули по-арабски. Самир быстро перебежал дорогу. Она сначала остановилась. Интересно, кто бы это мог быть? Такси? Друзья? Скорее всего, они. Вот машина погасила огни. Самир не подходил. Странно. Она заторопилась догнать Олега с Реной. На душу лёг какой-то неприятный осадок.

— Что это наш арабский друг исчез по-английски? — насмешливо произнес Олег. — А впрочем, это в их стиле. Нельзя верить ни одному слову. Глазом не моргнут — продадут и выкупят. И главное, с самой очаровательной улыбкой. Он тебе хоть что-нибудь сказал?

Светлана покачала головой.

— Может быть, что-то случилось? Не берусь сказать за всех арабов, но эти двое парней внушают доверие.

— Они такие, какими мы хотим их видеть, — усмехнулась Рена. — Главное, угодить клиенту. Вся страна живет туристским бизнесом. — По всему было видно, что девушка озвучивала мысли Олега. Тот сразу закивал:

— Вот-вот! Мы здесь уже восьмой раз. По приезду даю мальчишке, который убирает в номере, пять долларов. И уж он из кожи вон лезет. Каких только лебедей мне из полотенец не накрутит! Ох, чувят они свою выгоду! Интересы ради загляни в интернет. Там много чего написано про этих любвеобильных!..

— Самир с Мустафой тебе прямо в рот дышат, — многозначительно переглянувшись с Олегом, добавила Рена. — Кто бы еще их бесплатно стал учить читать?

— Они хоть догадались тебе на день рождения за это духи подарить?

Олег явно перегнул палку. И Рена перебила его, заглаживая неловкую ситуацию.

— Кстати, хочу у них завтра масло купить, «Клеопатра». Бросаешь одну каплю в ванную, тело пахнет всю ночь.

На том и простились.

* * *

Олег с Реной выглядели идеальной парой. Он был очень похож на артиста Олега Янковского. Ни дать, ни взять — родной брат, только чуть пониже ростом. Увидев его впервые в самолете, Светлана долго приглядывалась, пока точно не поняла — нет, не он! Красивый, статный, он привлекал многие взгляды. В больших глазах чуть насмешливая улыбка. Долгое время Олег служил в органах Федеральной безопасности, а каждая профессия, как известно, накладывает яркую печать на человека, скрепляя воедино привычки, мысли, чувства и даже внешний облик. Рена была моложе лет на пятнадцать. Рядом с ним она выглядела очаровательной школьницей. Худенькая, изящная, с кукольными изумрудными глазами (как только они носят эти линзы?!) и большим красивым ртом. Она была похожа на инопланетянку и поражала своей необычностью во всем: от неуверенной походки до манеры говорить как-то по-особому, через нос. Она носила кургузые короткие юбочки, прозрачные топики на бретельках. В каждой мелочи был свой шарм: в рыжеватых очках, в жемчужных шлепанцах на замысловатом каблучке, в плетеной сумочке, что небрежно висела на худеньком плече. Когда они гуляли по городу втором, арабы, подмигивая Рене, шутили: «Твой мама — наш большой друг!» На что они с Олегом добродушно посмеивались и грозили Рене пальцем: «Вот возьмем завтра и удочерим!». Сначала Рене это нравилось, но потом Светлана стала замечать какую-то отчужденность с ее стороны. А потому старалась реже примыкать к ним во время купанья. Тогда обиды начал высказывать Олег: «Гнушаетесь нашей компанией?» И даже на отдыхе ты кому-то чем-то обязан! Уходя к «друзьям-арабам» в магазин, все время оставляла пакет с вещами на лежаке. И как-то получила выговор от соседей по пляжу, мол, где вы так долго пропадали, мы беспокоились за вещи. Будто она просила кого-нибудь сторожить ее вещи! А вещи-то, вещи... маска с трубкой да пляжное полотенце. Вот ё-ка-лэ-мэ-нэ! Вечно попадет в какую-нибудь зависимость от окружающих.

Идею навестить Самира подала Рена, которой хотелось купить масло Клеопатры.

Самир встретил их как всегда улыбкой, но в глазах застыла какая-то недоговоренность.

— Ты что же, друг Самир, бросил нас вчера в пустыне? Мы так не договаривались! — мудро начал с нападения Олег. Светлана переводила.

— Я?! Вас бросил? — изумился Самир. — Это вы бросили меня!

— То есть как? — переспросила Светлана.

— Меня остановила полиция.

— Почему?

— Нужно было показать IC карту. А она у меня осталась в магазине. Пока сбегал, пока принес. Потом деньги потребовали.

— За что? — чуть не в голос протянули они с Реной.

— Я ведь с иностранцами шёл, а это запрещено. Говорил, что мы — друзья, а они только высмеяли меня, мол, если друзья, почему тебя не подождали. Потом взяли деньги и отпустили. Но вас уже не было видно.

— Прости, друг, мы не знали! — похлопал его по плечу Олег. А находчивая Рена быстро перевела неловкий разговор на парфюмерию.

Сделав покупку, они откланялись, довольные тем, что Самир налил им масла намного больше положенной нормы. Рена с Олегом ушли. А Светлана с Самиром снова приступили к урокам русского языка.

После занятия он стал умолять ее поужинать с ними. Обещал проводить до гостиницы на такси.

Ужин они принесли в магазин. Прежде чем приступить к трапезе, молодые люди, опустив глаза в стол, прочитали молитву во имя Аллаха и только потом стали отламывать от белых лепешек тонкие ломтики, макая их в густой соус. На большом блюде лежали маслины и жареные полоски картофеля фри.

После ужина она пошла на песчаный пляж, что был рядом с магазином. Долго лежала на мокром песке, глядя на круглую луну. Теплые волны ласкали тело. Девятая доходила до самого подбородка.

А когда вернулась, Мустафа спросил, не умеет ли она снимать головные боли. Откуда узнал? Она действительно умела делать точечный массаж, но никому не говорила об этом. Взглянула на Самира. У того от напряжения выступили на висках капельки пота. Начни она делать Мустафе массаж, парень задохнулся бы от ревности. Вон сколько страдания в глазах. И даже усмехнулась про себя. Что за нравы? Вот собственники! Один раз посмел прикоснуться к ее руке, и уже готов заявить о своих правах. Покачала головой:

— Вам, молодой человек, нужно выйти на свежий воздух и посидеть на берегу моря.

Самир облегченно вздохнул, словно от его горла отвели острый нож. Мустафа понимающе засмеялся и вышел.

А потом они сидели на топчане у самой воды. Самир молчал и время от времени медленно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону. Она тоже чувствовала на спине любопытные взгляды. Море облизывало ступни ног соленым языком волн.

— Я им завидую! Они могут ласкать твои ноги! — тихо прошептал он. — А мне нельзя даже дотронуться до твоей руки. Как бы мне хотелось оказаться с тобой там, где никого нет, кроме этой луны. Давай уйдем в пустыню!

— Ты что, с ума сошел?! — покачала она головой. — Я тебя боюсь! У тебя во взгляде иногда вспыхивает безумие.

— Ты это заметила?! Я тоже себя боюсь!

— У тебя есть девушка? — так же тихо спросила она.

— Нет! Откуда? Разве ты видела здесь арабских девушек?

— А дома? Там, где ты живешь?

— Они выходят замуж в одиннадцать лет и надевают паранджу.

— А в колледже?

— В колледже, конечно, девушки были, но близких отношений с ними я не имел. К тому же это ведь грех быть с женщиной до женитьбы.

— Значит, ты никогда не любил?

— Почему? Любил. Глазами. Так, как люблю сейчас тебя.

— Самир! Мне не нравятся твои шутки!

— Шутки?! — Он весь подался вперед. Пытался заглянуть ей в глаза. — Ты мне не веришь?!

Она промолчала. Попыталась представить себя в его объятьях. И содрогнулась от одной этой дикой мысли. Уж больно не хотелось ощущать себя «старой барыней», которую старательно «обслуживает» годный ей в сыновья любовник. Пусть этим наслаждаются стареющие певицы, актрисы и прочие «звезды». В среде творческой элиты всякие отклонения от норм морали считаются приемлемыми. И это так смакуется желтой прессой и телевидением. Смотреть и читать противно! Надо бы направить разговор в другое русло, чтобы он перестал молотить всякие глупости.

— У меня семья, Самир. Сыну, как и тебе двадцать восемь лет. Хочешь, верь в это, хочешь — нет. Я говорю тебе правду. Мой муж — врач. Очень добрый человек. Меня любит. Я его тоже. Ты — хороший парень. Мне хочется помочь тебе с русским языком. К тому же мне хотелось бы узнать вашу жизнь изнутри. Ты так интересно рассказываешь обо всем! Но, помни, другого интереса к тебе у меня нет!

Думала, что это разом отрезвит его. Но он молчал. Задумчиво сыпал сухой песок сквозь пальцы. Наверное, так же, как этот песок сквозь пальцы, мимо его ушей, пролетели все ее слова. Почему-то вспомнилось, как трудно было запомнить его имя. По привычке стала выискивать ассоциации. К чему бы привязать? «За мир и дружбу народов!». Смешнее не придумаешь! «За мир» — «Самир»! Запомнила. Потом поинтересовалась, что означает его имя по-арабски. Оказалось, так называют человека, который рассказывает сказки по ночам. Улыбнулась странному открытию.

Такси вызвала сама. Он никак не хотел отпускать ее одну. Она строго, по-учительски, погрозила ему пальцем. Парень горько вздохнул и, явно обидевшись, отвернулся. Ишь, какой характерный! Она быстро села на заднее сиденье. Машина тронулась. Водитель, старый морщинистый араб, любопытства не выказывал, что-то мурлыкал себе под нос. Впечатление было такое, что его в этой жизни ничем больше не удивишь.

* * *

И снова она моталась по экскурсиям, благо удалось купить их не очень дорого. Четыре экскурсии за сто долларов. Тогда как каждая отдельно взятая экскурсия стоила более семидесяти. Дня через три зашла в магазин к «друзьям-арабам». Зашла, как всегда, в полдень. Самир был один. Она решила его разыграть. Поздоровалась на русском. Спросила, чем торгует. Сказала, что хочет выбрать и купить понравившееся ей масло. Самир удивленно уставился на нее и облизывал губы, не зная, как на это реагировать. Она картинно вдыхала в себя то один аромат, то другой. На него не смотрела. Потом указала на бутылочку с надписью «Ангел» и, капризно скривив губы, заявила:

— Беру это. Сколько с меня?

— Здесь двадцать пять миллилитров, мадам. Цены в каталоге. — Он сделал паузу. И каким-то не своим голосом очень серьезно добавил: — Вам сделаем скидку на пятьдесят процентов, как первому покупателю. — И стал тщательно упаковывать бутылочку.

В углах магазина зависла тишина. И только нудно гудел кондиционер. Она быстро вынула из сумки деньги, положила на стол. И в сердцах проклинала себя за бестолковую игру. Как выйти из этого дурацкого положения? Всё ли у него в порядке с юмором?

— Ну, а теперь будем заниматься. — И улыбнулась, как всегда по-детски, склонив голову набок. Он весь обмяк, облегченно вздохнул и спросил с каким-то придыханием:

— Скажи, зачем ты так?

— Просто так. Пошутила. А что, нельзя?

— Можно, — неуверенно произнес он. — Только я так не привык. Ты сейчас была совсем чужая. Я никогда не видел тебя такой! Мне было больно.

— Прости! — пылко вырвалось у нее. — Я сама не ожидала!

Он открыл учебник, стал старательно читать русские фразы. Она с улыбкой смотрела на него. Он замолчал. Потом, не поднимая на нее взгляда, стал медленно пододвигать свою ногу в плетёной сандалиии к ее резиновой тапочке. Обувки воровато соприкоснулись кантиками, и тотчас пространство между ними пробило незримой вольтовой дугой.

— Как будет по-русски «Я хочу поцеловать тебя!»? — нарушил он гнетущую тишину. Она не ответила, лишь нарочито сердито потупила взгляд. — Я всё равно найду эту фразу в словаре! — упрямо пообещал он.

В проём двери заглянули любопытные покупатели. Самир быстро поднялся, заговорил по-немецки. Она уткнулась в учебник, а сама прислушивалась к их разговору. И по-немецки Самир говорил довольно бегло. С должным этикетом, на «вы». Великое дело иметь приятные манеры. У такого продавца не захочешь, да купишь! В этом плане они с Мустафой подобрались на пару, хоть внешне были очень разными.

В этот день Мустафа отпустил Самира с работы, и они долго гуляли по берегу моря. Прошли немецкий пляж, итальянский. Самир рассказывал ей о семье. Видно было, что по дому он скучает. Его мать никогда не ходила в школу, читать и писать научилась сама. В семье он был самым младшим, одиннадцатым ребенком. Не без гордости отметил, что у матери он самый любимый. Слушать его было интересно.

— Знаешь, мне почему-то так легко рядом с тобой, будто я знаю тебя с самого детства, — неожиданно признался он. — А хочешь, сниму фильм о тебе. Хочешь? Ведь это идея!!! Ты увидишь себя моими глазами!

— Терпеть не могу, когда меня фотографируют!

— Почему?

— Глаза разные, щёки нос давят, — пошутила она.

— Глупости! Ты увидишь себя моими глазами. И полюбишь себя, поверь мне! Попробуем? На камеру не обращай внимания, ладно? И не бойся, меня в кадре не будет. Только ты!!!

И снова они шли в гостиницу пешком. И снова их оставила полицейская машина. Только на этот раз она не отошла в сторону, сколько ни просил ее об этом полицейский. Громко и требовательно вопрошала по-английски:

— В чем виноват этот молодой человек? В каком правонарушении он замечен? Кто из вас мне может это объяснить.

Пятеро человек в белых мундирах переглядывались, но на вопросы не отвечали. Наконец один из них осмелился спросить:

— Извините, вы из какой страны?

— Из Великобритании. А что?

— Всё в порядке, мадам. Вы можете идти в гостиницу.

— Благодарю! Только одна в гостиницу я не пойду. Уже темно. Этот молодой человек — мой друг. Я хочу, чтобы он проводил меня до гостиницы.

Самира отпустили. Но деньги отобрать всё же успели. У парня дрожали губы.

— Они воры! Понимаешь? Воры в белых мундирах! Им нужны деньги! Хорошо еще, что ты сказала, мол, из Великобритании. У тебя очень хороший английский. Они уважают англичан и американцев. Но никогда не говори никому, что ты из России.

Светлане стало не по себе. Вот те раз! Умом понимала, что он прав, а вот душа такого не принимала. Мустафа как-то рассказывал, как российские девочки предлагали расчет за масла натурой. При этом без стеснения расстегивали халатики, обнажая точеные фигурки. Впрочем, и за другими примерами ходить далеко было не надо. Как-то утром на пляже наблюдала довольно неприятную картину. Грузная женщина грозно орала на араба, который раздавал полотенца на пляже.

— А ну тащи свежее полотенце! Кому сказала! Одна нога здесь, другая — там! А не то — завтра же уволен будешь! Я деньги платила! И деньги нехилые! А ну давай дуй, куда надо!

Вспомнив этот эпизод, покачала головой: «Вот уж, действительно, в семье не без урода». Прощаясь с Самиром у крыльца гостиницы, как бы между прочим спросила:

— Может, деньги дать на такси?

Он смутился.

— Нет! Зачем? Я отдал им всё. Больше не остановят! Я пойду пешком. Ты завтра придешь?

— Не знаю. У меня экскурсия в дельфинарий.

— А вечером? — От волнения у него пересохло в горле, и голос захрипел, как спросонья.

— Я поговорю с Олегом и Реной. Если они согласятся, приду вместе с ними.

Ему стало не по себе. Быстро протянул ей руку и исчез в темноте.

И снова в эту ночь было не заснуть. Горько усмехалась собственным сомнениям. «Быть или не быть!». Нужна ли ей эта последняя встреча? А, впрочем, утро вечера мудренее...

На следующий вечер Рена на ужин не пришла. Олег посетовал, что ей недомагается. А соседка по столу вдруг предложила экскурсию во дворец Шехерезады на представление «Тысяча и одна ночь». Мол, у нее наметились какие-то другие планы. Недолго думая, билет на вечернее шоу под открытым небом у женщины купила. Одной идти на берег не решилась. Обстановка будет очень щекоотливой. Сидеть в последний вечер в гостинице — тоже радости мало.

И снова экскурсионный автобус остановился у гостиницы «Hilton». К ней села женщина с очень красивыми глазами. В разговор вступила легко, словно они были уже когда-то знакомы. На фоне цветных слайдов с достопримечательностями страны на трех языках рассказывалась история Древнего Египта. Звучали народные песни, исполнялись фольклорные танцы, по арене гарцевали всадники на конях, выделявая такие цирковые трюки, что сердце замирало от напряжения. А перед глазами — застенчивая улыбка Самира. Знала, что сидит на лежаке, смотрит на лунную дорожку и страдает.

Вернувшись в гостиницу, долго сидела на балконе и смотрела на полную луну. Не верилось, что в Москве уже температура воздуха упала до нуля. А здесь даже ветерок, что дул с сонного моря, был теплым и ласковым. Представить трудно: и так круглый год! И весной, и зимой, и осенью... Никаких перемен. Сплошное лето. Везет людям! А, может, наоборот? Как она не догадалась спросить у Самира? Хотя откуда он знает? Кроме Египта нигде и не бывал. А что если пригласить его в гости? Осторожно перевести стрелки симпатий с рельсов увлечения на добрые дружеские отношения. Муж, Алексей, человек здравомыслящий. Не раз ведь такое делать приходилось. И получалось.

За окном, на эстраде, всё еще тихо звучала арабская музыка. Вышла на балкон. Как интересно продумано освещение. Свет не бьет в глаза. Встроенные в каменные ниши светильники то расстилают свои лучи по земле, то устремляют их в темное небо. А воздух ароматный какой! Не жизнь, а сплошной праздник. И всё же от этой праздности она немного подустала. Хотелось на дачу, по уши погрузиться в бытовые дела, очередность выполнения которых диктуется самой природой: когда ягоды собирать, когда огурцы солить, когда картофель копать. На работу не хотелось, а вот в лес за грибами или на рыбалку!.. Ведь отпуск еще не закончился. И все-таки нужно завтра съездить проститься с Самиром. Интересно, что сейчас он делает? О чем думает? Наверное, сидит на топчане, обхватив себя за плечи руками, и мучает себя

вопросом: «Почему не пришла?». Хотя зачем себе так льстить! Может, и думать забыл! Не пришла — так не пришла. Сколько молодых и красивых мимо ходит, одна девушка лучше другой. Глазами-то волен любить любую. Да что ей до него! Век бы не подумала, что какой мальчишка может так царапнуть душу. Стоит перед глазами — и всё тут! Как наваждение какое! И все-таки, наверное, думает о ней, раз что-то так тревожит душу. Вспомнилось, как доверчиво прижался к ней спиной там, на вершине горы, дожидаясь восхода солнца.

Надо будет завтра, перед отъездом, съездить к ним на пляж, заодно бросить монетки в море. Благодатное место. Вернуться сюда, конечно же, хочется. И лучше бы с мужем, Алексеем.

* * *

У входа в магазин сидел какой-то незнакомый мальчик лет десяти. В магазине никого не было. Увидев ее, мальчишка заулыбался, вскочил и куда-то побежал. Странно. Прощла к морю, вздохнула всей грудью. Сверкнули на солнце медные монеты и нырнули в глубь ленивых волн. Почему так непривычно тихо? И вдруг вспомнила. Время обеденной молитвы. По всему побережью отключают музыку. Самир с Мустафой на молебне. И молятся арабы немало, по пять раз в сутки. Облегченно вздохнула. И тут спиной почувствовала его присутствие. Резко обернулась. Вряд ли когда сможет забыть этот взгляд! Он стоял в какой-то странной позе, словно застыл на бегу. И грудь вздымалась после быстрого бега. Ах да! Она должна подойти первой. Ему этого делать нельзя. За ними опять наблюдают. Улыбнулась, подошла, протянула руку. Он пожал ее, обнимая двумя ладонями. И жестом предложил зайти в магазин. Она присела, как всегда, на скамеечку у двери. Он — напротив, забился в свой любимый угол. Она достала из сумочки визитку, протянула ему.

— Это номер мобильного, а это — адрес электронной почты. Я пришлю тебе свои программы по английскому языку. Они с переводом на русский. Разберешься.

Он взял визитку, прижал ее к губам и вдруг заплакал. Слезы капали на джинсы, как первые капли дождя, редкие, тяжелые и крупные. Он старался глушить всхлипывания, но они всё равно прорывались. «Ну, дела! — промелькнуло в голове. — Как в индийских фильмах!».

В магазин заглянул Мустафа. Хотел было улыбнуться ей, но, взглянув на их лица, спрятал улыбку и торопливо вышел. Самир быстро встал:

— Сейчас я вернусь!

Она проследила за ним растерянным взглядом. Пряча лицо, он быстро зашагал в общественную душевую. Вернулся с

виноватой улыбкой, стряхивая рукой с лица и густых волос капли воды.

— Я думал, что ты уже улетила, и я больше тебя никогда не увижу.

Голос у него был таким глухим и подавленным, что она не могла произнести ни слова. Смотрела на него и молчала. И понимала, что сейчас он опять говорил ей «ты», а не «вы».

— Я ждал тебя вчера. Ждал до часу ночи. Много раз поднимался на шоссе, и по той лестнице, и по другой. А когда, наконец, понял, что ты не придешь, возненавидел всё вокруг. Ты веришь?!

Она кивнула.

— Когда твой самолет?

Она торопливо взглянула на часы.

— У нас есть минут пятнадцать.

— Пойдем в бар выпьем холодного соку. С Мустафой я договорился. — Стукнул кулаком по каменной стене: — Опротивел мне этот магазин!

В баре никого не было. Певец что-то пел на арабском. Пел трогательно, с некоторым надрывом. Самир повторял за ним слова и смущенно смотрел на нее.

— О чем эта песня? — спросила она.

— У тебя есть ручка и листок бумаги?

Она удивленно подняла брови. Господи! Вот это конспирация! Оглянулась. Три молодых парня сверлили ее насмешливыми взглядами. Один — за стойкой бара, другой — за спиной у соседнего столика, третий выглядывал из-за живой цветочной стены. Понятно! Достала из сумки блокнот, ручку. Самир стал что-то быстро писать. Протянул ей блокнот. Пробежала глазами строки:

«Эта песня о моей любви к тебе. Я боюсь, что ты не вернешься и что я тебя никогда не увижу! И это разорвет мне сердце!»

Она перевернула страницу блокнота и тоже стала писать:

«Любовь, как море, есть приливы и отливы. Буду молиться за тебя. У тебя будет очень красивая и добрая жена и много детей. Вы будете любить друг друга и строить дом».

Он перечеркнул страницу крест-накрест.

«Я хочу, чтобы это была ты! Скажи, что ты пошутила, и у тебя нет мужа! Я бы не дал тебе уехать! Я бы поехал за тобой даже в твою снежную страну!»

— Прости, мне пора!

Он побледнел, смело дотронулся до руки и крепко сжал ее. Потом резко встал и кивком головы пригласил следовать за ним к такси. В машине молчал и, время от времени, искоса,

поглядывал на нее. К счастью, у гостиницы никого не было. Он вышел из такси, подал ей руку. Поразила его галантность. Самир наклонился и, как малый ребенок, ткнулся губами в ее щеку. Затем сунул ей в руку диск с видеофильмом, поспешно сел в машину и поднял руку. Машина быстро развернулась и скрылась из виду.

— Вот и всё! — зачем-то вслух произнесла она. Однако долго предаваться чувствам времени не было. Подошел автобус. Из гостиницы высыпали люди. Нужно было идти за вещами.

И снова переполненный пассажирами аэропорт, суета на таможне. Машинально делала то, что подсказывала шумная толпа. Кто-то раздраженно ткнул в ее спину локтем.

— Стоит, как неживая! Спит на ходу, что ли?

Обернулась. Старая знакомая. Толстая тетка с красным потным лицом, что кричала на весь пляж и грозилась снять с работы пляжного работника за то, что у него кончились чистые полотенца. И снова она диктует всем свои порядки... Ну да Бог с ней! Светлана была даже рада тому, что ее подталкивали локтями, заставляя двигаться.

Видела, как в толпе мелькнули Рена с Олегом. Ее не заметили. И слава Богу. Она тоже не стала пробираться к ним. Общаться ни с кем не хотелось.

Самолет стремительно набирал высоту. Светлана прильнула к окну. Застыли в почетном карауле величественные хребты Синайских гор. Сверкнуло синими глазами почему-то названное Красным море. Крыло самолета спрятало под собой экзотическую картинку. Она сомкнула веки. А в голове зазвучал его голос: «Мне кажется, я всегда знал тебя!словно ты жила не на другом краю света, а где-то рядом, на плато Гиза. А ты утверждаешь, что это не так, и рассказываешь мне про снег, которого я никогда не видел. Смотрю в твои глаза, и мне в тебе нравится всё: голос, походка, мимика, жесты. Почему ты мне такая родная? Даже тогда, когда говоришь на русском языке, я все понимаю. Скажи, разве такое может быть?»

Вот уж правда! Как такое могло случиться? Что называется, «влипла в историю» с этим арабским мальчишкой! Как там у Экзюпери? «Мы отвечаем за тех, кого приручаем». Да уж! Да уж! Всегда помнила об этом... А тут! Где переступила запретную грань? Не тогда ли, когда, поскользнувшись на скользком камне, не отвела его услужливую руку в сторону? А, может, когда из жалости к дрожавшему от холода пареньку позволила ему прижаться спиной к своей спине там, на вершине одной из Синайских гор? Или все-таки тогда, когда он придвинул свою ногу в плетеном сандалиии к резиново-

му ободку ее тапочки? И она не убрала ногу! Да что гадать?! Грех вызревает в мыслях. И взгляд начинает источать флюиды. Сама того не осознавая, ввела парня в искушение!

Проклятое самоедство! Будь на ее месте мужчина, разве стал бы корить себя за то, что вызвал любовь какой-то девчонки?! И платоническим чувством тут бы не обошлось! Еще бы и гордился своей победой! А тут не освободиться от чувства какой-то необъяснимой вины...

Интересно, а что у Самира в фильме? Ведь он подарил ей диск. Как он тогда сказал? «Ты увидишь себя моими глазами. И полюбишь себя, поверь мне!». Чудной! Нельзя ей привозить этот диск домой. Зачем вызывать ревность мужа? Зачем ранить ему душу какими-то напрасными подозрениями? И из-за чего? Из-за того, что арабский мальчишка, прощаясь, ткнулся губами ей в щеку? А кому тогда показывать этот фильм? Подругам? И ловить их многозначительные усмешки? А может быть, втайне от мужа, самой любоваться на себя? Безумие!

В Домодедово приземлились в час ночи. Пришлось до утра сидеть на вокзале. Включила мобильник. И в ту же секунду пришло сообщение: «Я очень тоскую. Сообщи, как долетела. Люблю, обнимаю, Самир». Ответила сдержанно. И вновь sms: «Когда ты приедешь?». Она долго не отвечала. Потом написала: «Мне трудно ответить на этот вопрос». И тут же в ответ: «Помни: я буду ждать тебя и через десять лет!». Горько усмехнулась: мечтать не вредно.

В поезде заставляла себя думать только о доме. Как там муж? Слушается ли его шенок Тобик, которого совсем недавно взяли в семью? Были ли письма от сына? Не планируют ли детей? Что-то долго тянут они с этим делом. Некоторые женщины не хотят рано становиться бабушками. А ей хотелось иметь внуков. Жизнь прекрасна в любом возрасте! Но почему же тогда так царапнуло бесцеремонное обращение к ней того парня, на тропе Покаяния? «Эй, бабуля!..» Да разве в слове дело? Сама манера обращения, пренебрежительно-унизительная! Забыть! Забыть того парня! Забыть Самира! Забыть эти Синайские горы! Синь Красного моря! Ведь поезд несет ее в зиму, в искрящийся снег, где так уютен семейный очаг и потрясают своей величавой красотой березы, ели, сосны!

А память, как коварная кошка, запустила коготки не в одежду, не в тело, в самую душу.

Два года назад нашлись «доброжелатели» и по телефону сообщили, что у мужа в любовницах молоденькая медсестра. И даже фамилию назвали. Всё сходилось. О ней муж подо-

зрительно много рассказывал, словно на отделении других работников не было. Светлана даже однажды видела ее. Как-то зашла в больницу и столкнулась с ней в дверях его кабинета. Надо было видеть эту надменную красавицу, в каждом взгляде, в каждом движении, в каждом жесте которой сквозили вызов и соперничество, страх в обнимку с откровенным самолюбованием. Но так не хотелось верить в предательство! И гнала все недобрые предчувствия прочь. Но однажды, возвратившись с курсов повышения квалификации, во время уборки нашла под кроватью чужую сережку. Долго ходила, как в воду опущенная. Богатая фантазия вырисовывала такие картины, что хотелось без оглядки побежать к озеру, броситься в ледяную воду и плыть, плыть, плыть!.. До тех пор, пока не оставят силы...

Муж забеспокоился. Всё чаще стал брать ее за плечи, разворачивая к себе, заглядывал в глаза:

— Ну что с тобой? Ты, случайно, у меня не заболела? Хочешь, положу к себе в отделение?

— Там я буду лишней! — опустив взгляд в пол, прошептала она.

— Ах, вот оно что! Стало быть, доложили! Ну, было увлечение. У нас, у мужиков, сильны животные инстинкты. Больше с ней не встречаюсь. Клянусь! Это правда. Она перешла работать на «Скоруу». Там больше платят. Ну, прости меня, прости!

Светлана застонала. Почему-то вспомнились роды. Сын родился очень крупным. Порывов было столько, что орала на всю больницу. И всё равно ту, физическую боль, с этой было не сравнить! Кто-то из «сердобольных» подруг посоветовал: «Должок платежом красен! Возьми да измени с кем-нибудь. И сделай так, чтобы узнал!..» Она покачала головой: «Такой душевной муки, что испытала, и врагу не пожелаю!».

* * *

Открыла глаза. В не зашторенное окно робко заглядывали по-северному голубые сумерки. В кухне Алексей смотрел телевизор. Прислушалась. Опять про этот теракт... в гостинице «Hilton». Значит, все-таки не сон...

Нащупала рукой на полу мобильник, набрала sms и отправила на номер Мустафы: «Как Самир?!» Через несколько минут с каким-то надрывным писком пришел ответ: «Его больше нет!»

Долго лежала, не шевелясь, тупо глядя на то место, где на темной стене висела икона Спасителя. Перед мысленным взором раскинулось ночное небо с непривычно большими

звездами. Они подмигивали ей, словно говорили: «Мы будем ждать тебя и через десять лет!»

В спальню вошел Алексей. Не включая света, подошел к дивану, присел, как к больной, на самый краешек постели.

— Вставай-ка, засонюшка. Посмотри, что в мире творится. А ты спишь себе без всяких забот! Опять эти теракты. Кстати, в Египте, откуда ты недавно прилетела. Больше не отпущу тебя одну никуда. Слышишь? — Провел ладонью по щеке. — Да ты никак плакала?!

— Сон плохой приснился, — прошептала она.

— А ты его забудь, — как маленькую погладил ее по голове. — И давай-ка вставай! Пойдем чаю попьем!

Она прильнула горячей щекой к его руке и с трудом выдавила из себя:

— Угу! Сейчас!..

Евгений ЗУБОВ (г. Тирасполь)

НОВЫЕ СНЫ

* * *

Мы провожаем, нас провожают,
Кто-то куда-то опять уезжает,
Кутаясь в запах вокзалов, купе,
Тамбуров тесных, дешёвых кафе.

Мы уезжаем, мы остаемся,
Мимо перронов по жизни несемся
В город, из города, в дом, на перрон:
Восьмая квартира, последний вагон.

А за окном вперемежку с дождем
Кружится вьюга, солнце — сквозь гром.
А за окном — под кустами трава,
Ветер гуляет, лепечет листва...

Но это всё за окном, а внутри
Лампа неонов тускло горит,
Грохот на стыках настырных колес,
Чай солонее прожитых слез...

* * *

На окраине земли
На ночь мне расскажут стансы
Подмосковных серых станций
Голубые фонари.

За окном флегматик-дождь
На косой пробор причёсан,
Что-то нудное про осень
Говорит — не разберешь.

Жизнь покажется игрой
Лотерейного билета,
Как и чувство, что всё это
Происходит не со мной...

* * *

По утрам все-таки еще холодно.
Машины покрыты изморозью,
И, как колокол отзвонивший,
Дрожит в лужах вода.
Иногда утренние города
Напоминают позиции перед атакой:
Еще чуть-чуть — и начнется драка,
Что закончится окончательной победой весны
С раскрытыми почками, птицами...

И новые сны

Будут сниться уже про грядущее лето...
И потом обязательно расскажу я об этом.

Ольга КОЗЛОВЦЕВА (г. Ряжск Рязанской обл.)

ВО СЛАВУ БОЖИЮ

Рассказ

Мне нравится ездить в электричке. Она напоминает быструю реку, в которую ручейками стекаются самые разные человеческие судьбы. Каждая поездка — незабываемое путешествие в неизвестное. Обязательно что-то произойдет: или

неожиданная встреча с давним знакомым, или завяжется интересная беседа с кем-то из соседей. Поэтому три часа пути не кажутся утомительными. Так случилось и на сей раз.

Вечерняя электричка Рязань—Ряжск в пятницу, как всегда, набита пассажирами. Рабочая неделя закончилась, и моя тоже: я возвращалась домой на выходные от больной тёти. Моё излюбленное место у окошка было занято, и я примостилась с краю, рядом с коротко остриженным скуластым парнем лет двадцати. В какой-то момент он повернулся ко мне, и я оторопела, словно смотрел не молодой человек, а умудрённый жизнью мужчина. Не знаю, чего больше было в его холодных серых глазах: усталости или отрешённости. Застеснявшись моего пристального взгляда, парень отвернулся. Я обратила внимание, что одет он явно не по сезону: короткая курточка и лёгкие кроссовки. Да к тому же без шапки. А на улице минус двадцать.

— Домой на выходные? — спросила я.

— На выходные, — буркнул сосед, не повернувшись.

— Из радиоакадемии или сельхоз?

— Сельхоз.

Стало понятно, что парень не расположен к разговору.

«Бедный студент, — подумалось мне. — Не перевелись Ломоносовы на земле русской. Должно быть, из простой семьи». И память понесла меня в далёкую юность. Вспомнилось, как до самых злых морозов ходила в техникум в резиновых сапогах, потому что на смену были только мамины валенки, которые ей выдавали на работе со спецодеждой...

— Опять от меня сбежала последняя электричка! — Визгливый, режущий уши голос возвратил меня в реальность.

В дверях вагона стояла парочка «бродячих» музыкантов: высоченный гитарист с рыжей щетиной на опухшем, помятом лице и блондинка неопределённого возраста в круглых солнцезащитных очках. Было заметно, что это первый выход в свет новоявленных артистов: держались они неуверенно, постоянно озираясь. Вначале я решила, что поёт женщина. А когда пригляделась, то увидела, что ошиблась. Пел гитарист.

«Что привело их сюда? — размышляла я. — Голод, желание похмелиться или всё же любовь к музыке? В любом случае, всякий труд должен быть оплачен». Я достала кошелек, опустевший перед пенсией, и задумалась, потому что мелочи было неприлично мало, и всё же вытряхнула на ладонь остатки.

Неожиданно на весь вагон аппетитно запахло пирожками. В дверях показалась знакомая из Ряжска, толстогрудая Татьяна с такими же румяными, как её пирожки, щеками. Она застыла за спиной у гитариста. Тот резко прервал выс-

тупление. Блондинка, ловко пошарив у него в кармане, достала деньги и отдала продавщице. А взамен получила два огромных беляша. На этом бенефис был закончен, и артисты пошли по вагону, протягивая пассажирам полиэтиленовый пакет. Время от времени в нём звякали монеты. Я тоже высыпала туда свою мелочь.

А Татьяна тем временем еле успевала доставать из сумки горячие ароматные пирожки и беляши. Сидевший напротив меня седой мужчина тоже купил два беляша и долго приглядывался, с какого начать есть. Студент, проглотив слюну, поднял воротник куртки до самого лба, словно хотел спрятаться от аппетитного запаха.

«Так он же голодный!» — спохватилась я. Тут же попросила в долг у знавшей меня Татьяны беляш и отдала парню. Тот кивнул благодарно и быстро разделался с ним.

Вдруг кто-то резко крикнул мне в самое ухо:

— Ваш билет!

Я вздрогнула и, оглянувшись, увидела Таксу, как пассажиры за глаза называли ревизора, — коротконогую, плотного телосложения женщину лет шестидесяти с каштановыми волосами. Прозвище прилипло к ней не столько из-за её внешности, сколько из-за скандального характера и любимой присказки: «Плати по таксе». Ни одна поездка с появлением Таксы не обходилась без драматических сцен. Обязательно к кому-то прицепится, обязательного кого-нибудь «облает», при этом либо из вагона на перрон спустит, или оскорбит. Говорят, что в прошлом она работала надзирателем в женской тюрьме. Я показала билет. Ревизорша долго рассматривала его, а потом стала дёргать за рукав моего соседа, притворившегося спящим.

— Подъём! — крикнула Такса, да так громко, что окна в вагоне, казалось, задрезжали. — Предъяви билет!

Парень, испуганно съезжившись, полез в карман и протянул какой-то листок.

— Справка об освобождении из мест... — Ревизорша, прищурившись, посмотрела на моего попутчика. — Ты что подсовываешь? Билет давай! А то вернёшься на нары.

— Нет билета, — еле слышно промолвил бывший заключённый и стал нервно кусать сухие, слегка потрескавшиеся губы.

Соседка слева сразу же обхватила сумку, которая лежала у неё на коленях. Заметив это, Такса обратилась к женщине:

— Вот-вот, проверьте-ка вещи, всё ли на месте.

Мгновенно возле нашего сиденья образовалось полукольцо из мужчин в одинаковых форменных куртках с нашивкой на груди «РЖД—ОХРАНА».

«Сейчас начнётся... Вот так студент!» — вздохнув, подумала я и вместо разочарования почувствовала к парню ещё большую жалость. А Такса, наступив мне на ногу, подошла вплотную к безбилетнику:

— Куда едем? Деньги плати!

— До Кораблино, а денег у меня нет, — пробурчал парень и прикрыл голову руками, словно ожидая удара.

Когда он нагнулся, я увидела на его шее тёмную суровую нитку с православным крестиком и прошептала: «Господи, помилуй!»

— Работать надо было на зоне, а не в карты играть. Нет денег — шагай по шпалам. Выводите его! — скомандовала ревизорша охранникам.

— Правильно! — поддержал седой пассажир. — Вот из-за таких «зайцев» и цены на билеты растут! — И, ловко затолкав в рот остаток беляша, зачмокал жирными губами.

— Разрешите, — обратился ко мне один из охраны, пытаюсь протиснуться поближе к парню.

— А вы встаньте мне на вторую ногу, чего уж там! — Я резко сдвинула Таксу со своей ноги и возмущённо добавила: — Что вы тут устроили судилище? Разве не видно: человек нуждается в помощи! И вы не имеете права выталкивать его!

Такса, словно этого и ждала, мгновенно переключив внимание на меня:

— А мы его не в чистом поле высадим! Вот сейчас станция будет — тогда и попросим любезно на выход! Инструкцию знаем — не первый год работаем! И я не для себя стараюсь, между прочим! Сама-то барыней катаешься по безденежному билету и молчи. Заступница! Мы что, обязаны всех даром возить? А если такая добрая, заплати за него! И предъяви документы на льготный проезд, а то не похожа на льготницу-то! Ишь, какая румяная да гладкая!

Она демонстративно приготовила кассовый аппарат, а я машинально полезла в сумку за документами... Потом достала кошелёк, зная, что он пуст, и стала глазами искать кого-нибудь из знакомых в вагоне. Но, как на грех, никого не было. Тут вспомнила про Татьяну с пирожками:

— Сейчас найду деньги и обязательно расплачусь за парня. Оставьте его в покое. Пусть едет домой.

— А ты уверена, что домой едет? Да к дружкам он своим пробирается тихой сапой, таким же зекам. Знаю я их! Насмотрелась! И не собираюсь ждать: или плати по таксе, или... — Из уст ревизорши приговор прозвучал по-настоящему грозно.

В вагонном динамике хрипло раздалось название очередной остановки, и два охранника, подхватив безбилетника с сиденья, потянули к двери.

Но тут на их пути неожиданно возникла сухонькая старушка. Голову её покрывала выцветшая шаль, концы которой свисали чуть ли не до пола. Глаза были под цвет шали, такие же поблекшие. Старушка эта частенько просила милостыню в электричке, постоянно крестясь и приговаривая: «Во славу Божию, во славу Божию!» Среди пассажиров о ней ходили разные слухи. Одни с осуждением говорили, что оборотистая бабушка собирает деньги на вторую дачу, другие, жалея её, рассказывали, что на собранные деньги она посылает посылки внуку, который давно томится в заключении. Мне не раз приходилось видеть эту старушку на вокзале в Рязани. Она обычно сидела в дальнем углу со стаканчиком чая или дремало в ожидании электрички, привычно закутавшись в шаль.

— Оставьте его, — тихонько сказала она охранникам и подала ревизорше серый мешочек с набранными деньгами. — Здесь должно хватить.

Такса потеряла голос. Она машинально взяла мешочек и, словно обжёгшись, тут же вернула его.

— Да пошли вы все! — передернулась ревизорша и непривычно размахисто, мужиковато пошагала в соседний вагон. Растерянные охранники двинулись следом.

— Спасибо, бабушка! — дрожащим голосом стыдливо прошептал парень.

— Во славу Божию, во славу Божию... — так же тихо ответила старушка и, положив мешочек с мелочью ему на колени, перекрестила его самого и по-матерински погладила по стриженной голове.

ТАЙНА 11 СЕНТЯБРЯ

Согласно проводимым в США социологическим исследованиям, большинство американцев считает события 11 сентября 2001 года *«более значимым историческим событием, чем нападение на военную американскую базу Перл-Харбор в 1941 году»*. Так думают даже респонденты из числа оставшихся свидетелей событий 1941 года.

При этом сегодня уже не секрет, что в декабре 1941-го американское руководство прекрасно знало о том, что японцы нападут на Перл-Харбор. И не только ничего не сделало для отражения атаки, но и всячески способствовало ей, пожертвовав жизнями полутора тысяч американцев, чтобы втянуть Америку в выгодную для правящих кругов войну. Именно поэтому тогдашний военный министр США Генри Стимсон после правительственного совещания 25 ноября 1941 года, то есть за 12 дней до Перл-Харбора, записал в личном дневнике: «Речь шла о том, как нам маневрировать, чтобы заставить японцев сделать первый выстрел, не подвергая себя в то же время слишком большой опасности. Это будет трудной задачей».

Некоторые полагают, что американцы научились подобным провокациям у нацистов, которые, к примеру, нанесли 10 мая 1940 года

ДОСЬЕ "МГ"

бомбовый удар по своему же городу Фрейбургу, свалив вину за гибель мирных жителей на французов, чтобы оправдать вторжение во Францию. Это не совсем верно. Еще в далеком 1898 году американцы, чтобы оправдать войну против Испании, сами подорвали 15 февраля собственный броненосец «Мэн» на рейде Гаваны, принеся в жертву несколько сотен своих моряков. Правительство США заявило народу о диверсии «коварных испанцев», поскольку, как пишется во всех учебниках по истории Соединённых Штатов, *«американский линейный корабль «Мэн» был затоплен испанской миной в гаванском порту»*. Так началась «нужная» Вашингтону война, по сути, первая война за мировую гегемонию США. Когда много лет спустя крейсер был поднят и обследован, помимо прочего оказалось, что броня корабля вывернута взрывом наружу, то есть взрыв был произведён не снаружи «испанской миной», от которой была бы пробоина в подводной части, а чем-то гораздо более мощным изнутри корабля, разорвавшим его надвое...

Еще один пример. Согласно документам, опубликованным 12 октября 2001 года в журнале «Executive Intelligence Review», а также в книге Джеймса Бэмфорда «Суть секретов: анатомия сверхсекретной Службы государственной безопасности», военное командование США (Объединенный комитет начальников штабов) намеревалось осуществить террористические акты против США, *«чтобы обманным путем заставить американцев поддержать непродуманную войну, которую они собирались развязать против Кубы»*. Террористический план назывался «Операция Northwoods» (реализация была остановлена из-за провала в Заливе свиней, после которого президент Кеннеди переложил курирование кубинского направления с ЦРУ на Пентагон). Предлог для второго вторжения в первом варианте плана включал «серию хорошо скоординированных инцидентов» внутри и вокруг военно-морской базы США в кубинском заливе Гуантанамо, организацию терактов, диверсий и затопление корабля около входа в гавань. Второй вариант предусматривал, цитирую: *«...необходимость инцидента «Remember the Maine»... Нам следует взорвать корабль США в заливе Гуантанамо и обвинить Кубу... Списки потерь в американских газетах могут вызвать волну поддержки вследствие народного негодования... Мы можем разработать кампанию террора со стороны коммунистической Кубы в районе Майами, в других городах Флориды и даже в Вашингтоне. Кампания террора могла бы быть направлена на кубинских беженцев, ищущих приют в США. Мы могли бы затопить (на самом деле или мнимо) лодку, нагруженную кубинцами на пути во Флориду. Мы могли бы способствовать*

покушениям на жизни кубинских беженцев в Соединенных Штатах... Также были бы полезны несколько взрывов пластиковой взрывчатки в тщательно выбранных местах, аресты кубинских агентов и публикация подготовленных документов...»

Сегодня, хотя прошло уже одиннадцать лет, эта трагедия по-прежнему оставляет много вопросов. Ответить на них и решить загадку 11 сентября пытались бывший министр науки и технологий и бессменный в течение двух десятков лет председатель комитета по разведке бундестага ФРГ Андреас фон Бюллов, американский писатель-интеллектуал Гор Видал, французский журналист, автор книги «11 сентября: большая ложь» Тьерри Мейсан и многие другие.

Все они отвергают официальную версию, выдвинутую властями США. Так, в опубликованном испанской газетой «La Vanguardia» интервью от 23 февраля 2003 года журналисту Кеннету Хаббарду Г.Видал утверждал, что «американская пресса рассказывает своим читателям не всю правду» о событиях 11 сентября. Там же писатель говорит о таких опасных фактах, как «возможная тройственная связь между ЦРУ, пакистанскими разведслужбами и одним из террористов — участников событий 11 сентября». При этом и Гор Видал, и другие исследователи обращают внимание на поразительные факты, которые, несмотря на то что они быют в глаза, так и не удостоились сколько-нибудь внятных комментариев со стороны должностных лиц США.

Прежде всего вызывает огромные сомнения захват самолетов группами в 3—4 человека при помощи бумагорезательных ножей. При всём возможном разгильдяйстве американских авиаперевозчиков летчики находятся в закрытых кабинах, а на борту имеется значительное количество пассажиров и членов обслуживающего персонала. Конечно, не исключено, что на одном самолете произойдет удивительное стечение обстоятельств, когда дверь в кабину пилотов будет открыта, экипаж с ходу сдастся, не нажав аварийной кнопки, а террористы войдут в кабину и сумеют отключить транскодер. Однако совпадение таких обстоятельств на двух самолетах сразу уже представляется маловероятным, на трех — почти невозможным, а на четырех — напрочь исключённым. Дело в том, что США (как ранее и СССР) обладают системой тотального спутникового и авиационного слежения за своей территорией, которое осуществляется не только авиадиспетчерами, но и специальными системами. Они закольцованы на осуществляющее техническую разведку Агентство национальной безопасности США и не имеют выхода в регулярную телефонную сеть, где изошренные хакеры могли бы провести необходимые операции.

Еще более странным выглядят сообщения об 11 или 14 самолетах, якобы захваченных террористами. Между тем полет после захвата четырех самолетов длился от 40 до 60 минут. В течение этого времени исчезновение их из своих воздушных коридоров создавало экстремальную ситуацию, когда соответствующие доклады идут «наверх» и лично президенту США. Почему этих докладов не было, остаётся загадкой по сей день. Возможно, разгадке несколько помогут ответы на вопросы, следующие ниже.

Каким образом самолеты гражданской авиации могли стать «невидимыми» для наземных диспетчерских служб аэропортов и систем слежения ПВО военно-воздушных сил США? А если они всё же остались видимыми, то почему ни гражданские, ни военные наземные диспетчерские службы не отреагировали на отклонение самолетов от своих маршрутов? Почему чёрные ящики, выдерживающие пламя и сверхсильные удары, так же, как и записи пилотов, не содержат никакой читаемой информации, т.к. находятся в нерабочем состоянии, в то время как был найден целехонький паспорт террориста, якобы летевшего в самолете?

Кто осуществлял съёмку верхних этажей Северной башни Всемирного торгового центра (ВТЦ) до момента тарана и самого тарана, осуществленного самолетом авиакомпании «American Airlines» «Боинг-767»? Почему одновременно несколько кино- и телекамер, размещенных в разных точках Нью-Йорка, как по команде, оказались нацелены в точку тарана? На каком основании администрация США во главе с президентом Д. Бушем, не приступив даже к расследованию терактов, уже в тот же день, 11 сентября 2001 года, включилось в проводившуюся всеми американскими СМИ обработку мирового общественного мнения с помощью тенденциозного показа «истинного врага» — террориста №1?

Почему **ни один** из официально названных террористов не являлся пассажиром этих рейсов? Почему террористы во время подготовки оставляли следы за собой, словно стадо мастодонтов? Они оплачивали счета кредитными карточками со своими именами, сообщали своим инструкторам в полетной школе свои имена, взяли с собой, в свой последний полет прощальные письма, которые попали в руки ФБР, потому что хранились в неправильном месте и были неправильно адресованы... Особенно интригующим выглядит факт обнаружения автомашины террористов, припаркованной на многотысячной стоянке у аэропорта. Здесь, как в голливудском боевике, оказались оставленными и найденными Кораны на арабском языке и инструкции по управлению самолетами «Боинг». И,

видимо, чтобы ни у кого не оставалось ни тени сомнения, — видеопленка, на которой они запечатлели себя проходящими тренировки на тренажерах в авиашколах США.

Почему американское правительство отказалось от помощи российских и других многочисленных иностранных организаций и частных лиц, предложивших гуманитарную, медицинскую и техническую помощь? Почему американский народ и Конгресс США, представляющий его интересы, не потребовали отставки или увольнения руководителей ведущих федеральных ведомств, несущих ответственность за национальную безопасность? Почему руководивший в тот день «воздушным контролем» над США генерал Р.Эберхарт не только не понёс ответственности, но даже укрепил свои позиции? Почему директор ЦРУ после столь очевидного провала не был уволен, а ассигнования на его ведомство выросли на 42%? Почему военный бюджет США, который после распада СССР неуклонно снижался, сразу после событий 11 сентября пошел в рост, достигнув 396 млрд. долларов? Для сравнения: военные бюджеты России, Китая, Великобритании, Японии, Германии, Франции, Италии, Индии, Испании и ряда других стран, вместе взятых, составляли тогда лишь 382 млрд. долларов.

Даже если бен Ладен или другие люди, именуемые арабскими руководителями террористов, стремились действительно нанести максимальный ущерб Соединённым Штатам, то удары легко было отсрочить на пару недель, совместив их дату с открытием Конгресса (с участием президента и всех членов правительственного кабинета, а также руководства спецслужб США). Удар по зданию Конгресса в этот день создавал бы реальный политический хаос, из которого Америке было бы трудно выйти, в то время как «достижения» террористов в большей степени сориентированы на эффект «зрительного ряда» с целью шокировать общественное мнение. Почему оба небоскреба, на сооружение которых ушло около 500 тысяч тонн отборного железобетона, фактически превратились в пыль? Какая энергия перемолола этот строительный материал буквально в порошок и поддерживала непостижимо высокую температуру — три тысячи градусов (выше, чем в вулкане!), позволяя остаткам башен гореть в течение еще трех месяцев? Что питало унявшийся лишь 19 декабря огонь? Почему его никак не могли потушить? Ведь пожарные не уходили с места катастрофы!

И европейские, и американские исследователи считают, что рухнувшие здания Всемирного торгового центра (ВТЦ) превратились в груду обломков не из-за самолетов, а потому, что **были взорваны изнутри**. Например, создатели американского фильма «9/11: разменная монета» утверждают: «Нью-

йоркские башни-близнецы рухнули не из-за взрыва топливных баков самолетов, которые врезались в здания утром 11 сентября 2001 года. Всемирный торговый центр был обрушен американскими спецслужбами». Американские специалисты, представившие Конгрессу США доклад о результатах собственного расследования терактов 11 сентября, также утверждают, что башни ВТЦ были заминированы, причем не без участия правительства США. «ФБР взрывает Америку» — таков один из лейтмотивов доклада группы, включавшей несколько десятков американских строительных инженеров и архитекторов.

То же самое, по их данным, было проделано значительно позже и с располагавшимся рядом с ВТЦ 47-этажным зданием, принадлежавшим корпорации «Соломон Бразерс». Этот небоскреб не был атакован террористами, однако через 8 часов после падения башен Всемирного торгового центра полностью рухнул, буквально осел вниз. К тому моменту люди из здания были эвакуированы. Однако Федеральное агентство США по чрезвычайным ситуациям не объяснило это падение, сосредоточившись на обрушении первых двух небоскребов. Французский исследователь Т.Мейсан полагает, что это было сделано для того, «чтобы замести следы преступления», поскольку в здании корпорации был установлен специальный радиомаяк, наводивший самолеты на цель.

Ключ к тайне 11 сентября, на мой взгляд, помимо получения «карт-бланш» на войну против всего мира, следует искать в сфере финансово-экономических последствий «воздушной атаки против Америки».

Закрытие основных биржевых площадок в Нью-Йорке и других американских центрах позволило официальному Вашингтону не только провести ревизию национального фондового и валютного рынков, но и по-новому направить течение финансово-экономического кризиса, который уже вступал в наиболее острую стадию. Примечательно, что именно к сентябрю 2001 года путем многолетней целенаправленной деятельности, невзирая на всю критику неразумной политики в отношении экономик ряда стран, Международному валютному фонду удалось добиться того, что экономики всех крупнейших государств одновременно оказались на грани тяжелого кризиса.

Падение котировок за последние 30 дней перед терактами шло по нарастающей и по разным позициям варьировалось от 10% до 20%. При этом в экономике США обозначилась вовсе не временная рецессия, а глубинный структурный кризис, в рамках которого разрыв между величиной производственного сектора и сектора спекулятивного достиг неконтролируемых масштабов (реальный сектор давал не более 15% американского ВВП, в то время как «виртуальная экономика» — остальные 85%). При этом обеспеченность доллара

товарами и услугами колебалась в диапазоне 4—6%. Остальная часть «стоимости» американской денежной единицы была связана с ее статусом мировой валюты, но и здесь львиная доля приходилась не на рынок товаров и реальных услуг, а на валютные фьючерсы и прочие бумаги.

Предупредить взрыв «спекулятивного пузыря», который, по мнению ряда экспертов, мог произойти уже в середине сентября 2001 года, могли только чрезвычайные события, равные по силе воздействия на общественное мнение объявлению войны. Поэтому атака на ВТЦ привела не просто к отсрочке данного взрыва (закрытия «по техническим причинам» основных торговых площадок), но и открыла для США «новые возможности». Прежде всего это касается дополнительной эмиссии наличной долларовой массы с целью максимально расширить базу «долларового сектора» мировой экономики ввиду появления наличного евро — основного потенциального конкурента американской валюты. Именно в этом русле можно рассматривать беспрецедентное заявление тогдашнего главы Федеральной резервной системы А. Гринспэна о готовности предоставить всем банковским и финансовым структурам других стран необходимый объем наличных долларов — якобы «для предотвращения нежелательных последствий атаки на ВТЦ и Пентагон».

Более того, на следующий день после взрывов подобный политический меморандум был трансформирован в «заявление трех», когда к ФРС присоединился Европейский центральный банк и Центральный банк Японии. Американские финансовые власти также сняли ограничения на участие в торгах любых структур по коротким сделкам и создали специальную комиссию, состоящую из представителей Министерства финансов и ЦРУ по наблюдению за действиями участников рынка. В результате механизмом укрепления после 11 сентября глобальной валютно-финансовой системы с главенствующим положением доллара стал перевод всей мировой экономики в режим чрезвычайного положения или «ожидания войны», когда атаки, подобные сентябрьским, и ответные «удары возмездия» можно ожидать в любой момент в любой точке земного шара.

(Фонд стратегической культуры)

ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Израильская разведывательная служба сотрудничала с нацистскими преступниками начиная с конца 1940-х годов и, по крайней мере, до середины 1970-х. Тогдашние работники «Моссада» до сих пор отказываются говорить на эту тему.

Факты сотрудничества израильской разведки с бывшими высокопоставленными офицерами СС получили огласку в последние годы. В первую очередь, это произошло благодаря тому, что в 1998—1999 годах Сенат и Конгресс США обязали ЦРУ рассекретить документы, касающиеся связей американских спецслужб с бывшими нацистами. В начале 2000-х Лэнгли передало в Национальный архив соответствующие материалы общим объемом около 250 000 страниц.

Эти документы свидетельствуют, что израильские разведчики, как и их американские коллеги, не только тесно взаимодействовали с нацистскими преступниками, но и укрывали их от преследования. И если спецслужбы США стремились воспользоваться знаниями и агентурными наработками нацистов в конфронтации с СССР, то «Моссад» интересовали их связи в арабских странах.

На основании материалов, рассекреченных ЦРУ, в прессе США и Израиля были

ДОСЬЕ "МГ"

преданы огласке три конкретных случая сотрудничества разведки Еврейского государства с бывшими эсэсовцами. Причем в документах по одному из них четко говорится, что это далеко не единственный случай подобного рода. Кроме того, осенью прошлого года в Израиле была издана книга военного историка и бывшего офицера армейской разведки Йосефа Аргамана. Первая глава в ней посвящена одному из эпизодов сотрудничества израильтян с ветеранами секретных служб третьего рейха.

Обращает на себя внимание тот факт, что все случаи, преданные огласке, касаются эсэсовцев, участвовавших в уничтожении евреев, в частности еврейского населения Советского Союза.

Палач евреев, спасенный евреями

Наибольшее количество опубликованных данных имеет отношение к связям израильтян с Вальгером Рауфом, в прошлом являвшимся другом и ближайшим помощником одного из главных архитекторов геноцида евреев Рейнхарда Гейдриха (начальник Главного управления имперской безопасности СС в 1939—1942 гг.). Кстати, Рауф — один из относительно небольшого числа эсэсовцев среднего звена, которых Юлиан Семенов упоминает в своих книгах под настоящим именем. Знаменитый писатель, имевший, как известно, доступ к архивам КГБ, однозначно указывает, что этот нацистский преступник имел прямое отношение к гибели тысяч советских детей еврейского происхождения.

Сведения, опубликованные Семеновым, получили подтверждение в сентябре 2005-го, когда британская разведка MI-5 рассекретила документы о деятельности Рауфа. В июне 1942 года он возглавил «технический отдел» СС и в этом качестве руководил созданием мобильных газовых камер, в которых были уничтожены около ста тысяч человек, в первую очередь евреев. Советские историки называли цифру — 250 тысяч, отмечая, что это были в основном жители Украины, Белоруссии, Литвы и Польши (в документах ЦРУ приводятся оценочные данные от 97 тысяч до 200 тысяч погибших).

С июля 1942-го по май 1943-го Рауф выполнял спецзадания СС в Тунисе, где занимался грабежом и убийствами евреев. Под его руководством здесь были уничтожены более 2500 человек.

С сентября 1943 года и почти до конца войны он возглавлял отделение гестапо в Милане. В апреле 1945-го его задержали англичане, но два года спустя Рауф сумел бежать из

заклучения. Советские источники отмечали, что побег был организован при участии бывшего начальника эсэсовских диверсантов, знаменитого Отто Скорцени (о его связях с израильской разведкой см. ниже).

Как свидетельствуют документы из архивов ЦРУ, в 1948 году Рауф был завербован сирийской разведкой и вскоре объявился в Дамаске в качестве военного советника президента Хосни Заима. Весной 1949-го последний был свергнут заговорщиками, а Рауф через Ливан бежал в Италию. Здесь с ним вышел на связь Шалхевет Приар — сотрудник Оперативного отдела внешнеполитического ведомства молодого Еврейского государства. Данная структура, под руководством Ашера Бен-Натана, занималась разведывательными операциями за рубежом, и в 1950-х на ее базе была сформирована служба «Моссад».

В 1993 году, в интервью газете «Едиот Ахронот» теперь уже покойный Приар рассказал, что до того, как пойти на встречу с бывшим нацистским преступником, он запросил на это разрешение не только своего непосредственного начальника Бен-Натана, но и главы внешнеполитического ведомства Баруха Гуриэля (Борис Гуревич). Оба они срочно выехали в Рим, чтобы лично понаблюдать со стороны за общением своего подчиненного с Рауфом. Знакомясь с ним, Приар сразу заявил, что является сотрудником израильской разведки. Между ними было заключено джентльменское соглашение: бывший нацист рассказывает всё, что ему известно о сирийской армии и спецслужбах, а израильтяне помогают ему скрыться в Южной Америке. Одновременно, как отмечают архивные материалы ЦРУ, Бен-Натан вынашивал планы забросить Рауфа с разведывательным заданием в Египет. Но, в конечном итоге, было решено ограничиться работой с ним по сирийскому направлению.

В декабре 1949 года Рауф отправился морским путем из Италии в Эквадор. Американцы подозревали израильтян в том, что именно они обеспечили его «чистыми» документами, а также оплатили билет на пароход.

На недавней встрече с Ашером Бен-Натаном журналист портала IzRus прямо спросил: как он объясняет всю эту информацию. Бывший глава первой израильской разведслужбы отвечал крайне неохотно и весьма скупо: «Один из сотрудников внешнеполитического ведомства получил материал от бывшего офицера СС, который был в Сирии. Тот передал нам очень важную военную информацию — оперативные планы сирийского Генштаба. Его звали Вальтер Рауф. Это был единственный случай... Но у меня никогда не было

контактов с ним». На вопрос о том, правда ли, что израильтяне помогли Рауфу бежать в Южную Америку, Бен-Натан ответил: «Мы просто дали ему уехать. Мы не помогли ему, а просто дали уйти. Был один священник из Ватикана, который организовал все документы».

Бен-Натан не стал отвечать на вопрос о том, было ли ему и его подчиненным известно о роли Рауфа в уничтожении евреев. Но в этом сложно усомниться, если учесть, что сам Бен-Натан с 1944-го занимался в «Моссад ле-алия бэт» сбором сведений о нацистских преступниках. Более того, информация о преступлениях Рауфа против евреев публиковалась в 1945-м во многих западных изданиях, а в протоколах Нюрнбергского процесса его имя упоминается 31 раз.

В 1958-м Вальтер Рауф осел в Чили, где спокойно жил до своей смерти весной 1984-го. За все это время Израиль ни разу не потребовал от местных властей его выдачи, хотя Иерусалим и Сантьяго поддерживали весьма тесные отношения, в том числе в военной сфере.

Любимец Гитлера на службе «Моссада»

Хотя Бен-Натан утверждает, что случай Рауфа — единственный раз, когда израильтяне сотрудничали с бывшими нацистами, архивные документы ЦРУ рисуют иную картину. Из них известно, что другой подчиненный Бен-Натана, экс-офицер британской разведки Давид Маген (Тэд Крос), одновременно работавший на американцев, курировал еще одного эсэсовца, Яноша Вольберга. В то же время израильтяне задействовали и подполковника СС Вильгельма Хеттля, в годы войны участвовавшего в депортации евреев Вены и Будапешта в Освенцим.

Однако самая любопытная история сотрудничества израильтян с бывшими нацистами касается связей «Моссада» с генерал-майором СС Отто Скорцени. На общем фоне она выделяется как его статусом в иерархии третьего рейха, так и относительно поздней датировкой этих связей, прекратившихся лишь с его смертью в июле 1975 года.

Австриец Скорцени служил в рядах СС с февраля 1934-го и был близким другом Эрнста Кальтенбруннера, с 1943-го возглавлявшего Главное управление имперской безопасности. В том же 1943-м Скорцени, по рекомендации своего давнишнего приятеля, возглавил диверсионный отдел управления зарубежной разведки СД (служба безопасности имперского вождя СС). Он пользовался особым расположением Гитлера и закончил войну в звании генерал-майора.

В мае 1945-го Скорцени был схвачен союзниками, и августе 1947-го предстал перед Нюрнбергским трибуналом. Как утверждала затем западногерманская пресса, оправдательный вердикт ему был обеспечен согласием работать на американскую разведку против русских. Мюнхенский журнал «Quick» отмечал в апреле 1950-го: «Процесс неожиданно закончился оправдательным приговором. Так и осталось неясным, был ли на нем представлен весь материал против Скорцени. Что же касается мнения широких кругов о приговоре, то его можно кратко выразить словами: мелких сошек вешают, а крупным фигурам дают сбежать». Впоследствии, именно этим решением суда руководители «Моссада» оправдывали свои контакты с любимцем Гитлера.

Идея задействовать Скорцени на египетском направлении возникла еще у Исера Хареля, возглавлявшего израильскую разведку в 1952—1963 годах. Но практически «разработкой» бывшего генерала СС «Моссад» занялся уже при Меире Амите, вставшем во главе этой структуры в июне 1963-го. Контакты со Скорцени осуществлял один из высокопоставленных сотрудников «Моссада», уроженец Германии Авраам Ахитов, впоследствии ставший начальником Службы общей безопасности ШАБАК (1974—1980).

С первой же встречи со Скорцени, состоявшейся в сентябре 1964-го, Ахитов не скрывал, что представляет именно «Моссад». Более того, как отмечает в своей книге («Тайная война», изданной министерством обороны) упоминавшийся выше историк Йосеф Аргаман, работавший с израильскими архивными материалами, о сотрудничестве с бывшим генералом СС был детально осведомлен не только Меир Амит, но и глава правительства Леви Эшколь.

Израильяне были заинтересованы в получении сведений о работе в Египте немецких военных ученых и инструкторов, многие из которых в прошлом подчинялись Скорцени. Тот же, в свою очередь, надеялся на негласную помощь израильтян в «очищении» своего имени в глазах западноевропейской общественности.

Убеждая себя в непричастности Скорцени к преступлениям против евреев, руководство «Моссада» предпочло не вспоминать о многих других его «подвигах» на службе нацистского режима. Так, 9 ноября 1938 года Скорцени лично командовал акциями против евреев в 3-м районе Вены, в частности сожжением пяти синагог, и конфискацией многочисленного имущества. В 1943—1944 годах он же руководил испытаниями на еврейских узниках концлагеря Заксенхаузен новых видов оружия, предназначенных для диверсионных

операций. Осенью 1944-го Скорцени и его люди сыграли одну из ключевых ролей в захвате нацистами власти в Венгрии, что повлекло за собой уничтожение более ста тысяч местных евреев. И на момент установления связи «Моссада» с этим бывшим генералом СС его продолжало разыскивать правительство Чехословакии по обвинению в причастности к казням гражданского населения.

«Мы свои тайны унесем в могилу»

В своих мемуарах, изданных в 1999 году, Меир Амит отмечает, что возглавив «Моссад» летом 1963-го, он первым делом распорядился изменить шкалу приоритетов внешней разведки. До того, по его убеждению, она «слишком много занималась неважными, второстепенными вопросами», среди которых Амит особенно выделяет охоту за нацистскими преступниками. «Такие темы не должны были находиться на повестке дня разведки», — подчеркивает он.

Портал IzRus обратился к Меиру Амиту с рядом вопросов, в частности, о том, почему поимка убийц евреев была «вопросом неважным и второстепенным», и не испытывал ли он душевных колебаний, курируя связи с генерал-майором СС? Господин Амит не пожелал обсуждать подобные темы в личном общении и предпочел переслать свои ответы в письменной форме. «Заданные вопросы не относятся к периоду моей службы в «Моссаде», — лаконично отреагировал он. Странно, в книге Йосефа Аргамана, подготовленной на основании израильских архивов и изданной министерством обороны, четко указывается период сотрудничества разведки с Отто Скорцени — с сентября 1964-го по июль 1975-го, причем известно также, что Меир Амит руководил «Моссадом» в течение пяти лет, с июня 1963-го.

Несколько его тогдашних подчиненных, к которым обратился портал IzRus, часами и взахлеб готовы были рассказать о своих подвигах в истории с угоном иракского «МиГа» или о поддержке иракских курдов в 1960-х годах. Но, только заслушав любые упоминания о нацистах, даже «с подходом издавека», сразу же удивительным образом, превращались в синильных склеротиков и выживших из ума маразматиков.

Лишь один из бывших сотрудников Ашера Бен-Натана согласился уделить нам «не больше пяти минут» и то по просьбе израильского историка, помогавшего в подготовке этого материала, и исключительно на условиях анонимности.

На вопрос о том, почему люди, которым сегодня давно за семьдесят, а некоторым — аж под девяносто, наотрез отказываются говорить о событиях полувековой давности, наш собеседник недоуменно ответил: «А что вы хотели, чтобы мы сами себя оговаривали, чтобы запятнали память о себе и своих товарищах, то дело, которому служили?!» И далее он объяснил: «Время было непростое, что в ходе мировой войны, что после. Сейчас легко об этом судить... К тому же мы выполняли приказы. И никто вам ничего не расскажет. А вы ждали, что я начну говорить о связях руководства «ишува» с нацистами во время войны или о том, как вербовали их пачками после; как делали селекцию при нелегальном вывозе евреев в подмандатную Палестину по признаку идейной принадлежности и ревизионистов старались не брать; или как после войны, опасаясь испортить отношения с Европой, ставили палки в колеса бывшим партизанам и участникам сопротивления в гетто, желавшим мстить немцам... Никаких фактов, тем более от своего имени, вам никто не даст. Мы всё хорошо помним, но свои тайны унесем с собой в могилу»...

ОБДЕЛЁННЫЕ И ОБИЖЕННЫЕ

Книгу Г.П. Вишневской «Галина» я не смогла прочитать в 1999 году, когда она вышла в издательстве «Русич» (Смоленск), но слышала о ней много: «неподкупные строки великой певицы», «Вишневская — наша совесть» и т. д. И вот недавно книга оказалась у меня в руках. Читать начала с интересом, вникая в каждую строчку. Вдруг на стр. 20 с удивлением обнаруживаю: «Трескучие речи и пьянство — вот чем полна сейчас Россия».

Если учесть, что впервые книга «Галина» увидела свет в 1984 году (в США), то, значит, к первой половине восьмидесятых и нужно относить это высказывание. Но где же Вишневская видела поголовное пьянство в ту пору? С 1982 года у власти стоял Ю.В. Андропов, и население страны (не России, а СССР) с нетерпением ожидало, когда он покончит с безответственностью и ненасытной алчностью чиновников, распоясавшихся при Брежневе. Трескучих речей тоже не было, Андропов редко выступал с речами, оттого и другим было неповадно. Андропов умер 9 февраля 1984 года.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

После стр. 20 я была уже настороже. И действительно, дальше Вишневская пишет: «В этом первом моем сезоне 1952—1953 года, Сталин бывал несколько раз на оперных спектаклях. (...) В его аванложе на столе всегда стояла большая ваза с крутыми яйцами — он их ел в антрактах».

Да разве старый, больной человек (умер 5 марта 1953 года) сможет съесть за спектакль 20—25 яиц, сваренных вкрутую? Или эта тяжелейшая для желудка пища под музыку переваривается быстрее? Но дальше по тексту идет еще интереснее. Якобы со слов дирижера С.А. Самосуда Вишневская сообщает:

«В антракте его вызвал к себе в ложу Сталин.

— Товарищ Самосуд, что-то у вас сегодня спектакль без бемолой».

Сталин как-никак учился в духовной семинарии, а там пение было одним из главных предметов, пели по нотам, и не знать, что такое бемоль или диез, Сталин не мог. Приписать ему фразу кретина «что-то у вас сегодня *спектакль* без бемолой» — это уж гнусность!

Почему-то Вишневскую не устраивало, что Сталин не сидел в царской ложе напротив сцены. Не сидел открыто, как русские государи, а «прятался за тряпками», то есть за шторой. Но кто бы стал слушать Вишневскую, да и просто смотреть на сцену, когда вот он, Сталин, которого можно увидеть не на портретах, которого после Великой Победы боготворила вся страна?

«Да, — продолжает певица, противореча себе, — велика была вера в его высокую избранность, и, когда он умер, кинулся народ в искреннем горе в Москву, чтобы быть всем вместе, ближе друг к другу... Тогда перекрыли железные дороги, остановили поезда, чтобы не разнесло Москву это людское море. Я плакала со всеми вместе. Было ощущение, что рухнула жизнь, и полная растерянность, страх перед неизвестностью, паника охватили всех».

Хотелось бы мне спросить примадонну: хоть одного царя *так* хоронил наш народ, «в искреннем горе», «чтобы быть всем вместе, ближе друг к другу»?

Зато в горбачевскую перестройку явились лжецы, дела Сталина монстром, чудовищем, грязным тираном. Не отстала от них и Вишневская: «Сталин уничтожил миллионы невинных людей, разгромил крестьянство, науку, литературу, искусство...» Но на стр. 121 заявляет: «Сталин не жалел ничего для артистов Большого театра. Сам устанавливал им высокие оклады, награждал их орденами и сам выдавал им Сталинские премии. Многие артисты имели по две-три Сталинские премии, а то и пять. (...) Театр никогда не знал материальных затруднений. (...) Декорации и костюмы стоят

миллионы рублей, потому что в создании их на пятьдесят процентов применяется ручной труд. Народ гордится своим театром и не дает себе отчета, что сам платит за его содержание».

Значит, с искусством все-таки был порядок? Не убил его Сталин, не изничтожил. А о народе-то зачем плакать, коли он гордился своим театром?

«Почему он любил бывать именно в опере? — задается вопросом Вишневецкая. — Видимо, это доступное искусство давало ему возможность вообразить себя тем или иным героем, и особенно русская опера с ее историческими сюжетами и пышными костюмами давала пищу фантазии. Вероятно, не раз, сидя в ложе и слушая «Бориса Годунова», мысленно менял он свой серый скромный френч на пышное облачение и сжимал в руках скипетр и державу».

Сама примадонна не носила скромных одежд — при сталинских ставках ведущим солистам Большого театра она имела возможность одеться богато. Перед девчонками кордебалета «готова была провалиться сквозь землю от стыда за мою бестактность, за свое шикарное платье, за бриллианты на руках». Очевидно, Сталин не желал выглядеть бестактным, поэтому не носил золотом шитых костюмов, не тряс пальцами в бриллиантах, а ходил в своем сером френче. И всё, что ему оставалось, — это в щель занавесок ложи смотреть на сцену и завидовать Годунову.

Не устраивало Галину Павловну и то, что Сталин любил народные песни, а опер знал лишь несколько. А знал ли хоть одну оперу Ельцин, с которым она на фото счастливо улыбается? О-о-о, непременно знал все до единой!

Не нравился примадонне и состав публики Большого театра. «В Большой театр часто устраиваются коллективные походы служащих, рабочих заводов и фабрик, депутатов сессий Верховного Совета. Все эти случайные в театре люди часто низкого культурного уровня. (...) Утром Сталин вешал ордена на мощные груди (знатных колхозниц), а вечером все они сидели в первых рядах Большого театра, слушая оперу. Однажды самая знаменитая из них оказалась прямо за спиной дирижировавшего оперой Самосуда. Несколько минут она его терпела перед собой. Но потом вдруг решительно встала, подошла к оркестровому барьеру и, хлопнув Самосуда по плечу своей могучей рукой, громко отчитала:

— Ну, чего ты руками, как ветряк, махаешь? Уйди отселева, ты мешаешь мне смотреть!»

Это те же «яйца вкрутую» для Сталина. Из деревень, поехав в Москву получать награду, люди сперва получали длинный перечень наставлений. И попробуй ты отступи от этого перечня! Не возрадуешься! А у Вишневецкой этакая удалая Фроська хлопает

неугодного дирижера по плечу: ну-ка, отлезь отседа! Как же не стыдно клеветать на них, кормивших страну? В дожди и мороз, в грязи и навозе по колено, они перевыполняли государственный план, чтобы у нее на столе были свежие сливки к утреннему кофе, к обеду — бифштекс, к ужину — окорок. И это после войны, когда с таким трудом восстанавливались хозяйства, когда на полях, случалось, еще подрывались на минах, когда колхозники жили порой в землянках, а питались не каждый день досьга, сдавая «излишки» государству. С чего же тут взяться «мощным грудям»? На фото тех лет — худющие они, колхозницы наши.

«Но основная публика Большого театра — это командировочные, — продолжает певица. (Так и пишет «командировочные», а не командированные, и везде у нее эти «командировочные». — Н.Б.). — Более миллиона их из разных концов огромной страны ежедневно проезжают через Москву. (...) Такой командировочный, набегавшись целый день по служебным делам, потолкавшись на собраниях, заседаниях, в очередях по магазинам за кофтой для жены, бюстгальтером для дочки, очками для бабушки и т.д., набив портфель в буфете какого-нибудь министерства апельсинами и колбасой, усталый и обалдевший, наконец-то вечером оказался в Большом театре. Часто, сидя в ложе и слушая какой-нибудь спектакль, я наблюдала за публикой в зале: какие усталые бессмысленные лица! Никакой заинтересованности в том, что происходит на сцене».

А какая может быть заинтересованность, если еще до боготни по служебным делам и магазинам, человек с четырех ночи до девяти утра стоял в очереди за билетом в Большой театр! Тут бы добраться до своего кресла в партере да посидеть «с бессмысленным лицом», а то и выспаться.

Но читаю дальше. «Отсутствие в театре культурно подготовленной публики привело к ненужности выдающихся дирижеров, выдающихся вокалистов». Во как! Куда же они девались, ненужные-то дирижеры и вокалисты? Про это Вишневская не говорит. Зато повествует, как «нетеатральная атмосфера зрительного зала продолжается и в антрактах». «Публика не общается между собой, не обменивается впечатлениями». То есть не раскланиваются друг с другом, как княгиня Марья Иванна с графом Андреем Платоньчем, не обсуждают артисток, как Кити с Зизи, не насвистывают арии, как профессор Преображенский из повести Булгакова, предпочитавший являться ко второму акту спектакля. Москвичи же, по утверждению Г.П. Вишневской, в Большой театр почти не ходят, они идут в консерваторию на симфонические концерты или вокальные вечера «прямо с работы, не переодеваясь, порою с сумками». Ну, а что остается, если в Большой театр с продуктовыми сумками не пускают?

Продуктовым сумкам и пустым прилавкам московских магазинов Вишневская отводит в книге гораздо больше места, чем собственному творчеству. Но дело в том, что Москва с конца сороковых до середины восьмидесятых годов не испытывала нехватки продовольствия, а Вишневская покинула СССР 26 июля 1974 года. Однако, описывая жизнь простого труженика в Москве, она негодует: «Дома его встретит осатаневшая от стояния в очередях злая растрепанная жена. Если ей повезло и она ухватила в каком-то магазине полутухлую рыбу или обрубок берцовой кости с остатками мяса на ней, — само мясо директор магазина уже продал с черного хода, а деньги прикарманил, — пусть он этим поужинает». Полутухлую рыбу даже я не припомню, хоть жила не в Москве, а в глубокой провинции. С санэпидемстанцией не шутишь. А дельцы, желающие продать с черного хода, получали лагерные сроки. Но вот читаю, как примадонна препиралась со своей домработницей в 1956 году:

«По утрам Римма исправно появлялась в дверях моей комнаты и задавала провокационный вопрос:

— Что будем сегодня готовить?»

Я застывала в мучительных раздумьях, почти как Гамлет: «Есть или не есть?» А если есть, то что? (...) Я начинала вытягивать из себя бездарные предложения.

— Чего-о-о? Рыбу-у? Ха-ха! Да где же я ее достану? Вот уморато! Ну, знаете... Вы что, с Луны свалились? Когда это они в магазинах бывали? Нет, вы соображаете, что говорите-то? Забыли, что ли, что кроме капусты с картошкой, ничего не бывает?»

Ну, прямо как в книге ее любимого Солженицына «Один день Ивана Денисовича», с той лишь разницей, что домработница Римма напориста и не без юмора, а Иван Денисович — убогий кусошник, лагерная шестерка.

«В Париже, на открытии гастролей, — продолжает «голодную» тему Вишневская, — в опере «Борис Годунов» наш хор как заголосил: «Батюшка царь, Христа ради, подай нам хлеба! Хлеба! Хлеба подай нам!» (Странно, что примадонна не помнит точного текста). Да притом все повалились на колени и возледи руки, — так у публики и местной администрации волосы встали дыбом, и в результате в подвале театра организовали нечто вроде походно-полевой кухни. (...) Мы со Славой жили отдельно от театра и ни разу не отведали его кулинарии. Но однажды, спустившись в подвал оперы (Гранд Опера), получили полное впечатление, что попали в столовую для безработных и бездомных — на столах также были груды хлеба и миски супа».

Выделяя себя, как «великую» и высокооплачиваемую во время заграничных гастролей певицу, которая имеет возможность питаться в ресторанах, Вишневская бесстыдно клевет-

шет на своих коллег. Во-первых, французы не знают, что такое суп, и готовить его никак не могли. Да и мисок для супа в глаза не видели. Во-вторых, груды хлеба на столах — это полнейшее бескультурье, а Франция все-таки цивилизованная страна. В-третьих, оперу «Борис Годунов» в Европе знают превосходно еще со времен Шляпина, и сцену перед собором Василия Блаженного, когда народ просит у царя хлеба и падает перед ним на колени, тоже знает. Не с чего было пугаться за «голодных» артистов Большого театра.

Похваляясь огромными гонорарами, стометровой квартирой в Москве, трехэтажной дачей в Жуковке, тремя автомобилями, примадонна дописалась наконец вот до такого: «Вернувшись из одной «экспедиции» (за антикварным фарфором), он (Ростропович), захлебываясь от восторга, рассказал мне, что встретил старика, в которого я влюблюсь с первого взгляда, дядя Ваня и жена его тетя Маша. (...) На другой день, придя после репетиции домой, я увидела в столовой на моих ампирах сначала валенки, а потом и дядю Ваню».

Отославшись на ампирах, дядя Ваня заявил Ростроповичу:

— А знаешь, Слава, у нас в деревне недалеко одна старуха живет, я видел у нее тарелки с царскими гербами.

— Так ты скажи мне адрес!

— Да нет, адреса я тебе точно сказать не могу, а ты приезжай ко мне, ты же знаешь, был у нас, и мы вместе с тобой поедem — от нас недалеко, километров тридцать.

— Конечно, приеду. Мы с Галей вместе поедem, давай в следующее воскресенье.

Ехали мы на своем «Ландровере» километров двести от Москвы. Слава, конечно, адрес забыл, долго плутали по маленьким деревенькам, наконец нашли дядю Ваню. Едва мы в дом вошли, стал нас дядя Ваня торопить, чтобы успеть засветло. Смотрю, он в нашу машину быстро-быстро мешки начинает носить, в мешках сухари. Всю машину наполнил до отказа, еле мы там разместились. Ехали, пожалуй, час, наконец в какой-то деревне остановились.

— Ну что, приехали?

— Да нет, погоди, я сгружу мешки-то. Сын мой тут живет, вот наконец ему на зиму, да детишкам вот печенье да конфеты... Из Москвы».

Облапошил Вишневецкую с Ростроповичем дядя Ваня: никаких чашек с царским гербом у его знакомой старухи не оказалось. А захотел он, чтобы доверчивые супруги на их «Ландровере» отвезли сыну мешки с сухарями — кормить скотину, поскольку с комбикормами было никак. И Вишневецкая, прощая обман дяде Ване, пишет: «Я уж потом сообразила, что он тайком должен был сухари-то перевозить: у

нас законом запрещено скот кормить хлебом. В колхозе машину просить, наверное, побоялся — чтобы не донесли».

Вот так! Попросить в колхозе машину он побоялся, а подогнать к воротам своего дома «Ландровер» — не побоялся. Тут бы не только здоровые, но и больные сбежались узнать, что случилось, что за министры нагрянули к дяде Ване? Год-то указывает примадонна 1970-й, иномарок в то время в глаза не видели даже в областных центрах. И когда дядя Ваня до отказа набивал машину сухарями, как восприняли бы это колхозники? «Ландровер» 1970 года выпуска имел 4, 6 м. в длину, 1,8 м. в ширину, 1,8 м. в высоту. Загремел бы дядя Ваня очень далеко! А с ним и Вишневская с Ростроповичем.

Но что интересно, накопивший мешков пятьдесят сухарей в течение одной только зимы, дядя Ваня полностью опровергает слова примадонны о разорении Сталиным крестьянства.

Однако самое увлекательное в книге Вишневской — это рассказ о пребывании у них на даче Солженицына. Как приехал он к ним на жительство и привез с собой «старый черный ватник, стеганый, как лагерная телогрейка, до дыр заношенный». А затем увидела примадонна, что в этот ватник втиснута «тощая подушка в залатанной наволочке, причем видно, что заплаты поставлены мужской рукой, так же, как и на ватнике, такими большими стежками». «Всё это связано веревочкой, и на ней висит алюминиевый чайник. (...) Мы стояли (с Ростроповичем) над свернутым узлом, бережно хранившим в себе, в обжитых складках и заплатках, человеческие муки и страдания».

Знала бы Вишневская, что в этом ватнике Солженицын раз десять уже сфотографировался, имитируя то обыск на КПП, то затравленного, глядящего исподлобья себя-зэка... Номера на ватнике подлинны. «Мы их бережем как зеницу ока. Александр Исаевич вывез их из лагеря». Так пишет его первая жена Н.А. Решетовская.

Да еще про кепочку примадонна забыла. В ней, с лагерными номерами, Солженицын тоже фотографировался. Так что «человеческие муки и страдания, бережно хранящиеся в обжитых складочках и заплатках», имели приличный «тираж». А вот подушка еще ожидала своего часа: возможно, планировалось, что Солженицын на фото будет лежать на нарах. Ну и чайник где-нибудь пригодится... хотя бы бить по морде лагерную овчарку.

«Вскоре, — пишет Вишневская, — я познакомилась с женой Солженицына — Натальей Решетовской. (...) В тот вечер мы сидели за столом, увлеченные беседой, — и вдруг Наташа упорхнула от нас в комнату рядом и бездарно заиграла на рояле что-то из Рахманинова, Шопена, нещадно колотя по клавишам.

Александра Исаевича передернуло, он опустил глаза, как бы стараясь сдержаться, потом посмотрел на Славу:

— Ну, уж при тебе-то могла бы и не играть, а?»

Но дело-то в том, что Н. А. Решетовская в свое время параллельно с учебой в средней школе, а затем в Ростовском университете, окончила музыкальную школу и музыкальное училище. Состав преподавателей в Ростовском музучилище был в основном профессорский. В 1965 году Солженицын попросил Марию Вениаминовну Юдину — пианистку с мировым именем — давать уроки его жене, поскольку Наталья Алексеевна кое-что подзабыла. Вопрос: стал бы Солженицын обращаться с просьбой к Юдиной, если бы Решетовская играла плохо? Понятно, что нет.

Юдина, по ее словам, «любила Александра Исаевича как собственного сына», но все же из-за огромной занятости не смогла заниматься с его женой, попросила М.А. Дроздову давать ей уроки: «Александр Исаевич очень любит, чтобы, когда он работает, звучала хорошая классическая музыка, и не только в записях, но и в «живом» исполнении». Дроздова согласилась, и Решетовская приезжала к ней на Арбат два-три раза в месяц.

Так почему Наталья Алексеевна вдруг заиграла у Ростроповичей, «нешадно колотя по клавишам», конфузя своего мужа? Тут мне придется на время отложить книгу Вишневской и достать фотографию, где изображены четыре серьезные красивые девушки. Одна из них — Наталья Решетовская, чернобровая, с длинными косами. На обороте фотографии написано: «Подруги: Лиза Гасперская, Женя Крылова, Галя Корнильева, Наташа Решетовская. Ростов-на-Дону, 1935 год. Дарю этот «исторический» снимок моей хорошей ученице — ныне писательнице — Нине Бойко. Город Березники, 14 июня 2002 года».

Галина Евгеньевна Корнильева приехала к нам на Урал в 1962 году после долгих уговоров ее директором шахты Колесниковым. Познакомились они во время его командировки в Ростов-на-Дону. Музыкальная школа в Губахе была открыта сразу после войны, но педагогов катастрофически не хватало. Чтобы Корнильева не упала в обморок на губахинском вокзале, Леонид Алексеевич рассказал ей собственную историю:

— После окончания института у нас с женой был огромный выбор, могли в Крым уехать, жить у моря под вечным солнцем. Но выбрали Губаху в Пермской области — во всех газетах писали, как нуждается Губаха в инженерах. Заявились. Зэки, военнопленные, бараки, ни единого кустика — всё выжжено горящими отвалами с шахт. Принять такое мы

с Катей оказались не в состоянии. Назад возвращаться не на что. Решили продать отрез на костюм. Вышли на базар, бледнеем и краснеем, дергаемся — ни разу ничего не продавали. Милиционер нами заинтересовался: «Что это вы, ребята, суетитесь? Краденым торгуете?» Так вот и пришлось остаться в Губахе. Привыкли очень быстро. Губахинцы — замечательные люди, хотя все почти сосланные.

И Галина Корнильева приехала. Боже, какого переполоху наделала она! Говорили, что дочь эмигрировавшего во Францию русского князя, что агентка ГБ, что вытурили из Ростова за приятельские отношения с каким-то опальным полковником... Но разговоры разговорами, а судьба Г.Е. Корнилевой действительно необычна.

Она родилась в 1917 году в Ростове-на-Дону в семье архитектора. Окончила музыкальную школу, где сдружилась с Натальей Решетовской, Лизой Гасперской и Женей Крыловой. До конца своих дней подруги не теряли связи: встречались, звонили друг другу, переписывались. По окончании Ростовского музыкального училища Галина Корнильева поступила в Ленинградскую консерваторию. Но война перечеркнула все планы. Кое-как вернулась в Ростов, а оттуда в 1942 году занявшие город немцы вывезли ее в Германию. В Берлине она выступала с бригадой артистов на заводах, в концертных залах, иногда в лагерях военнопленных. В 1944 году бригаду отправили в Италию.

Из воспоминаний Галины Евгеньевны:

«До сорок четвертого года русские почти не бомбили Берлин — американцы бомбили. Бомбы у них были страшные, немцы их очень боялись. Одна американская «люфтмина» уничтожила квартал. Американская «тифгенгер» — глубинная бомба — пробивала шесть этажей и взрывалась в подвале. Были у них и бомбы замедленного действия. А еще — с самолетов поливали Берлин горящим фосфором, по городу огненные реки текли».

В Риме Галина Корнильева пришла в консерваторию, чтобы продолжить музыкальное образование. Ее приняли на восьмой курс. Через три года она окончила консерваторию на восемь баллов из десяти возможных, получила диплом и стала работать в Миссии по культурным связям с Востоком. Двенадцать лет на чужбине! Объехала с концертами всю Европу. В Ливане вышла замуж за русского эмигранта, звала его в Россию — не уговорила. Развелась. На руках годовалая дочь. Как рвалась на родину! Пыталась ночным рейсом улететь через Цюрих — сняли чуть ли не с самолета. В отчаянии звонила знавшему ее патриарху в Дамаск. В 1954 году с двухгодовалой дочкой пересекла наконец советскую границу.

Живя вне родины, она слышала, что Ростов-на-Дону немцы сровняли с землей, но увидела родной город в прежней красе — его отстроили, отреставрировали. Однако жить там, получая полторы ставки в филармонии, было тяжело. Галина Евгеньевна никогда не знала, что такое домашняя уборка, приготовление еды, стирка, ходьба по магазинам — их семья имела домработниц, а за границей она жила в отелях, питалась в ресторанах даже выйдя замуж. В Ростове пришлось, кроме домработницы, нанимать няню для дочери — в детсад отдавать она не хотела. Обещание крупных заработков решило вопрос ее переезда на Урал. В Губахе она вырастила плеяду сильных пианистов, и говорила, что «объездила десятки городов мира, но таких хороших, честных, гостеприимных, трудолюбивых людей, как здесь, с такими открытыми сердцами, не видела нигде». В середине семидесятых ее пригласили преподавать в Березниковском музыкальном училище, и она переехала в Березники. Я часто навещала ее. Она любила, когда к ней приезжали ее выпускники.

Жила она очень скромно. Двухкомнатная «хрущевка», рояль «Рёниш», телевизор, шкаф с книгами, среди которых одна на итальянском языке — подарок Солженицына, «Один день Ивана Денисовича». На титульном листе надпись: «Единственной из наших друзей, способной читать по-итальянски. Автор». Книга была издана в 1962 году, в Италии.

Я никогда не говорила с ней ни о Н.А. Решетовской, ни о ее муже. Но в 2000 году увидела на столе письмо от Жени Крыловой. Галина Евгеньевна дала мне его почитать. Через два года, навестив ее, я взяла с собой диктофон, и разговор наш записала на пленку.

— Помните, Вам было письмо от Жени из Ростова? И там такие строки о Наталье Решетовской: «Почему бы ей не сыграть при Ростроповиче, если она играла перед самим Нейгаузом».

— Это она о книге Вишневской. Якобы Наташа набралась такой наглости, села за рояль в присутствии Ростроповича. И будто бы играла настолько плохо, что Солженицын готов был провалиться. А Наташа как раз очень хорошо играла.

— Вы никогда мне не рассказывали о Солженицыне.

— А что о нем рассказывать? Когда ему была нужна Сталинская стипендия, он разоблачал «контру», требуя самых суровых мер наказания. Везде был зачинщиком, везде ораторствовал. Написал повесть «Заграничная командировка», где девица донесла на отца.

У Галины Евгеньевны феноменальная память. «Заграничную командировку» она читала в первом варианте, запомнила. Хотя впоследствии Солженицын изменил окончание.

— У нас была подруга Лида, и где-то перед войной мы были у нее в гостях. Она и сейчас в Ростове-на-Дону живет. Не помню уже, почему речь зашла о политике, и отчим Лиды, Анатолий Николаевич, стал критиковать действия правительства. Солженицын взбесился, сказал ему, что такую контру надо ставить к стенке! А вскоре началась война. Солженицын куда-то исчез. А вот Анатолий Николаевич, «контра», пожилой человек, возраст которого уже не подлежал мобилизации, ушел на фронт добровольцем, и погиб».

Документально известно, что знакомый доктор состряпал Солженицыну справку об «ограниченной годности» к военной службе. Вместе с Решетовской они бежали подальше от Ростова. В октябре Солженицына всё же призвали — в обоз, крутить лошадям хвосты. (А куда еще бугая с «ограниченной годностью»?) Но тут уж, видать, самому стало страшно: кому будет нужен обозник после войны, куда возьмут, на какую должность? Добился, что в марте 1942 (!) года его направили на курсы командиров батарей, а через несколько дней — в артиллерийское училище, которое размещалось в Костроме. И пока он целых семь месяцев осваивал в тылу артиллерийское искусство, немецкие войска подошли к Ростову-на-Дону. Тогда и была угнана в Германию подруга его жены Галина Корнильева.

— Я в 67-м году была у них в Рязани, — продолжает рассказ Галина Евгеньевна, — так Наташа уже говорила как он: «У нас нет свободы, кругом притесняют, преследуют...» А Солженицын мне заявил: «Вы думаете, за вами не следят? За вами тоже следят! Тем более что вы столько лет прожили за границей». — «Ну, и хорошо, говорю, что следят. Раз следят, значит, видят, что я ничего плохого не делаю. Многие пострадали оттого, что доброхоты их оговаривали. Напишут донос, а потом иди докажи, что ты не верблюд». Наташа сразу заволновалась: «Потише, потише, нас подслушивают!» — «Кто? Никого же, кроме нас, нет». — «А стены? Ты разве не знаешь, что стены имеют уши?» В общем, Солженицын так запугал Наташу, ее мать и двух тетушек, что когда слышался звонок в дверь, они вздрагивали и переглядывались. Он посылал их узнать, кто звонит, они шмыгали в мягких туфлях, прислушивались, подглядывали в глазок, через который была видна вся лестничная клетка. А Наташа говорила мне, что если ночью мимо их дома проезжает машина, все в страхе просыпаются и уже не спят до утра.

— Как жить-то так можно, в вечном напряжении?

— Я сначала думала, что у Солженицына психическая травма, когда человек верит, что с ним может повториться то, что уже было. А потом поняла, что никакая не травма, ему

нужен ореол мученика, страдальца. Напомнила ему, какой он был яростный комсомолец, как защищал Сталина. Он обозлился: «У вас слишком хорошая память, а это не всегда достоинство». И Наташа напала: «Зачем ты, Галка, помнишь то, что Саня хочет забыть?»

Естественно, начинать новую жизнь надо без прошлого. Чтобы не было «Заграничной командировки», где дочь на-стучала на отца, не было оговора «Саней» близкого друга, отсидевшего по его милости десять лет, не было лагерного стукача Солженицына под кличкой «Ветров», имевшего возможность слушать по радио музыку, почитать «Войну и мир» и посасывать шоколадку, не было многого...

— Он мне жаловался, что не дают квартиру в Москве. Я удивилась, сказала, что Рязань от Москвы в трех часах езды, а Шолохов живет в Вешенской — и ничего. «Как вы можете равнять меня с каким-то Шолоховым?!» И Наташа тоже: «Да кто такой Шолохов, что ты ставишь его и Саню на одну ступень!» Словом, все было тяжело, я уехала, Солженицын даже не пошел меня проводить, а с Наташей простились натяну-то. Мы три года с ней не переписывались, но потом она сама мне написала, это уже когда Солженицын, не разводясь с ней, обвенчался с другой женщиной. А события, оказывается, развивались таким образом: он пугал Наташу, что временами должен исчезать из дома, что у него есть друг в МВД Москвы, который предупреждает его об опасности. Говорил, что никто не должен знать, в каком районе он прячется, а Наташа не должна к нему приезжать, а то наведет на след. Наташа страшно мучилась. Вдруг у него ухудшение болезни, а помочь некому? Но время от времени он появлялся, якобы опасность миновала, затем снова исчезал. Как потом выяснилось, все его «районы» были дачей Ростроповичей. Причем Вишневецкая врет, что Солженицын пришел к ним, потому что жить ему негде. У него была большая квартира в Рязани и дача под Москвой. А что сводничали — молчат.

По официальным данным, Солженицын венчался со второй женой, Н.Д. Светловой, в 1973 году, когда получил развод с Решетовской. Но данные эти, по всей вероятности, сфальсифицированы. Не мог кандидат в Нобелевские лауреаты, яростный «правозащитник», да еще «с шестилетнего возраста преследуемый за веру», позволить себе незаконное сожительство. Это тотчас бы стало известно на Западе. Тем более, у сожительницы должен был родиться ребенок. В 1973 году уже было трое детей. То есть все трое — безотцовщина, нагулянные? Скорее всего, венчание состоялось в 1969 году, а поскольку среди священников у Солженицына и Светловой

были друзья-диссиденты, такие, как А.Мень, им ничего не стоило оставить графу с датой венчания незаполненной — до того времени, когда Солженицын разойдется с Решетовской.

Сам Солженицын был крещен, хотя никаким притеснением за это отнюдь не подвергался, тем более с шестилетнего возраста. А вот сожительница его Наталья Дмитриевна Светлова вряд ли была крещеной. Внучка Фердинанда Светлова, она жила под партийной кличкой деда. Настоящая фамилия — Ф.Ю. Светлов-Шенфельдт. Революционер с 1904 года. Со слов Г.Е. Корнильевой, перед венчанием Светлова крестилась, крестной матерью ее была, по просьбе Солженицына, Мария Юдина, известная всей Москве своей религиозностью. Но когда Юдина узнала, что крещение понадобилось, чтобы оправдать незаконное сожительство Солженицына и Светловой, она заболела — для нее это было сильным ударом. Мария Вениаминовна умерла в 1970 году.

— Ростроповичи тут некрасивую роль сыграли, — говорит Галина Евгеньевна. — Везде они кричат о себе: мы христиане, христиане, а сами устраивали ему на даче свидания со Светловой. Да еще ввали, что Наташа сцены ревности при них устраивала, писала доносы на Солженицына, что по ее доносам его притесняли.

Помолчала. Продолжила:

— Для него не существует ничего святого... Предал отца, став не Исааковичем, а Исаевичем, предавал самых близких товарищей... Спокойно предал Наташу. Во время его очередной отлучки она увидела в английской газете фотографию: «Солженицын со своей реальной женой и сыном Ермолаем». Когда он вернулся, спросила, что значит фотография в газете и что это за реальная жена? Солженицын ответил: «У нас с тобой был гражданский брак, а для меня, как для верующего человека, это никакого значения не имеет». Он, когда жил в Ростове-на-Дону, был такой атеист! А тут вдруг сделался верующим.

Галина Евгеньевна отдала мне, какие у нее были, письма Натальи Алексеевны Решетовской (сейчас они хранятся в редакции журнала «Молодая гвардия»).

«20. 05. 1997 г.

Сегодня совершила подвиг — впервые после 1 сентября 96 года переступила порог своей квартиры, и под ручку со своей сиделкой — ангелом моим-хранителем добралась до сбербанка. По хозяйству тоже вынуждена прибегать к помощи. Но тут уже не бескорыстной. Тут уж идут в ход солженицынские деньги, хотя они и жгут мне руки при сложившихся у нас отношениях. Но моей пенсии хватает лишь на оплату сиделки и квартиры. Продукты 2 раза в неделю мне приносит работница собеса.

Спор между мной и С., увы, не прекращается. По сути, спор этот между правдой и ложью. А.И. «погружается» в ложь все больше и больше. Чтобы это прекратилось, надо хоть один раз увидеться, но С., упорно этого не хочет. За 2,5 года, что он здесь, я видела и слышала его только по телевизору. Деньги на лечение, когда я при нем лежала 2 раза в больнице, приносила его супруга моим родным. Она стала навещать меня, когда я последний раз лежала в больнице, и врачи считали, что я могу умереть. «Мы дадим ей достойно умереть», — говорили они.

А.И. все перевернул с ног на голову и пытается сделать меня виноватой во всех на свете грехах. Его злит сам факт, что я пишу о нем, что я не уставала его защищать. Накрепко связал меня ГБ, несмотря на то, что в книге «Кремлевский самосуд», где опубликованы все документы ГБ по делу Солженицына, нет ни одного документа, меня компрометирующего. В отношении меня он безжалостен! Не вижу конца своим попыткам реабилитировать себя! Так что мои страдания идут по двум линиям: боли физической и боли душевной. Родные навещают меня редко и чаще всего оправдывают А.И.

Люди, с которыми я познакомилась сравнительно недавно, лучше понимают меня, чем мои родные».

«27. 11. 1997 г.

Отношение с Исаичем и его поведение не выдерживают никакой критики. Любовь, которая лежала в основе всех моих поступков, в том числе и написание мемуаров в защиту его, он подменяет моим якобы тщеславием. Писать ему бесполезно, он отвечает м и м о, каждый раз добавляя все новые и новые несправедливые нападки на меня. Всё это мало способствует моему физическому и душевному здоровью».

«25. 07. 2008 г.

Ну и досталось же от тебя Солженицыну! (Галина Евгеньевна ей неоднократно писала: «Не марай руки об этого грязного человека. Или уж пиши правду!» Называла его Хамеленом. — Н.Б.) К сожалению, в письмах и телефонных разговорах его ругают, но никто не решается об этом что-то написать. Вот и живу оклеветанная им. Мои книги выходят малыми тиражами, его — огромными. Верят не мне, а ему».

На последнем уведомлении о вручении письма (Галина Евгеньевна отправляла только заказные письма) вместо подписи Натальи Алексеевны стояла чужая подпись, и было разъяснение почтальонки, доставившей письмо: «Вручено мужу». Показывая мне, Галина Евгеньевна ужасалась: «Не ходячая, ослепла, — и на тебе, вышла замуж! Видать, кому-то ее архивы нужны. Что делают с ней, полумертвой!» Через

полтора месяца Наталья Алексеевна умерла. Галина Евгеньевна пережила ее на четыре месяца.

И вот теперь вновь возвращаюсь к книге Г.П. Вишневской. Я не смогла ее дочитать, — это не книга, это ушат клеветы.

«В столовой уже с утра особый запах прокишей еды. Столы накрыты клеенкой в липких пятнах. Несмотря на раннее утро, какие-то типы глушат пиво пополам с водкой. Да, это вам не Париж. Молча жду, когда кто-нибудь подойдет к столу. Сопровождающий меня администратор театра замер, видя как примадонна мрачнеет и с каждой минутой все больше погружается в тяжелые раздумья (!). Наконец подошла здоровенная тетка и, увидев, как я бумажкой вытираю грязь на столе, приняла позу «готов к труду и обороне»: ну что будем заказывать?»

Это ли не подлость? В 1972 году, а именно этот год описывает «примадонна», кто бы разрешил распивать в столовой спиртные напитки? И кто бы пришел напиться прямо с утра? Праздногуляющих не было, все работали. И клеенка на столах — вымысел. Пластик был. А откуда взяться в столовой официантам: «Что будем заказывать?» Это не ресторан. В столовых — общая раздаточная стойка: получай блюдо, ставь на поднос и носи к столу. Поел, отнеси грязную посуду к другой стойке.

Читала я этот эпизод о пьянстве с утра, о грязи и мерзости, и вспомнила высказывание Солженицына в «Архипелаге»: «Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чуждой и ненужной, чем русская».

Что ж, пусть так — и вы, нерусские, умчались от нас дальше. Ну и живите, где вам хорошо, где нации не презренны и не покинуты. Что же заставило вас возвращаться? Никто не преследовал вас за бугром, с продуктовыми сумками не стояли в очередях, не думали с утра: «Есть или не есть?»

Везд Солженицына в проданную им Россию мне никогда не забыть. С Владивостока начал, через Сибирь, Урал... И подносили ему разные прихвостни хлеб да соль. И похвалялись потом, как В.П. Астафьев:

«Солженицын приехал в Красноярск в два часа ночи, а в девять утра уже был у меня в деревне. С ним мне сразу стало легко. Ну, конечно, я что-то списывал на двадцать семь лет его отсутствия, делал какие-то скидки. Я что, спорить буду? Это некоторые у нас любят: спорил с самим Твардовским! Ну и дурак, что спорил. Я вот только слушал, когда судьба свела меня с ним, и заряд получил на всю жизнь».

Тут бы и встать перед ним на колени, покаяться, что в шестьдесят седьмом, после съезда писателей, где Солженицын всучивал каждому свое «Письмо съезду», вбежал Виктор

Петрович к первому секретарю Пермского обкома Кириенко и, надрываясь, орал о халатности партии, пропустившей «таких гадов, как Солженицын». (Пермью Астафьев облакан был выше крыши: две квартиры, обкомовский паёк. Но решил, что этого мало, уехал в Вологду и там объявил: «На Пермский обком надо пустить танки!»)

Получивший от встречи с Солженицыным «заряд на всю жизнь», Виктор Петрович переписал повесть «Пастух и пастушка». В издании 1970 года в ней говорилось, что Бориса похоронили посреди России. (Как это было высоко, как справедливо!) А в собрании сочинений 1999 года — Бориса уже, как собаку, выкинули из санитарного поезда. Да кто бы посмел? Узнай раненые, разорвали бы на куски врачей и санитаров!

Чуть позже Астафьев делился с критиком Курбатовым (тоже млеющим перед Солженицыным: аж за пуговички его ловил, распивая шампанское тет-а-тет): «Но самое страшное предстоит сказать мне в третьей книге («Прокляты и убиты»), как наше «поколение победителей» стало трусливым, мелочным, до кусочников доехало. Тут уже мне говорили: ну что еще кусочниками-то обзываешь! Это-то еще зачем? А я говорю: а кто же вы? Дадут к Дню Победы поллитру с бутербродом, и сжуеете. Как же назвать? «Да ты-то, ты-то от другого куска, что ли?» А я, говорю, себя и не выделяю — из того же поколения. Всех сделали кусочниками».

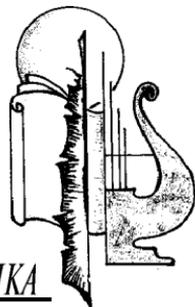
Нет, у кого душа не маралась — не измарается. А Виктор Петрович, видать, давно подгнивал. «А ты, матушка, не догадалась консервов-то вложить — получала же пайку обкомовскую», — встретил он супругу в своей красноярской квартире, когда она прилетела из Вологды. — «Я сама не съела, часть, понемногу, что скопила, Иринке оставила — дети же у нее, немного Андрею дала, немного совсем — они и продукты-то покупают на день, поскольку не знают, где завтра жить будут... Но почти все банки, вон, в тех двух чемоданах, да один идет в контейнере...» (М.С. Корякина-Астафьева, «Знаки жизни». Красноярск, 2000 г.).

Те же куски и банки руководили и Солженицыным, когда в 1975 году он угодничал в Вашингтоне: «Бремя лежит на плечах Америки. Ход истории, хотите вы этого или нет, возложил на вас руководство миром!» Те же куски и банки маячили перед взором Вишневской, когда в США появилась ее книга «Галина».

РАЗДВОЕНИЕ

Несмотря на то, что количество писателей в России сопоставимо сегодня с количеством песка на морском дне, русская литература перестала приятно удивлять и радовать. Но речь пойдёт не об уровне и качестве письма, не о постмодернистском безразличии к смыслам и прозрениям. Помимо всех прочих недугов, русская литература совершенно явственно с некоторых пор страдает раздвоением, разделившись отчётливо на русскую и русскоязычную. Без видимой связи с национальной принадлежностью и местом проживания автора.

Вполне естественно, что произведения, созданные на русском языке, адресованы, прежде всего, русскому читателю. Но в том-то и странность, что русский читатель зачастую не узнаёт себя и *своё* в таких произведениях. Помимо прямого обращения слово, как звук или цвет, взывает и к иррациональному, порождая ответные, необъяснимые порой, душевные переживания. Чтение — это сотворчество, связанное с вживанием и вчувствованием. Вживаясь в эпита-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ты и образы, читатель воссоздаёт спрятанную за ними действительность. Но возможно это лишь в том случае, если читатель и писатель существуют внутри одной системы образов и смыслов. Иначе ни вживание, ни вчувствование не принесут плодов, читательская интуиция не распознает описываемую действительность, и диалога с писателем не возникнет. Писатель в этом случае рискует превратиться в ряженого, который только представляется читателю своим.

Переводная литература изначально задаёт другие ориентиры, читатель не ищет в ней себя, он настроен на восприятие *другого* и другой эстетики. Но если произведения, написанные на русском языке, оказываются вне русской эстетики, стоит, пожалуй, справедливости ради, выделить их в особую категорию, отнеся к русскоязычной литературе.

Национальная эстетика — это то общее в художественном воспроизведении и восприятии объективно прекрасного или объективно ужасного, что присуще носителям одного языка и одних культурных ценностей, связанных к тому же с одной историей и с одним пейзажем. Внутри национальной эстетики могут существовать самые разные эстетические суждения и эстетические системы. Однако общим местом в литературе останется диалогичность, то есть обращение писателя к читателю на понятном языке с понятными образами. Читателю предстоит не только понять это обращение, но и узнать в нём себя. Если же узнавания не происходит, можно смело говорить о том, что написанное существует вне родной для читателя эстетики.

Для наглядной иллюстрации, что же такое русскоязычная литература, есть очень удобный пример — творчество В.Ерофеева. Виктор Владимирович не скрывает своего отвращения к породившему его племени, называя русских то пещерно наивными, то неспособными к самопознанию, а то и вовсе дурнопахнущими. Но дело не столько в несправедливых укорах и нелестных отзывах, сколько в неспособности В.Ерофеева точно и верно передать образ России, чтобы читающие его на русском языке поняли и поверили, что он пишет о них, а не о каких-то инопланетянах с русскими *именами*.

Чего недостаёт творчеству В.Ерофеева и иже с ним, так это интуитивного проникновения в предмет и, по слову Н.Гартмана, «*извлечения из него человеческого сущностного и полноценного*». Русскоязычный писатель смотрит на изображаемый им предмет извне. В то время как понять что-либо извне почти невозможно. Для того чтобы понять, необходимо опять-таки вжиться, вчувствоваться, проникнуть внутрь. Что, в свою очередь, невозможно без искреннего, неподдельного

интереса. Причём интереса пристрастного, склонного истолковывать любые проявления предмета либо как достоинства, либо как досадные ошибки. Радуюсь или сожалея соответственно.

Именно общность переживаний является условием вживания и вчувствования. Ненависть же и устанавливаемая ненавистью дистанция мешают русскоязычному писателю ухватить и выразить русскую эстетику. Мало, например, написать: «берёза». В России, по целому ряду объективных причин, как то: климат, почва, ландшафт и пр. берёза растёт, пахнет и шелестит листом иначе, нежели где бы то ни было. Отсутствие интереса к изображаемому предмету — в данном случае к русскому пейзажу — не позволит писательской интуиции выделить особенности русской берёзы и отличить её от берёзы, произрастающей в Альпах или на Великих Равнинах. Дело не в том, что русская берёза — лучшая берёза в мире. Просто для русского она своя, потому что «любовь к отеческим гробам» когда-то научила его вглядываться, вслушиваться и отличать своё от чужого.

Приведённые выше примеры вовсе не означают, что русская и русскоязычная литературы отличаются друг от друга как берёза от патологий. Хотя русскоязычные произведения действительно наводнены слабоумными, патологически жестокими и сексуально озабоченными персонажами, типичными, возможно, для исправительных учреждений, а не для повседневной жизни. Но в отличие от них убийцы и растлители Достоевского отчего-то не вызывают отторжения и недоумения. Никто никогда не находил ничего странного в России Достоевского. Читатель узнаёт в его персонажах своих соотечичей и, чувствуя авторское сожаление по их поводу, сам начинает сожалеть и скорбеть. Происходит это потому, что ни русский писатель Достоевский, ни целая плеяда других русских писателей, не ставили своей целью отмстить России за крепостное право, пакт Молотова—Риббентропа или что-нибудь ещё в этом роде. По этой самой причине ничто не мешало их верному восприятию и воспроизведению образа страны и её народа. Потому в литературу входил русский человек со всеми возможными достоинствами и недостатками, своеобразный и тем интересный. Существо же, которое под видом русского человека ныне вводится в литературу русскоязычным писателем, напоминает зачастую то самое чудовище, которое «обло, озорно, огромно, стозевно и лай!».

Получается какой-то замкнутый круг: русскоязычный писатель адресуется к носителю языка, которого знать не

хочет и на дух не переносит. Зато изображает его в самом неприглядном виде, да ещё и ожидает за это гешефта — на книготорговых полках русскоязычные произведения расположены с не меньшим комфортом, чем когда-то материалы партийных съездов. При этом изначально русскоязычный писатель обречён говорить сам с собой или, на худой конец, с узким кругом единомышленников, с меньшинством, снобистски противопоставляющим себя большинству, и, как и всякая кучка снобов, претендующим на роль элиты.

Элитарность — это всегда обладание чем-то, доступным лишь немногим. Хорошо, когда дело касается передовых идей просвещения — ведь рано или поздно большинство подтягивается за элитой. Но в нашем случае речь идёт об обладании знанием изнаночной стороны мира. Русскоязычный писатель, чьё творчество обретается за пределами русской эстетики, настроен на воспроизводство не действительности, а её изнанки. В этом вывернутом мире всё выглядит совсем не так, как на поверхности. Попадая в этот мир, герои оказываются психопатами, аскеты — импотентами, гении — сексуально неудовлетворёнными невротиками. К тому же в этом мире нет Автора, чью смерть ещё в 1967 г. засвидетельствовал Р. Барт. Место Автора занял производитель текстов, которого не интересуют ни читатель, ни лицевая сторона действительной жизни. Разделение современной русской литературы на русскую и русскоязычную — это разделение на «отсталых» писателей-традиционалистов и продвинутых создателей текстов.

Элитарное знание об изнанке учит не доверять реальности, поскольку в мире нет ничего внутренне красивого, всё внешне прекрасное всегда имеет противоположное нутро. Красота обладает уродливой подложкой, величие — низменной; любое самоотречение объясняется внутренним надломом, любое благородство — глупостью или корыстью. Именно недоверие всем и вся, взгляд на мир, словно через осколок волшебного зеркала, описанного Г.Х. Андерсоном, обособляет современную элиту и внушает ей ложное чувство якобы понимания истинной природы вещей. Чувство, недоступное большинству, а точнее — пока ещё большинством отвергаемое.

Как только человек, называющий себя писателем, берётся рассуждать в духе и терминах «победившего фрейдизма», можно смело утверждать, что перед нами писатель, работающий на глобалистский проект, призванный разделить человечество на «элиту» и «быдло».

Грань проводится вовсе не для того, чтобы разбить писательское сообщество на своих и чужих. Действительность

нам говорит о свершившемся **раздвоении** нашей литературы, грозящем тяжёлыми последствиями для отечественной культуры.

Тот, кого мы условились называть «русскоязычным писателем» (а равно, впрочем, журналистом, режиссёром и т.д.) воображает, что знает о человеке вообще, а уж о русском человеке и подавно нечто такое, что может отбить охоту прекраснотворить. Снова и снова заводит он свою шарманку, похабя и уродуя всё кругом себя, убивая литературу и кино, театр и музыку. В результате всё творческое многообразие превращается в одну сплошную порнографию, в многообразие вагин и половых членов. «Скоро ничего не будет, — думаешь порой с ужасом, глядя на русскоязычных творцов, — ни кино, ни театров. Одна сплошная порнография...»

Современная мировая элита, те, кого называют «золотым миллиардом», и те, кто тщится примкнуть к ним, — это люди, рвущие связи с космосом, не укоренённые нигде и не связанные ни с каким местом. Причины раздвоения русской литературы просматриваются в кризисе Человека, в кризисе понимания им самого себя, в конфликте человека с остальным тварным миром. Человек постепенно утрачивает своё место в этом мире, отчуждается от него и превращается в кочевника, ничему не доверяющего, ни к чему не привязанного, делающего ставку на потребление и удовольствия.

Однако повсеместно происходящее сегодня свидетельствует о том, что большинство, устав от элитарных игр и снобизма, взыскует подлинного Смысла, способного вновь превратить человека в органичную часть космоса. Мир стоит на пороге создания нового, светлого, условно говоря, «интернационала», задачей которого станет восстановление и сохранение подлинного бытия и реабилитация лицевой действительности.

ПОДНЯВШИЙСЯ НАД СУМРАКОМ

«Великаны сумрака» — не первая книга писателя, кинодраматурга, журналиста, православного мыслителя Александра Полякова, но скорее всего это первая беллетризованная история одного из главных идеологов «Народной воли», история пути масштабнейшей и универсальной личности последней трети XIX века, пути от революционного радикала до автора «Монархической государственности», от соучастия в царевубийстве до христианского совершенствования, от «Великана сумрака» до подвижника духа и истинной веры.

Историки пишут о Льве Тихомирове, что он все более привлекает к себе и к своим трудам внимание читающей русской публики; к нему обращаются как к человеку, на себе испытавшему соблазн революционных действий; его судьба потрясает воображение. Человек, в молодости бывший «головой организации», ее лучшим писателем, лучшим выразителем ее идей, отсидевший за них в тюрьме и скрывавшийся по всей России от преследования охраны, смог, будучи уже в эмиграции во Франции, прийти к кардинальному пересмотру мировоззрения, став из гонителя монархии ее апологетом.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Личность Тихомирова подвигла писателя Полякова на грандиозный труд, интереснейшую семисотстраничную книгу. Автор считает ее жанр православно-историческим романом, но она шире этих рамок, синтезируя в себе так называемые «приключения души» и авантюрный роман, хронику народовольческой эпохи и увлекательную сагу о преображении героя-атеиста в просветленную православную личность. Здесь вспоминаются сразу три библейских сюжета, три «иконографических» аналогии: изгнание бесов, возвращение блудного сына, обращение Савла в Павла. Автор романа глубоко и органично вошел, вжился в историческую атмосферу противостояния революционных и государственно-охранительных сил. Причем с обеих сторон участие в борьбе принимают конкретные лица, отнюдь не рядовые статисты отечественной истории.

С одной стороны, это известные царские министры, жандармские чины, мастера сыска и филеры. С другой (не случайно название книги дано во множественном числе), выступают все значительные фигуры из «Великанов сумрака». Даже их неполное перечисление будоражит нашу историческую память, и подвигает к моментальному узнаванию — П.Лавров, Г.Лопатин, С.Кравчинский, А.Михайлов, Н.Морозов, С.Халтурин, П.Ткачев, Н.Кибальчич, С.Перовская, В.Засулич, В.Фигнер... В советское время выпускалось множество книг, посвященных этим «пламенным революционерам». Густо населен ими и роман А.Полякова. Все они действуют, размышляют, разговаривают, спорят, мечтают, умирают, а, главное, терпят заслуженный крах революционного преобразования России, горькую драму разъединенности с народом, во имя которого совершают свои благородные, но абсурдные действия. Характерен отрывок из романа, описывающий реакцию народа на царубийство: «Тигрыч (революционная кличка Тихомирова) дотемна толкался среди тысяч горожан, заполнивших площадь и улицы. Тут были рабочие, ремесленники, торговцы, мелкие чиновники, кухарки и прачки, крестьяне из ближних деревень, юные офицеры, извозчики... гимназисты, учителя... И с каждым шагом, с каждым взглядом, пойманым им в огромной толпе, ему становилось ясно, что народного беспорядка, этого чаемого социалистами немедленного последствия катастрофы, не будет. Съезжались марш-маршем отряды казаков, но совершенно напрасно: переполненные скорбью люди сами были охраной и опорой полнейшего порядка».

Так, постепенно главный герой отрезвляется от революционного угара. Размышляет о Христе, о своих товарищах, осо-

бенно горько — о трагической судьбе Софьи Перовской, своей бывшей невесты. Весьма яркое эпизод переживания на выставке у полотна В.Сурикова «Утро стрелецкой казни». Вообще, роман наполнен именами кумиров конца XIX века, размышлениями, оценками, сопоставлениями, перед нами проходит целая галерея образов: Герцен и Чернышевский, Кропоткин и Нечаев, Маркс и Плеханов, Гюго и Твен, Войнич и Леонтьев. И всех их связует собой Лев Тихомиров, тяжело выбирающийся из сумрака безверия. Повествование прерывается воспоминаниями героя, на языке кино — флешбеками, крепким монтажом жизненных эпизодов и их осмысления.

Достоверен и колоритен язык романа, остры речевые характеристики персонажей, характерны и точны черты быта русского «третьего сословия». И очень интересны и актуальны аллюзии на нашу сегодняшнюю действительность в обществе. Чего стоит только подобный афоризм: кто не умеет быть бедным, никогда не станет свободным. Лев Тихомиров стал в конце книги свободным, свободным от самых опасных во все времена заблуждений — либерально-демократических. И книга Александра Полякова рассказала об этом бережно, точно, увлекательно, с позиций любви и веры.

Никита ИВАНОВ